Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт права, социального управления и безопасности
Кафедра уголовного процесса и криминалистики

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Сборник статей
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной памяти основателя школы уголовного процесса,
доктора юридических наук, профессора Зинура Зинатулловича Зинатуллина
и основателя школы криминалистики, доктора юридических наук,
профессора Марата Константиновича Каминского
28 ноября 2025 г.

Ижевск
2026

ISBN 978-5-4312-1351-9
DOI: 10.35634/978-5-4312-1351-9-2026-1-209

© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2026
© Авторы статей, 2026

УДК 343.13(063)+343.98(063)
ББК 67.410.2я431+67.52я431
У261

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом УдГУ

Рецензенты: д-р юрид. наук, доцент Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации **О. И. Даровских**;
канд. юрид. наук, доцент, доцент каф. теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» **Л. П. Лапшина**.

Научные редакторы: *Л. Г. Татьянина*, д-р юрид. наук, профессор, зав. каф. уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»;
А. М. Каминский, д-р юрид. наук, профессор, профессор каф. уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

У261 Уголовный процесс и криминалистика в противодействии современной преступности : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти основателя школы уголовного процесса, доктора юрид. наук, профессора Зинура Зинатулловича Зинатуллина и основателя школы криминалистики, доктора юрид. наук, профессора Марата Константиновича Каминского 28 ноября 2025 г. / науч. ред.: Л. Г. Татьянина, А. М. Каминский. – Ижевск : Удмуртский университет, 2026. – 1 DVD-R (3 Мб). – Текст : электронный.

В издание вошли статьи участников Всероссийской научно-практической конференции, проведённой 28 ноября 2025 г. Институтом права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета. В статьях рассматриваются актуальные вопросы уголовного процесса и криминалистики в противодействии современной преступности. Предлагаются практические решения и научно обоснованные рекомендации по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства и криминалистических средств, применяемых для выявления, раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Минимальные системные требования:

Celeron 1600 Mhz; 128 Мб RAM; Windows XP/7/8 и выше, 8x DVD-ROM
разрешение экрана 1024×768 или выше; программа для просмотра pdf.

ISBN 978-5-4312-1351-9
DOI: 10.35634/978-5-4312-1351-9-2026-1-209

© Авторы статей, 2026
© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2026

Уголовный процесс и криминалистика в противодействии современной преступности
Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти основателя школы уголовного процесса, доктора юридических наук, профессора Зинура Зинатулловича Зинатуллина и основателя школы криминалистики, доктора юридических наук, профессора Марата Константиновича Каминского 28 ноября 2025 г.

Подписано к использованию 10.04.2026
Объем электронного издания 3 Мб, тираж 10 экз.
Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4Б, каб. 021
Тел.: +7(3412)263-751 E-mail: editorial@udsu.ru

Бунтов Семен Демьянович,
канд. юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского права
Института права, социального управления и безопасности, советник при ректорате
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

Светлой памяти основателей Института права, социального управления и безопасности профессоров З. З. Зинатуллина и М. К. Каминского посвящается

Автор этой статьи уже неоднократно рассказывал о вкладе профессоров М. К. Каминского и З. З. Зинатуллина в развитие юридического факультета и ИПСУБ[1]. Но предыдущие статьи были написаны в связи с их юбилеями. К сожалению, оба они после празднования своих последних юбилеев, соответственно 90-летия и 85-летия, ушли из жизни и уже не могут лично участвовать в многогранной деятельности ИПСУБ и УдГУ. Но их уход побуждает автора оценить роль каждого в этой деятельности гораздо всесторонней и более глубоко. Поэтому не случайно в названии статьи они названы мною основателями ИПСУБ. Как декан юридического факультета и первый директор ИПСУБ, работавший с профессорами З. З. Зинатуллиным и М. К. Каминским с момента их прихода в УдГУ до их увольнения из университета, бывшими моими заместителями с 1997 года, могу заявить, что если бы не их работа, то не было бы и ИПСУБ. Это не только выдающиеся ученые в своих отраслях науки, но и блестящие организаторы, и неутомимые труженики. Во многих случаях применительно к их работе сначала на юридическом факультете УдГУ, а потом в ИПСУБ подходят выражения «впервые, первый». В порядке хронологии начну высказанные выше утверждения подтверждать фактами, характеризующими вклад в создание и развитие ИПСУБ профессора З. З. Зинатуллина. Он в 1984 г. защитил в Ленинградском государственном университете докторскую диссертацию на тему «Эффективность уголовно-процессуального принуждения» и в 1985 г. был приглашен на работу в УдГУ на заведование кафедрой государственного и международного права с перспективой ее последующего раздела и создания двух новых кафедр. Уже в следующем году такой раздел состоялся и З. З. Зинатуллин стал первым заведующим одной из вновь созданных кафедр – кафедры уголовного права и процесса, которая соответствовала профилю его научных исследований. Поскольку в тот период занятия со студентами по предметам названной кафедры проводили, как правило, молодые штатные преподаватели, не имеющие ученых степеней, либо практические работники – совместители, основное внимание в первые годы своей работы в качестве заведующего кафедрой З. З. Зинатуллин уделял решению кадровой проблемы: пополнению штата преподавателей, повышению их квалификации, подготовке ими кандидатских диссертаций.

Так, с целью повышения уровня методики преподавания не только преподавателей своей кафедры, но и всех преподавателей юридического факультета, им было предложено в рамках существующего теоретического семинара регулярно проводить факультетские методические семинары. З. З. Зинатуллин стал их руководителем, а в качестве методической базы для проведения этих семинаров по разным видам педагогической деятельности предложил использовать опубликованную в 1984 г. работу основателя саратовской научной школы конституционного права, доктора юридических наук И. Е. Фарбера «Очерки вузовской педагогики»[2]. Эта работа, на мой взгляд, может использоваться в качестве базы для проведения методических семинаров преподавателей и в настоящее время.

Предшествующий опыт работы в Казанском государственном университете подсказывал З. З. Зинатуллину, что без вовлечения преподавателей в научные исследования добиться их существенного профессионального роста невозможно.

Первым крупным шагом в этом стала организованная и успешно проведенная З. З. Зинатуллиным в 1989 г. научно-практическая конференция юристов. Актуальность ее темы «Научные и практические проблемы уголовного судопроизводства в свете судебно-правовой реформы» обусловила участие в ней как многих ведущих процессуалистов страны, так и опытнейших практических работников.

---

[1] К 75-летию со дня рождения Зинатуллина Зинура Зинатулловича, доктора юридических наук, профессора Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета, Учителя // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века : сб. ст. Междунар. научно-практической конференции. Ижевск : УдГУ, 2013; К юбилею М. К. Каминского // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. Т. 29, № 5. С. 701–703.

[2] Фарбер И. Е. Очерки вузовской педагогики. Саратов : СГУ, 1984. 253 с.

Последующими крупными шагами в вовлечении З. З. Зинатуллиным преподавателей в научные исследования стали: возрождение имеющейся на факультете, но фактически почти не работавшей аспирантуры, открытие первых у юристов УдГУ докторантуры и диссертационного совета по специальности 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность»; учреждение первого научного журнала юридического факультета «Вестник Удмуртского университета», серия «Право». Преподаватели факультета получили возможность публиковать свои научные работы, под руководством З. З. Зинатуллина и М. К. Каминского готовить кандидатские, а в последующем и докторские диссертации, и защищать их непосредственно в УдГУ. З. З. Зинатуллин был не только инициатором этих нововведений, но и основным организатором воплощения их в жизнь. Он стал председателем названного диссертационного совета, главным редактором учрежденного журнала, научным руководителем большинства аспирантов и соискателей ученых степеней. Большую помощь в организации работы указанных совета, журнала, аспирантуры и докторантуры З. З. Зинатуллину оказывал М. К. Каминский, который стал его заместителем в диссертационном совете и редакции журнала. Успешное функционирование диссертационного совета в немалой степени было обеспечено его ученым секретарем – кандидатом юридических наук, доцентом кафедры теории и истории государства и права Л. П. Лапшиной, которую на эту должность рекомендовал З. З. Зинатуллин. Благодаря их умелому руководству диссертационным советом в нем защитили кандидатские и докторские диссертации многие преподаватели не только кафедры уголовного процесса и криминалистики, но и других кафедр юридического факультета УдГУ, а также иных вузов Российской Федерации.

В начале 90-ых годов прошлого века юридический факультет столкнулся с серьезными кадровыми проблемами. Нищенский уровень заработной платы преподавателей, её задержки привели к массовому их уходу в сферу практической деятельности. Особенно это коснулось кафедры хозяйственного права. Был период, когда на этой кафедре оставалось только 3 штатных преподавателя. Тогда старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Ю. Н. Ерофеев предложил создать на факультете юридическую консультацию. З. З. Зинатуллин не только поддержал это предложение, но и взялся сам за его реализацию. Он решил все многочисленные организационные вопросы, создал на правах районной такую консультацию, стал ее первым заведующим и очень квалифицированно организовал ее работу. Многие преподаватели получили статус адвоката и стали практиковать, осуществляя защиту и по гражданским, и по уголовным делам. Это не только помогло сохранить преподавательские кадры, но и сыграло положительную роль в повышении уровня преподавания, в соединении теории и практики.

Подтверждением успешной плодотворной деятельности З. З. Зинатуллина и как ученого, и как заведующего кафедрой стало признание в 1998 г. возглавляемой им кафедры лучшей среди кафедр высших учебных заведений Удмуртии и занесение ее коллектива на Доску почета Удмуртской Республики. Это достижение до сих пор является для кафедр УдГУ непревзойденным.

Еще более значимую роль в преобразовании юридического факультета в ИПСУБ сыграл профессор М. К. Каминский. Он был приглашен в УдГУ ректором В. А. Журавлевым в 1992 г. на должность профессора кафедры криминалистики и судебных экспертиз. В то время на факультете не было ни одного преподавателя криминалистики с ученой степенью, соответствующей профилю преподаваемой дисциплины. С первых дней работы в УдГУ М. К. Каминский, являясь первоначально только профессором названной кафедры, активно занялся созданием условий для обеспечения высокого уровня преподавания криминалистики, а после назначения в 1994 г. ее заведующим – решением всех кафедральных проблем. Опираясь на свой уже сложившийся к тому времени высокий авторитет ученого и практический опыт службы в органах МВД СССР, он успешно решал вопросы создания современной материальной базы кафедры, открытия при ней новых лабораторий, а также обеспечения их квалифицированными кадрами преподавателей и сотрудников.

М. К. Каминский обладал редкой способностью быстро ориентироваться в происходящих изменениях в сфере образования и успешно использовать их в своей работе. Особенно ярко эта способность проявилась после принятия в 1992 г. закона Российской Федерации «Об образовании», кардинально изменившего правовое регулирование отношений в названной сфере[3]. Этот закон разрешил платное образование и предоставил образовательным организациям право наделять свои подразделения частичными правомочиями юридического лица. Но как эти положения закона реализовать практически было непонятно. В условиях существующего в те годы нищенского бюджетного финансиро-

[3] Об образовании : Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 (ред. от 20.07.2000, с изм. от 24.10.2000) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3, ст. 150.

вания университету было жизненно необходимо быстро найти механизмы их реализации. Такие механизмы были предложены М. К. Каминским и сначала опробованы юридическим факультетом УдГУ, а в последующем доработаны и успешно им реализованы.

В1994 г. по инициативе М. К. Каминского был создан Высший колледж экономики, финансов и службы безопасности УдГУ, фактически являвшийся самостоятельным юридическим лицом, позднее преобразованный в Высший юридический колледж, послуживший базой для создания одного из первых частных вузов в Удмуртской республике – Международного восточно-европейского университета. Он стал инициатором создания Национального центра юридического образования – юридического факультета УдГУ, который по приказу ректора получил частичные права юридического лица и стал многие вопросы решать самостоятельно. В этот период по инициативе М. К. Каминского на факультете были открыты бакалавриат, новые специальности высшего образования, базировавшиеся на значительном числе правовых дисциплин: «Документоведение и документационное обеспечение управления», «Безопасность жизнедеятельности», «Организация и технология защиты информации», а также был создан Средний гуманитарно-юридический колледж, в котором началась подготовка специалистов по программам среднего профессионального образования. М. К. Каминский непосредственно занимался разработкой учебно-методической документации по этим специальностям, организацией приема на первый курс абитуриентов, комплектованием преподавательского состава, созданием специализированных аудиторий, кабинетов и лабораторий. Наряду с традиционной подготовкой специалистов была начата и получила широкое распространение подготовка специалистов с высшим образованием в сокращенные сроки из числа лиц, уже имеющих высшее либо профильное среднее профессиональное образование. Понятно, что наименование факультета «юридический» уже не соответствовало содержанию его фактической деятельности. В связи с этим в 1997 году факультет был преобразован в Институт права, социального управления и безопасности (ИПСУБ) УдГУ. Вполне очевидно, что без названных выше кардинальных изменений в структуре подготовки специалистов на юридическом факультете он институтом никогда бы не стал, а так бы и оставался факультетом. Когда автор этих строк был избран директором вновь созданного института, сомнений в том, кого назначить своими заместителями у него не было. Первым заместителем директора ИПСУБ был назначен М. К. Каминский, а заместителем по науке – З. З. Зинатуллин. Все сказанное выше позволяет с полным основанием назвать профессоров З. З. Зинатуллина и М. К. Каминского основателями Института права, социального управления и безопасности. Опыт юридического факультета и ИПСУБ был успешно использован другими факультетами УдГУ. Об этом, а также о последующем вкладе З. З. Зинатуллина и М. К. Каминского в развитие ИПСУБ и университета рассказано в названных выше работах автора, а также в публикациях других авторов, посвященных УдГУ[4]. После ухода профессоров З. З. Зинатуллина и М. К. Каминского ИПСУБ существенно обеднел. Сейчас, по моему мнению, в нем профессоров, равным им по уровню квалификации, организаторским способностям и трудолюбию, нет. Хочется надеяться, что многочисленные ученики, а также сыновья Т. З. Зинатуллин и А. М. Каминский не только продолжат успешно реализовывать их идеи, но со временем достигнут их уровня во всех названных выше составляющих и превзойдут своих Учителей. Творческое наследие и жизненный путь З. З. Зинатуллина и М. К. Каминского могут служить примером для студентов, аспирантов и преподавателей не только УдГУ, но и других вузов нашей страны.

Для сохранения творческого наследия и увековечения памяти профессоров З. З. Зинатуллина и М. К. Каминского представляется необходимым создать, соответствующим образом оформить и оборудовать аудитории их имени, виртуальный музей, возобновить проведение криминалистических чтений, организовать и провести выставку фоторабот М. К. Каминского. Они это заслужили.

[4] Зинатуллин Зинур Зинатуллович // Кто есть кто в Удмуртии : справ. изд. Ижевск, 1999. С. 164; Ившин В. Г., Мочагин П. В. Каминский Марат Константинович // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. № 4. С. 243–245; Шумилов Е. Ф. Большая наука. УДГУ: коллективный автопортрет. Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2006. С. 182–190. Голдина Р. Д. Университет – его судьба. 2-е изд., стер. Ижевск : Удмуртский университет, 2021. 155 с.

Татьянина Лариса Геннадьевна,
д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

Памяти профессора З. З. Зинатуллина – человека, ученого

Находясь в постоянном контакте с человеком, ты считаешь, что всегда сможешь с ним общаться, делиться своими мыслями, обсуждать идеи, спорить, отстаивать свою позицию, получая огромный объем информации, с которым ты будешь работать, кажется, что это общение, взаимодействие не может прекратиться, поскольку еще нужно столько узнать, понять, реализовать, ведь столько планов и надежд, но в одно мгновение этого человека не стало, ты понимаешь, как много он значил, как неоценима утраченная возможность вновь общаться с ним, работать, спорить, жить.

Зинур Зинатуллович Зинатуллин пришел работать на юридический факультет в 1985 году, его появление было прорывом в области развития юридической науки в Удмуртском государственном университете, поскольку с его приходом были созданы самостоятельные кафедры, стали развиваться различные научные направления, наиболее позитивным было развитие наук уголовного цикла. З. З. Зинатуллин, занимаясь научной деятельностью, требовал от преподавателей проведения научных исследований. В целях усиления научно-педагогической деятельности на кафедре он привлекал к работе практических работников, обладавших бесспорными теоретическими знаниями и практическими навыками, которыми делились как со студентами, так и с преподавателями. Приход З. З. Зинатуллина обеспечил подготовку научных кадров: молодые преподаватели, а также выпускники факультета поступали в аспирантуру или прикреплялись в качестве соискателей для защиты кандидатской диссертации. Именно при З. З. Зинатуллине факультет был обеспечен подготовленными преподавательскими кадрами.

З. З. Зинатуллин свою любовь к научным исследованиям передавал и своим коллегам, и ученикам. Являясь последователем Казанской юридической школы, Зинур Зинатуллович занимался исследованиями вопросов уголовно-процессуального принуждения; уголовно-процессуальных функций и уголовно-процессуального доказывания[5]. Открытие диссертационного совета по защите диссертаций было определенным прорывом в развитии уголовно-процессуальной науки в университете. В диссертационном совете защищались не только аспиранты и соискатели Удмуртского государственного университета, но и молодые ученые из других регионов, расширялось взаимодействие в области исследования вопросов юридической науки с представителями других высших учебных заведений. Под руководством Зинура Зинатулловича было защищено более 70 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Многие его ученики пошли работать на практику в органы прокуратуры, следствия и суда. Зинур Зинатуллович параллельно с научно-преподавательской деятельностью занимался адвокатской, его пример привел к тому, что многие его ученики стали заниматься адвокатурой.

Зинур Зинатуллович был мудрым ученым и человеком, он пытался помочь любому студенту, аспиранту, преподавателю, дать ему возможность высказать свое мнение, обосновать его, помочь найти правильное решение. Зинур Зинатуллович поддерживал коллег в их научных начинаниях, особенно бережно он относился к молодым преподавателям, давая им возможность начать и проводить исследование того вопроса, который интересовал начинающего ученого. Он не пытался заставить изменить свой подход ученика в исследовании, чтобы он поддерживал позицию научного руководителя, а тщательно вместе с ним разбирал все проблемные вопросы, которые возникали при проведении исследования. Именно данный подход позволял его ученикам проводить исследование в различных направлениях с учетом восприятия уголовного процесса и выявленных проблем.

Зинур Зинатуллович в течение 34 лет был заведующим кафедрой, его любимая кафедра уголовного процесса была выделена после неоднократного реформирования структуры факультета, в последующем института. Именно кафедра уголовного процесса стала его любимым детищем, поскольку на ней работали преподаватели, которые постоянно занимались научными изысканиями в области уголовного процесса, что позволяло проводить конференции различного уровня, круглые столы

[5] См.: Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание : учебное пособие. Ижевск, 2003. 262 с.; Он же. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность: вопросы теории и практики. Казань, 1981. 136 с.; Он же. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Ижевск, 1989. 80 с.; Он же. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск, 1994. 94 с.

по исследованию проблем уголовного процесса, работать с аспирантами и соискателями. Зинур Зинатуллович помогал молодым ученым в их становлении профессионалами, своей любовью к научным исследованиям он показывал пример коллегам, подчеркивая необходимость получения знаний, осмысления имеющейся информации, необходимости решения возникающих проблем. Ученики Зинура Зинатулловича вместе со своим научным руководителем создали Ижевскую научную школу уголовного процесса, которая занимается исследованием проблем практической юриспруденции.

Зинур Зинатуллович работал до конца, когда его не стало, институт осиротел, из него ушел человек, который сделал очень много для развития юридического факультета/института права, поскольку именно благодаря его деятельности стала расцветать юридическая наука в Удмуртском государственном университете, что обеспечило повышение качества преподавания и подготовки будущих юристов. Каждый человек, общавшийся с Зинуром Зинатулловичем, помнит его чуткое и внимательное отношение, доброту и внимание. Его уход нанес невосполнимую утрату.

Балакшин Виктор Степанович,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса им. П. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

К вопросу о взаимосвязи уголовного процесса и криминалистики

Анализ практики применения Уголовно-процессуального закона РФ, введенного в действие с 01 июля 2002 года, дает основание не только для вывода о том, что его разработчики основательно забыли о преемственности законов, обусловленных экономическими, нравственными, политическими, научными и другими историческими событиями развития государства и общества, но и о тесной связи уголовного процесса и других дисциплин, в частности с криминалистикой. Между тем такую связь обязательно и необходимо учитывать, особенно при разработке и принятии норм, регламентирующих собирание, проверку, исследование и оценку доказательств. Без соблюдения данных, на первый взгляд, элементарных условий современные достижения науки и техники, наработки криминалистов не могут получить признания ни законодателем, ни правоприменительной практикой. Как полагает А. В. Гриненко, «Юридическая природа криминалистики состоит в том, что ее положения в полной мере основаны на праве, создают эффективную модель правоприменения, обеспечивают соблюдение предписаний закона и гарантируют права, свободы и законные интересы лиц, вовлеченных в соответствующую сферу деятельности»[6]. Однако здесь не может вызывать сомнений и то, что созданная на основе разработанных криминалистикой методик модель правоприменения может обеспечивать соблюдение предписаний закона при условии, если его нормы согласованы между собой, основаны на нормах-принципах и не содержат положений, заведомо невыполнимых с точки зрения реальных возможностей органов предварительного расследования, прокуратуры, суда и иных участников уголовного процесса. Иначе говоря, процесс уголовно-процессуального доказывания по уголовному делу, начиная со стадии возбуждения уголовного дела и заканчивая судебными стадиями, должен быть урегулирован четкими, отвечающим потребностям практики, основанными на здравом смысле, то есть реально выполнимыми практически нормами. В этом плане действующий УПК РФ следует отнести к отстающим кодексам.

Не вызывает сомнение то, что уголовный процесс и криминалистика имеют единую цель. Не случайно многие авторы, проводя исследования, касающиеся теории доказательств, опираются на исслдования ученых-криминалистов. Такому подходу, как полагает С. Р. Исмайлова, положил начало В. Д. Спасович. «В своей «Теории судебно-уголовных доказательств»[7], – пишет она, – он „впервые предпринял попытку исследования проблемы через призму криминалистической науки“»[8].

---

[6] Гриненко А. В. Взаимосвязь криминалистики и уголовно процессуального права // Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики :в 2-х т. Т. 2 : материалы конференции, 18-19 октября 2010 г. / Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова. М. : МАКС Пресс, 2010. С. 60.

[7] См.: Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М. : ЛексЭст, 2001.

[8] Исмайлова С.Р. Генезис взаимосвязей уголовно-процессуального и криминалистического доказывания // Электронный доступ: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2016.46. С. 101–139.

Задачи криминалистики заключаются в том, чтобы, используя научно-логический арсенал средств, методов, способов обнаружения, закрепления и раскодирования следов, остающихся в ходе приготовления и совершения преступлений, получить доказательства и восстановить всю картину общественно-опасного деяния. Задачи исключительно сложные, но без их реализации плодотворно бороться с преступностью невозможно. Тем более строго соблюдая, с одной стороны, права и интересы лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а с другой – предоставляя организационные и процессуально-правовые возможности органам предварительного расследования, прокурору и суду. Здесь, как нам представляется, необходимы рациональные, продуманные с точки зрения здравого смысла пропорции. Однако данные пропорции в ряде случаев выглядят не всегда логично.

С точки зрения затронутой проблемы обращает на себя внимание недостаточно продуманный порядок назначения и производства судебных экспертиз. Остановимся на данном вопросе постольку-поскольку многие экспертизы, которые проводятся на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, уходят своими корнями в криминалистику. В настоящее время, когда криминалистика не успевает осваивать и внедрять в уголовный процесс многие достижения науки и техники, остро стоит вопрос о четкой, непротиворечивой регламентации использования в уголовном процессе хотя бы уже апробированных средств обнаружения, закрепления и использования полученных доказательств. Полученных, прежде всего, посредством назначения и производства судебных экспертиз. Нередко новые виды экспертиз требуют значительного времени для сбора и подготовки образцов для сравнительного исследования. Причем в условиях, когда подозреваемые и обвиняемые противодействуют этому, злоупотребляя предоставленными им правами. Безусловно, с одной стороны, хорошо то, что данному вопросу посвящена отдельная глава Уголовно-процессуального закона. Однако, с другой – остается только сожалеть о том, что некоторые нормы данной главы, некоторые другие требования закона были разработаны и приняты, мягко выражаясь, без учета законов логики, здравого смысла и возможности реального применения без создания искусственных барьеров для правоприменителя. Так, согласно ст. 198 УПК РФ при «назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, представитель вправе: 1) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы; 2) заявлять отвод эксперту и ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении... ». Можно перечислять и другие права названных участников. На первый взгляд, указанные положения основаны на требованиях Конституции РФ, гарантирующих права граждан на защиту своих прав и интересов, предоставляя указанные права. Однако не могут не вызывать вопросов требования, закрепленные в ст. 195 УПК РФ. В соответствии с требованиями данной статьи следователь, признав необходимым назначение судебной экспертизы, выносит об этом постановление. Согласно ч. 3 этой нормы он, следователь, «знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные ст. 198 настоящего Кодекса. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением». Сравнительный анализ приведенных требований закона порождает вопрос: перечисленные в ч. 3 ст. 195 УПК РФ участники процесса вправе или обязаны знакомиться с постановлением о назначении экспертизы. Если ***вправе,*** то это означает, что данный вопрос они решают самостоятельно, без вмешательства следователя. И такой поход логичен и верен с точки зрения обеспечения прав и интересов указанных участников. Однако следователь ***вынужден ограничивать*** эти их права, ибо в силу указанной нормы в любом случае обязан их ознакомить с постановлением о назначении судебной экспертизы. Если этого он не сделает, то заключение судебной экспертизы признается недопустимым доказательством. Примеров, подтверждающих данный вывод, более чем достаточно. Этот подход поддерживается и Европейским судом по правам человека. При этом, как пишет М. А. Никонов, роль ЕСПЧ заключается не в том, чтобы определить, допустимо или недопустимо доказательство согласно нормам национального права, а ответить на вопрос, было ли все судебное разбирательство, включая способ получения доказательств, справедливым. Он оценивает, как правило, не «голые» обстоятельства, взятые in abstracto с точки зрения «формальной законности», а справедливость судебного разбирательства в процессуальном контексте всего судопроизводства[9]. Если же выявляются нарушения, даже обусловленные противоречиями в национальном законодательстве, то выводы ЕСПЧ о допустимости доказательств однозначно отрицательные.

[9] См.: Никонов М. А. Условия справедливого судебного разбирательства как критерии оценки доказательственных материалов на предмет их допустимости: уголовно-процессуальный аспект // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. № 1. М. : Статут. С. 283.

Однако зададимся простым вопросом: всегда ли потерпевший, его представитель, а нередко подозреваемый и обвиняемый желают ознакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы до получения заключения, а возможно, до ознакомления со всеми материалами уголовного дела. Личная многолетняя следственная и прокурорская практика автора дает право утверждать, что далеко не всегда. Поэтому вызывать этих лиц для ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы, использовать на это время самому следователю при его вечном дефиците, представляется далеко не лучшим решением.

Действительно, в каком положении с точки зрения осуществления следственных и иных процессуальных действий окажется следователь, если по уголовному делу необходимо назначить не одну, а десятки экспертиз. При этом не в отношении одного подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего. Во-вторых, законодатель, если исходить из положений п. 2 ч. 1 ст. 198 УПК, полагает, что экспертизы проводятся только в экспертных учреждениях. Однако практика свидетельствует о том, что многие экспертизы проводятся частными специалистами. А их необходимо найти, удостовериться в их компетенции и т. д. Сколько времени может потребоваться на это? Кроме того, после получения заключения судебных экспертиз следователь обязан ознакомить указанных участников с заключениями экспертиз, выяснить, есть ли у них заявления и ходатайства. И если таковые есть, например о назначении и производстве дополнительной или повторной экспертизы, должен разрешить их, причем учитывая их обоснованность и необходимость в назначении указанных экспертиз. А необходимость в этом действительно может быть.

По нашему мнению, рациональное решение по исследуемой проблеме содержалось в УПК РСФСР. Согласно ст. 184 данного кодекса, следователь был обязан ознакомить с постановлением о назначении экспертизы обвиняемого, разъяснив ему его права при назначении и производстве экспертизы, составив об этом протокол. Если же судебная экспертиза была назначена до момента привлечения лица в качестве обвиняемого, то, в соответствии со ст. 193 УПК РСФСР, заключение эксперта, а также протокол допроса эксперта следователь обязан был предъявить после предъявления лицу обвинения. Обвиняемый вправе был, ознакомившись с заключением, протоколом допроса эксперта, дать свои объяснения и заявить возражения, а также просить о постановке дополнительных вопросов и о назначении дополнительной и повторной экспертизы. О выполнении указанных действий должен был быть составлен протокол. Данные требования, представляется, обеспечивали соблюдение прав и интересов лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование.

Преломляя приведенные требования УПК РСФСР к настоящему времени, учитывая, что предварительное расследование производится и в форме дознания, когда до окончания расследования обвинение, как правило, не предъявляется, перечисленные требования имеет смысл распространить на подозреваемого по делам, расследуемым в форме дознания.

Учитывая изложенное, представляется, для обеспечения прав указанных лиц в данных вопросах достаточно использовать уведомительный способ. Например, разъяснять данное право при первом допросе, либо при признании лица потерпевшим и разъяснении ему его прав. Что касается подозреваемых, обвиняемых, их защитников, то для обеспечения их права на защиту обязательный порядок ознакомления их с постановлениями о назначении судебных экспертиз следует распространить на случаи, когда экспертиза проводится в отношении них или когда данная экспертиза непосредственно их касается. В иных случаях следователь, дознаватель вправе знакомить данных участников с постановлением о назначении судебных экспертиз по их ходатайству, заявленному в любой форме.

Гладышева Ольга Владимировна,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар

Риски в уголовном судопроизводстве, формат их проявления и пути преодоления

Уголовное судопроизводство представляет собой особую сферу государственной деятельности, характерными признаками которой выступают перманентное ограничение различных прав граждан, юридических лиц, органов власти и других субъектов, как вовлекаемых в производство непосредственно, так и задействованных опосредованно. Эта особенность влечет за собой множество самых разнообразных рисков, включая опасность безосновательного ограничения прав вовлекаемых лиц, принятия ошибочного решения, совершения ненадлежащего процессуального действия и др. Такого рода риски, при их практическом воплощении, становятся существенным фактором, дестабилизирующие последствия которого можно выявить как на уровне частных интересов, так и на глобальном, публичном уровне.

О существовании специфических уголовно-процессуальных рисков ученые пишут достаточно давно, обоснованно отмечая недостаточность внимания к этой сфере уголовно-процессуального знания[10]. В числе научных проблем уголовно-процессуальных рисков находится доктринальная неопределенность самого понятия. Есть позиция, что рисками следует считать «прямые и косвенные нарушения уголовно-процессуального законодательства»[11]. Предлагаются трактовки риска как модели «неблагоприятного сценария реализации права»[12]; как вероятного «наступления события и совершение действий, влекущих негативные последствия для реализации правового решения и могущих причинить ущерб регулируемой им сфере»[13]; как «действие в условиях потенциальной опасности»[14].

Утверждается, что уголовно-процессуальный риск является закономерным компонентом расследования, а свое значение риск приобретает только если «рискованное поведение причинило вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям»[15]. Высказывается позиция о том, что рискованные действия (бездействия) обладают свойством общественной полезности, ведь их цель – установление объективной истины по делу[16]. Данную позицию поддерживают и другие ученые[17].

Даже этот небольшой обзор теоретических мнений о сущности уголовно-процессуального риска наглядно демонстрирует различия в определениях и понимании смысла. Полагаем, что такого рода различия в подходах обусловлены неоднородностью самих уголовно-процессуальных рисков, которые могут выявляться и определяться в самых различных аспектах:

– как опасность допустить ошибку (потенциальный риск);

– как уже допущенная ошибка, учитывая потребность либо в преодолении ее последствий, либо в их минимизации (состоявшийся или фактический риск);

– риск оправданный и необоснованный;

– риск допустить ошибку (обусловленный законной целью) и риск допустить нарушение (порождаемый целью, не предусмотренной законом) и др.

В качестве иллюстрации рисков используем уголовно-процессуальное задержание гражданина (равно как и применение иных мер процессуального принуждения).

---

[10] Соловьева Н. А., Шинкарук В. М. Уголовно-процессуальный риск: понятие и содержание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». 2014. № 1 (22). С. 40.

[11] Левченко И. А. Синергетический подход в уголовном процессе: минимизация рисковых ситуаций в условиях цифрового моделирования правовой системы // Современное право. 2024. № 7. С. 84.

[12] Агамагомедова С. Л. Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 18 (4). С. 462.

[13] Тихомиров Ю. Л. Право: прогнозы и риски. М. : ИНФРА-М, 2015. С. 31.

[14] Колоколов Н. А. Риск в принятии процессуального решения в уголовном судопроизводстве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 47.

[15] Егорова Н. А., Соловьева Н. А. Тактический риск, тактические и следственные ошибки при расследовании преступлений: криминалистические и уголовно-правовые аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2 (21). С. 100–101.

[16] Печников Г. А., Булхумова О. В., Андрющенко Т. И. Уголовный процесс с объективной истиной и «состязательно-выигрышной» истиной // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 1. С. 121.

[17] Ильюхов А. А. Риск в деятельности следователя и его влияние на возникновение следственных ошибок // Российский следователь. 2011. № 7. С. 30–33.

Как писал З. З. Зиннатуллин[18], задержание и иные меры процессуального принуждения имеют негативное воздействие на конституционные права граждан. Справедливость такой позиции подтверждается многочисленными и практически всегда негативными последствиями.

Так, нахождение лица в местах принудительного содержания нарушает привычный уклад жизни не одного человека, но также и его семьи, коллег. Если речь идет о предпринимателе, то последствия приобретают общественно-экономическое значение, нарушая сложившиеся экономические отношения, принося ущерб уже публичным интересам государства, бизнеса и т. д. А если задержание произведено без достаточных оснований, то негативные последствия многократно усиливаются, создавая риски недоверия к органам государственной власти, что снижает авторитет следственных и судебных органов в глазах общества.

При этом необходимо отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает целый комплекс правовых последствий применения задержания (иных мер процессуального принуждения), включая обжалование в порядке ст. 124 и 125 УПК РФ, рассмотрение жалоб и принятие по ним решений, при неудовлетворенности решением – дальнейшее обжалование в вышестоящие инстанции, в том числе судебные.

Уверены, что и эта часть уголовно-процессуального регулирования содержит в себе как масштабные, так и локальные процессуальные риски. Не останавливаясь на подробном их перечислении, отметим опосредованные, но весьма существенные процессуальные риски.

Такого рода риски возникают при обжаловании и рассмотрении обращений граждан, что объективно приводит к отвлечению следователя от его непосредственной процессуальной задачи – раскрытия преступления. Это означает, что следователь должен подготовить материалы к рассмотрению жалобы, принять участие (например, в судебном заседании) и выполнить в связи с этим и другие требования закона. Очевидно, что такого рода действия потребуют значительных временных затрат, что «тормозит» расследование, составляет риск утраты быстроты и своевременности производства следственных и иных процессуальных действий по основному направлению деятельности следователя, а также выражается в проявлении такого негативного последствия как риск невыполнения сроков расследования, их затягивание, волокиту и др.

В случае же установления факта нарушения следователем тех или иных законодательно определенных требований при осуществлении задержания (равно и иного процессуального действия или решения) для него могут наступить неблагоприятные последствия, включая применение мер дисциплинарного взыскания и не только.

На наш взгляд, уголовно-процессуальные риски в указанной ситуации весьма высоки, многочисленны, разнообразны. Учитывая же, что аналогичным образом можно расписать очень многие позиции современного уголовного судопроизводства, то риски становятся фундаментальной проблемой, разрешение которой способно на новый уровень вывести парадигму его совершенствования в случае выработки конструктивных предложений по устранению либо минимизации возможных рисков.

На современном этапе развития уголовного судопроизводства активнейшим образом развивается направление, которое, с одной стороны, бесспорно, обеспечивает повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности с перспективой мощного позитивного роста потенциала уголовного судопроизводства, а с другой стороны, выступает столь же крупным риском для всей его системы – это внедрение цифровых технологий.

Следует отметить весьма активное и широкомасштабное использование различных государственных информационно-аналитических (например, ГАС «Правосудие»), поисковых (действующие АИПС «Автопоиск», «Опознание», «Сейф», «Вещь») и др. Находятся в разработке и планируются к внедрению в 2025 г.: **«Клон»** – выявляет подделку видеоизображений; **«Конъюнктура»** – прогнозирует негативные события и чрезвычайные ситуации и моделирует сценарии реагирования на них), экспертных систем в практической деятельности органов досудебного производства и суда. В этом же ряду назовем специализированное программное обеспечение «Форвер», которое позволяет эффективно выявлять следы преступлений в IT-пространстве и изымать их, строить версии и предлагать направления их отработки.

В числе позитивных факторов использования цифровых средств учеными отмечается помощь, упрощение в работе следственных и судебных органов благодаря «быстрой и эффективной обработке больших объемов информации и проведению анализа данных»[19].

---

[18] Зиннатуллин З. З. Меры уголовно-процессуального принуждения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1985. № 1. С. 87.

[19] Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в криминалистике: состав и перспективы использования // Уголовный процесс и криминалистика. 2018. № 2. С. 43–49.

Особенно активно обсуждаются технологии искусственного интеллекта в различных модификациях, которые предлагается использовать «для целей прогнозирования и управления рисками»[20]. Не отрицая возможностей информационных технологий, в том числе функционирующих на базе искусственного интеллекта, применительно к решению многих значимых в правовом отношении задач в сфере уголовного судопроизводства, мы с осторожностью оцениваем их потенциал в вопросах управления рисками.

Отметим в этой части мнение специалистов: «большие языковые модели, по своей сути просто предугадывают следующее слово в блоке текста – не более»[21]. Иными словами, искусственный интеллект только подбирает более или менее подходящий материал из того, которым он располагает. Это означает, что любая нестандартная ситуация, а уголовное судопроизводство изобилует ими, способна поставить искусственный интеллект в тупик и привести к выдаче некорректного с содержательной и (или) правовой позиции решения, которое не актуально для сложившейся ситуации. Характер последствий вполне прогнозируем и он – негативный.

В этой связи вернемся к проблеме, отмеченной в начале данной работы – это доктринальная неопределенность уголовно-процессуального риска, высокий уровень их разнообразия. При отсутствии четких и понятных, однозначно трактуемых признаков понятия «уголовно-процессуальный риск», конкретных критериев классификации, факторов их проявления и др., искусственному интеллекту (на современном уровне развития этой технологии и возможностей алгоритмизации) невозможно дать необходимые ему ориентиры для их использования при построении алгоритмов обнаружения, преодоления этих рисков, для формирования предложений о выходе из затруднительной ситуации или ее предотвращения.

Соответственно исходным пунктом для внедрения технологии искусственного интеллекта в сферу управления рисками в уголовном судопроизводстве является научная разработанность понятийного аппарата, включая теоретическую состоятельность выделяемых признаков, критериев классификации, обоснование видового разнообразия.

В отсутствии указанных основ считаем, что высказанное предложение о внедрении систем искусственного интеллекта в управление уголовно-процессуальными рисками является преждевременным.

Подводя итог, приведем основные выводы.

1. Уголовно-процессуальные риски составляют объективный признак современного уголовного судопроизводства. Их присутствие сопровождает любое процессуальное действие или решение. Определенные риски заложены в уголовно-процессуальном законе, они связаны с реализацией законодательства, выявляются в его интерпретации. Главная проблема – это отсутствие теоретической разработанности определения, т. е. сущностных признаков уголовно-процессуальных рисков.

2. Преодоление уголовно-процессуальных рисков – одна из важнейших задач, решение которой осуществляется по различным направлениям. Предложение о внедрении искусственного интеллекта в качестве управляющего рисками вызывает серьезные возражения. Их причина в недостаточном уровне развития науки уголовного процесса для того, чтобы предоставить в распоряжение искусственного интеллекта достаточный и необходимый ему материал. Соответственно воплощение указанных предложений рассматриваем как серьезный и неоправданный самостоятельный риск, основанный на переоценке современных возможностей искусственного интеллекта.

3. Для создания перспективных моделей искусственного интеллекта для сферы модерации уголовно-процессуальными рисками необходимо начать тщательную разработку фундаментальных основ, теоретических аспектов и в первую очередь оформить понятийный аппарат.

---

[20] Чурикова А. Ю. Использование искусственного интеллекта в целях управления рисками уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург, 2023. С. 250–256; она же. Перспективы применения системы управления уголовно-процессуальными рисками в условиях цифровизации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5 (154). С. 248–253.

[21] Берриман Дж., Циглер А. Промт-инжиниринг для LLM. Искусство построения приложений на основе больших языковых моделей. Астана : Спринт Бук, 2025. С. 17.

Дьяконова Оксана Геннадьевна,
д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры судебных экспертиз ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

Нормативное регулирование принудительного назначения и производства судебной экспертизы в отношении живого лица

Особенность проведения судебной экспертизы в отношении живого лица (судебно-медицинской (СМЭ), судебно-психиатрической (СПЭ), судебно-психологической экспертизы, психолого-психиатрической (КСППЭ), других видов экспертизы живых лиц) связана в первую очередь с объектом – живым лицом, который, в зависимости от статуса в судопроизводстве, либо самостоятельно и добровольно является на экспертное исследование, либо доставляется на него уполномоченными органами в принудительном порядке.

В российском уголовном процессе подозреваемые, обвиняемые и потерпевшие в ряде случаев могут быть направлены в принудительном порядке для производства судебной экспертизы. При этом они наделяются дополнительным комплексом прав, позволяющих гарантировать обеспечение их законных интересов и конституционных прав (ст. 31 ФЗ ГСЭД[22]), что позволяет говорить о наличии у них комплексного правового статуса, включающего процессуальные права, предусмотренные УПК РФ и ФЗ о ГСЭД, а также права, предусмотренные для пациентов законодательством в области охраны здоровья и оказания психиатрической медицинской помощи. Подобное положение содержится и в ст. 40 Модельного закона ЕАЭС о СЭД[23]. Помимо этого, в ст. 32 ФЗ о ГСЭД установлено, что лица, не содержащиеся под стражей, в период производства СПЭ и ее видов пользуются правами пациентов медицинских организаций, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях, установленными законодательством в сфере охраны здоровья, а именно их права установлены ст. 37 Закона № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»[24]. Права подэкспертных при производстве СМЭ установлены в главе 4 ФЗ № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[25] как права пациента.

В ст. 28 ФЗ о ГСЭД установлено, что при отсутствии прямого указания «в процессуальном законодательстве Российской Федерации на возможность принудительного направления лица на судебную экспертизу, государственное судебно-экспертное учреждение не вправе производить судебную экспертизу в отношении этого лица в принудительном порядке». Идентичное положение содержится в ст. 33 Модельного закона ЕАЭС о СЭД.

Гарантии прав и законных интересов лиц, в отношении которых производится судебная экспертиза, установлены и законами о судебно-экспертной деятельности (далее – СЭД) стран-участниц ЕАЭС (ст. 48 Закона Республики Казахстан (РК) «О судебно-экспертной деятельности» 2017 г.[26], ст. 223, 271 УПК РК 2014 г., Законом КР «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике» 2024 г.[27], ст. 175, 178 УПК КР 2021 г., ст. 59, 107, 137 УПК Республики Армения 2021 г. (РА), глава 2 Закона Республики Армения «О медицинской помощи, обслуживании населения» 1996 г.[28], ст. 60, 235 УПК Республики Беларусь).

Законодательство стран-участниц ЕАЭС в целом тождественно регулирует следующие аспекты:

– помещение на принудительное стационарное экспертное исследование лиц, не содержащихся под стражей, – на основании решения (санкции) суда;

---

[22] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 23, ст. 2291 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 20.10.2025).

[23] О судебно-экспертной деятельности: типовой проект законодательного акта (модельный закон) : приложение к постановлению МПА ЕврАзЭС от 11.04.13 № 15-6 «О типовом проекте законодательного акта «О судебно-экспертной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document (дата обращения: 20.10.2025).

[24] О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 20.08.1992. № 33, ст. 1913.

[25] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

[26] О судебно-экспертной деятельности : Закон Республики Казахстан от 10.02.2017 № 44-VI ЗРК [Электронный ресурс]. URL: https://adilet. zan.kz/rus/docs/Z1700000044 (дата обращения: 20.10.2025).

[27] Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике : Закон Кыргызской Республики от 12.01.2024 № 14. [Электронный ресурс]. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/4-5260/edition/1939/ru (дата обращения: 20.10.2025).

[28] О медицинской помощи, обслуживании населения : Закон Республики Армения от 04.03.1996 № ЗР-42 [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1688&lang=rus#3 (дата обращения: 20.10.2025).

– возможности принудительного направления на СПЭ подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей.

В отношении потерпевших и свидетелей нормативное регулирование государств-членов ЕАЭС различается.

В российском уголовном судопроизводстве экспертиза живого лица может быть назначена в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля (ст. 196, 197 УПК РФ) и проводится в добровольном и принудительном порядке. В «принудительном порядке» СМЭ или СПЭ, как правило, в условиях стационара, хотя этот термин не употребляется в УПК РФ, назначается в отношении подозреваемого или обвиняемого (ст. 203 УПК РФ)[29]. Помещение в стационар (отделение определенного типа) указанных лиц различается в зависимости от того, находятся они под стражей или нет (ст. 203 УПК РФ, ст. 29-32 ФЗ о ГСЭД). В добровольном порядке экспертиза назначается в отношении потерпевшего и свидетеля[30]. Как правило, такая экспертиза проводится вне стационара, амбулаторно, однако встречаются случаи помещения указанных лиц в стационар. Некоторые исследователи отмечают, что в рамках уголовного судопроизводства допускается принудительное помещение в стационар потерпевшего, хотя это возможно только в порядке исключения в соответствии с положениями ч. 4 ст. 195, а также ч. 5 ст. 56, пп. 2, 4, 5 ст. 196 УПК РФ. В целом можно констатировать незавершенность нормативного регулирования возможности принудительного помещения потерпевшего в стационар для проведения экспертизы.

Проблема добровольного производства экспертизы в отношении потерпевшего связана также с недостижением им возраста совершеннолетия. В соответствии с законом к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители (ч. 1 ст. 45 УПК РФ).

Следует исходить из того, что в отношении потерпевшего экспертиза не должна проводиться в принудительном порядке, за исключением случаев обязательного назначения экспертизы, определенных в ст. 196 УПК РФ. Однако уклонение потерпевшего от прохождения судебной экспертизы в качестве подэкспертного в случаях, когда ее проведение обязательно можно считать злоупотреблением вплоть до противодействия расследованию. С учетом существенного влияния этого обстоятельства на расследование, судебное рассмотрение уголовного дела и постановление приговора, полагаем возможным введение в УПК РФ положения по аналогии с ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, по которому в случае уклонения потерпевшего от прохождения экспертизы в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, суд или следователь вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. Отказ потерпевшего от прохождения экспертизы, при наличии сомнений у следователя в психическом или физическом состоянии потерпевшего, которое давало бы ему возможность в полной мере реализовать свои права в уголовном процессе, должен повлечь обязательное привлечение к участию в деле представителя потерпевшего.

В отношении свидетеля экспертиза по УПК РФ может проводиться только в добровольном порядке. При этом в ст. 228 УПК Республики Беларусь отсутствуют основания обязательного назначения судебной экспертизы в отношении свидетеля, а в ч. 3 ст. 229 УПК Республики Беларусь установлено, что экспертиза свидетелей проводится только с их согласия, которое дается ими (а в случае недостижения совершеннолетия – их родителями, усыновителями, опекунами или попечителями) письменно.

В УПК Республики Армения отсутствуют положения, предусматривающие возможность, а тем более обязательное назначение судебной экспертизы в отношении свидетеля. Однако в п. 1 ч. 2 ст. 86 УПК Республики Армения закреплена невозможность вызова и допроса в качестве свидетеля лица, которое в силу физических или психических недостатков не способно правильно воспринимать и воспроизводить обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. Очевидно, что физические или психические недостатки должны быть достоверно установлены медицинскими документами до решения вопроса о вызове лица в качестве свидетеля.

В п. 4 ч. 2 ст. 178, ч. 6 ст. 179 УПК Киргизской Республики, п. 5 ч. 1 ст. 271 УПК Республики Казахстан установлено в качестве обязательного основания проведения судебной экспертизы определение психического или физического состояния потерпевшего, свидетеля, если возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания. При этом в примечании к ст. 271 УПК Республики Казахстан уточняется, что снача-

[29] Этот аспект разъясняется и в п. 7 постановления Пленума ВС РФ № 28.

[30] Верховный Суд РФ указал в п. 7 постановления Пленума ВС РФ № 28 на недопустимость назначения и производства судебной экспертизы в отношении потерпевшего, за исключением случаев, перечисленных в указанных статьях УПК РФ.

ла происходит назначение амбулаторной СПЭ и только в случае, когда эксперт заявит о невозможности дачи заключения без проведения стационарной СПЭ, осуществляется помещение подэкспертного в стационар для проведения соответствующей стационарной судебной экспертизы. Такой порядок вполне логичен и в целом российская практика следует тем же путем.

В ч. 3 ст. 178 УПК Киргизской Республики установлено положение, в соответствии с которым принудительное привлечение для проведения медицинской или психиатрической экспертизы производится по постановлению следственного судьи. Это требование относится ко всем субъектам, которые могут выступать в качестве подэкспертных: подозреваемого, обвиняемого (речь идет только о не содержащихся под стражей), потерпевшего и свидетеля.

В ст. 271 УПК Республики Казахстан перечень оснований обязательного назначения судебной экспертизы в отношении свидетеля шире, чем в ст. 178 УПК Киргизской Республики и включает установление следующих обстоятельств: характер и степень тяжести причиненного вреда здоровью; возраст подозреваемого, свидетеля, имеющего право на защиту, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для дела, а документы о возрасте отсутствуют или вызывают сомнение; психическое или физическое состояние потерпевшего, свидетеля в случаях, когда возникают сомнения по поводу их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания. При этом, исходя из положения п. 4 ч. 1 ст. 271, «психическое или физическое состояние подозреваемого, свидетеля, имеющего право на защиту, обвиняемого, когда возникают сомнения по поводу их вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе», не является безусловным основанием принудительного проведения судебной экспертизы, что вызывает вопрос о целесообразности такого исключения. Поскольку установление этого обстоятельства имеет существенное значение для уголовного дела.

Полагаем, что расширение перечня оснований проведения судебной экспертизы в отношении свидетеля является оправданным и требует корректирования положений УПК РФ, учитывая тот факт, что его показания могут иметь существенное значение для дела, а также то обстоятельство, что в последующем статус субъекта, ошибочно определенный как свидетельский, может быть изменен.

Исследователи обоснованно отмечают влияние психического состояния свидетеля, желающего дать показания по делу, на адекватность данных им сведений[31]. Отдельные ученые считают, что «достаточно часто встречаются ситуации, когда свидетель, желая оказаться полезным обществу, оказывает содействие органам, ведущим расследование, сам при этом является психически нездоровым <…> а последствия воздействия криминальной ситуации на психически нездоровую или психически нестабильную личность могут быть непредсказуемы, и к показаниям таких свидетелей следует относиться крайне осторожно»[32]. Некоторые авторы считают возможным вернуть положение п. 3 ст. 79 УПК РСФСР[33], в котором устанавливалась обязанность назначить судебную экспертизу в отношении свидетеля для определения его психического или физического состояния в случаях, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

Приведенная позиция представляется правильной. Практика показывает, что в ряде случаев действительно имеется необходимость в проведении судебной экспертизы в отношении свидетеля в целях установления его психического или физического состояния. Результаты проведенной экспертизы в отношении свидетеля способны повлиять на оценку его показаний, что безусловно важно для расследования и последующего судебного рассмотрения уголовного дела.

Серьезный вопрос у некоторых исследователей вызывает право свидетеля отказаться от прохождения экспертизы в соответствии с ч. 4 ст. 195 УПК РФ. Не отрицая возможности принудительного направления свидетеля на экспертизу, полагаем необходимым в ст. 198 УПК РФ *уравнять права свидетеля с правами потерпевшего в случае, если в отношении него назначается и проводится судебная экспертиза,* что *должно быть закреплено в ч. 4 ст. 56 УПК РФ.* Заслуживает поддержки позиция А. А. Тарасова о дополнении УПК РФ перечнем лиц, в отношении которых экспертиза может произ-

---

[31] Старинов Г. П., Цевелева И. В., Бежкинева Е. Ю. Особенности проведения судебно-психиатрических экспертиз при расследовании преступлений против жизни и здоровья // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2016. № 1-2 (25). С. 83.

[32] Там же. С. 83.

[33] Холодов А. В. Проблемы правового регулирования и практики применения назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы в российском уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3 (58). С. 110; Смушкин А. Б. Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (постатейный) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consul-tant.ru (дата обращения: 20.10.2025).

водиться «принудительно и определении в законе «случаев, не терпящих отлагательства», когда экспертное исследование может быть проведено без получения согласия подэкспертного с последующим объяснением причин таких действий»[34]. Тем не менее формулировка «случаи, не терпящие отлагательства» является нечеткой, может толковаться по-разному и привести к злоупотреблениям.

Таким образом, считаем целесообразным в ст. 198 УПК РФ уравнять права свидетеля с другими участниками, если в отношении него назначается и проводится судебная экспертиза, и, соответственно, закрепить их в ч. 4 ст. 56 УПК РФ. Следует помнить, что СПЭ свидетелей и потерпевших не оценивает достоверность и содержание показаний, а констатирует психическое состояние лица, т. е. речь идет о процессуальной дееспособности этих участников уголовного процесса[35], ввиду чего не является панацеей при установлении тех или иных обстоятельств дела. Однако следует обозначить в числе обязательных оснований для назначения экспертизы применительно к уголовному судопроизводству решение вопроса о психическом или физическом состоянии как потерпевшего, что имеет место, но и свидетеля. В то же время отсутствие возможности принудительного направления свидетеля на СМЭ или СПЭ может повлечь сомнения в достоверности его показаний, что должно быть учтено при их оценке.

Назначение экспертизы в отношении живого лица следует осуществлять только в случае, когда оно является обязательным по российскому процессуальному законодательству. Во всех остальных ситуациях необходимо оценить целесообразность проведения судебной экспертизы, учитывая возможное воздействие на физическое лицо и применение мер принуждения. Особенно важно рассмотреть возможность установления фактических обстоятельств дела посредством иных средств доказывания.

Зайцева Елена Александровна,
д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Волгоград

Уголовное судопроизводство в период специальной военной операции: реалии и риски

Уголовное судопроизводство, будучи эффективным механизмом реализации уголовной политики государства, всегда испытывает на себе воздействие не только внутриполитических событий, но и явственно реагирует на изменения внешней среды нашего бытия. В недавнем прошлом это проявлялось в имплементации норм международного права в ткань отечественной уголовно-процессуальной отрасли, в выстраивании правоприменительной практики с учетом правовых позиций Европейского суда по правам человека. Ныне, в условиях специальной военной операции (далее – СВО), мы наблюдаем стремительное проникновение отголосков реалий этого длящегося события не только в область правоприменения, но и в законодательство. Причем последнее явление, масштабируясь, приводит к количественному накоплению изменений уголовно-процессуальных норм, которые в скором времени способны породить новое качество – законодательство эпохи СВО. Начиная с 4 марта 2022 г. в УК РФ[36] стали закрепляться новые составы преступлений, актуализированные событиями специальной военной операции[37], что, безусловно, не могло не сказаться и на уголовно-процессуальном регулировании.

---

[34] Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 20.10.2025).

[35] Судебная психиатрия : учебник / А. С. Дмитриев, Т. В. Клименко ; под ред. проф. А. С. Дмитриева, проф. Т. В. Клименко. М. : Юристь, 1998. С. 56.

[36] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; СЗ РФ. 2025. № 42, ст. 6087.

[37] Так, Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 2022. № 10, ст. 1389) пополнил УК РФ такими преступлениями, как «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации» (ст. 207.3); «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» (ст. 280.3); «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц» (ст. 284.2).

Введение в текст закона новых норм, продиктованных потребностью решения задач в условиях ведения боевых действий, само собой, не проходит бесследно: их воздействие в силу системности и многомерности уголовно-процессуальной отрасли права начинает проявляться и на смежных правовых институтах, меняя их облик под запросы дня сегодняшнего. Хочется верить, что данный тренд – временный, что правообеспечительная сущность многих новелл прошлых лет не померкнет под давлением принимаемых норм, выстраивающих иную парадигму уголовного процесса, приспособленную к условиям СВО: жесткую и чрезмерно рациональную, корректируемую складывающейся неоднозначной правоприменительной практикой.

Вот об этом с позиции оценки различного рода рисков хотелось бы подискутировать в настоящей статье, опираясь на анализ новых норм и опубликованную практику их реализации.

Прежде всего в данном аспекте притягивают внимание два правовых института: прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и приостановления производства по уголовному делу, нормативный состав которых в большей степени ощутил на себе трансформирующее воздействие новых реалий.

Как известно, при любой форме ведения боевых действий одним из значимых ресурсов, обеспечивающих их успешную реализацию, выступает людской ресурс. Для его регулярного пополнения требуется мотивация, в том числе – среди лиц, допустивших совершение преступлений. Кроме того, в случае участия лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, в боевых действиях становится затруднительным ведение уголовного производства – даже с использованием дистанционных технологий, применение которых в определенных местностях, как известно, чревато демаскировкой дислокации воинских формирований с вытекающими из этого последствиями. Именно эта новая реальность побудила законодателя живо среагировать на запросы СВО путем создания нормативной регламентации особых оснований – освобождения от уголовной ответственности и приостановления производства по уголовному делу.

Изначально увидел свет Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»[38], который затем был отменен Федеральным законом от 23.03.2024 № 61-ФЗ[39], в развитие положений которого были скорректированы уголовно-процессуальные нормы. При этом законодатель предпринял попытку системно решить указанные вопросы, в результате чего в УПК РФ[40] появилась ст. 28.2, а также были дополнены соответствующими новеллами положения ст. 110, 119, 208, 209, 212, 213, 238, 253, 254, 389.7, 389.11, 389.13, 389.26[41] УПК РФ.

Однако, несмотря на предпринятые усилия нормотворцев, правоприменительная практика стала складываться неоднозначно, порой вопреки прямым предписаниям закона. Например, при рассмотрении жалобы защитника Янова в интересах обвиняемого Т. суд апелляционной инстанции подчеркнул: «Доводы защитника о том, что судья проигнорировал п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, являющийся, по утверждению защитника, обязательным для следователя, основаны на неправильном толковании закона, поскольку *указанная норма закона содержит основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия и не предопределяет решение следователя по заявленному ходатайству*… В ходе заседания суда апелляционной инстанции следователь Г. сообщил, что при принятии решения об отказе в удовлетворении ходатайства врио командующего войсками ЮВО им принимались во внимание не только сведения об отсутствии вакантных должностей, но и *данные о личности обвиняемого, являющегося заместителем начальника штаба ЮВО – начальником регионального управления военной полиции по ЮВО, а также характер и степень общественной опасности инкриминируемых ему преступлений, связанных превышением должностных полномочий и хищением иму-*

[38] См.: Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции : Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 26, ст. 4678. Документ утратил силу в связи с изданием Федерального закона от 23.03.2024 № 61-ФЗ.

[39] См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» : Федеральный закон от 23.03.2024 № 61-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 13, ст. 1684.

[40] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921; Российская газета. 2025. 30 окт. № 247.

[41] См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 13, ст. 1687; О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 02.10.2024 № 340-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 41, ст. 6065.

щества, принадлежащего Министерству обороны РФ»[42]. Сходное решение с отказом в удовлетворении жалобы стороны защиты принято и по делу К.[43].

Безусловно, логика следователя по делу Т. вполне понятна: им учтены тяжесть содеянного и общественная опасность личности обвиняемого, что видится разумным в описываемых обстоятельствах, указывающих на склонность подследственного к совершению деяний, способных причинить вред интересам обороноспособности страны, нанести ущерб другим значимым в условиях СВО интересам. Представляется, что приостановление производства по уголовному делу по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в отношении подобных лиц чревато негативными последствиями. Не случайно законодатель, предполагая возможные варианты, связанные с попытками уйти от уголовной ответственности лиц, совершивших некоторые особо опасные преступления или преступления, влекущие общественный резонанс, установил перечень составов, ограничивающий категории уголовно-преследуемых лиц или осужденных на применение вновь введенных оснований приостановления производства по делу и прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Шаг разумный, безусловно, хотя требующий дальнейшей конкретизации.

Иначе стала выстраиваться правоприменительная практика после указания Пленумом ВС РФ в постановлении № 39 на запрет составления следователем (дознавателем) итоговых обвинительных актов при наличии соответствующих оснований, предусмотренных ст. 28.2 и п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, расценившего эти нормы как «**гарантии обязательного прекращения или приостановления уголовного преследования**»[44]. Так, все тот же Южный окружной военный суд, который ранее отказывал в применении положений комментируемых нами статей (см. выше), стал по-другому оценивать роль ходатайства воинской части в своих решениях: «С учетом положений ч. 1.1 ст. 119 УПК РФ, согласно которой правом заявить ходатайство о приостановлении производства по уголовному делу на основании п. 5 ч. 1 ст. 238, ч. 3.1 ст. 253 УПК РФ обладает командование воинской части (учреждения), *единственным правовым основанием*[45] *для приостановления производства по уголовному делу* и отмене меры пресечения на основании п. 3.1 ст. 253 УПК РФ *в отношении подсудимого, проходящего службу в войсковой части 52577, является ходатайство командира этой воинской части*»[46].

Теперь, с учетом ориентации практики на обязательность ходатайства командования воинской части (**фактически – приоритетности данного ходатайства перед внутренним убеждением следователя или судьи**), от уголовной ответственности могут быть освобождены преступники, кому вменили составы, не включенные в ограничительный перечень, но которые с точки зрения разумности и справедливости правосудия не должны получить эту «льготу». Например, в СМИ не так давно бурно обсуждалась информация о желании осужденного за хищения экс-замминистра обороны РФ Т. Иванова отправиться в зону СВО[47].

Анализ опубликованных судебных решений, принятых в условиях действий комментируемых нами новелл, показывает, что в практике не редки ситуации, когда совершившие преступления лица пытаются использовать заключение контракта с МО в своих корыстных целях – для освобождения от грозящей уголовной ответственности.

Приостановление предварительного следствия в таком формате фактически выступает механизмом уклонения преступников от справедливого осуждения и наказания. Думается, указанная правовая позиция Пленума ВС РФ сформулирована без учета ситуаций злоупотребления этим

---

[42] Апелляционное постановление Южного окружного военного суда от 06.09.2024 № 22КА-665/2024 : [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

[43] Апелляционное постановление Южного окружного военного суда от 06.09.2024 № 22КА-617/2024 : [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

[44] П. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.

[45] Ради терминологической точности подчеркнем, что судебная коллегия ошибочно именует «единственным правовым основанием для приостановления производства по уголовному делу» ходатайство командования воинской части. С точки зрения уголовно-процессуального учения о приостановлении производства по уголовному делу данный документ выступает *условием* для принятия соответствующего решения. А правовым основанием для возникновения установленного законом перерыва в производстве (т. е. приостановления судебного разбирательства или предварительного следствия) является постановление судьи или следователя.

[46] Апелляционное постановление Южного окружного военного суда от 31.01.2025 № 22-48/2025 : [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс»; см. также апелляционное определение Южного окружного военного суда от 17.01.2025 № 22-5/2025 (УИД 61GV0004-01-2024-000800-21) : [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

[47] См.: «Адвокат готовит обращение для отправки Иванова штурмовиком в зону СВО» : [Электронный ресурс]. Заглавие с экрана. URL: https://ria.ru/20251022/svo-2049910495.html (дата обращения: 15.11.2025).

механизмом со стороны лиц, совершивших преступления. Она нуждается в коррекции и уточнении. Надеемся, что мониторинг правоприменительной практики в этой части подскажет секретариату Пленума ВС РФ необходимость поиска баланса в этом непростом, насыщенном рисками, вопросе, что позволит доработать вышеупомянутое постановление № 39 и дополнить новыми разъяснениями постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»[48].

Каминский Александр Маратович,
д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
Кожевникова Оксана Вячеславовна,
канд. психол. наук, доцент, эксперт Учебной лаборатории судебных экспертиз Института права, социального управления и безопасности, доцент кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

Графические символы в коммуникациях преступной субкультуры

В современном постиндустриальном обществе коммуникация и информирование играют все более важную роль, существенно сказываясь и, в конечном счете, определяя организацию и построение деятельности практически во всех его сферах. Преступная деятельность, являясь составной (далеко не лучшей) частью социума, подчиняется и функционирует по тем же законам развития общества. Преступный мир порождает специфическую субкультуру, которая включает в себя и специфические средства общения. «Важный элемент субкультуры профессиональных преступников – постоянное осуществление связи между ними и способы передачи информации»[49], что подчеркивают многие исследователи криминальной среды[50].

Поэтому информирование в практике деятельности по выявлению и раскрытию преступлений и науке криминалистике выступают объектом постоянного внимания. На сегодняшний день в криминалистике имеется определенный теоретический задел подобных исследований: «Судить об отражаемом, по информации о преступлении можно только в том случае, если отражение обладает содержательной стороной, если связь изменений с событием можно обнаружить, выявить, понять по содержанию этих изменений. Информация, как мера связи события и вызванных этим событием изменений в среде, не может существовать без материальной основы <…> вне информационного сигнала, под которым понимают единство материального носителя и средства передачи информации… Изменения – это информационный сигнал, имеющий свое содержание – информацию и форму выражения – информационный код»[51]. Отталкиваясь от этого положения, М. К. Каминский отмечал, что «Форма существования информации, выражаемая совокупностью характерных признаков, есть код информации. Важнейшей особенностью кода является его изменчивость во времени, но неизменность содержания информации при этом»[52].

Как указывает Г. Г. Камалова, на нынешний момент сложилась частная криминалистическая теория информирования[53]. В самом общем виде концептуальными положениями этой части криминалистической науки являются следующие: объектом криминалистики выступает взаимосвязь, взаимозависимость преступной деятельности и деятельности по выявлению и раскрытию преступлений. В процессе расследования преступления они выступают во взаимосвязи, и последнее обусловливает

[48] См.: О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

[49] Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М. : Юрид. лит., 1990. С. 184.

[50] См., напр.: Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. Москва : ИНФРА-М, 2001. 418 с.

[51] Бекин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т.1: Общая теория криминалистики. М. : Юристъ, 1997. С. 121.

[52] Каминский М. К, Каминский А. М. О деятельности, ее субъектах, следовой информации и кодах в судебной экспертизе // Судебная экспертиза: правовые и естественно-научные аспекты : сборник статей. Ижевск : Удмуртский университет, 2020. С. 105

[53] Криминалистика : курс лекций для бакалавров / под ред. М. К. Каминского, А. М. Каминского. Ижевск : Jus est, 2012. С. 38

криминалистическую особенность их изучения. Преступная деятельность в ходе своего функционирования и развития отображает информацию о себе в измененных (преобразованных) состояниях объектов, на которые воздействовал субъект преступной деятельности. «Субъект преступной деятельности, стремясь достичь своей цели, воздействует на объекты различной природы и с помощью системы средств (технических и мыслительных) преобразует их состояние»[54].

Эту отображенную информацию, существующую объективно, но потенциально, субъект, раскрывающий преступление, должен обнаружить, зафиксировать и перекодировать, дешифровать.

Таким образом, взаимосвязь системы преступной деятельности с системой деятельности по выявлению и раскрытию преступлений носит информационный характер, что требует выяснения сущности информирования. Необходимо учитывать, что существует несколько видов информирования, среди которых в первую очередь выделяется трансинформирование, то есть правильное информирование. Коды этого вида информирования линейны и непрерывны, что обеспечивает равенство информаций, находящихся в различных формах. Также имеют ценность иные типы и виды информирования, в частности псевдоинформирование, дезинформирование, параинформирование и метаинформирование.

Ранее нами рассматривались некоторые наиболее распространенные в преступной среде виды информирования, такие как татуировки и сленг. В данной статье мы ограничимся лишь рассмотрением графических символов как одного из аспектов преступного информирования.

В современных условиях отмечается интенсивный процесс цифровизации преступной деятельности. Параллельно с трансформацией в цифровой формат таких сфер, как торговые операции, оказание государственных услуг, избирательные процедуры и ряда других, ранее реализовывавшихся преимущественно в физической среде, происходит активное перемещение в виртуальное пространство целого ряда противоправных практик. Среди них – коммерциализированные сексуальные услуги, изготовление фальсифицированных документов, незаконное обналичивание денежных средств, а также сбыт запрещённых к обороту предметов и веществ, включая оружие и наркотические средства[55]. Согласно экспертным оценкам, к завершению третьего квартала 2024 года объём рынка даркнета – специфического сегмента глубокой сети «Интернет», активно эксплуатируемого в криминальных целях[56], – достиг приблизительно двух миллиардов долларов[57]. Данная тенденция обусловливает необходимость комплексного исследования инновационных инструментов преступной коммуникации. Речь идёт о гибридных знаковых системах, интегрирующих графические элементы и специфический компьютерный жаргон. В числе таких средств можно обозначить: граффити, выполняющие функцию рекламы нелегальных онлайн-ресурсов; логотипы маркетплейсов и фирменные знаки интернет-магазинов, специализирующихся на сбыте запрещённых товаров и услуг. Ниже приведены некоторые из них.

В условиях масштабного распространения интернет-опосредованной наркопреступности сформировался специфический сегмент криминальной специализации – так называемые «трафаретчики». Их функциональная роль заключается в нанесении визуально привлекательных трафаретных изображений, выдержанных в молодёжной стилистике, на фасады зданий в местах массового пребывания подростков и молодых людей. Данная деятельность преследует чётко определённую цель – рекрутирование потенциальных «закладчиков», занимающих низшую ступень в иерархии наркопреступных формирований. Эта категория участников нелегального оборота наркотиков остаётся востребованной в криминальной среде ввиду выполняемых ими операционных функций. Ниже представлены образцы подобных граффити-сообщений.

В современной цифровой коммуникации широкое распространение получил особый графический язык – эмодзи. Термин происходит из японского языка (絵 «э» – «картинка» и 文字 «модзи» – «знак», «символ») и обозначает паралингвистические средства выражения, включающие идеограммы – условные изображения, передающие определённую идею, и пиктограммы – знаки, визуализирующие простейшие интернациональные понятия посредством схематичных рисунков. Генезис эмодзи представляет собой синтез нескольких визуальных традиций: символики японской манги,

[54] Каминский А. М. Рефлексивный анализ и моделирование как средство преодоления тупиковых ситуаций расследования : учебное пособие. Ижевск : Детектив-информ, 1998. С. 10.

[55] Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Васильева О. В. Даркнет как ускользающая сфера правового регулирования // Юрислингвистика. 2019. № 12. С. 11–13.

[56] Что такое глубокий и теневой Интернет? : [Электрон. ресурс]. URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/deep-web (дата обращения: 18.12.25).

[57] Даркнет (теневой Интернет, Darknet) : [Электрон. ресурс] // Деловой портал TAdviser: Государство. Бизнес. ИТ. URL: https://www.tadviser.ru/ (дата обращения: 18.12.25).

системы дорожных знаков и эмотиконов (смайликов) – типографических изображений эмоций. История эмодзи берёт начало в конце 1990-х годов, когда японский дизайнер Сигэтака Курита создал первый набор из 176 символов для локального оператора мобильного Интернета. Первоначальные эмодзи отличались примитивностью: они представляли собой пиксельные изображения, схожие с общеупотребительными пиктограммами (например знаком «не курить» или схематичным изображением поезда на указателях вокзалов). Эволюция эмодзи как универсального коммуникативного кода проходила в несколько этапов. Так, в 2006 году команда локализации Google совместно с консорциумом Unicode интегрировала эмодзи в качестве стандартизированного набора символов для компьютерных и мобильных устройств. Спустя два года компания Apple включила эмодзи в свой программный код, дополнив существующий набор новыми элементами[58]. Динамика развития эмодзи демонстрирует устойчивый рост, и к 2025 году официальный реестр насчитывает уже 3 790 символов. Культурное признание эмодзи подтверждается следующими фактами: с 2014 года ежегодно отмечается Всемирный день эмодзи (17 июля), а в цифровой коммуникации ежедневно используется не менее 10 миллионов эмодзи, причем значительная часть сообщений в сетевых платформах обходится без текстового сопровождения, полагаясь исключительно на визуальные символы.

Следует отметить, что концепция кодирования преступной информации посредством графических средств имеет давнюю историю. В качестве иллюстративного примера можно обратиться к литературному наследию Артура Конан Дойла: в одном из его детективных произведений фигурирует криминальный шифр, основанный на замене буквенных символов алфавита стилизованными изображениями человечков.

Необходимо акцентировать принципиальное различие между графическими средствами кодирования информации в историческом и современном контекстах. Так, «пляшущие человечки» А. К. Дойла выполняли сугубо техническую функцию – замещали отдельные буквы алфавита. Подобные изображения не обладают свойствами идеограмм или пиктограмм, поскольку лишены семантической самостоятельности и выступают лишь графическими эквивалентами буквенных знаков. В противоположность этому современные эмодзи представляют собой многофункциональную систему паралингвистических средств. Как отмечает Э. Л. Сидоренко, данные графические элементы реализуют следующие лингвистические функции: дублирующая – усиление семантики вербального компонента путём визуального повторения его значения; замещающая – субституция лексических единиц, понятий или образов, которые автор по определённым причинам не использует в текстовой форме; смыслообразующая – конструирование целостных высказываний посредством последовательного комбинирования пиктограмм, требующих декодирования; модифицирующая – трансформация семантики вербального сообщения: от придания дополнительной эмоциональной окраски до полной инверсии исходного смысла[59].

Массовое внедрение эмодзи в цифровую коммуникацию спровоцировало формирование специализированных лексикографических ресурсов, систематизирующих значения наиболее употребительных символов (например https://www.emojiall.com/ru или https://emojipedia.org/). Для обыденного пользователя данные знаки чаще всего выступают как экспрессивные маркеры (улыбка, сердце, огонь), используемые для эмоциональной окраски текста или в качестве невербального аналога «лайка» в социальных сетях. В криминальной среде, напротив, эмодзи функционируют как элементы специализированного кода, требующего профессиональной компетенции для корректной дешифровки. Такая система обозначений и интерпретаций принципиально отличается от общепринятой и предполагает наличие у интерпретатора особых знаний и навыков[60].

В рамках исследования механизмов квалификации правонарушений с использованием эмодзи Э. Л. Сидоренко систематизирует три ключевые функции подобных символов в криминальном контексте: эмодзи-угрозы, эмодзи-призывы, эмодзи-инструменты[61]. На международном уровне проблема интерпретации эмодзи в правоприменительной практике активно прорабатывается различными институциями. К разработке специализированных лексикографических ресурсов привлекаются университетские лингвистические центры, правоохранительные и спецслужбы, государственные структуры, специализирующиеся на профилактике девиантного поведения. Цель таких инициатив – создать унифицированную систему толкования эмодзи, необходимую как для эффективного расследования

[58] Evans V. The Emoji Code. How smiley faces, love hearts and thumbs up are changing the way we communicate. Michael O'Mara Books Ltd., 2017. 256 p.

[59] Сидоренко Э. Л. Эмодзи-преступления: типология и алгоритмы квалификации // Мировой судья. 2024. № 4. С. 14–19.

[60] Alhendi N., Baniamer A., Alsalamat N., Salameh M., Alanazi H. Emoji crimes on social media applications // Cogent Social Sciences. 2024. 10 (1). P. 1–13.

[61] Сидоренко Э. Л. Указ. соч. С. 14–19.

преступлений, так и для обеспечения единообразия судебной практики[62]. На текущий момент отсутствие общепринятых интерпретационных стандартов остаётся существенным препятствием в правоприменении[63]. Как подчёркивает M. M. McMahon, интеграция современных коммуникационных инструментов в преступную деятельность создаёт значительные сложности для правоохранительных органов. Ведь несмотря на многообразие способов использования эмодзи в криминальных целях, их объединяет общая черта: эти символы функционируют как закрытый код, доступный для понимания исключительно участникам преступной группировки. Данная особенность сближает эмодзи с системой зашифрованных сообщений («pizzini»), ранее применявшейся Бернардо Провенцано – бывшим лидером сицилийской мафии. Характерными чертами этой системы были намеренное использование грамматических ошибок, вкрапление цифровых обозначений, применение кодированных выражений. В итоге тексты были понятны исключительно автору и его приближенным, что обеспечивало высокий уровень конфиденциальности коммуникации[64]. Аналогичным образом эмодзи в преступной среде выступают как средство зашифрованной передачи информации, требующее специальных знаний для дешифровки.

В современной криминальной практике наблюдается повсеместное внедрение эмодзи в коммуникационные каналы преступных формирований – от даркнет-торговцев до радикальных исламистских группировок. При этом каждая организация разрабатывает и использует собственную систему символических обозначений, превращая эмодзи в элементы закрытого кода. Анализ конкретных кейсов демонстрирует специфику кодирования. В преступлениях против личности (захват заложников, торговля людьми) эмодзи «корона» сигнализирует о наличии жертвы в распоряжении группировки; количество эмодзи «роза» кодирует требуемую сумму выкупа. В деятельности уличных банд комбинация эмодзи «бегущий человек» и «нож/ножницы» интерпретируется как приказ о нанесении ножевого ранения; эмодзи «полицейский с пистолетом» служит сигналом к убийству представителя правоохранительных органов с применением огнестрельного оружия. В наркоторговле (наиболее изобретательная сфера применения) «брокколи» и «дерево» обозначают марихуану; «снеговик» – метамфетамин; «иглобрюхая рыба» – кокаин; «чёрный бильярдный шар № 8» или «рюкзак» указывают на вес наркотического вещества. Особую сложность представляет многозначность отдельных символов. Например, эмодзи «таблетка» может использоваться наркодилерами – для обозначения наркотических веществ; террористами – при обсуждении отравляющих веществ; сторонниками расистских идеологий – для идентификации «врагов» или рекрутирования новых членов.

Таким образом, эволюция криминальных коммуникационных практик происходит синхронно с развитием общеупотребительных средств цифровой коммуникации. Системное изучение этих механизмов приобретает ключевое значение для противодействия организованной преступности, поскольку позволяет выявлять скрытые каналы передачи информации, дешифровывать кодированные сообщения, а также прогнозировать преступные действия на основе анализа символики.

---

[62] Tenzer L. An Emoji Legal Dictionary // University of Pittsburgh Law Review. 2022. Vol. 1. P. 1–24; Graham P. V. Emojis: An approach to interpretation // UC Law SF Communications and Entertainment Journal. 2024. № 2 (46). P. 123–152; Emoji Drug Codes Decoded – доступный для скачивания в разделе для родителей документ, содержащий расшифровку эмодзи, используемых при незаконном распространении психоактивных веществ : [Электрон. ресурс] // Управление по борьбе с наркотиками (США) : [сайт]. URL: https://www.dea.gov/onepill/parents-and-caregivers (дата обращения: 18.12.25).

[63] Смирнова И. Г. Доверие как аксиологическая детерминанта процесса доказывания по уголовным делам: эмодзи как объект оценки судом. 2024. Т. 18, № 5. С. 504–512.

[64] Pira F. From «pizzini» to social media channel: The mediatic storytelling of mafia language // Forum Socjologiczne. 2018. № 9. P. 191–199.

Козубенко Юрий Вячеславович,
д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова, начальник управления международного сотрудничества ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», г. Екатеринбург

Целеполагание в уголовном судопроизводстве России и стран Содружества Независимых Государств

Ах! Если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
А. С. Грибоедов*

Традиционно уголовное судопроизводство принято рассматривать как деятельность по реализации соответствующих норм уголовного права в связи с совершением преступления. Это обусловлено самыми различными обстоятельствами. В частности, неразрывной связью уголовно-правовых отношений с уголовно-процессуальными, необходимостью защиты от преступных посягательств охраняемых прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации, мира и безопасности человечества, а также целью и задачами отечественного уголовного судопроизводства.

Относительно последних (цели и задач) в доктрине уголовного процесса до сих пор ведется ожесточенная дискуссия в части обоснованности существования цели судопроизводства и содержания его задач. Вместе с тем для того, чтобы осуществлять какую-либо деятельность, субъектам, ее осуществляющим, необходимо знать то, ради чего ведется производство по уголовному делу в конечном итоге, т. е. то, к чему необходимо стремиться, а также промежуточные этапы, «ступеньки», которые также необходимо достичь и решить для достижения общей, единой цели. Первое именуется целью уголовного судопроизводства, а последние – его задачами.

Целью уголовного судопроизводства является *установление лица, реально совершившего преступление, и опровержение презумпции его невиновности с последующим возложением на него соответствующих мер государственного принуждения (наказание, принудительные меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия)*[65]. Что касается **задач** уголовного судопроизводства, то, как и цель, это *категория объективная, обусловленная извне существующей метасистемой, и определяется прежде всего содержанием норм всего уголовно-процессуального права*, а не только прямым указанием на них в уголовно-процессуальном законе. Но при этом необходимо также иметь в виду, что при дифференциации уголовного судопроизводства на стадии, последние также имеют свои задачи, отличные от задач уголовного судопроизводства в целом.

Согласно действующему УПК Республики Казахстан задачами уголовного процесса являются: пресечение, беспристрастное, быстрое и полное раскрытие, расследование уголовных правонарушений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона, защита лиц, общества и государства от уголовных правонарушений.

При этом установленный законом порядок производства по уголовным делам должен обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного – незамедлительную и полную его реабилитацию, а также способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению уголовных правонарушений, формированию уважительного отношения к праву.

---

* Грибоедов А. С. Горе от ума. М., 2006. С. 93.

[65] Уголовный процесс : учебник / под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М. : Инфотропик Медиа, 2016. С. 59; Уголовный процесс : учебник / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В.Козубенко. М. : Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 79.

Действующий УПК Республики Узбекистан определяет задачи уголовно-процессуального законодательства через быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию, и ни один невиновный не был привлечен к ответственности и осужден. При этом установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок производства по уголовным делам должен способствовать укреплению законности, предупреждению преступлений, защите интересов личности, государства и общества.

Уголовное судопроизводство Республики Азербайджан имеет следующие задачи: защита личности, общества и государства от преступных посягательств; защита личности от случаев злоупотребления должностными полномочиями в связи с действительным или предполагаемым совершением преступления; быстрое раскрытие преступлений, всестороннее, полное и объективное выяснение всех обстоятельств, связанных с уголовным преследованием; изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление; отправление правосудия в целях наказания лиц, обвиняемых в совершении преступления, с установлением их вины и реабилитации невиновных; применение уголовно-правовых мер в отношении юридических лиц за преступления, совершенные физическими лицами в пользу юридического лица или для защиты его интересов.

Задачами уголовно-процессуального закона Республики Беларусь являются: закрепление надлежащей правовой процедуры осуществления уголовного процесса, обеспечение законных прав и интересов физических и юридических лиц, которым преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, а также уголовное преследование и защита лиц, которые подозреваются, обвиняются в совершении предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний.

В действующем уголовно-процессуальном законе Российской Федерации, как и в УПК Республики Армения, задачи уголовного судопроизводства прямо не названы, хоть и есть такая одноименная норма (ст. 2 УПК РА). По мнению российских авторов многочисленных учебников по современному уголовному процессу[66], под задачами законодатель имеет в виду назначение уголовного судопроизводства, сформулированное им как один из его принципов (ст. 6 УПК РФ). Так, содержание назначения уголовного судопроизводства заключается в следующем:

1) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

2) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

На самом деле данную формулировку закона можно выразить в одном общеизвестном выражении «Лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного». Вот вкратце в чем заключается трактовка российского законодателя назначения уголовного судопроизводства.

Вместе с тем в подобной позиции составителей текста УПК РФ прослеживается ее однобокость и незавершенность. Деятельность, которая в общем и целом ведется и осуществляется органами государственной власти, основана почему-то на приоритете защиты прав и свобод других участников уголовного судопроизводства, привлекаемых к участию этими органами, а не прежде всего на обязанностях первых (причем *публичных*), что более свойственно и характерно как для российского менталитета, так и истории развития отечественного судопроизводства. Тогда как одним из достоинств уголовно-процессуального закона в советский период явилось формулирование задач судопроизводства на основе свойства их объективности и с учетом историографии его *многонационального* народа. Наше большое российское (потом советское) государство исторически возникло на системе обязанностей, возложенных на личность, и до сих пор продолжает существовать на идее обязательств (характерная черта мусульманско-правовой культуры) и/или системе евангельских заповедей (характерная черта православной культуры). Еще в XIX веке Н. Бердяев отмечал, что для евразийского государства «в осуществлении прав человека самое важное не собственные правовые притязания, а уважение к правам другого… Обязанности человека глубже прав человека, они и обосновывают права человека... Если все будут очень сильно сознавать права и очень слабо сознавать обязанности, то права никем не будут уважаться и не будут реализованы»[67].

---

[66] Уголовный процесс : учебник / под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М. : Инфотропик Медиа, 2016. С. 60; Уголовный процесс : учебник / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. М. : Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 80.

[67] *Бердяев Н.* Философия неравенства. Париж, 1970. С. 119–120. Известная аргументация, что права корреспондируют обязанности, в данном случае неприменима, поскольку не учитывает историографию отечественного уголовного судопроизводства и менталитет его участников (см. также: Козубенко Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого

В связи с чем формулировка задач судопроизводства, данная в ст. 2 УПК РСФСР 1960 года, как наиболее полно соответствующая сложившемуся положению дел, становится еще более актуальной. Итак, с учетом названных признаков основными задачами судопроизводства в общем деле борьбы с преступностью, возлагаемых в качестве обязанностей на все органы правоохраны для достижения единой цели судопроизводства стран СНГ, являются:

Быстрое и полное раскрытие преступлений. Это означает установление в предписанные законом сроки события преступления (времени, места, способа совершения преступления), виновности лица, совершившего преступление, и других обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу (ст. 73 УПК РФ).

Изобличение виновного. Данная задача сводится к собиранию такого объема и качества доказательств, из которых следовал бы только один-единственный вывод, что только это лицо и никакое другое, именно этот обвиняемый совершил данное преступление, по факту обнаружения которого ведется производство по уголовному делу (ст. 21 УПК РФ).

Обеспечение правильного применения закона. Сущность этой задачи состоит в правильной правовой квалификации совершенного преступления, назначении справедливого наказания, соблюдении законности при производстве по уголовному делу как на протяжении всего уголовного судопроизводства, так и на отдельных его стадиях (ст. 7 УПК РФ).

Что касается защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ), то они выступают одним (но не единственным) из *способов достижения цели уголовного судопроизводства*, а потому никак не могут выступать задачами последнего.

Кроме того, нельзя считать задачей уголовного судопроизводства отказ от уголовного преследования невиновных и их последующую реабилитацию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ), поскольку содержание и смысл всего уголовно-процессуального права не предполагает в качестве таковой привлечение к уголовной ответственности невиновного лица. С другой стороны, недопустимость уголовного преследования невиновных является обратной стороной «медали» под названием «цель уголовного судопроизводства». Так, постулирование в качестве цели установление лица, реально совершившего преступление, и опровержение презумпции его невиновности с последующим применением к нему мер государственного принуждения автоматически исключает уголовное преследование невиновных, освобождение их от незаконно назначенного наказания и реабилитацию каждого, кто необоснованно подвергся такому преследованию.

Итак, перечисленные задачи уголовного судопроизводства следует именовать *общими*, поскольку они поставлены на разрешение перед уголовным судопроизводством в целом, и решать эти задачи призваны все без исключения органы государственной власти, вовлеченные в данный процесс. Вместе с тем в уголовном судопроизводстве существуют *частные* задачи, решение которых составляет только часть уголовно-процессуальной деятельности. Частные задачи характерны, как правило, для отдельно взятой стадии уголовного судопроизводства. Например, установление признаков преступления, необходимых и достаточных для принятия решения о возбуждении дела, является частной задачей на стадии возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем все указанные задачи (и общие, и частные) находятся между собой в органической взаимосвязи, и необходимые результаты при решении одной из них могут быть достигнуты лишь при успешном решении другой. И наконец, только путем решения всех названных задач может быть достигнута цель уголовного судопроизводства.

Сформулированные цель и задачи уголовного судопроизводства позволяют наметить *ряд основных признаков* уголовного судопроизводства, а в конечном счете, дать его развернутое определение.

1. Уголовное судопроизводство имеет *своей целью установление лица*, реально совершившего преступление, и *опровержение презумпции его невиновности* в результате быстрого и полного раскрытия преступления, изобличения виновного и правильного применения закона при производстве в отношении него по уголовному делу.

2. Уголовное судопроизводство – это *правоприменительная деятельность* компетентных органов государственной власти: суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания, руководителя следственного органа. В указанной деятельности, связанной с производством по уголовному делу, естественно, принимают участие также и иные лица, например: обвиняемый, подозреваемый, защитник, потерпевший, гражданский истец и их представитель, но их «удельный вес» в реализации норм права настолько невелик, что позволяет отнести уголовное судопроизводство именно к такой форме реализации как правоприменение.

механизма уголовно-правового регулирования : дис. … д-ра юрид. наук / Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева. Екатеринбург, 2018).

3. Уголовное судопроизводство основано на строгом соблюдении установленных законом процедурных правил, т. е. на соблюдении процессуальной формы, детально регламентирующей права и обязанности участников. Именно поэтому, в частности, в уголовном судопроизводстве ограничены диспозитивные начала и приоритет отдан *обеспечению публичного интереса*.

4. Правоприменительная природа уголовного судопроизводства обусловливает *стадийность* указанной деятельности, иными словами, уголовное судопроизводство подразделяется на этапы-стадии, которые, в свою очередь, соответствуют этапам-стадиям правоприменительного процесса, разработанным общей теорией права.

5. Уголовное судопроизводство обусловливает предмет науки уголовного процесса и содержание уголовно-процессуального права как отрасли.

С учетом вышеперечисленных признаков можно дать следующее общее для стран СНГ определение уголовного судопроизводства.

***Уголовное судопроизводство** – это деятельность суда, прокурора, следователя, дознавателя и иных участвующих лиц по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, осуществляемая в строго установленной уголовно-процессуальной форме в целях установления лица, реально совершившего преступление, и опровержения презумпции его невиновности в результате быстрого и полного раскрытия преступления, изобличения виновного и правильного применения закона при производстве в отношении него по уголовному делу.*

Малышева Ольга Анатольевна,

д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

Защита законных интересов потерпевшего в досудебном производстве

Законные интересы являются неотъемлемой частью правового статуса потерпевшего, степень защиты которых коррелируется с показателем эффективности осуществляемой уголовно-процессуальной деятельности. На необходимость защиты законных интересов потерпевшего при производстве по уголовным делам указывает Конституционный Суд РФ, который в ряде своих решений делает акцент на обязанность государства обеспечить потерпевшим адекватные возможности для отстаивания своих интересов в уголовном судопроизводстве[68]. Конституционный Суд РФ также ориентирует правоприменителя на своевременность защиты законных интересов потерпевшего, полагая при этом, что «требование разумного срока разрешения дел отражает важнейший общественный запрос на эффективное и рациональное правосудие и включает предоставление потерпевшим самой возможности доступа к правосудию посредством использования механизмов уголовно-процессуального регулирования»[69].

Значимость защиты законных интересов потерпевшего признается и Верховным Судом РФ, уточнившим важнейшее назначение уголовного судопроизводства – защита не только прав, но и интересов потерпевшего[70]. Такая правовая позиция Верховного Суда РФ основывается на предписаниях п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, согласно которым защита законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, выступает важной задачей современного уголовного процесса. Схожую точку зрения высказывают Н. А. Власенко, А. Н. Иванов[71].

Следует согласиться с О. В. Булановой в том, что субъект, призванный обеспечивать права потерпевших (в досудебном производстве – следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, прокурор – *уточнено О. А. М.*),

[68] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 г. № 7-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.11.2025).

[69] Определение Конституционного Суда РФ от 12 марта 2019 г. № 578-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.11.2025).

[70] Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.11.2025).

[71] Власенко Н. А., Иванов А. Н. Возмещение ущерба потерпевшим от хищений денежных средств, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Законность. 2025. № 6. С. 62.

реализует соответствующую конституционную обязанность, основываясь на принципах правосудия, предполагающих своевременность защиты законных интересов участвующих в уголовном деле лиц[72], включая потерпевшего.

Содержание законных интересов потерпевшего является предметом многих научных дискуссий[73]. По мнению Конституционного Суда РФ, интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве в значительной степени связаны с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания, предопределяющих реальность и конкретные размеры возмещения вреда[74].

С учетом приведенной правовой позиции высшего суда можно констатировать, что законный интерес потерпевшего в досудебном производстве состоит в своевременном его уведомлении следователем, дознавателем о содержании подозрения, обвинения, предъявленных по уголовному делу, об изменении и дополнении предъявленного обвинения. Однако уголовно-процессуальным законом не предусмотрена обязанность лица, ведущего производство по уголовному делу, уведомлять потерпевшего о подозрении и об обвинении. По мнению отдельных авторов, «относительно полные сведения о предъявленном обвинении потерпевший фактически получает лишь на этапе окончания досудебного производства – ознакомление с материалами дела»[75].

Указанное правовое регулирование защиты законных интересов потерпевшего имеет неоднозначную оценку. При отсутствии сведений о содержании предъявленного подозрения, обвинения по уголовному делу результативность участия потерпевшего в уголовном преследовании, возможность которого предусмотрена предписаниями ст. 22 УПК РФ, существенно снижается. Полнота и точность высказываемой потерпевшим процессуальной позиции по вопросам, возникающим в ходе уголовного преследования, включая, как отмечает В. В. Олейник, «вопросы содержания и фактических данных, доказывающих обвинительный тезис»[76], ставятся под сомнение. Вместе с тем преждевременное уведомление потерпевшего о содержании предъявленного обвинения, тем более подозрения по уголовному делу, способно привести к несанкционированному разглашению данных предварительного расследования, что затруднит дальнейшую доказательственную деятельность следователя, дознавателя, поставит под угрозу судебную перспективу уголовного дела, от чего пострадает и сам потерпевший.

Наряду с указанным законным интересом потерпевшего выступает принятие следователем, дознавателем процессуального решения по материалам доследственной проверки или уголовного дела, прямо противоположного ранее принятому, в случае признания судом незаконным обжалуемого потерпевшим в порядке ст. 125 УПК РФ процессуального действия или процессуального решения властного субъекта[77]. Однако удовлетворение обозначенного интереса потерпевшего, как показывает анализ уголовно-процессуальной практики, проблематично ввиду неполноты, неточности правовой регламентации осуществления судебного контроля в досудебном производстве. Это проявляется в принятии судом решений, осуществлении действий, прямо не предусмотренных предписаниями ст. 125 УПК РФ. Кроме того, у правоприменителей отсутствует единый подход к пониманию предмета судебного обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ, что влечет формирование разнородной практики по вопросу защиты законных интересов потерпевшего. В условиях ненадлежащей регламентации законом процессуального порядка проведения судебного заседания при рассмотрении судом жалоб потерпевшего на действия (бездействие), решения властных субъектов досудебного производства сужаются гарантии принятия в рассматриваемом случае законных и обоснованных судебных решений[78].

---

[72] Буланова О. В. Законодательные проблемы обеспечения конституционных прав граждан при рассмотрении уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести в условиях отсутствия подсудимого // Российская юстиция. 2025. № 9. С. 31–32.

[73] Шаров Д. В. Защита законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 63–65.

[74] Определение Конституционного Суда РФ от 18 апреля 2006 г. № 114-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.11.2025).

[75] Финк Д. А. Отражение законных интересов потерпевшего в его праве знать о подозрении и об обвинении (по материалам России и Казахстана) // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 6. С. 177–186.

[76] Олейник В. В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании : дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2020. С. 8, 179–180.

[77] Хроменков И. Р., Качалова О. В. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства : монография. М. : Проспект, 2023. С. 167.

[78] Малышева О. А. Судебное обжалование в досудебном уголовном производстве: пределы и порядок // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18, № 3. С. 137, 139, 144.

Раскрывая проблему защиты законных интересов потерпевшего, следует подчеркнуть, что указанные интересы потерпевшего характеризуются не только правовым, но и материальным содержанием. Признавая юридическое значение правовой позиции Конституционного Суда РФ о том, что интересы потерпевшего не могут быть сведены к возмещению причиненного ему вреда[79], вместе с тем отметим, что результаты анализа мнений потерпевших, следователей, дознавателей, представителей научного сообщества свидетельствуют о том, что для потерпевшего приоритетным в контексте содержания его законных интересов выступает возмещение ему в полном объеме и в возможно короткий срок вреда, причиненного преступлением. Для следственной практики по-прежнему сохраняет актуальность мнение Ю. К. Якимовича, полагавшего, что «при участии в уголовном судопроизводстве потерпевшие заинтересованы в возмещении вреда не через суд (поскольку этот процесс достаточно длинный), а непосредственно сразу же, как только установлено лицо, подозреваемое в совершении преступления»[80].

Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрены различные формы добровольного возмещения вреда, реализуемые при применении института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием, в связи с возмещением ущерба. Наряду с добровольным возмещением причиненного вреда российским законодательством предусмотрены правовые механизмы, нацеленные на обеспечение возмещения вреда. Ученые в данной связи указывают институт реституции, закрепленный ст. 81, 82 УПК РФ – восстановление материального положения потерпевшего путем возвращения ему вещей или иных материальных ценностей[81]. В плане сравнительно-правового анализа отметим, что уголовно-процессуальная реституция, т е. возвращение законному владельцу имущества или иных ценностей, являющихся предметом преступного деяния, предусмотрена также уголовно-процессуальным законом Республики Вьетнам (п. «a», «b» ч. 3 ст. 106 УПК СРВ)[82] и других зарубежных государств.

Однако основной формой обеспечения возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлениями, в современной уголовно-процессуальной практике выступает заявление гражданского иска по уголовному делу. Осуществление защиты рассматриваемого интереса потерпевшего предполагает принятие без необоснованной задержки от пострадавшего заявления о совершенном преступлении властным субъектом досудебного производства, своевременное вынесение постановления о признании лица потерпевшим и не менее важное, наряду с указанным выше, – разъяснение потерпевшему его прав, обязанностей. Защита законного интереса потерпевшего проявляется также в принятии и в разрешении в разумный срок ходатайств потерпевшего, предмет которых ориентирует следователя, дознавателя на правильную оценку характера, размера причиненного ущерба, оперативное установление имущества, могущего выступить обеспечительным средством по гражданскому иску, в целях предотвращения его сокрытия, уменьшения стоимости и др.

Современные официальные статистические данные свидетельствуют о невысокой доле (порядка 15–25 %) возмещения ущерба потерпевшим, несмотря на закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве большого числа правовых норм, регламентирующих обеспечительную деятельность следователя, дознавателя. Однако не всегда объективно возможно обеспечить возмещение ущерба, например, при совершении преступления несовершеннолетним. Кроме того, десятки тысяч преступлений ежегодно остаются нераскрытыми, согласно данным ГИАЦ МВД России. Бесперспективность возмещения ущерба отмечается при совершении уголовно наказуемого деяния лицом в состоянии невменяемости. Появление в УПК РФ нового основания прекращения уголовного преследования – в связи с заключением контракта с Минобороны о прохождении военной службы в зоне специальной военной операции, освобождающего фактически такого подозреваемого, обвиняемого от обязанности возмещения причиненного вреда потерпевшему, препятствует защите законного интереса лица, пострадавшего от преступления. Следовательно, удовлетворить полностью рассматриваемый законный интерес потерпевшего в условиях современного правового регулирования досудебного производства объективно невозможно.

---

[79] Определение Конституционного Суда РФ от 18 апреля 2006 г. № 114-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.11.2025).

[80] Якимович Ю. К. Участники уголовного процесса. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2015. С. 89.

[81] Туров С. Ю. Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция (теоретико-методологический анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 22.

[82] Во Ким Зунг. Процессуальные средства обеспечения прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений (сравнительно-правовой анализ законодательства России и Вьетнама) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 6. С. 12.

Между тем согласно ст. 52 Основного закона Российской Федерации государство гарантирует потерпевшим компенсацию причиненного ущерба. Учитывая существующие объективные препятствия надлежащей защиты законных интересов потерпевших, целесообразным является образование Фонда помощи потерпевшим от преступлений. Источники финансирования данного Фонда могут быть различными: 1) денежные средства, вносимые в виде залога как меры пресечения, избранной в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, перечисляемые в Фонд при нарушении указанным лицом условий, предусмотренных указанной мерой пресечения; 2) денежные средства, выплачиваемые осужденными при исполнении уголовного наказания в виде штрафа. Одновременно необходимо изменить приоритетность выплат, осуществляемых осужденным, в случае его невысокой финансовой состоятельности. В первую очередь денежные средства должны направляться в Фонд помощи потерпевшим от преступлений, затем – на погашение судебных издержек; 3) отчисления от заработка осужденного к лишению свободы при его трудоустройстве и отсутствии исковых требований, заявленных к нему потерпевшим; 4) добровольные пожертвования частных лиц, общественных организаций; 5) взносы участников бизнес-сообщества с предоставлением им государством преференций по налогообложению получаемых доходов от предпринимательской и иной экономической деятельности.

В качестве вывода следует заключить, что достичь назначение уголовного судопроизводства, предполагающее эффективную защиту законных интересов потерпевшего, только посредством совершенствования правового регулирования досудебного производства, оптимизации обеспечительной деятельности следователя, дознавателя достаточно проблематично. Необходимо создание надлежащего финансового инструмента, который бы применялся при осуществлении правотворческой и правоприменительной деятельности в интересах потерпевших от преступлений.

Марковичева Елена Викторовна,

д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени В. М. Лебедева», г. Москва

Отдельные проблемные вопросы оценки судом доказательств, полученных в уголовном процессе с использованием информационных технологий

В последнее десятилетие отечественное уголовное судопроизводство трансформируется в направлении цифровизации уголовно-процессуальной деятельности в досудебных и судебных стадиях. Такая ситуация связана с изменением преступности, которая по многим составам преступлений все больше соответствует определению «киберпреступности», и с оптимизацией деятельности государственных институтов, в том числе судебной деятельности. Различные аспекты такого трансформационного изменения уголовного судопроизводства стали предметом активной научной дискуссии, которая преимущественно охватывает вопросы раскрытия преступлений, доказывания, дистанционного производства процессуальных действий, интеллектуальной поддержки принятия судебных решений, цифровизации формы существования уголовного дела, применения электронного контроля за лицами, к которым применены меры процессуального принуждения.

Дифференциация процессуальной формы производства по уголовному делу, ее усложненный субъектный состав не могут не учитываться при реализации новых информационных подходов. В полной мере это касается ситуаций, когда применение таких технологий должно учитываться судом при получении, исследовании и оценке доказательств по уголовному делу.

В российском уголовном процессе модель доказывания складывалась исторически и вне привязки к цифровым вызовам XXI века и качественно, и количественно изменившейся мобильности людей. В связи с этим закономерно встал вопрос относительно адаптации деятельности органов предварительного расследования и суда к быстро меняющейся жизни социума, что и привело к оформлению первых нормативных подходов к получению доказательств в ходе дистанционных следственных действий и соответствующей судебной практики их исследования и оценки судами. Отметим, что немаловажную роль в этом процессе сыграла пандемия COVID 19, которая показала как неготовность уголовного судопроизводства к такой ситуации, так и возможность более активного использования информационных технологий для решения ряда задач, связанных с отправлением правосудия по уголовным делам.

Современные исследователи данной проблематики отмечают, что «цифровизация уголовно-процессуальной деятельности в судебных стадиях уголовного процесса имеет два основных направления: электронный документооборот и дистанционное участие в судебных процедурах»[83].

В конце 2021 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) дополнился статьей 189.1.[84], регламентирующей порядок производства отдельных следственных действий с использованием возможностей видео-конференц-связи, а спустя год появилась ст. 241.1[85], которая была призвана регламентировать и возможность применения данной технологии в ходе судебного разбирательства. Однако и до таких новелл суды в ряде случаев использовали видеоконференц-связь для обеспечения участия обвиняемого в судебном следствии и решения некоторых задач судебного следствия, поэтому появление новой статьи в УПК РФ в определенной мере лишь «узаконило» складывающуюся практику.

Тем самым стали формироваться начала дистанционного производства по уголовному делу, что само по себе можно расценить как движение в направлении электронного уголовного дела. Хотя, нельзя не согласиться с учеными, обоснованно указывающими на ограниченные возможности документирования дистанционных следственных действий без формата полноценного электронного уголовного дела[86].

Однако такое движение должно учитывать практику применения указанных норм, которая выявила ряд проблем, требующих продуктивного обсуждения и решения. Наиболее полно эти проблемы проявляются в судебном разбирательстве, когда стоит задача исследования и оценки доказательств при рассмотрении уголовного дела по существу.

По мнению Н. Н. Апостоловой, «пред уголовным процессом стоит сейчас наиважнейшая и сложная задача – посредством применения цифровых технологий обеспечить собирание относимых, допустимых и достоверных доказательств, равно как и их надлежащую проверку (исследование)»[87].

Суд должен обосновать принимаемое им решение по уголовному делу непротиворечивой системой проверенных, то есть непосредственно исследованных в судебном заседании доказательств, оцененных им по общим правилам такой оценки. Исключение составляют дела, рассматриваемые в особом порядке постановления приговора. Особых же правил исследования и оценки судом доказательств, получаемых, по сути, в ходе проведения дистанционных следственных действий, в рамках действующих уголовно-процессуальных норм не предусмотрено.

Законодатель оговорил возможность получения доказательств с использованием видео-конференц-связи в досудебном производстве с соблюдением ряда условий, упомянутых в ст. 189.1 УПК РФ, но не получивших детализации. С одной стороны, логика законодателя, не конкретизировавшего целый ряд моментов, понятна: необходимо учитывать и процессуальную самостоятельность следователя, и наличие соответствующих технических возможностей. С другой – нельзя не отметить, что конструкция данной статьи требует детализации в нормах иных федеральных законов или на уровне подзаконного регулирования, а условия видеофиксации оставляют правоприменителя с целым рядом вопросов. Безусловно, уголовно-процессуальный закон не должен быть актом технического регулирования, устанавливающим некие технические параметры видео-конференц-связи и видеофиксации. Однако вполне логичным видится путь, когда техническая составляющая определяется на нормативном уровне одновременно с принятием поправок в УПК РФ или сразу же после принятия. Это позволило бы исключить ситуации, когда суд должен принимать решение о допустимости показаний участников процесса, полученных в порядке, предусмотренном ст. 189.1 УПК РФ с помощью различных технических средств коммуникации, использование которых прямо не оговаривается в законе, а часто и на подзаконном уровне технического регулирования, но к параметрам и характеристикам которых могут возникнуть вопросы.

Дискуссионным является вопрос соотносимости положений ст. 189.1 и 191 УПК РФ применительно к получению показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в первую очередь в части обязательности ведения видеозаписи без получения согласия несовершеннолетнего или его

---

[83] Вершинина С. И., Лазарева В. А. Влияние цифровых технологий на совершенствование правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности // Государство и право. 2023. № 7. С. 106.

[84] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ [Электронный ресурс] // СЗ РФ. 2022. № 1, ч. I, ст. 70. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[85] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2022 № 610-ФЗ [Электронный ресурс] // СЗ РФ. 2023. № 1, ч. I, ст. 57. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[86] Мичурина О. В., Мичурин В. С. Использование электронных документов вне электронного уголовного дела – прогрессивный тупик [Электронный ресурс] // Российский следователь. 2024. № 6. С. 18–21. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[87] Апостолова Н. Н. Доказывание по уголовным делам с помощью цифровых технологий // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. № 2. С. 106.

законного представителя. Нельзя согласиться в данном случае с точкой зрения относительно того, что в ст. 198.1 УПК РФ закреплена специальная норма, перекрывающая действие общей нормы, предусмотренной ст. 191 УПК РФ[88], поскольку все обстоит с точностью наоборот: особенности получений показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей регулируются специальными нормами, применимыми исключительно к ним.

К сожалению, в отечественном уголовном процессе пока не оформилась полноценная модель дистанционного допроса несовершеннолетних. В первую очередь это касается малолетних потерпевших и свидетелей, что затрудняет исследование судом их показаний. Определенные подходы к решению проблемных вопросов наработаны судебной практикой. Но к нормативной модели исследования и оценки судом показаний таких участников процесса много вопросов и у практиков, и у представителей научного сообщества[89].

Позитивный опыт решения данной проблемы имеется в других государствах и может быть учтен. В частности, представляют интерес нормативные подходы, оформляющиеся в Республике Беларусь, Республике Казахстан и ряде других государств[90].

Закон не оговаривает и допустимость или недопустимость использования видео-конференц-связи для получения показаний лица, имеющего какие-либо особенности здоровья. Формально такой потерпевший или свидетель являются полностью процессуально дееспособными, однако суд сталкивается с ситуациями, когда таким образом были получены показания потерпевшего, имеющего определенное психическое расстройство.

Недостаточно урегулированным остался и вопрос участия в таком дистанционном следственном действии дополнительных участников: законного представителя, педагога или психолога, переводчика. Закон обошел молчанием вопрос их местонахождения и их процессуальные права.

Еще более сложной видится ситуация, когда суд после исследования видеозаписи такого следственного действия приходит к выводу, например, о необходимости допроса свидетеля непосредственно в судебном заседании, но реализовать это может только также с использованием видеоконференц-связи. Допустимыми ли будут показания такого свидетеля, если и в досудебном, и судебном производстве они получены дистанционным путем?

Определенные сложности возникают и в связи с оценкой присяжными достоверности показаний лиц, которые допрашивались ранее или допрашиваются в зале судебного заседания с использованием видео-конференц-связи. На выводы присяжных могут повлиять и качество видеозаписи и видео-конференц-связи, и сомнения в добровольности показаний, полученных дистанционным путем, и особенности речи допрашиваемого лица, его поведение в ситуации дистанционного допроса. Сама возможность использования видео-конференц-связи в судебном следствии с участием коллегии присяжных заседателей подтверждается решениями судов проверочных инстанций, которые полагают, что данный вопрос разрешается председательствующим в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела[91]. При этом вопрос допустимости таких доказательств выведен из компетенции коллегии присяжных и разрешается председательствующим, что скорее усугубляет ситуацию, поскольку постановка под сомнение достоверности сведений, сообщаемых свидетелем подобным дистанционным способом, как и дискредитация его показаний перед присяжными рассматриваются судами проверочной инстанции как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее отмену приговора[92].

Это далеко не полный спектр проблемных вопросов, обозначившихся в судебной практике за достаточно короткий период применения дистанционных способов получения показаний в уголовном судопроизводстве. Однако их фиксация – это повод к обсуждению дальнейших перспектив информатизации уголовного процесса и адаптации процесса доказывания к реалиям высокотехнологичного мира.

---

[88] Стельмах В. Ю. Порядок производства следственных действий по видео-конференц-связи [Электронный ресурс] // Российский судья. 2022. № 10. С. 25-29. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[89] Брусницын Л. В. О некоторых аспектах оглашения в суде показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей (часть 6 статьи 281 УПК РФ) [Электронный ресурс] // Российская юстиция. 2024. № 9. С. 34–41. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[90] Матвеев С. В. Использование элементов цифровых технологий при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1. С. 41–47.

[91] См., напр., апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 6 сентября 2023 г. № 55-424/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[92] См., напр., апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 10 января 2023 г. № 55-4 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Машовец Асия Океановна,
д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в судебном следствии по уголовному делу

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в уголовном судопроизводстве, особенно на стадии судебного разбирательства, является одной из наиболее дискуссионных и актуальных проблем современной юриспруденции. С одной стороны, результаты ОРД обладают высоким познавательным потенциалом и подчас незаменимы для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. С другой стороны, эти результаты формируются вне правового режима Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), что вызывает вопросы об их допустимости и юридической доброкачественности в суде.

Оперативно-розыскная деятельность и уголовно-процессуальная деятельность являются самостоятельными видами государственной деятельности, причем первая, как правило, предшествует второй. Результаты ОРД[93] недопустимо отождествлять с доказательствами. Конституционный Суд РФ неоднократно разъяснял, что «результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона»[94].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство, в частности статья 89 УПК РФ, устанавливает прямой запрет на использование результатов ОРД в процессе доказывания, если они не отвечают требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законодательством, а поскольку результаты ОРД по своему определению формируются в ином правовом режиме, они гипотетически не могут соответствовать требованиям УПК РФ. Это противоречие вынуждает правоприменительную практику изобретать, по выражению Б. Я. Гаврилова, «обходные пути»[95], а ученые-прагматики считают практическое применение ст. 89 УПК РФ невозможным. В науке это явление характеризуется следующим образом: «продуктивному использованию в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности очень мешают так и не разрешенные по сей день противоречия между присущей современным условиям чересчур сильной абсолютизацией, скорее даже идеализацией, искусственно созданных догм и канонов уголовно-процессуального права (неких уголовно-процессуальных «ценностей») и реальными познавательными возможностями органов дознания, предварительного следствия и суда, которые детерминированы имеющими естественное происхождение гносеологическими механизмами познания человеком окружающего мира»[96].

Несмотря на то, что «Сегодняшние дознаватели, следователи, прокуроры, судьи и даже многие адвокаты воспринимают как обыденность, как некую данность фактическую презумпцию доброкачественности результатов оперативно-розыскной деятельности в случае соблюдения представившими их правоохранительными органами весьма нечетких и пространных требований Закона об ОРД (не УПК РФ, а именно Закона об ОРД!), а также подзаконного нормативного правового акта – Инструкции о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд»[97],

---

[93] Результаты оперативно-розыскной деятельности – сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда (п. 36.1 ст. 5 УПК РФ).

[94] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Артеменко Игоря Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также частью второй статьи 75 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2024 № 1401-О [Электронный ресурс]. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision764668.pdf (дата обращения: 26.11.2025).

[95] Гаврилов Б. Я. Законодательное обеспечение использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Ius Publicum et Privatum. 2019. № 1 (3). С. 21.

[96] Россинский С. Б., Вытовтов А. Е. Надлежащее понимание результатов оперативно-розыскной деятельности – ключ к решению проблемы их использования в доказывании по уголовным делам // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 1 (182). С. 62.

[97] Россинский С. Б., Вытовтов А. Е. Указ. соч. С. 63.

преобразование (легализация) результатов ОРД в доказательства допустимо посредством исключительно процессуальной деятельности, регламентированной уголовно-процессуальным законодательством.

Наличие доктринальных споров мало отражается на судебной практике, результаты ОРД играют важную роль при обосновании приговоров, а также других уголовно-юрисдикционных решений органов предварительного расследования и суда.

Так, судебная коллегия Второго кассационного суда общей юрисдикции отметила, что суд первой инстанции обоснованно положил в основу приговора результаты оперативно-розыскных мероприятий, проведенных с соблюдением оснований и условий, предусмотренных статьями 7 и 8 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», оценив их результаты с учетом требований статьи 89 УПК РФ[98].

Результаты оперативно-розыскной деятельности, не отвечающие предъявляемым уголовно-процессуальным законодательством требованиям, необходимо исключать из доказательственной базы: определением судебной коллегии по уголовным делам кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2020 года вынесенные в отношении гражданина П. В. Артамонцева обвинительный приговор и апелляционное определение частично изменены: из описательно-мотивировочной части приговора исключена ссылка на показания потерпевшего и свидетеля (оперативных сотрудников органа внутренних дел) относительно сведений об обстоятельствах совершения заявителем инкриминированного преступления (приобретение обнаруженных у него по месту жительства наркотических средств и психотропных веществ именно с целью их последующего сбыта), 2 которые стали им известны из его опроса в отсутствие защитника и которые впоследствии не подтверждены им в суде[99].

Уголовно-процессуальная доктрина нуждается в узком (отраслевом) понимании результатов ОРД как информационных продуктов, подлежащих использованию дознавателем, следователем, судом. Для их выделения и использования в доказывании предлагается внедрить в практику следующие критерии:

1. Невоспроизводимость: информация не может быть получена повторно процессуальным (следственным или судебным) путем, именно потенциально невоспроизводимые оперативно-информационные продукты должны признаваться результатами ОРД в уголовно-процессуальной доктрине, следственной и судебной практике.

Необходимость использования невоспроизводимых оперативно-информационных продуктов в суде обусловлена теми же причинами, которые позволяют оглашать в судебном заседании досудебные показания участников уголовного судопроизводства в случае невозможности их непосредственного получения в суде (ст. 276, 281 и 281.1 УПК РФ).

2. Потенциальная проверяемость: результаты оперативно-розыскных действий должны обладать свойством потенциальной проверяемости с помощью уголовно-процессуального инструментария, включая судебную проверку и оценку.

3. В судебном разбирательстве для использования результатов ОРД в качестве доказательств возможно использование процессуальных механизмов, предоставляющих суду право требования документов по находящемуся у него на рассмотрении жалобе лица, чьи права были нарушены при проведении ОРМ; требовать представления документов по уголовным делам, находящимся в его производстве[100].

Сторонники прямого использования результатов ОРД (после их проверки) подчеркивают, что материалы, полученные оперативным путем (например видео- и аудиозаписи), которые по своему содержанию аналогичны результатам следственных действий (протоколам или показаниям), но сформированы в рамках закона об ОРД, должны приобщаться к уголовному делу. В судебном заседании эти материалы подлежат оглашению по аналогии с правилами судебного исследования доказательств, предусмотренными гл. 37 УПК РФ.

Один из подходов, поддерживаемый некоторыми авторами, состоит в том, что место результатов ОРД в системе доказательств определяется как вещественное доказательство или иной документ.

---

[98] Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2024. № 8.

[99] См. определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 № 3491-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Артамонцева Павла Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьями 75 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision657775.pdf (дата обращения 26.11.2025).

[100] П. 1 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (утв. приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Российская газета. 2013. № 282.

Для устранения правовой неопределенности, которая создает почву для злоупотреблений, уголовный процесс нуждается в собственном, отраслевом понимании результатов ОРД, которое должно быть более узким по сравнению с общим пониманием, вытекающим из закона об ОРД.

В контексте уголовно-процессуальной доктрины, следственной и судебной практики под результатами ОРД следует понимать сведения, имеющие значение для уголовного дела. Эти сведения должны быть:

1. Получены в ходе оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, путем непосредственного восприятия должностными лицами правоохранительных органов материальных или идеальных фрагментов окружающей реальности.

2. Неспособны быть повторно восприняты дознавателем, следователем либо судом в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством.

Такое производное значение невоспроизводимых оперативно-информационных продуктов для последующего использования в доказывании обуславливает необходимость их надлежащей следственной и судебной проверки и оценки на предмет юридической доброкачественности.

Таким образом, несмотря на то что результаты ОРД не являются доказательствами в момент их получения, их легализация и использование в судебном следствии возможны и необходимы, при строгом соблюдении критериев невоспроизводимости и проверяемости, а также путем выполнения судебных требований о представлении соответствующих материалов.

Муратов Константин Дмитриевич,
д-р юрид. наук, доцент, доцент кафедры права Елабужского института Казанского Федерального (Приволжского) университета,
г. Елабуга

Проблемы экспертно-криминалистического сопровождения вещественных доказательств

С криминалистических позиций вещественные доказательства являются носителями определенной криминалистической и экспертно-значимой информации, которая может быть извлечена следователем, дознавателем и судом либо экспертом[101]. При этом содержанием вещественного доказательства будет информация, выраженная в его физических признаках и месторасположении, а формой – сам предмет с его признаками и протокол его обнаружения, описания, фиксации и хранения[102].

Так, в последние годы возникли определенные проблемы, связанные с изъятием и хранением отдельных вещественных доказательств, а также образцов для сравнительного исследования: генно-биологического материала (прежде всего, речь идет о проблеме процессуальной формы получения биологического материала и работы с геномной информацией)[103]. Представляется, что законность процедур получения вещественных доказательств, процессуально-правовое и криминалистическое значение могут повлиять на объективность экспертных исследования вещественных доказательств. Так, например, за 2013 год в Бюро судебно-медицинской экспертизы МЗ РТ было проведено 1 824 экспертизы и исследования вещественных доказательств шестнадцатью экспертами[104].

Правовые позиции Конституционного Суда РФ инициируют новый подход к приемам получения вещественных доказательств. В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 1297-О[105] проанализирована ситуация, когда у заявителя, который обви-

---

[101] Криминалистика: Краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. М. : Большая Российская энциклопедия, 1993. С. 13.

[102] Муратов К. Д., Рахматуллин Р. Р., Шалимов А. Н. Вещественные доказательства и образцы для сравнительного исследования: криминалистические и процессуальные проблемы выемки и хранения [Электронный ресурс] // Scopus : [Журнал] Medwell Journals. Раздел: Applied Sciences. URL: http://medwelljournals.com/abstract/?doi=rjasci.2015.513.518 (дата обращения: 08.11.2025).

[103] Семенов А. Ю. Возможности метода ДНК-анализа в раскрытии и расследовании преступлений // Предварительное следствие (журнал СК РФ). 2009. Вып. 4 (6). С. 78. Так, в частности, автор обращается к опыту других стран: в Великобритании процент раскрытия преступлений без использования метода ДНК-анализа составляет 13 %, с использованием ДНК-анализа – 31 %, а с использованием ДНК-анализа и базы данных ДНК – 60 %. С. 81.

[104] Судебно-медицинская служба Республики Татарстан в 2013 году: информационно-аналитический сборник / сост. В. А. Спиридонов, Н. В. Морозюк, Е. В. Чугунов и др.; под общ. ред. В. А. Спиридонова. Казань : Медицина, 2014. С. 104.

[105] По жалобе гр-на О. Ю. Сойкина на нарушение его конституционных прав ст. 202 УПК РФ «Получение образцов для сравнительного исследования» : определении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2013 года

нялся в совершении преступления, были принудительно получены образцы крови для сравнительного исследования. Конституционный Суд РФ не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению, так как Конституция РФ (ст. 55) допускает ограничение федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в целях защиты прав потерпевших, обеспечивая при этом соразмеренность ограничений и предусмотрев судебный контроль за производством данных действий. В более ранних работах автор данного исследования, в условиях высокой дискуссионности проблематики о выемке биоматериала у живого лица или с (из) тела живого лица, предлагал установить предварительный судебный контроль за производством ряда видов выемок: получение (сбор) биологического материала, обработку геномной информации и уничтожение этих объектов» (дополнить об этом в п. 14 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)[106].

В литературе известны различные мнения об экспертных и криминалистических исследованиях вещественных доказательств. В. А. Спиридонов отмечал историческое значение судебной медицины и судебно-экспертных исследований[107]. Сейчас можно говорить об увеличении комплексных комиссионных экспертиз, назначаемых при неблагоприятных исходах оказания медицинской помощи[108]. Как отмечает В. А. Спиридонов, эти экспертизы проводятся и по уголовным делам, и по гражданским[109]. Вопросы доказывания и оценка допустимости заключения выходят на передний план по «медицинским» спорам[110]. Судебно-медицинские экспертизы – комплексные, комиссионные, повторные, дополнительные содержат исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами (ч. 1 ст. 80 УПК РФ). Именно эти законодательные критерии заключения эксперта позволяют надеяться, что экспертные исследования будут приниматься объективно, сопоставляться с другими аналогичными исследованиями, оцениваться в совокупности экспертных мнений и фактических обстоятельств дела[111]. Так, например А. Д. Назаров, проведя обширные эмпирические исследования причин ошибок в уголовном судопроизводстве, отметил, что необходим многоуровневый подход к анализу причин ошибок и одной из первых называет <…> «чаще всего следователи не проводят всех необходимых по делу судебных экспертиз в 43 % случаев ошибок по исследованным делам в 1990-е гг., по 42 % – в 2000-е гг.)»[112]. Несмотря на то, что экспертные и криминалистические исследования вещественных доказательств могут стать самостоятельным предметов исследования, хочется обратить внимание на некоторые интересные научные исследования. Как отмечают Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р Россинская, в основе зарождения института судебной экспертизы лежит именно консолидация знаний естественных и точных наук, которая включала как направления криминалистической регистрации, так и новые методы исследования вещественных доказательств[113]. Так, например, интересен подход к специальным знаниям в *УПК Швейцарии* проведения следственных действий – они должны производиться «на основе научных достижений и опыта» (ч. 1 ст. 197 УПК)[114].

№ 1297-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ARB&n=356352&req=doc# flegL2T65ryZ1DyL (дата обращения: 07.04.2022).

[106] Муратов К. Д. Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Казань, 2011. С. 108.

[107] Спиридонов В. А. История судебно-медицинской службы (до 1917 года) : учеб.-метод. пособие. Казань : КГМУ, 2007. 21 с.

[108] Муратова Н. Г., Спиридонов В. А. Правовые критерии вариативности судебно-медицинских экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуженного юриста РФ, д-ра юрид. наук, профессора Юрия Кузьмича Орлова, 19–20 января 2017 г. М. : Проспект, 2017. С. 304–308; Муратова Н. Г., Спиридонов В. А. Проблемы формулировки вопросов при назначении комиссионных судебно-медицинских экспертиз при неблагоприятных последствиях оказания медицинской помощи // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., 17–18 января 2019 г. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 315–319.

[109] Спиридонов В. А. О состоянии и перспективах развития судебно-медицинской службы Республики Татарстан // Актуальные вопросы судебной медицины и права : сб. науч.-практ. ст., посвящ. 200-летию клинического медицинского образования в г. Казани и 210-летию казанской кафедры судебной медицины. Вып. 5 / под ред. В. А. Спиридонова. Казань : Медицина, 2014. С. 3.

[110] Каменева К. Ю., Баринова Е. Х., Ромодановский П. О. Вопросы относимости, допустимости и достоверности заключения судебно-медицинского эксперта по врачебным делам // Вестник судебной медицины. 2015. Т. 4, № 2. С. 40–42.

[111] Спиридонов В. А. Судебные медицинские экспертизы по уголовным делам в отношении медицинского персонала: история, современность : учебное пособие / под ред. и со вступительной статьей д-ра юрид. наук, проф. Н. Г. Муратовой. Казань : АМНЕЮС, 2020. 120 с.

[112] Назаров А. Д. Феномен ошибки в уголовном судопроизводстве и её причины : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 53.

[113] Криминалистика : учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская ; под ред. Р. С. Белкина. М. : НОРМА-ИНФРА•М), 2000. 990 с.

[114] Трефилов А. А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 144.

Бесспорно, логично вспомнить вклад в развитие естественно-научных основ практики расследования преступлений австрийского следователя и профессора Ганса Гросса («Руководство для судебных следователей», 1892.) В своей известной работе Г. Гросс уделял много внимания собиранию, хранению и исследованию различных вещественных доказательств и весьма высоко отзывался о доказательственной ценности биологических следов, в том числе и биологических следов человека[115].

В периодической печати конца XIX начала XX вв. вышло немало работ, посвященных тем или иным достижениям науки, использующихся при расследовании преступлений. Это работы А. Ф. Кони, Д. А. Дриля, П. Г. Сущинского о возможностях применения достижений антропологии и психиатрии при расследовании преступлений, о психологическом исследовании преступлений[116].

Итогом же многолетней дискуссии о предмете криминалистики, о роли естественно-научного знания в определении предмета криминалистики, стало появление новой отрасли научного знания – судебной экспертологии[117]. О значении обнаружения и выемки следов биологических объектов (волосы, крови, спермы, слюны, пота, потожировые, запаховые следы), отмечает Т. Н. Шаманова, обнаружить и изъять их достаточно сложно, необходим опыт и навыки, специальные технико-криминалистические средства[118]. Из практики назначений экспертиз в Республике Татарстан видно, что следователи по одному уголовному делу назначают молекулярно-генетические экспертизы сразу в несколько экспертных учреждений с тем, чтобы сократить время, затрачиваемое на проведение экспертиз[119].

В сентябре 2022 года в Нижегородской академии МВД России прошел XXШ Международный научно-практический форум «Юридическая техника», тема которого была объявлена так – «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)». В числе выступающих был и профессор Каминский Александр Маратович[120], который продолжил развивать идеи своего отца – профессора Марата Константиновича Каминского, изложенные в работе «Криминалистическая категория «след преступления» и ее содержание» (1984 г.).

Таким образом, видятся некоторые перспективы научно-практических исследований проблем экспертно-криминалистического сопровождения вещественных доказательств. Во-первых, создать законодательные правила участия ученых (специалистов) при изъятии и определении формы хранения вещественных доказательств. Во-вторых, создать единые научно-обоснованные и практико-ориентированные правила экспертно-криминалистического сопровождения применения вещественных доказательств. В-третьих, создать по каждому уголовному делу информационное поле вещественного доказательства с применением экспертно-криминалистической техники (компьютерную технику, электронные носители информации, цифровые фотоаппараты, диктофоны, осветительные приборы, квадрокоптеры с видеокамерой, программное обеспечение и др.).

---

[115] Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М. : ЛексЭст, 2002. С. 9.

[116] Кони А. Ф. За последние годы. Судебные речи (1888–1896). Изд. 2-е, доп. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1898. 745 с; Дриль Д. А. Преступность и преступники (уголовно-психологические этюды). СПб. : Изд-во Я. Канторовича, 1895. 295 с; Сущинский П. Г. Идея уголовно антропологической школы в науке и судебном процессе (к материалам из дел Мед. сов.). СПб. : Тип. М-ва вн. дел, 1899. 66 с.; Владимиров Л. Е. Психологическое исследование в уголовном суде. М. : Т-во скоропеч. А. В. Левенсон, 1901. 298 с.

[117] Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология – новая отрасль науки // Социалистическая законность. 1973. № 11. С. 49.

[118] Шаманова Т. Н. Следы человека на месте преступления, их роль в доказывании (биологический аспект). М. : Щит–М, 2007. С. 69, 88–89; Чебуренков А. А. Теоретические основы криминалистической тактики и прикладные аспекты их реализации в расследовании преступлений : учеб. пособие / Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева – Тип. «Руз. печ.», 2004. С. 28–29.

[119] Иогансон Е. В., Муратова Н. Г. Критерии допустимости вариативных методик при производстве геномных экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., 22–23 января 2015 г.). М. : Проспект, 2015. С. 205–209.

[120] Каминский А. М. Процедурные и организационные вопросы назначения и производства судебных экспертиз // Юридическая техника. Ежегодник «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника». Нижний Новгород : Фонд НИНПЦ «Юртех», 2022. № 16. С. 437–440.

Муратова Надежда Георгиевна,
д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
г. Казань

Идеи профессора З. З. Зинатуллина об обвинении, защите и правосудии

Актуальность и современность проблематики. Проблемы современного обвинения и современной защиты по уголовным делам обусловлены и несовершенством законодательства, и складывающейся правоприменительной практики в сфере определения функциональной направленности полномочий субъектов права. Состязательный уголовный процесс обязывает, во-первых, обоснованно утверждать о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным кодексом; во-вторых, это утверждение выдвигается в порядке, установленном УПК РФ (п. 22 ст. 5). Законодательное определение субъектов права со стороны обвинения и со стороны защиты актуализировали вновь проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Формулирование подозрения и обвинения, публичное объявление квалификации расследуемого деяния стало предметом обсуждения в ряде решений Конституционного Суда РФ. Так, в правовой позиции Конституционного Суда РФ от 15.06.2021 № 28-П говорится о том, что «лишь при установлении с помощью уголовно-процессуальных средств фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления, возможна дальнейшая правовая оценка поведения лица на предмет наличия или отсутствия в нем состава преступления как основания уголовной ответственности[121].

Историко-правовой взгляд. При анализе известного письменного памятника русского законодательства – Русской Правды, современно звучат идеи о суде, государственности, законе, защите прав и «вознаграждение» – взыскание «за обиду» потерпевшим[122].

Необходимость обращения к историческим корням обвинения и защиты, уважая древние традиции права, учитывая значение идеи «вознаграждения», И. Я. Фойницкий в своём мудром и глубоко продуманном труде «О вознаграждении невинно к суду привлекаемых» поставил ряд сложнейших проблем о невиновных[123].

И. Я. Фойницкий отмечал, что примерами судебных ошибок, к сожалению, богаты хроники уголовных трибуналов всех стран мира. Известный ученый-юрист выдвинул и предложил рассмотреть факт вреда с правовой точки зрения двух идей: идея *предупреждения* и идея *вознаграждения*[124]. Первая – требует предотвращения вреда, вторая – направлена на устранение последствий вреда. Устранить последствия вреда, причиненного привлечением невинного к суду уголовному, в большей части случаев невозможно. Нет той ценности, – пишет И. Я. Фойницкий, – которая могла бы выкупить душевные страдания, начавшиеся для человека после того, как за ним закрылись тюремные запоры; позор судимости, отчаяние семьи привлеченного к суду, душевные тревоги его близких и его самого, никогда и ничем не могут быть искуплены. Оттого-то меры вознаграждения за вред всегда будут недостаточны, всегда останется нечто, ими неискупленное; оттого же меры предупреждения такого вреда получают здесь крайне важное значение. В приискании таких мер и состоит задача процессуальных улучшений[125].

Работы проф. Ф. И. Фаткуллина также были посвящены сущности обвинения и его изменению в различных стадиях уголовного судопроизводства: пересмотр вышестоящими судами ряда дел завершается установлением ошибочности выводов суда первой инстанции в части предъявленного обви-

---

[121] По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова : постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1468439/#ixzz6yATUvj2B (дата обращения: 02.05.2024).

[122] Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, её значение / под ред. О. И. Чистякова. М. : Зерцало-М, 2002. С. 287–288.

[123] Здесь и далее по тексту автором взята для анализа работа И. Я. Фойницкого «О вознаграждении невинно к суду привлекаемых», изданная в С.-Петербурге в 1884 году в Типографии Правительствующего Сената, имеющая эпиграфом слова русского поэта Некрасова: «Оправдают тебя, и отпустят домой, окативши ушатом помой», с благословением посвященная автором памяти Владимира Романовича Лицкаго. 110 с.

[124] Курсив И. Я. Фойницкого. См. указ. соч. С. 9.

[125] См. более подробно о мнении на понятие вреда в работах И. Я. Фойницкого: Татьянин Д. В. Понятие вреда от привлечения к суду и наказаниях невинных в работах И. Я. Фойницого // Судебная власть в России: закон, теория, практика : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 ноября 2004 г. М. : Юрист, 2005. С. 460–462.

нения и принятием мер к исправлению этой ошибки. При проверке законности и обоснованности оправдательного приговора какие-либо изменения обвинения, отвергнутого судом первой инстанции, вообще немыслимы, поскольку в советском уголовном процессе апелляция не допускается[126]. Процессуальный термин «опровержение» обвинения был предложен проф. Ф. И. Фаткуллиным для модели процессуального механизма пересмотра дела по существу (апелляция) в будущем[127].

Авторские идеи профессора З. З. Зинатуллина и его учеников. Профессор З. З. Зинатуллин обратился к сущности и социальному назначению обвинения, проблемам его осуществления. Изложенные факты, входящие в конструктивные признаки конкретного состава преступления должны быть достоверными, и не должно быть вероятностных или предположительных фактов[128]. Представляется, что проблема появляется первоначально при осуществлении «доследственной проверки» (ст. 144 УПК РФ), процессуальные правила которой предполагают и производство следственных действий, и участие адвоката, и ряд процессуальных решений, в том числе и судебных (ст. 125 УПК РФ, ст. 165 УПК РФ). Да, именно на этом этапе производства по уголовному делу, возможно, формируется фактическая основа обвинения, её правовые признаки, квалификация и правовая позиция стороны защиты. Но именно там могут скрываться источники квалификационных ошибок[129].

О защите по уголовному делу профессор З. З. Зинатуллин писал с философских позиций: «обвинение и защита есть парные категории уголовного процесса, они отражают его противоположные аспекты, и если обвинение стремится утвердить истинность сформулированного обвинения и опровергнуть аргументы защиты, то защита стремится к аннулированию обвинения, исключению из него отдельных пунктов, смягчению ответственности. И поэтому, как и применительно к обвинению, в защите следует выделять две стороны – защиту в материально-правовом смысле и процессуальном смысле»[130].

Ученик и коллега З. З. Зинатуллина по кафедре уголовного процесса и криминалистики Казанского государственного университете (80-е годы XX века) Е. Г. Веретехин при подготовке своей кандидатской диссертации внимательно следовал пожеланиям профессора. Им было изучено 800 уголовных дел за 1977–1985 годы, по которым были выявлены некоторые закономерности правоприменительной практики, которые необходимы для оценки современной ситуации при исследовании квалификационных ошибок обвинения и механизма их исправления: при возвращении уголовных дел на дополнительное расследование в 28,6 % случаях не исследовано событие преступления и связанные с ним обстоятельства. В связи с этим исследователем была предложена необходимость теоретического обоснования восполнимых и невосполнимых пробелов предварительного расследования и возможности их восполнения в суде первой инстанции[131].

Дискуссия профессоров З. З. Зинатуллина и Н. Г. Муратовой (дипломница профессора) о «свободном правосудии»[132]. Одной из самых обсуждаемых дискуссией между учителем и ученицей стала проблема «свободного правосудия». В условиях реализации принципа состязательности правосудия разрешает дело по существу и выносит итоговое судебное решение (п. 53.2 ст. 5 УПК РФ). Обращает внимание необычное для нашего времени и понимания И. Я. Фойницкий трактовку образа богини юстиции, по преимуществу уголовной – Фемиды: в этой символичной форме меч – эмблема потребностей материального существования, женская фигура с повязкой на глазах – эмблема потребностей чувственных, весы – эмблема потребностей интеллектуальных[133]. И. Я. Фойницкий обратился к образу богини юстиции не случайно: уголовно-правовой спор в обществе носит публичный характер и вопрос о наказании виновного является его сущностью.

---

[126] Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и изменение его в суде. Казань : Изд-во Казанского университета, 1963. С. 144.

[127] Муратова Н. Г. Апелляция в уголовном процессе // Актуальные проблемы юридической науки и образования на современном этапе. Казань : КГУ, 2002. С. 311; Муратова Н. Г. Апелляционный процесс и его перспективы в России // Ученые записки Казанского государственного университета. 1996. Т. 132. С. 94–98.

[128] Зинатуллин З. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам : учеб. пособие. Ижевск : Удмуртский госуниверситет, 1989. С. 18–19.

[129] Муратова Н. Г. Значение изменения единства первоначальной квалификации, фактических обстоятельств и юридической формулировки преступления // Вестник экономики, социологии и права. Казань, 2012. № 1. С. 208.

[130] Зинатуллин З. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам : учеб. пособие. Ижевск : Удмуртский госуниверситет, 1989. С. 42–43.

[131] Веретехин Е. Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1988. С. 87.

[132] Муратова Н. Г. Система правовых ориентиров в уголовном судопроизводстве // Муратова Н. Г., Салимзянова Р. Р. Гл. 1–2.1. Современные проблемы обеспечения прав и свобод личности в законодательной и правоприменительной деятельности государства / под ред. И. Ш. Мухаметзянова, А. Ю. Епихина, Р. Р. Фахрутдинова, Р. Р. Салимзяновой. Казань : Акад. соц. обр., 2012. С. 93–103.

[133] Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб. : Тип. А. Бенке, 1889. С. 9.

Мнение Н. Г. Муратовой: «Правосудие – это такая правовая деятельность, в которой воплощаются идеи о правовом государстве, о власти, о справедливости, о свободе. Система национального правосудия, являясь частью правовых систем мира, наиболее ёмко отражает социально-правовые проблемы общества, государства и личности. Необходимо в дальнейших исследованиях обосновать необходимость определения правовых ориентиров при осуществлении правосудия по уголовным делам; показать действенность норм-принципов в уголовном судопроизводстве при осуществлении правосудия; выявить системность во взаимосвязанных судебных процедурах правосудия; сформулировать значение нравственно-этических аспектов при осуществлении правосудия по уголовным делам; показать значение личности судьи при отправлении правосудия и проблемы обеспечения независимости судей; выявить позитивные и негативные моменты воздействия на правосознание общества и судей средств массовой информации; сформулировать процессуальную модель „Свободное правосудие“»[134].

*Мнением З. З. Зинатуллина: «*Постановка о возможном существовании «свободного правосудия» по уголовным делам – явление совершенно новое, поистине революционное, вызывающее множество требующих своего разрешения вопросов… Сказанное не запрещает постановку вопросов, связанных с внесением тех или иных изменений действующей системы судопроизводства. Но до внесения таковых на законодательном уровне уголовно-процессуальная форма производства по уголовным делам должна оставаться без изменений… Правосудия вне правового поля нет и не может быть… Наше утверждение остается неизменным как в условиях осуществления правосудия в рамках существующей формы уголовного судопроизводства, так и становления цифровой его формы. Заменить осуществляющего правосудие судью компьютерной программой (нейросетью) и тем самым отдать разрешение судьбы человека машине нельзя, ибо машина не может оценить правовую ситуацию и принять решение о применении закона к человеку»[135].

Выводы автора: таким образом, думается, что можно сформулировать следующие перспективы в изучении проблем обвинения, защиты и правосудия с учетом концептуальных позиций профессора Зинура Зинатулловича Зинатуллина: а) исследовать применяемые в литературе и практике термины применительно к обвинению: «первоначальное», «промежуточное», «итоговое» («окончательное») обвинение и создать законодательную модель «изменения обвинения»; б) исследовать на основе межотраслевых связей «договорную форму» как одну из правовых позиций стороны защиты при применении дифференцированных процессуальных процедур (примирение, судебный штраф, досудебное соглашение, преюдиция); в) продолжить совершенствовать процессуальный механизм изменения обвинения – в ходе предварительного расследования, в судебных стадиях, – с тем, чтобы определить правовые критерии изменения квалификации деяния.

Это позволит продолжить последовательные научные идеи и взгляды известного ученого процессуалиста – профессора Зинура Зинатулловича Зинатуллина и убедиться в их своевременности и эффективности.

[134] Муратова Н. Г. Уголовный процесс: проблемы и идеи : монография. М. : Юрлитинформ, 2021. С. 314.

[135] Зинатуллин З. З. Правосудие по уголовным делам: может ли оно быть «свободным»? // Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Научно-практический журнал «Судебная власть и уголовный процесс». 2022. № 1. С. 21–24.

Пастухов Павел Сысоевич,
д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ПГНИУ ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»; профессор кафедры публичного права факультета внебюджетного образования ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России»; профессор юридического факультета Пермского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Пермь

Цифровая информация в системе средств и методов раскрытия и расследования преступлений

Информация – это главный способ познания окружающей действительности. Именно так, информация традиционно определяется как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления, т. е. знания о предметах, фактах, идеях и т. д., которыми могут обмениваться люди в рамках конкретного контекста. С появлением цифровой информации произошли кардинальные изменения в уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической сферах научных знаний и практике деятельности, но предстоит сделать еще больше для модернизации уголовно-процессуальной деятельности.

Прежде всего, произошел рост технологической преступности, который вызван тем, что цифровая информация в криминальной деятельности стала 1) ценностью, 2) средством и орудием совершения дистанционных преступлений, 3) технологической средой для совершения преступных посягательств, 4) средством вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. Превращение информации в ценность связано с изменением технологии выпуска и обращения денег, ценных бумаг, цифровых финансовых активов, криптовалюты. Указанные активы сначала трансформировались в бездокументарные, а затем в электронные записи в реестрах, регистрах, депозитариях, классических биржах и криптобиржах, обращение которых осуществляется путем внесения (изменения) записей в **информационную систему**. Мы распоряжаемся нашими электронными безналичными средствами с помощью приложений онлайн банков на компьютерных устройствах и смартфонах, что по своей технолого-правовой природе представляет бухгалтерскую строку о движении денежных средств по нашим счетам, т. е. информацию об их движении. Согласно ч. 3 ст. 1 ФЗ о цифровых финансовых активах, цифровой валютой признается **совокупность электронных данных** (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе… [136].

Практика правоприменительной деятельности показывает, что цифровая информация кардинально изменила криминальную деятельность, т. к. преступления совершаются в информационном пространстве посредством использования информации, воздействия на информацию. Такая ситуация стала возможной такому развитию общественных отношений, когда стал возможен отрыв информации как способа регулирования от объекта управления. Этот новый вид ситуаций должен пристально изучаться криминалистикой, так как « …криминалистика (наука, а не практика) должна изучать, анализировать систему взаимозависимости, взаимосвязи, взаимовлияния деятельности по замышлению, подготовке, выполнению и маскировке преступлений, противодействия их раскрытию и деятельностью выявления и раскрытия преступлений»[137].

Так как управление активами и собственностью через цифровое управление повлекло создание цифрового образа существующей действительности, т. е. цифровых профилей, цифровых двойников, виртуальных моделей, то это порождает необходимость **правового регулирования** более безопасного обращения цифровой информации. Вот поэтому, согласно ст. 5 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», информация может являться **объектом** публичных, гражданских и иных правовых **отношений**[138].

---

[136] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 27.10.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[137] Каминский А. М. Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. Леонида Яковлевича Драпкина. 2015. С. 40.

[138] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Рост технологической преступности связан и с тем, что вся совокупность информационных сетей, включая информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», стала коммуникационной средой для преступного сговора, распределения преступных ролей, реализации запрещенных в гражданском обороте товаров, кражей персональных данных, т. е. «питательной средой» для использования информации и информационных технологий для совершения преступных посягательств.

Все сказанное свидетельствует о том, что преступные посягательства на электронные денежные средства, цифровые финансовые активы, электронное управление собственностью через цифровую информацию будут только увеличиваться. Государство в лице правоохранительных органов, законодатель и ученые должны осознать общественно опасные последствия и проводить проактивную уголовно-правовую политику.

Эффективность проактивной уголовно-правовой, уголовно-процессуальной политики и криминалистической деятельности по противодействию преступности зависит от понятия «информация», от которого зависит практика правоприменения. Многие авторы неоднократно отмечали, что понятие «информация» является одним из наиболее фундаментальных естественнонаучных понятий и по существу – философской категорией, столь же емкой, как материя или энергия[139]. Именно эти три понятия лежат в основе любой естественнонаучной картины мира, любой познавательной модели действительности. Через них определяются все остальные физические понятия. Ввиду неразделимости в любом объекте материальной основы, энергии и информации[140]. Значение энергии как составной части информации очень велико для понимания информации как вещественного доказательства, о чем будет сказано ниже.

Основываясь на многочисленных определениях, и чтобы избежать абстрактных философских рассуждений сформулируем авторское определение понятия «информация»: **информация – это передаваемые, воспринимаемые, обрабатываемые данные в материальной и идеальной среде, способствующие уменьшению неопределенности о чем-либо**.

Предлагаемое определение информации необходимо, чтобы сконцентрироваться на решении главной проблемы статьи – раскрыть роль цифровой информации в модернизации уголовно-процессуального доказывания с целью создания более эффективной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Опираясь на авторское определение информации как передаваемые, воспринимаемые, обрабатываемые данные в материальной и идеальной среде, способствующие уменьшению неопределенности о чем-либо, мегаиндустриальное значение цифровой информации в уголовном судопроизводстве видится в расширении источников, средств, методов ее передачи, приема и обработки. Указанная триада работы с данными определяется как информационный процесс и приводит к получению объективных знаний.

Первостепенное **криминалистическое значение** цифровой информации заключается в том, что это цифровой след в виде файлов, лог-файлов, метаданных и всех иных идентификаторов личности и информационно-технологических устройств. Во-вторых, цифровая информация представляет собой технико-криминалистическое средство или даже информационно-технологическое средство для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования цифровых следов. Только с помощью компьютерных устройств и цифровой информации в виде компьютерных программ можно работать с цифровыми следами.

Помимо этого, цифровая информация вкупе с технологиями выступает средством взаимодействия органов расследования с иными правоохранительными органами, субъектами информационно-технологических систем, обладающих криминалистически значимой информацией, позволяющих им получать доказательственную информацию в режиме реального времени[141].

Кроме того, информация и технологии в виде автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) выступают средством дистанционного распознавания, идентификации человека[142],

---

[139] Жилин В. И. К вопросу о многозначности трактовки понятия «информация» // Вестник ЧелГУ. 2010. № 31 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-mnogoznachnosti-traktovki-ponyatiya-informatsiya (дата обращения: 06.12.2025).

[140] Рыжов В. П. О понятии «информация» // Известия вузов России. Радиоэлектроника. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: https://cyber-leninka.ru/article/n/o-ponyatii-informatsiya (дата обращения: 06.12.2025).

[141] Об утверждении Порядка проведения идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в **режиме реального времени** и Перечня категорий лиц, в отношении которых обязательная государственная дактилоскопическая регистрация не проводится в случае идентификации их личности в результате проверки по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени : приказ МВД России от 19.06.2018 № 384 (ред. от 20.05.2024).

[142] Пастухов П. С., Абшилава Г. В. Трансформация криминалистической идентификации в структуре уголовно-процессуального доказывания // Ex Jure. 2024. № 4. С. 109–126; Пастухов П. С. Эволюция криминалистической идентификации

абонентов сотовых сетей, маркированной товарной продукции, транспортных средств и маршрутов их передвижения, участников денежных операций, событий, происшествий, чрезвычайных ситуаций[143].

Идентификация в режиме реального времени или в кратчайшие сроки после обнаружения следов преступлений осуществляется за счет криминалистической регистрации, которая представляет собой различные виды учетов. Существующие системы криминалистических учетов всех видов способствуют криминалистической идентификации по габитоскопическим[144], геномным[145] и другим видам учетов.

Дистанционная идентификация стала возможной по нескольким причинам. Прежде всего, это стало возможным из-за способности цифровой информации объективизировать существующую действительность, создавая цифровой двойник или цифровой профиль лица или объекта, личности, счета и др. Возможности объективизации существующей действительности с использованием цифровой информации могут рассматриваться в отрыве от источников отражения, храниться отдельно следоносителей, систематизироваться, передаваться, т. е. быть независимыми от людей ввиду детализации создаваемого образа. Такая детализация реализуется благодаря технологической особенности цифровой информации на нано, ДНК уровне, создания побитовой копии при создании цифрового двойника, цифрового профиля, 3D-моделей вещественных доказательств и даже сложных событий.

С учетом сказанного, а также опираясь на технологический и правовой анализ цифровой информации, можно утверждать, что первостепенное значение имеет ее материальная природа. В примечании к ст. 272 УК РФ[146] под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные **в форме электрических сигналов**, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Правовое закрепление признака в «форме электрических сигналов» при определении цифровой информации указывает на ее физическую природу, вещественность, которую можно измерить в байтах, килобайтах, а также визуализировать. Материально-вещественный характер цифровой информации позволяет рассматривать ее как вещественное доказательство.

Отношение к цифровой информации как к вещественному доказательству необходимо для включения в УПК РФ **дистанционных следственных действий** по осмотру, обыску, выемке и исследованию сайтов, облачных хранилищ, баз данных и других удаленных источников хранения криминалистически значимой информации. Свойство допустимости доказательств, предусмотренное доктринальными требованиями при формировании уголовно-процессуальных доказательств, указывает на необходимость иметь оригинал-первоисточник отражения доказательственной информации, который отсутствует при проведении дистанционных следственных действий. Использование таких технологических способов фиксации при проведении дистанционных следственных действий, как создание копий файлов, сайтов, сканирование, фотографирование, изготовление скриншотов, материализует цифровую информацию. Созданные копии цифровой доказательственной информации фиксируют «срез» материально-цифровой среды, сохраняют образ информационно-технологической деятельности за определенный период времени.

Частично по такому правовому режиму проводятся следственные действия, предусмотренные ст. 186 и 186.1 УПК РФ. «Частичность» означает, что операторы связи и интернет-провайдеры обязаны сохранять сетевую активность пользователей и предоставлять ее органам расследования по требованию. А это означает, что операторы связи и интернет-провайдеры имеют оригиналы-первоисточники всех коммуникаций. При криминалистическом исследовании удаленных объектов на сайтах, находящихся вне правового поля российского законодателя, такого оригинала-первоисточника нет.

Итак, цифровая информация, зафиксированная технологическими способами путем копирования, сканирования, фотографирования, создания скриншотов, аудио-, видеозаписи при проведении дистанционных следственных действий, должна рассматриваться как вещественное доказательство, т. к. обладает признаками физической природы, материальности, вещественности, энергоемкости. Цифровая информация, рассматриваемая как материальный объект, характеризуется определенными

как метода научного познания в информационном обществе // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф., 06–08 апреля 2022 г. / сост. А. И. Согрина. Пермь : Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 211–215.

[143] Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» : распоряжение Правительства РФ от 03.12.2014 № 2446-р (ред. от 05.04.2019).

[144] Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 10.02.2006 № 70 (ред. от 11.09.2018) // Бюллетень текущего законодательства. М., 2007.

[145] Об утверждении Положения о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы : постановление Правительства РФ от 11.10.2011 № 828 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 42, ст. 5926.

[146] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

качественными показателями, такими как визуальность, достоверность, объективность, полнота, ценность, точность, адекватность, доступность, актуальность и др.

С помощью цифровой информации стало возможным визуализировать следы преступлений, их общие и частные признаки в мельчайших деталях и удобных масштабах, создавать наглядно-образные 3D-модели вещественных доказательств и реконструировать события преступлений. При исследовании доказательств в ходе судебного разбирательства визуализированную информацию намного проще донести до участников, чем устное оглашение протоколов следственных действий.

Эволюционное значение цифровой информации необходимо использовать для модернизации уголовно-процессуальной деятельности. Новые возможности использования цифровой информации надо рассматривать через призму нового подхода к документированию доказательственной информации взамен традиционного протоколирования. Новация подхода к документированию информации состоит в ее фиксации на материальном носителе без привязки к протоколу следственного действия. Посредством документирования обеспечивается быстрота, простота, объективность, наглядность доказательственной информации. Информационно-технологическое документирование при производстве по уголовным делам необходимо реализовать через систему межведомственного электронного взаимодействия. При реализации правовой регламентации документирования, расширении технологических способов фиксации доказательственной информации и перечня иных процессуальных действий, процесс доказывания становится рациональным, эргономичным, т. е. научно-технологичным, отвечающим потребностям информационного общества[147]. Электронное межведомственное взаимодействие обеспечивает эффективность надзорной деятельности, ведомственного и судебного контроля, повышает прозрачность деятельности, приближая сбор доказательств к технологии блокчейн, тем самым гарантируя права и законные интересы участников уголовного процесса.

Новый взгляд на использование цифровой информации для документирования доказательственной информации открывает новые перспективы для совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. Перспективность документирования состоит в создании электронных документов без предварительного документирования на бумажном носителе. Именно документирование уголовно-процессуальных документов в электронном виде не только упрощает, ускоряет, удешевляет процесс фиксации, но и объективизирует доказательственную информацию, позволяет создавать цифровую модель электронного уголовного дела[148].

Цифровая информация создает условия для модернизации уголовного судопроизводства посредством создания **цифровой платформы** для реализации информационной системы электронного документооборота участника уголовного процесса, закрепленными в статьях 474.1, 474.2 УПК РФ[149]. Указанными нормами предусмотрено использование федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», либо создание информационной системы, определенной Верховным Судом Российской Федерации, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, либо систем электронного документооборота участников уголовного судопроизводства с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Провозглашение в статьях 474.1, 474.2 УПК РФ использования Единого портала и информационных систем однозначно свидетельствует о создании платформенной организации уголовно-процессуальной деятельности. Именно по такому пути развиваются все виды деятельности в России и во всем мире[150].

Цифровые платформы позволяют использовать информационно-аналитические возможности **искусственного интеллекта** различных систем учета органов внутренних дел[151], а также информационных массивов, сформированных вне криминалистической деятельности, позволяет обрабатывать

---

[147] Пастухов П. С. Понятие и значение документирования доказательственной информации по уголовным делам // Пермский юридический альманах. 2025. № 8. С. 344–357.

[148] Зуев С. В., Моругина Н. А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 3 (57). С. 83–94; Моругина Н. А. Электронное уголовное дело: понятие, история, зарубежный опыт, перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 84–89.

[149] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[150] См., например, Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 231 «О создании, развитии и эксплуатации государственных информационных систем с использованием единой цифровой платформы Российской Федерации „ГосТех“» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14, ст. 2407.

[151] Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде / Д. В. Бахтеев, Е. А. Буглаева, А. И. Зазулин [и др.] ; под ред. д-ра юрид. наук С. В. Зуева, канд. юрид. наук Д. В. Бахтеева. М. : Юрлитинформ, 2022. 216 с.

большие объемы данных через совокупность подходов, инструментов и методов автоматической обработки структурированной и неструктурированной информации, поступающей из большого количества различных, в том числе разрозненных или слабосвязанных, источников информации, в объемах, которые невозможно обработать вручную за разумное время[152].

Подводя итог исследованию цифровой информации, сделаем несколько выводов о ее мегаиндустриальном значении для уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности для совершенствования процесса доказывания.

1. Информация – это передаваемые, воспринимаемые, обрабатываемые данные в материальной и идеальной среде, способствующие уменьшению неопределенности о чем-либо. Законодателю, ученым и правоприменителю важно осознать, что источники отражения криминалистической информации, средства и методы передачи и восприятия, а также обработки могут и будут постоянно меняться в связи с научно-техническим прогрессом. Важно научно-технические достижения из сферы информационных технологий интегрировать в уголовно-процессуальную деятельность с целью оптимизации и рационализации процесса доказывания.

2. Цифровая информация, конвертируемая в уголовно-процессуальные доказательства (ст. 74 УПК РФ), выступает основным методом познания обстоятельств преступления (ст. 73 УПК РФ). Цифровые средства и методы передачи, восприятия и обработки доказательственной информации способны кардинально усовершенствовать процесс доказывания.

3. В уголовно-правовой сфере цифровая информация превратилась в ценность, а поэтому стала одним из самых частых объектов преступного посягательства. Превращение информации в ценность связано с изменением правовой природы денег, ценных бумаг, цифровых финансовых активов, всех других видов собственности. Цифровое управление названными активами превратили управление ими в цифровую бухгалтерскую запись в электронном устройстве. Кроме того, цифровая информация стала средством, орудием преступления, а многочисленные информационные сети, включая Интернет, стали средой совершения преступлений.

4. В криминалистической деятельности цифровая информация так же имеет многоаспектное значение, как след преступления, информационно-технологическое средство для собирания цифровых следов, технологическое средство взаимодействия органов расследования, дистанционной идентификации. Использование классических технико-криминалистических и современных информационно-технологических средств позволяет визуализировать, а поэтому объективизировать доказательственную информацию.

5. В уголовно-процессуальной деятельности цифровая информация, наряду с аналоговой, является основой доказательства. В отличие от аналоговой цифровая информация выступает более рациональным и оптимальным средством фиксации доказательств посредством документирования такими способами, как копирование, сканирование, аудиозапись, видеозапись, изначальное сохранение доказательств в электронной форме, т. е. без предварительного документирования на бумажном носителе. Благодаря цифровой информации при производстве по уголовным делам развивается электронный документооборот, межведомственное электронное взаимодействие, платформенная организация уголовно-процессуальной деятельности.

6. В перспективе цифровая информация обеспечит использование искусственного интеллекта, нейросетей, автоматизацию и роботизацию процесса доказывания и осуществление электронного судопроизводства.

[152] Пастухов П. С., Вехов В. Б. Искусственный интеллект в решении криминалистических задач // Государственное и муниципальное управление в России: состояние, проблемы и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Пермь, 12 нояб. 2020 г. : сб. ст. / Перм. филиал РАНХиГС ; ред. кол.: Т. В. Евтух, О. И. Мудров, Л. Ю. Мхитарян и др., отв. ред. А. Н. Самойлов, отв. за вып. С. С. Черенщиков. Пермь, 2019. С. 8–16.

Подольный Николай Александрович,
д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Казань

Системно-деятельностный метод в следственном познании и его значение для оптимизации расследования

Одним из ключевых требований к доказательствам является их относимость (ст. 88 УПК РФ). Это значит то, что процесс доказывания должен строиться только на тех доказательствах, которые относятся к предмету доказывания[153]. Установленные в ходе предварительного или судебного следствия данные, не относящиеся к предмету доказывания, не принимаются во внимание и не могут рассматриваться, как доказательства. Это значит то, что они не могут быть положены в основу принятия соответствующего процессуального решения. Возражений здесь быть не может, поскольку нелогично основывать выводы о преступлении на основании сведений, которые к этому преступлению не имеют никакого отношения. В этом состоит логика доказывания, которая определяет выстраивание системы доказательств, которая способна уличить виновных в преступлении лиц. Она облекается в соответствующую форму следственных и иных процессуальных действий, которые позволяют установить обстоятельства совершения преступления и изобличить виновных в этом лиц. Таким образом, логика доказывания становится логикой уголовного процесса, обеспечивающего принятие справедливых решений.

Но расследование преступления – это не только доказывание. Доказывание – это только один из аспектов деятельности следователя. Его природа состоит в том, что обосновывается определённый тезис, который стал известным следователю и который он стремится донести до других участников уголовного процесса. Но для того чтобы можно было обосновывать тезис, необходимо установить то знание, которое является содержанием этого тезиса. То есть, процессу доказывания должно предшествовать следственное познание, в ходе которого должна быть получена информация, позволяющая следователю делать вывод о наличии соответствующих обстоятельств. Следователь вначале должен познать обстоятельства совершения преступления с тем, чтобы в последующем их обосновывать другим субъектам в процессе доказывания. От процесса доказывания следует отличать процесс следственного познания, в ходе которого следователь устанавливает обстоятельства совершения преступления и лиц, которые к нему причастны. Особенностью следственного познания является то, что оно основано не только на полученных доказательствах, но и на иной информации, которая используется для того, чтобы эти доказательства можно было получить. Спектр этой информации достаточно широк и включает в себя любые сведения, которые способны оказать помощь в установлении события преступления и причастности к нему соответствующих лиц.

Без качественно проведённого познания обстоятельств совершения преступления не может быть качественного процесса доказывания, результатом которого является истина о совершённом деянии, которая кладётся в основу принимаемых процессуальных решений. Оба эти процесса (познания и доказывания) являются сутью уголовного процесса, поскольку позволяют не только установить значимые факты, но и обосновать это для других субъектов, а также для общества. При этом и познание, и доказывание облекаются в строгую форму, характерную для уголовного процесса, что делает их едиными для восприятия. Форма стирает их различия, делая неочевидным их особенности. Такое восприятие влечёт за собой некоторые ошибки в понимании следственного познания. В частности, распространённым является то, что следователь в ходе своего познания исходит исключительно из доказательств и не принимает во внимание другие данные, которые либо уже стали ему доступными, либо которые он может получить. Это серьёзно ограничивает возможности по установлению обстоятельств совершения конкретного преступления. Кроме того, не позволяет оперативно реагировать на информацию, благодаря которой имеется возможность выявить недостающие доказательства, что позволяет установить обстоятельства совершения преступления.

Некоторые стереотипы, очевидные и вполне обоснованно применимые к процессу доказывания, переносятся также на процесс познания, что его серьёзно ограничивает. Одним из таких стереотипов

[153] Перервина Е. А. Дисскусия о свойствах относимости, допустимости, достоверности уголовно-процессуальных доказательств // Приоритетные направления развития науки в современном мире : сб. науч. ст. по материалам IX Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 15 ноября 2022 года. Уфа : ООО «Науч.-изд. центр „Вестник науки“», 2022. С. 211–223.

является ограничение процесса следственного познания относимостью данных к конкретному событию преступления. Как показывает практика, это в некоторых случаях не позволяет глубоко исследовать механизм совершения преступления и личность виновного в его совершении. Ведь для того чтобы познать совершённое деяние, необходимо знать особенности того, кто это деяние совершил. Это позволяет определить механизм совершения преступного деяния, а также мотивы, которыми руководствовался виновный. Знание личности преступника часто является ключом к раскрытию преступления и проведению успешного расследования. Но личность сложно установить только на основании тех данных, которые относятся к совершённому преступному деянию. Личность всегда более многообразна и имеет различные проявления, отдельные её черты и особенности могут скрываться и не быть очевидными для окружающих, но именно они могут стать основой механизма совершения преступления. Установление отдельных черт личности предполагает собирание всех данных о ней. Но эти данные могут относиться только к личности конкретного человека, а не к совершению преступного деяния. То есть они могут не соответствовать требованию, которое предъявляется к доказательствам – требованию относимости. Тем не менее личность преступника нельзя познать только на основе совершённого им преступного деяния, тем более что о деянии на момент начала расследования бывает мало что известно.

Расследование часто начинается с установления личности, причастного к совершению преступления лица. Знание её особенностей позволяет познать механизм совершения конкретного преступления. Но знание о личности должно быть полным, поскольку его фрагментарность и односторонность способны исказить участие конкретного лица в совершённом деянии. Полнота этих знаний обеспечивается выявлением данных о самых различных сторонах личности конкретного лица. В настоящее время всё чаще высказывается мнение о необходимости использования профайлинга как эффективного метода при расследовании преступлений[154]. Суть применения этого метода состоит в том, чтобы собрать достаточный объём информации о личности с тем, чтобы на основе этого сделать правильные выводы об её особенностях, чертах. При этом важно не ограничивать эти сведения только обстоятельствами совершённого преступления. Необходимо познание личности в её целостности, которую сложно установить только через анализ причинённого преступлением вреда. В связи с этим интерес для следствия представляет то, как соответствующее лицо ведёт себя дома, на работе, с друзьями, коллегами, просто с чужими людьми, какие у него имеются привязанности, какова у него система ценностей. Помимо черт, одобряемых в обществе, важно установление и черт, которые не характеризуют данное лицо с положительной стороны. В частности, необходимо знать черты и наклонности, которые обществом положительно не оцениваются. К примеру, раздражительность, вспыльчивость, склонность к насилию, неприятие каких-то социальных правил и норм. Может иметь место негативное отношение к отдельным социальным группам. Установление этих качеств может стать подсказкой следователю в выявлении механизма совершения конкретного преступления, в выявлении его мотива, а также цели соответствующего деяния.

Вполне очевидно то, что выявление всех названных черт личности непосредственно не связано с совершённым деянием. Они позволяют понять психологические особенности конкретного лица. Но благодаря этому знанию устанавливается причастность конкретного лица к совершённому преступлению. Выясняется – мог ли конкретный человек совершить преступное деяние в силу особенностей его характера и наличия определённых черт. Тем более что бывают случаи самооговора, когда конкретное лицо признаётся в преступлении, которого никогда не совершало. В этом случае самооговор можно изобличить тем, что личность не обладает навыками или знаниями, которые необходимо было проявить для достижения преступного результата. Знание личности помогает следователю тогда, когда имеет место инсценировка, с помощью которой действительно виновные лица стремятся всю вину возложить на того, кто к преступлению не имеет отношения. Он имеет возможность соотнести содеянное с личность конкретного человека и сделать из этого вывод о его причастности к совершённому преступному деянию. Также благодаря знанию особенности личности имеется возможность установить ту часть деятельности, к которой было причастно соответствующее лицо.

Деятельность является проявлением личности. Через особенности деятельности устанавливаются особенности конкретной личности. Таким образом, для того чтобы познать особенности конкретной личности, нельзя ограничиваться только совершённым преступлением. Необходимо также исследовать поведение конкретного человека, которое не связано с совершённым преступлением. Например, проявление грубости и нетерпимости к пожилым людям или детям. Это позволяет понять

[154] Абрамовский А. А. Применение профайлинга при раскрытии и расследовании преступлений // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 1. С. 42–46.

характер этого человека и определить его склонность к определённым агрессивным действиям, в том числе к совершению насильственных преступлений. Через поведение, которое непосредственно не связано с совершённым преступлением можно выяснить склонности конкретного лица, в том числе его склонности к совершению преступлений. Таким образом можно выяснить склонность лица к совершению преступлений определённого вида. Это имеет значение для того, чтобы определить отдельные обстоятельства совершения преступления, связанные с особенностями личности. Таким образом, опосредовано следователь имеет возможность познать обстоятельства совершения конкретного преступления. Использование профайлинга позволяет следователю выявлять недостающие доказательства, которые в последующем можно положить в основу принятия справедливых процессуальных решений.

Всё это указывает на значение профайлинга для расследования конкретных преступлений. Он позволяет избежать ошибок, связанных с неполнотой следственного исследования обстоятельств совершения соответствующего деяния. Однако следует отметить то, что метод профайлинга, о котором достаточно много пишут в последнее время и который небезосновательно рассматривается как метод, повышающий качество расследования, не является новым для криминалистики. Он известен как системно-деятельностный метод. Данный метод рассматривается как метод взаимосвязи и взаимообусловленности между личностью и её деятельностью. То есть в центре этого метода находится, так же как и в профайлинге, личность, которая исследуется не только в связи с совершённым преступлением, но и в её проявлении в поведении, которое не является преступным и непосредственно с ним не связано. Центральным тезисом системно-деятельностного метода в криминалистике является то, что личность преступника – это центральный элемент в совершении преступления, исследовать который необходимо через её проявление в деятельности, причём не только преступной, но и во всякой иной. Выявление особенностей личности в поведении, которое не является преступным, представляет интерес, поскольку позволяет понять особенности конкретной личности. Посредством такого познания имеется возможность понять какое значение имели соответствующие особенности личности в совершении преступления.

Как видно, системно-деятельностный метод – это метод, позволяющий существенно оптимизировать расследование преступлений. Этот метод через исследование личности преступника позволяет познать механизм совершённого преступного деяния. Так как личность проявляется в деятельности, то полнота исследования личности должна включать в себя изучение всего поведения конкретного лица, подозреваемого в совершении преступления[155]. Схема исследования здесь следующая: поведение, которое не является преступным – личность преступника – преступное деяния. То есть выясняются особенности поведения конкретного лица, которое не имеет признаков преступления. На основе этого делаются выводы об особенностях личности лица, которое подозревается в совершении преступления. И уже с учётом этих личностных особенностей делаются значимые для расследования и всего уголовного процесса выводы об обстоятельствах совершения конкретного преступления. Такова суть применения системно-деятельностного метода при расследовании преступлений. Он позволяет обеспечить полноту и всесторонность в познании обстоятельств совершения конкретного преступления.

В системно-деятельностном методе для расследования важно то, что он является достаточно эффективным инструментом, позволяющим исследовать те особенности личности, которые скрываются (иногда достаточно усиленно). Для того чтобы выявить эти особенности, необходима системность в изучении личности конкретного человека, необходимо знание его черт в совокупности и во взаимосвязи. Выявить все черты конкретного человека и скрываемые им особенности невозможно без познания его поведения. Причём поведения в самых различных сферах, в различных условиях, при воздействии разного рода факторов социальной действительности. Благодаря этому формируется целостное представление о личности, на основании чего можно смоделировать действия конкретного лица в соответствующих обстоятельствах и сопоставить полученную модель с тем деянием, которое имело место (как это видно из выявленных следов). Таким образом, данный метод, при его использовании в расследовании, позволяет достоверно устанавливать обстоятельства совершения преступления. При этом использовать для познания факта совершения преступления сведения, которые не имеют непосредственного отношения к расследуемому событию. С помощью системно-деятельностного метода следователь имеет возможность установить механизм совершённого преступления и на основе этого выявить недостающие доказательства, которые в последующем можно будет использовать в процессе доказывания.

---

[155] Каминский М. К. Системно-мыследеятельностная методология криминалистики и криминалистического образования // Курс лекций по криминалистике для бакалавров : учеб. пособие / под ред. М. К. Каминского, А. М. Каминского. Изд. 2-е, испр. и доп. Ижевск : Ижевский институт компьютерных исследований, 2015. С. 20–25.

Рябинина Татьяна Кимовна,
д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
г. Курск

Основные направления внедрения современных технологий в уголовное судопроизводство[156]

Правовое регулирование уголовного судопроизводства, как и любой другой сферы социальных отношений, осуществляется с определенной цикличностью, отражающей потребности современной жизни. Для сегодняшнего дня характерно проникновение современных информационных технологий, причем не только в обыденную жизнь любого человека, облегчающих его существование, но и во все другие ее стороны. Нас, юристов, конечно, интересуют вопросы, связанные с криминальной сферой нашей жизнедеятельности, и в первую очередь – это увеличивающееся количество преступлений, совершаемых в информационном пространстве, и во вторую – готова ли правоохранительная система ответить на вызов современной преступности. К сожалению, преступность быстрее среагировала на возможности современных технологий, а органы борьбы с нею, пытаясь «догнать и обогнать» ее, вынуждены приспосабливать уголовно-процессуальную деятельность, прежде всего в досудебном производстве, под современные реалии.

Основой трансформации уголовного судопроизводства, безусловно, можно считать Стратегию развития информационного общества в Российской Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы[157], основанной на Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203[158], что свидетельствует о глобальном подходе к изменившейся реальности XXI века. Правоприменительная практика с каждым днем все больше наполняется новыми средствами, используемыми в раскрытии, расследовании и рассмотрении уголовных дел. Однако эффективное их использование затрудняется отсутствием не только четкого правового регулирования их применения, но порой и непониманием практических работников технологий, заложенных при их разработке, пределов и последствий их внедрения в практическую деятельность. Кроме того, категориальный аппарат, используемый в сфере уголовного судопроизводства, расширяется, но не всем вводящимся в правоприменительный оборот понятиям даны научные пояснения. Нуждаются в теоретических исследованиях такие понятия, как цифровое доказательство, электронное правосудие, электронный документооборот, электронное уголовное дело, искусственный интеллект и пр.

Тем самым в науке уголовного процесса появилось новое перспективное направление теоретических исследований, связанное с информационными технологиями, причем основанное на достижениях не только юридических наук, криминалистики, но и точных наук – программного обеспечения и информатики, IT-технологий, телекоммуникации и пр. Отрадно, что ученые-юристы все чаще стали обращаться к данной тематике. Целые научные коллективы занимаются подобными исследованиями.

Хотелось бы выделить разработки ученых под руководством профессора Л. Н. Масленниковой, которые в рамках научного проекта «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» выстраивают новый концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий. Ими обосновываются основные направления концепции: в части цифровизации уголовного судопроизводства – разработка и внедрение не имеющей аналогов в Российской Федерации государственной автоматизированной системы «Доступ к правосудию»; создание единой цифровой платформы для электронного взаимодействия руководителей всех уровней правоохранительных и иных государственных органов, судей, прокуроров, следователей, дознавателей между собой и с гражданами при обеспечении всем участникам цифрового равенства; в части изменения парадигмы начального этапа уголовного судопроизводства – новый подход к досудебному производству как к государственной услуге по обеспе-

[156] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01341 [Электронный ресурс]. URL: https://rscf.ru/project/ 25-28-01341/

[157] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы[157] [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-09052017-№-203/strategiia-razvitiia-informa-tsionnogoobshchestva-v/ (дата обращения: 10.11.2025).

[158] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2025).

чению гражданам доступа к правосудию; предоставление участникам, не наделенным властными полномочиями, права обращаться в суд с ходатайствами о депонировании доказательств, о принятии мер по обеспечению гражданского иска и др.; трансформации предварительного судебного контроля в организационно самостоятельный судебный орган, обеспечивающий доступ к правосудию путем рассмотрения обращений на начальном этапе уголовного судопроизводства, в том числе дистанционно[159].

Не менее важными являются исследования профессора С. В. Зуева, в которых он выделяет три главных направления: 1) разработка теоретических основ и научного обоснования системы информационного обеспечение уголовного процесса; 2) внедрение в классическую модель уголовно-процессуальных средств доказывания «электронных доказательств»; 3) технико-криминалистическое обеспечение использования информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности, расширяет границы теоретических исследований и приходит к выводу о необходимости научной разработки концепции формирования единой цифровой среды уголовного судопроизводства[160].

Коллектив кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета также пытается внести свой посильный вклад в развитие новых концептуальных исследований на данную проблематику. Научная проблема, на решение которой направлены наши разработки, заключается в необходимости совершенствования правовой организации уголовно-процессуального доказывания за счет внедрения цифровых технологий в процесс собирания, проверки и оценки доказательств по уголовному делу. Новизна настоящего научного проекта определяется созданием научной концепции совершенствования правовой организации уголовно-процессуального доказывания в условиях развития цифровых технологий, включающей систему принципов и определение допустимых пределов применения цифровых технологий на начальных этапах выявления и разрешения уголовно-правовых конфликтов, при рассмотрении дела в суде, терминологическую формализацию понятий «электронный документ», «цифровое доказательство», «цифровая информация», определения их доказательственного значения, а также места в системе источников доказательств; закрепление единого правового статуса цифровых доказательств; мер по обеспечение безопасности, сохранности и неизменности процессуально-значимой информации при обращении ее в цифровой среде. Приращению научных знаний способствует введение в научный оборот новых научных категорий, результаты обобщения эмпирических данных и реализации предлагаемых методологических подходов[161].

Понимая неизбежность расширения сферы применения цифровых технологий в сфере уголовного судопроизводства, нельзя, тем не менее, не отметить, что юридическое сообщество обеспокоено и теми рисками, которые сопровождают применение современных технологий. Прежде всего, озабоченность вызывает соблюдение прав и законных интересов лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу, возможность установления тотального контроля за ними со стороны государственных органов. Ненадлежаще еще осуществляется деятельность по изъятию, фиксации и хранению носителей электронной информации. Обсуждаются неясные перспективы возможности производства следственных действий в режиме онлайн, введения электронного уголовного дела, использования искусственного интеллекта и другие вопросы.

Однако решающую роль в будущем переходе на цифровой формат в уголовном процессе играют ни правовой аспект, ни создание организационных и технических условий для такого переоснащения правоохранительной системы, а «человеческий фактор». Следователей, дознавателей,

---

[159] Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов – к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 728–751; Масленникова Л. Н. К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // Lex russica. 2020. Т. 73, № 1 (158). С. 70–87; Масленникова Л. Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10 (74). С. 52–65.

[160] Зуев С. В., Никитин Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 587–595; Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 118–123; Зуев С. В. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2018.

[161] См. об этом подробнее: Рябинина Т. К., Чистилина Д. О. Перспективные направления использования искусственного интеллекта в доказывании по уголовным делам // Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 3. С. 20–26; Рябинина Т. К., Чистилина Д. О. Использование цифровых технологий в ходе судебного разбирательства по уголовному делу: проблемы и перспективы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3. С. 300–307; Ряполова Я. П. Проблемные вопросы совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях развития цифровых технологий // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 2025. С. 83–88; Рябинина Т. К., Ряполова Я. П., Чистилина Д. О. Цифровая трансформация уголовно-процессуального доказывания: преимущества и риски // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 223–236.

прокуроров, судей, адвокатов, получивших юридическое образование по традиционным учебным программам, необходимо «переучивать» с целью овладения ими новых навыков и компетенций. Следует также подумать о введении новых должностей в правоохранительных и судебных органах – IT-помощников. И, конечно, нельзя игнорировать проблему этического свойства, особенно проявившуюся в связи с развитием искусственного интеллекта. Безусловно, в повседневной жизни сфера его применения расширяется, заменяя рутинные действия человека. Но есть области человеческого бытия, где он не может полностью заменить человека. Это, конечно, касается юридической деятельности, уголовного судопроизводства, прежде всего. Данная сфера всегда считалась конфликтной, связанной с трудным процессом принятия решений, особенностями производства следственных действий, наполненных человеческими, часто яркими эмоциональными окрасками. В таких острых, порой непредсказуемых ситуациях важны профессионализм, опыт, человеческая мудрость, наличие стойких волевых и психологических качеств у правоприменителей. Можно ли в машину при разработке программы ИИ заложить все нюансы, связанные с каждым участником процесса и особенностями конкретного уголовного дела?

Еще одна проблема, проявившаяся в ходе применения современных технологий в уголовном судопроизводстве – это соответствует ли УПК РФ современным реалиям, вписывается ли он в цифровую среду, не «устарел» ли? Вновь законодатель должен его «обновлять» фрагментарно, по мере накопления проблем? Или все же настало время принятия нового УПК? Думается, что и законодателю, и ученым, и практическим работникам предстоит серьезная работа по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности.

Семенцов Владимир Александрович,
д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

Задача раскрытия преступления: уголовно-процессуальный аспект

В ныне действующем УПК РФ не названы задачи уголовного судопроизводства, а используется иное понятия – «назначение», хотя в современном русском языке эти словосочетания неравнозначны, поскольку под назначением обычно понимается предполагаемая роль или действия, цель, а под задачей – вопрос, требующий своего разрешения.

А вот ранее в ст. 2 УПК РСФСР 1960 г. эти задачи были закреплены, включая такую задачу, как быстрое и полное раскрытие преступлений. В ч. 2 ст. 21 УПК РФ теперь только имеется предписание о том, что в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении. Тем не менее категория «раскрытие преступлений» все же употребляется законодателем с 29 июня 2009 г., причем многократно и в сочетании с термином «расследование», но лишь применительно к особому порядку принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

В то же время в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» задача раскрытия преступлений не просто указана, но и определено, что ее решение осуществляется при сочетании гласных и негласных методов и средств оперативной работы. В теории оперативно-розыскной деятельности под раскрытием преступления понимается «обнаружение признаков преступления и установление потенциально виновного непроцессуальными средствами и методами»[162].

Именно наличие общей задачи – раскрытия преступлений обуславливает целесообразность интеграции уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, объединения усилий органов, их осуществляющих, в этой сфере.

Дело в том, что решить задачу раскрытия преступлений исключительно с помощью уголовно-процессуальных средств сложно, а то и невозможно, поскольку многие деяния заранее планируются, подготавливаются и тщательно конспирируются, а лица, их совершающие, рассчитывают на то, что им удастся уйти от ответственности. Поэтому объективно необходимо широкое использование

[162] Лапин Е. С. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 11.

возможностей оперативно-розыскной деятельности при раскрытии преступлений, но эта деятельность, при всей ее ценности, не предусматривает самостоятельных механизмов привлечения лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности.

Следовательно, раскрытым преступление может быть признано лишь в сфере уголовно-процессуальной деятельности после сбора, проверки и оценки достаточной совокупности доказательств о виновности конкретного лица в его совершении, когда права и законные интересы лиц, потерпевших от преступлений, надежно и реально защищены исключительно при установлении и изобличении лиц, их совершивших, т. е. тогда, когда преступление будет раскрыто.

Как справедливо отмечал профессор З. З. Зинатуллин, «при всем позитивном, что вложено в содержание ст. 6 УПК РФ, оно <…> совершенно не указывает на те средства, посредством которых в результате соответствующей уголовно-процессуальной деятельности только и можно обеспечить указанные в ч. 1 ст. 6 УПК РФ ценности. Речь идет о тех задачах, которые обязаны выполнять правоприменители по поступившему в их производство уголовному делу и используемых для этого средствах»[163].

З. З. Зинатуллин рассматривал раскрытие преступления в узком и широком смысле. Под раскрытием преступления в узком смысле слова предлагал понимать «установление лица, совершившего преступление, и констатацию этого обстоятельства в соответствующем процессуальном документе». А вот содержание раскрытия преступления в широком смысле связывал «со всесторонним, полным и объективным установлением всех обстоятельств совершенного преступления»[164].

О широком значении термина «раскрытие преступления» можно сказать и другими словами: весь ход досудебного и судебного производства, вплоть до вступления в законную силу обвинительного приговора суда, следует считать раскрытием преступления, позволяя на практике рассматривать раскрываемость как длительный процесс и одновременно важный показатель результативности работы правоохранительных органов, отражаемый в их учетно-регистрационных документах.

В связи с этим возникает необходимость уточнить, когда и кем осуществляется официальное признание преступления как раскрытого с учетом того обстоятельства, что от своевременности и быстроты решения этой задачи зависит итоговая оценка эффективности уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельность.

Основываясь на предписаниях ст. 49 Конституции РФ и ч. 1 ст. 14 УПК РФ о том, что обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в силу приговором суда, официальное признание преступления раскрытым в отечественном уголовном процессе осуществляется судом после вступления обвинительного приговора в законную силу. Кроме того, в п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ закреплена исключительная прерогатива суда о признании лица виновным в совершении преступления. Из этих требований закона следует, что до момента официального (юридически значимого) признания судом лица виновным преступление формально остаётся нераскрытым, даже при наличии подозреваемого или обвиняемого.

Вместе с тем в практическом, а не формально-юридическом плане преступление учитывается как раскрытое не только с момента вступления в законную силу приговора суда, с признанием лица виновным в преступлении, но и раньше, о чем свидетельствуют данные статистики и отчёты правоохранительных органов.

Так, в январе–декабре 2024 г. в Российской Федерации зарегистрировано 1911,3 тыс. преступлений, из которых раскрыто 899,6 тыс. преступлений, в том числе 425,0 тыс., по которым обязательно предварительное следствие, и 474,6 тыс., по которым предварительное следствие необязательно[165].

В п. 2.11 Положения о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений[166] содержится дефиниция нераскрытого преступления как преступления, производство по уголовному делу о котором приостановлено по пп. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Исключение преступления из числа нераскрытых осуществляется только после принятия решения о направлении уголовного дела в суд либо о его прекращении.

---

[163] Зинатуллин З. З. Насущные проблемы постсоветской уголовно-процессуальной науки // Правовая политика в современном обществе: к 85-лет. д-ра юрид. наук, проф. З. З. Зинатуллина : сб. ст. / науч. ред. В. Г. Ившин, Г. А. Решетникова, Л. Г. Татьянина. Ижевск : Удмуртский университет, 2023. С. 22.

[164] Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальные функции : монография. Ижевск : Удмуртский ун-т, 1994. С. 22.

[165] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[166] Приложение № 2 к приказу «О едином учете преступлений» от 29 декабря 2005 г. (ред. от 15 октября 2019 г.) // Российская газета. 2006. 25 января.

В п. 2.12 того же Положения указаны нереабилитирующие основания принятия итогового уголовно-процессуального решения в случае прекращения уголовного дела или отказа в возбуждении уголовного дела, а также прекращения уголовного преследования.

Напомним, что нереабилитирующие основания – это те обстоятельства, при наличии которых лицо освобождается от уголовной ответственности, но считается совершившим преступление. Реабилитации лица и возмещения лишений, понесенных им в результате уголовного преследования, при этом не происходит. Кроме того, требуется учитывать, что нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела не освобождают виновное лицо от гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный в результате его преступных действий.

Поэтому лица, в отношении которых уголовные дела прекращаются по нереабилитирующим основаниям, должны осознавать, что согласие на прекращение уголовного дела (преследования) предполагает добровольное признание себя виновным в совершении преступления и добровольное принятие всех последующих за таким признанием неблагоприятных последствий, таких как возмещение вреда, заглаживание вреда, причиненного преступлением[167].

«Принятие данного решения, – пишет В. Ю. Стельмах, – возможно только при точном установлении всех обстоятельств совершения преступления, а также констатации позитивного постпреступного поведения лица, основанной на объективных фактах, подтвержденных собранными по делу доказательствами»[168].

Проведенный анализ Положения о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений убеждает в том, что постановка на учет преступления как раскрытого осуществляется:

во-первых, не только судом, но и дознавателями, следователями, сотрудниками оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность;

во-вторых, после принятия решения о направлении уголовного дела в суд либо о его прекращении или даже при отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующему основанию.

Вместе с тем еще в 2006 г. В. Ф. Статкус предлагал «установить правило, согласно которому на уровне государственной статистики преступление следует считать раскрытым только после вынесения приговора суда»[169].

Действительно, право органов уголовного преследования самостоятельно (без суда) принимать решения об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении производства по уголовному делу по нереабилитирующим основаниям позволяет учитывать в этих случаях преступление как раскрытое, как это предусмотрено в Положении о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений.

Тем не менее если оценка качества работы оперативных служб, органов предварительного расследования и прокуратуры по раскрытию преступлений будет изначально ориентирована на конечный результат, то это позволит повысить эффективность их взаимодействия, обеспечит реализацию конституционного предписания о том, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда[170].

Затронутый в данной работе аспект уголовного судопроизводства о задаче раскрытия преступления по-прежнему актуален сегодня, особенно в контексте цифровой преступности, о чем свидетельствуют статистические данные МВД России, когда только за первые семь месяцев 2025 г. уровень раскрываемости преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составляет 28,9 %. При этом почти 40 % преступлений в ИТ-среде – это мошенничество и кражи[171]. Однако это отдельная тема, требующая самостоятельного исследования.

Учитывая высказанные суждения, считаем, что раскрытие преступления – важнейшая задача уголовного судопроизводства, решаемая с привлечением непроцессуальных средств и методов оперативно-розыскной деятельности. Окончательный ответ на вопрос – раскрыто ли преступление (в содержательном и в формально-юридическом смысле) – должен давать исключительно суд, включая ситуации, когда органами досудебного производства принимаются решения об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

---

[167] Антонов А. Г. Нереабилитирующие основания [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». 2022. 5 мая.

[168] Стельмах В. Ю. Прекращение уголовного преследования по диспозитивным основаниям: компромисс или прощение? // Правосудие. 2022. Т. 4, № 1. С. 142.

[169] Статкус В. Ф. Кто в России обязан раскрывать преступления? // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 3 (19). М. : Спарк, 2006. С. 57.

[170] Семенцов В. А. Уголовно-процессуальная функция раскрытия преступления // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию д-ра юрид. наук, проф. З. З. Зинатуллина. Ижевск : Удмуртский гос. ун-т, 2013. С. 121–129.

[171] В России раскрываемость IT-преступлений достигла почти 30 %, но структура цифровой преступности остаётся сложной // SOC FORUM. 2025. 8 сентября.

Толстолуцкий Владимир Юрьевич,
д-р мед. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н. И. Лобачевского», профессор кафедры публичного и частного права ФГБОУ ВО «Волжский государственный университет водного транспорта», г. Нижний Новгород

Смена криминалистической парадигмы обусловлена развитием нейронных сетей

Криминалистическая характеристика преступлений имеет почти столетнюю историю своего развития. Несмотря на это, как справедливо указывает С. И. Земцова, споры о сущности с каждым годом становятся все более активными[172]. Считаем, что теория следообразования, разработанная Р. С. Белкиным, не является парадигмой современной криминалистики и представляет собой методологическую основу только для криминалистической техники. В связи с чем дискуссия о проблемах криминалистической методики, в частности криминалистической характеристики, не могла быть конструктивно разрешена в рамках криминалистической теории отражения Р. С. Белкина.

Методологической основой нашей публикации о корреляционных связях между признаками в криминалистической характеристике преступлений выступают первая и вторая теоремы австрийского математика Курта Гёделя о неполноте[173]. Для такой области криминалистической науки, как криминалистическая характеристика преступления, они могут быть сформулированы следующим образом. Первая теорема: в рамках системы криминалистики, основанной на следообразовании, существуют противоположные друг другу истинные утверждения о значении и содержании криминалистической характеристики преступлений, которые не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты внутри этой системы. Вторая теорема: для доказательства непротиворечивости концепции криминалистической характеристики необходимо использовать методы, выходящие за рамки системы, то есть опираться на более сильную метасистему.

Предлагаем считать, что в настоящее время такой метасистемой выступают разработанные в информационных технологиях положения о создании и использовании нейронных сетей. Другими словами, проблемы криминалистической характеристики, в частности наличия в ней корреляционных связей и их прикладного значения в расследовании преступлений, могут быть разрешены при рассмотрении ее предмета как частного случая общенаучных понятий, составляющих основу создания и использования нейросетей.

Сформулированная позиция требует рассмотрения темы в двух аспектах: теоретическом и прикладном. Прикладной аспект заключается в техническом перевооружении криминалистической методики и решении задачи по формализации тех криминалистических закономерностей, которые обеспечивают применение нейронной сети в методике расследования.

Не очевидно теоретическое направление развития криминалистической методики в эпоху искусственного интеллекта, основанного на нейронных сетях, несмотря на то, что оно имеет наибольшую ценность. Система положений о нейронных сетях, разработанная в информатике, представляет собой новую научную парадигму, которую можно отнести к общенаучным воззрениям XXI века. В связи с чем теоретическое исследование в криминалистике, посвященное использованию нейронных сетей применительно к криминалистической характеристики преступлений, должно быть ретроспективным. Оно должно начинаться с рассмотрения современных научных положений о нейронных сетях и двигаться в историю криминалистики, то есть в криминалистику прошлого века, переосмысливая и содержательно разрешая те дискуссионные вопросы, которые на предшествующем этапе развития криминалистики выступали как противоречия.

Возвращаясь к двум теоремам Гёделя, отметим, что в них речь идет о двух состояниях развивающейся системы, которые для криминалистики можно соотнести с соответствующими историческими этапами и сменой научной парадигмы на рубеже XX и XXI веков. Криминалистическая теория отражения, созданная Р. С. Белкиным в качестве криминалистической парадигмы XX века, относится к следообразующим и следовоспринимающим объектам. В связи с чем она не включает в себя закономерности обработки информации нейросетями, которые моделируют работу человеческого мозга. Р. С. Белкин прямо указывал, что отражение в живой природе менее значимо для криминалистики.

---

[172] Земцова С. И. Содержание криминалистической характеристики преступления как предмет научной дискуссии // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 2 (73). С 25.

[173] Хинтикка Я. О Геделе. М. : Канон+. РООИ «Реабилитация, 2015. С. 12.

В учении о криминалистической характеристике XX века имели место казавшиеся на тот момент истинными утверждения о значении и содержании криминалистической характеристики преступлений, каждая из которых оказалась ни доказанной, ни опровергнутой в рамках существующей на тот момент криминалистической парадигмы. Наиболее яркими представителями противоположных позиций следует считать Л. Г. Видонова и А. М. Ларина. Дискуссия между ними, которая длилась последние 20 лет прошлого века, разделила отечественных криминалистов на два лагеря, а накал страстей достигал высшей точки с переходом на обвинения представителей другого лагеря в научной некомпетентности и даже подтасовке данных.

Возможность разрешить выявленные противоречия и ответить на поставленные в ходе дискуссии вопросы на научной основе следует рассматривать в качестве лакмусовой бумаги на научную обоснованность новой криминалистической парадигмы, формирующейся за счет криминалистической трансформации достижений науки о нейронных сетях. Обратим внимание, что корреляционные связи рассматривались важнейшим для криминалистической характеристики понятием.

Для решения вопроса о прикладном значении корреляционных связей в криминалистической характеристике следует рассмотреть байесовские нейронные сети. Наше исследование показало, что среди математических методов, позволяющих, с одной стороны, формализовать криминалистические корреляционные связи, а с другой – сохранить криминалистическое содержание и осмысленность результатов расчетов, следует выбрать метод байесовских сетей доверия и соответствующие нейронные сети, как в наибольшей степени отвечающие поставленной криминалистической задаче. Первым шагом в этом направлении стала разработка компьютерной программы «ФОРВЕР», которая позволяет реализовать байесовскую модель вывода. Программа содержит базу данных из 400 уголовных дел, представляющая собой датасет для обучения нейронной сети. Классификатор базы данных по своему значению выступает в качестве электронной криминалистической характеристики убийств.

Рассмотрение соотношения базы данных и криминалистически значимых признаков криминалистической характеристики, по которым она составлена, однозначно разрешает ряд дискуссионных вопросов прошлого века, касающихся недостатков КХП. В рамках старой парадигмы, во-первых, в подавляющем большинстве статей проводилось простое перечисление предлагаемых различными авторами признаков криминалистической характеристики. Можно обнаружить, что для обучения нейронных сетей недостатком такого подхода выступает отрыв перечня признаков от набора базы данных. В этом плане подход, который предложил Л. Г. Видонов, полностью соответствует созданию датасета. Собранные им 800 уголовных дел по убийствам можно рассматривать прообразом современного датасета для обучения нейросети.

Во-вторых, неконструктивной выступает критика по отношению к числу собранных в датасет уголовных дел. А. М. Ларин считал, что число изученных уголовных дел мало для научно обоснованных выводов. Автор указывал в критических замечаниях по работе Л. Г. Видонова следующее: «Свои операции он производил с восемьюстами делами <…> это не те числа, в которых проявляются статистические закономерности». Обращаясь к современной литературе по нейросетям, можно обнаружить, что для обучения сети достаточно базы из 100 измеренных объектов. Поэтому сегодня можно считать, что 800 дел достаточно для обучения нейросети.

В-третьих, в литературе подчеркивается, что, хотя нейронные сети являются многообещающим новым подходом, необходимо сосредоточить внимание на предварительной обработке данных, чтобы справиться с сокращением объема данных и нелинейностью процесса. Поэтому методы, основанные на статистическом анализе, играют важную роль предварительной обработке и созданию датасета[174]. В связи с чем использованные Л. Г. Видоновым статистические методы выступают необходимым, хотя и промежуточным этапом, в создании и обучении нейросети.

В этом плане особое место занимает корреляционные связи, которые исследовал Л. Г. Видонов методом вычисления процентов. Не анализируя достижения Л. Г. Видонова, ряд авторов считает, что имеющаяся в криминалистической методике проблема существования корреляционных связей между элементами КХП строго не доказана. При этом А. А. Ермолаев в своей публикации настолько увлекается рассмотрением метода предметно-ориентированного проектирования, кстати, не выступающего в качестве новой криминалистической парадигмы, что утрачивает криминалистическое содержание исследуемой им проблемы вплоть до отсутствия упоминания в тексте заявленной в названии статьи «количественной стороне корреляционных связей между элементами криминалистической характеристики преступления»[175].

---

[174] Joseph, Bomi & Wang, F. H. & Shieh, Shyan-Shu. (1992). Exploratory Data Analysis: A Comparison of Statistical Methods with Artificial Neural Networks. Computers & Chemical Engineering. 16. 413-423. 10.1016/0098-1354(92)80057-G.

[175] Ермолаев А. А. Количественные корреляционные связи между элементами криминалистической характеристики преступления // Мониторинг правоприменения. 2025. № 1 (54). С. 51.

В публикациях по нейронным сетям большое внимание уделяется корреляционным связям. Так, А. И. Иванов предлагает в качестве основы национального стандарта России по быстрому автоматическому обучению больших нейронных сетей взять корреляционные нейроны на базе «безвесовой» метрики Байеса-Минковского. Им дается определение корреляционного нейрона, заключающееся в том, что такой нейрон на базе меры близости метрики Байеса-Минковского способен анализировать корреляционные связи между признаками вместо значений признаков в задачах классификации образов[176]. Следовательно, без содержательного криминалистического анализа корреляционных связей обойтись невозможно, если ставится задача использования нейросетей.

Заключение. В силу ограниченного объёма публикации мы не рассмотрели технические стороны использования нейронной сети для создания поискового портрета на основе датасета из 408 уголовных дел программы «ФОРВЕР». Основное внимание уделено смене парадигмы в криминалистике. Процесс обусловлен развитием информационных технологий в виде нейронных сетей. Криминалистическая теория отражения Р. С. Белкина выступает парадигмой только для криминалистической техники. Применение новой парадигмы XXI века позволяет разрешить дискуссионные для прошлого века вопросы в области криминалистической характеристики и отметить работы, которые предвосхитили идею создания датасетов и использования корреляционных связей в нейросетях. Нейронные сети представляют собой современный инструмент развития базовых криминалистических понятий. Тем самым снимается вопрос о криминалистической характеристике как фантоме криминалистики. Появление байесовских нейросетей позволяет получить современные технические средства для совершенствования как теоретического базиса криминалистической методики расследования отдельных видов и групп преступлений, так и прикладных криминалистических рекомендаций, включающих специальное программное обеспечение.

Челышева Ольга Владиславовна,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург

Проблемы расширения представлений об объекте и предмете криминалистики

Традиционное понимание объекта криминалистики связывается с двумя видами деятельности. С одной стороны, в качестве объекта криминалистики рассматривается преступная деятельность[177], преступность[178], преступления[179], преступное деяние и порождаемые им последствия[180] и т. п. В качестве второй стороны объекта криминалистики предлагается понимать деятельность по выявлению и раскрытию преступлений[181], предварительное расследование, судебное разбирательство, профилактику преступлений[182], познавательно-поисковую деятельность в процессе раскрытия преступлений[183], процесс познания факторов, образующих преступление[184] поисково-познавательную деятельность[185].

---

[176] Иванов А. И., Сулавко А. Е. Проект третьего национального стандарта России по быстрому автоматическому обучению больших сетей корреляционных нейронов на малых обучающих выборках биометрических данных // Вопросы кибербезопасности. 2021. № 3 (43). С. 84–93.

[177] Каминский М. К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Криминалистика, криминология и суд. экспертизы в свете системно-деятельностного подхода : науч.-практ. изд. Ижевск : Детектив-информ, 2001. Вып. 3; Баев О. Я. Криминалистическая адвокатология как подсистема науки криминалистики // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002. С. 10.

[178] Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М. : Норма-Инфа, 1999. С. 32.

[179] Пантелеев И. Ф. Предмет, система и задачи криминалистики // Криминалистика / под ред. И. Ф. Пантелеева и Н. А. Селиванова. М., 1993. С. 7.

[180] Лузгин И. М. Развитие представлений о закономерностях, изучаемых криминалистикой // Предмет и система криминалистики в свете современных исследований. М., 1988. С. 45.

[181] Каминский М. К. Криминалистика : курс лекций для бакалавров / под ред. М. К. Каминского, А. М. Каминского. Ижевск : *Jus est*, 2012.

[182] Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М. : Норма-Инфа, 1999. С. 32.

[183] Пантелеев И. Ф. Предмет, система и задачи криминалистики // Криминалистика / под ред. И. Ф. Пантелеева и Н. А. Селиванова. М., 1993. С. 7.

[184] Лузгин И. М. Развитие представлений о закономерностях, изучаемых криминалистикой // Предмет и система криминалистики в свете современных исследований. М., 1988. С. 45.

[185] Образцов В. А. Объектно-предметная область криминалистики // Криминалистика / под ред. В. А. Образцова. М., 1997. С. 10.

Надо отметить, что в научных работах по криминалистике используются и другие достаточно разнообразные понятия для обозначения этих двух сторон (элементов) объекта криминалистики, или, что представляется более правильным, двуединого объекта данной науки. К сожалению, вопросы, связанные со второй стороной объекта криминалистики, её структурой, мало обсуждались в криминалистической литературе и практически не принимали форму дискуссии.

В данный момент мы не ставим задачу определения наиболее удачной формулировки для обозначения рассматриваемой категории, а хотим обратить внимание на содержание этой второй стороны двуединого объекта криминалистики, то есть на деятельность, которая в реалиях современности противостоит преступной деятельности (а точнее совокупности уголовно-релевантных событий[186]).

В начале своего становления и развития криминалистика представляла собой науку, прикладной стороной которой являлась разработка рекомендаций для следователей, и её задачи связывались с оптимизацией именно предварительного расследования. Однако уже в 60-х гг. появились первые работы о применении криминалистических разработок в процессе судебного разбирательства. Ряд работ был посвящён использованию криминалистических знаний в рамках гражданского и арбитражного процесса, рассмотрения дел об административных правонарушениях. В то же время, как правильно отмечал М. К. Каминский, потребность общества в таких работах «не была проанализирована в фундаментальных научных исследованиях и поэтому не повлекла за собой пересмотра представлений о предмете криминалистики»[187].

Следствием этого стало то, что исследования в области изучения криминалистических аспектов судебного разбирательства уголовных дел не приобрели достаточного масштаба. В основном большинство из них ограничиваются разработкой рекомендаций по применению уже имеющихся достижений криминалистики в различных направлениях. Например, применением технико-криминалистических средств и методов в процессе исследования вещественных доказательств, или фиксации хода и результатов судебного следствия. Во многих работах указывается на то, что судья может и должен использовать достижения криминалистики для выдвижения и проверки судебных версий, планирования судебного следствия.

В то же время многие авторы совершенно справедливо отмечают, что производство судебных следственных действий, таких как допрос, предъявление для опознания, следственный эксперимент, осмотр вещественных доказательств, осмотр участков местности и помещений, освидетельствование, существенно отличается от производства одноимённых действий, проводимых в процессе предварительного расследования. А значит, тактические приёмы, разработанные для предварительного расследования в рамках раздела криминалистическая тактика, не могут быть автоматически применены к судебным следственным действиям. Более того, большинство рекомендаций по тактике отдельных следственных действий вообще неприменимо к стадии судебного разбирательства. Это обусловлено в первую очередь публичностью судебного следствия, осведомлённостью основных участников процесса об имеющейся доказательственной базе, существенной ограниченностью во времени по сравнению с предварительным расследованием и другими обстоятельствами.

Кроме того, в стадии судебного разбирательства в полной мере проявляется принцип состязательности, в связи с чем судебно-следственные действия проводятся в присутствии и с участием сторон обвинения и защиты. Так, ст. 275 УПК РФ предусматривает порядок допроса подсудимого, в соответствии с которым первым его допрашивает защитник, затем государственный обвинитель. Судья имеет право задавать вопросы подсудимому после его допроса сторонами. В соответствии со ст. 287, 288 УПК РФ производство судебно-следственных действий также осуществляется с участием сторон. Данные положения закона обусловливают необходимость выбора тактики действий всеми участниками судопроизводства, а именно судьёй, государственным обвинителем и защитником. Криминалистическая же тактика следственных действий рассчитана на единственного субъекта расследования, то есть следователя или дознавателя. Безусловно, отдельные научные исследования, посвящённые криминалистическому обеспечению деятельности государственных обвинителей и судей, проводились[188]. Однако они так и не привели к формированию в рамках криминалистики разделов, адекватных современным запросам судебной практики.

---

[186] Челышева О. В. Гносеологические основы криминалистики (теоретико-прикладное исследование) : монография / под ред И. А. Возгрина. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России. 2003. С. 73.

[187] Каминский М. К. Криминалистика : курс лекций для бакалавров / под ред. М. К. Каминского, А. М. Каминского. Ижевск : *Jus est*, 2012. С. 19.

[188] Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964; Гарин К. Криминалистику – на службу судебному следствию // Социалистическая законность. 1955. № 9. С. 13–15; Кореневский Ю. В. Криминалистика и судебное следствие // Советское государство и право. 1987. № 4. С. 56–64; Егоров К. С.

Имели место и дискуссии о необходимости разработки в рамках криминалистической науки рекомендаций, адресованных адвокатам, осуществляющим защиту подсудимого[189]. Адвокат не обязан стремиться к установлению истины, выяснению реальных обстоятельств преступления, что в итоге должно привести к вынесению справедливого приговора. Он вполне может способствовать искажению представлений о совершённом деянии в пользу своего подзащитного всеми не противоречащими закону действиями. При этом адвокат применяет способы, которые могут рассматриваться как тактические приёмы защиты. Надо отметить, что предложения о разработке адвокатской тактики в рамках криминалистики не получили поддержки большинства представителей научного криминалистического сообщества, поскольку задачи защитника на практике чаще всего противоречат задачам судопроизводства.

Иное отношение должно быть к исследованию криминалистических аспектов деятельности государственного обвинителя и судьи. Для развёртывания масштабных исследований в этом направлении целесообразно придерживаться понимания второй стороны объекта криминалистики, сформулированного Р. С. Белкиным как предварительное расследование, судебное разбирательство, профилактика преступлений[190]. Тогда криминалистические рекомендации, адресованные судьям и государственным обвинителям, займут достойное место в системе криминалистики как науки и как учебной дисциплины.

Чистова Любовь Евгеньевна,

д-р юрид. наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя; профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С. Ю. Витте,
г. Москва

Является ли соглашение о сотрудничестве по делам о наркопреступлениях «царицей доказательств»?

Современный этап развития наркопреступности в России характеризуется стремительной цифровизацией незаконной деятельности в этой сфере.

Организаторы и участники преступных сообществ активно используют весь арсенал современных информационно-телекоммуникационных технологий: от криптографически защищенных мессенджеров, таких как Telegram, с их системой автоматических «закладок» и каналами сбыта, до анонимизирующих средств – VPN, браузеров TOR, а также одноразовых аккаунтов и SIM-карт. Широкое внедрение механизмов расчетов в криптовалютах завершает создание замкнутой, высоколатентной и децентрализованной преступной системы.

Данная трансформация создает значительные препятствия для правоохранительных органов, традиционные методы работы которых зачастую оказываются неэффективными против хорошо организованных преступных сетей. В этих условиях ключевым инструментом раскрытия сложно структурированной преступной деятельности и привлечения к ответственности ее членов, в том числе и руководителей, становится институт досудебного соглашения о сотрудничестве, регламентированный главой 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В контексте противодействия высокоорганизованной и технологичной наркопреступности, досудебное соглашение о сотрудничестве приобретает роль стратегического элемента в раскрытии и расследовании рассматриваемых видов преступлений. В обмен на смягчение наказания подозреваемый (обвиняемый) может предоставить информацию, которая иначе была бы недоступна: раскрыть структуру преступной сети, назвать ее лидеров и координаторов, объяснить механизмы финансирования и логистики, включая использование криптовалют и каналов связи. Таким образом, используя данный институт уголовного судопроизводства в раскрытии и расследовании незаконного оборота

Проблемы криминалистического обеспечения судебного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994; Кисленко С. Л. Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002; Кобылинская С. В. Криминалистические проблемы организации судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.

[189] Баев О. Я. Криминалистическая адвокатология как подсистема науки криминалистики // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002. С. 10; Каминский М. К. Процедурная революция и криминалистика // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002. С. 73.

[190] Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М. : Норма-Инфа, 1999. С. 32.

наркотических средств, возможно получить важную информацию для выяснения всех его обстоятельств. Привлечение же к уголовной ответственности только лишь одного участника преступного формирования, зачастую – низшего звена, не только не решает задачи уголовного судопроизводства по раскрытию преступления и изобличению всех соучастников, но и создает иллюзию борьбы с такими видами преступлений, в то время как преступное формирование будет продолжать функционировать и далее, быстро заменив выбывших членов на новые.

Необходимо заметить, что некоторые авторы, к примеру, И. Каталымова, по поводу заключения соглашения о сотрудничестве высказывают мнение, что «огромным недостатком данного института в России может стать то, что такое безоговорочное признание вины станет «царицей доказательств» и «искать истину» уже не будет необходимо»[191].

Однако, несмотря на опасения, высказанные данным автором, представляется, что такая критика не в полной мере учитывает комплекс процессуальных гарантий и практических механизмов, встроенных в институт досудебного сотрудничества. Утверждение о том, что признание вины в рамках такого соглашения может превратиться в «царицу доказательств», выглядит спорным при системном анализе уголовно-процессуального законодательства.

Во-первых, показания, данные сотрудничающим лицом, ни при каких обстоятельствах не могут быть положены в основу обвинения без их тщательной и всесторонней проверки. Уголовно-процессуальный закон (ст. 317.4 УПК РФ) прямо не освобождает следствие и суд от обязанности доказывать все обстоятельства преступления. Показания, полученные по соглашению, могут стать версией следствия, которая подлежит обязательной перепроверке и подтверждению всей совокупностью собранных по делу доказательств: результатами оперативно-розыскных мероприятий, выемки и осмотра электронных носителей, заключениями компьютерно-технической экспертизы, показаниями других свидетелей и др.

Более того, сама психология процесса сотрудничества свидетельствует против тезиса о «царице доказательств». Как правило, подозреваемый идет на сделку со следствием не спонтанно, а лишь после того, как он убеждается в неопровержимости собранных против него улик. Таким образом, его последующие признательные показания и активная помощь являются не причиной установления вины, а скорее следствием уже проведенной качественной следственной работы. Они становятся инструментом, позволяющим «замкнуть» цепь доказательств и выйти на более высокие уровни преступной иерархии.

Во-вторых, важно понимать функциональное назначение этого института. Для следователя – это доступ к уникальной информации, которую иным путем он может и не получить. Для подозреваемого (обвиняемого) – возможность значительного смягчения ответственности при условии добросовестного выполнения взятых обязательств. Этот институт вводит элемент правовой определенности в ситуацию, где обвиняемый и так признает свою вину. Он не подменяет поиск истины, а направляет его в более эффективное русло, поощряя раскрытие информации, которая и составляет эту самую истину.

Следует отметить, что дискуссионным является и вопрос о том, с кем именно следует заключать досудебное соглашение. В научной литературе высказывается обоснованная точка зрения о целесообразности сотрудничества именно с руководителями преступных групп, поскольку они обладают наиболее полной информацией о структуре, каналах поставок и финансирования[192]. Действительно, лидеры, стремясь к максимальной конспирации, выстраивают систему с минимальными горизонтальными связями, централизуя управление в своих руках.

Однако на практике реализовать эту стратегию чрезвычайно сложно. Организаторы преступной деятельности, особенно в сфере цифрового наркобизнеса, предпринимают беспрецедентные меры для собственной безопасности, минимизируя цифровой след и прямые контакты с операционными процессами. В результате, руководители преступного формирования остаются практически неуязвимыми для традиционных методов их выявления.

В связи с этим наиболее продуктивной и реалистичной тактикой представляется заключение досудебных соглашений именно с рядовыми участниками преступных групп, которые чаще всего и попадают в поле зрения правоохранительных органов при задержании с поличным или в ходе перехвата «закладок». Эти лица зачастую обладают фрагментарной, но критически важной информа-

[191] Каталымова И. Досудебное соглашение или «сделка с правосудием» : [Электронный ресурс]. URL: https://apno.ru/content/view/330 (дата обращения: 04.07.2025).

[192] Битюцкий Е. В. Проблемы расследования преступлений, связанных со сбытом наркотиков, совершенным бесконтактным способом // Совершенствование правовой базы реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: уголовный, уголовно-процессуальный и административный аспекты : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 2. Екатеринбург, 2015. С. 59.

цией: о способах связи с координатором, о правилах конспирации, о местах хранения наркотиков или о приметах других соучастников.

Но принимать такое решение необходимо только после того, как будет установлено, что задержанный действительно располагает информацией об обстоятельствах преступной деятельности, изложенных в ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ. Эта информация, указывающая на осведомленность лица о структуре сообщества, его руководителях и ключевых обстоятельствах деятельности, может содержаться в материалах дела: в протоколах обысков, прослушиваний телефонных переговоров, а также в данных оперативной разработки, представленных в порядке ст. 89 УПК РФ. Таким образом, решение о заключении соглашения должно быть строго обоснованным.

Но, как показывает практика, заключить такое соглашение даже с рядовыми членами преступных сообществ зачастую оказывается крайне проблематично. Это обусловлено действием мощнейшего сдерживающего фактора – **системы тотального контроля и устрашения,** выстраиваемой руководителями преступных формирований.

Все участники таких групп проходят строгий инструктаж на случай задержания, основой которого является принцип «молчания». Однако это не просто рекомендация; она подкрепляется реальной и жестокой угрозой применения насилия как к самому задержанному, так и к его близким. В результате в сознании рядового участника формируется иерархия страхов: санкции преступной среды воспринимаются как более неотвратимые, быстрые и суровые, чем отдаленное и формализованное уголовное наказание от государства[193]. Этот фактор и является главным психологическим барьером, который должен преодолеть следователь.

В этих условиях работа следователя по склонению задержанного к сотрудничеству превращается в сложный, многоходовой психологический процесс. Ее можно условно разделить на два ключевых этапа:

Этап 1: как правило, изначально ситуация при допросе носит ярко выраженный конфликтный характер. Задержанный либо полностью отказывается от дачи показаний, либо дает заведомо ложные. Задача следователя на этом этапе – не требовать немедленного сотрудничества, а планомерно разрушать стену недоверия и страха. Это достигается не давлением, а профессиональной демонстрацией беспристрастности, соблюдения процессуальных прав и понимания мотивов самого задержанного.

Этап 2: после установления минимального уровня доверия наступает второй, наиболее важный этап – создание у задержанного личной заинтересованности в помощи следствию. Недостаточно просто предложить смягчение наказания. Необходимо помочь ему преодолеть доминирующий страх перед местью сообщников, показав реальные механизмы государственной защиты и стратегическую выгоду от развала всей преступной структуры, которая ему угрожает[194].

Классический метод воздействия – предъявление изобличающих доказательств – безусловно, важен. Как верно отмечают Д. Л. Кокорин и Р. С. Хамидуллин, это заставляет подозреваемого задуматься о бессмысленности дальнейшего отрицания очевидного[195]. Однако в контексте организованной преступности этот метод, применяемый изолированно, часто приводит не к искреннему сотрудничеству, а к активации заранее заготовленной **«легенды»**.

Стандартная инструкция, которую получают рядовые члены преступного формирования, предписывает при задержании признавать лишь факт совершения какого-либо незаконного действия с наркотическими средствами для себя, а их приобретение – у незнакомого лица. Таким образом, подозреваемый, под давлением доказательств, может начать давать показания, но они будут тщательно выверенной ложью, направленной на изоляцию собственной персоны и защиту сообщников.

Следовательно, задача следователя состоит в том, чтобы не просто предъявить доказательства вины данного лица, но и **продемонстрировать несостоятельность и уязвимость предлагаемой ему «легенды».**

---

[193] Севрюков А. П. Некоторые вопросы взаимодействия государств-участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотиков // Совершенствование правовой базы реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: уголовный, уголовно-процессуальный и административный аспекты : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 2. Екатеринбург, 2015. С. 8.

[194] См.: Шхагансоев З. Л., Кардонов Р. Р. Особенности государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2021. Т. 11, № 4. С. 120–134.

[195] Кокорин Д. Л., Хамидуллин Р. С. Тактические аспекты использования досудебного соглашения о сотрудничестве при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Совершенствование правовой базы реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: уголовный, уголовно-процессуальный и административный аспекты : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 2. Екатеринбург, 2015. С. 123.

Только разрушив этот защитный миф и показав задержанному, что его «легенда» не сработает, следователь может перевести диалог в плоскость обсуждения реальных условий сотрудничества, направленного на изобличение организаторов.

Как показывает практика, согласие на сотрудничество возникает только тогда, когда допрашиваемый начинает видеть в следователе человека, способного понять его ситуацию и гарантировать безопасность. Проявление профессионального сочувствия, демонстрация заинтересованности не только в деле, но и в судьбе самого человека и его близких – это фундамент для построения диалога. Необходимо на конкретных примерах показать, как меры государственной защиты могут быть применены в его ситуации для обеспечения безопасности как его самого, так и членов его семьи, тем самым нивелируя главный аргумент против сотрудничества.

Яркой иллюстрацией эффективности этого подхода служит пример из практики по делу о международном преступном сообществе, занимавшемся контрабандой синтетических каннабиноидов из Китая и их сбытом через сеть интернет-магазинов в нашей стране. Рядовой участник сообщества, первоначально настроенный негативно, в результате грамотно выстроенной работы следствия дал согласие на сотрудничество. Его показания позволили выявить организатора, полностью раскрыть разветвленную структуру сообщества, установить лиц, ответственных за IT-инфраструктуру, логистику, финансы и конспирацию, а также детализировать механизм «закладок» и распределения преступных доходов. Это привело к тотальному разоблачению и привлечению к ответственности всех ключевых фигур преступной организации[196].

Следует заметить, что законодатель предусмотрел возможность освобождения от уголовной ответственности для организаторов, руководителей и иных лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, при соблюдении ряда условий: добровольное прекращение участия в сообществе, активное содействие в его раскрытии и пресечении преступной деятельности, включая сообщение о готовящихся собраниях[197]. Однако нам при изучении уголовных дел рассматриваемой категории такие случаи не встретились.

Тем не менее гипотетическая возможность такого сотрудничества все же остается. Ценность информации, которой располагает лидер, несопоставима со сведениями рядового участника.

Таким образом, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, представляется наиболее желательным. Его реализация возможна лишь при создании гарантий безопасности и осознании самим лидером всей глубины его положения. В такой ситуации сотрудничество со следствием становится для него не просто тактическим ходом для смягчения наказания, а единственным стратегическим шансом на физическое выживание и возвращение к нормальной жизни. Осознавая, что решение следователя и суда о его дальнейшей судьбе будет всецело зависеть от результатов и добросовестности его помощи, такой человек получает мощнейший стимул к максимально полному и откровенному сотрудничеству, что в конечном итоге служит цели уголовного судопроизводства – полному, всестороннему и объективному расследованию каждого преступления, в том числе и в сфере незаконного оборота наркотических средств.

[196] Уголовное дело № 01-0458/2016. Архив Люблинского районного суда г. Москвы.

[197] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности : Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.10.2025).

Шаров Виктор Иванович,
д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», г. Нижний Новгород

Методологические установки криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности

М. К. Каминский не жаловал исследовательские и методические работы, в основе которых не были заложены методологические основы исследования. Полагаю, совершенно правильно он сам настоятельно рекомендовал своим ученикам исходить из предпосылок, которые бы не просто задавали фон исследования, а служили отправными точками, развитие которых привело бы к получению не ошибочных выводов, максимально соответствующих действительности и оттого также максимально верных.

Свои методологические идеи и основы он изложил в известной статье «Что есть, что может быть и чего быть не может для системы „Криминалистика“». Статья вышла в 2002 г. в новом тогда издании «Вестник криминалистики» № 1 (3)[198]. Идеи прозвучали достаточно неожиданно, что потребовало комментария редактора журнала профессора А. Г. Филиппова, который вроде бы и не особо критиковал, но и не соглашался с основными постулатами криминалистики, сформулированными М. К. Каминским. Конечно, это дела давно минувших дней, поднимать которые не имеет смысла: кто усвоил и принял (если даже хотя бы частично, то его можно назвать сторонником М. К. Каминского – слишком нетрадиционными в хорошем смысле этого слова были эти идеи), кто не проникся или не согласился – остался в пределах существующей парадигмы. Если бы не один вопрос – что же должно составлять основу криминалистического исследования, из каких оснований исходить в поиске действительно новых результатов.

Традиционная парадигма во многом исчерпала себя. Нет, резервы еще есть, еще появляются работы, действительно представляющие научный интерес. Но они чаще всего относятся к исследованию новых областей знаний и их использования в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений – тех же компьютерных технологий, которые, даже не до конца раскрыв свои возможности для криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, мгновенно трансформировались в проблему использования искусственного интеллекта. Новизна объекта создает иллюзию новизны методов и средств его исследования, оригинальность методологического подхода.

Приведем пример из оперативно-розыскной деятельности. Это введение ОРМ «Получение компьютерной информации». Идея родилась в рамках антитеррористического закона, как одна из мер, расширяющих возможности оперативно-розыскной деятельности. Ни обоснования, ни пояснений. Законодатель размышлял (и озвучивал публично!) примерно так: мы вам предоставили возможность, используйте ее как сможете. И наложили ограничение – только по решению суда, отдельной строчкой прописав в ст. 8 закона об ОРД. Понимая, что Конституция Российской Федерации не содержит никаких ограничений в отношении компьютерных данных и способов ее получения, законодатель просто приравнял получение компьютерной информации к тем действиям, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина.

Причина включения в законодательство нового ОРМ вполне понятна. Все из-за того, что правоохранительная деятельность, а за ней и законодательство настраивается на решение отдельных задач, а не выступает следствием развития теории, чего собственно добивался М. К. Каминский.

Но и с современной теорией криминалистики и ОРД не все безоблачно. Еще один пример. Помнится, в начале 2000-х годов М. К. Каминский активно пропагандировал, приводя в примеры зарубежную практику, привлекать в следственно-оперативные группы специалиста по компьютерной технике. Делал это так, как он это делал достаточно часто, внедряя идею в головы своих учеников и молодых ученых, которые в последующем разносили ее по журналам и конференциям.

Время взяло свое – отечественный законодатель проникается этой, в общем-то, простой идеей и вводит участие специалиста при изъятии электронных носителей информации и их копировании при производстве двух следственных действий – обыска и выемки. В УПК РФ Федеральным законом от 28.07.2012 № 143-ФЗ включается часть 9.1, согласно которой это положение и фиксируется. Такая конструкция просуществовала не долго, Федеральным законом от 27.12.2018 № 533 ч. 9.1. ст. 182,

[198] Каминский М. К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Вестник криминалистики. 2002. № 1 (3). С. 11.

ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ исключаются, но вводится самостоятельная ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий». Согласно тексту статьи электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста. Как видим суть изменилась не сильно. Существенное отличие заключается лишь в том, что порядок изъятия носителей информации распространяется не только на обыск и выемку, но и на все остальные следственные действия.

Конечно, первоначальная идея была несколько иной, специалист не просто изымает компьютерную информацию, но и грамотно ей распоряжается, еще на месте производства следственного действия выявляет возможные признаки преступной деятельности, информацию, которая может быть доказательством и т. д. Но как получилось…

Заметим, что указанное не выходит за пределы существующей парадигмы не только уголовного процесса, но и криминалистики. Этот тезис легко доказывается если встать на позицию М. К. Каминского. Он пишет, что суть криминалистики сформулирована в 1950 г. А. И. Винбергом и изложена в учебнике. Предмет криминалистики строился «на следующих методологических предпосылках: 1) в уголовном судопроизводстве главной задачей выступает «доказывание», осуществляемое путем оперирования «доказательствами»; 2) криминалистика, обобщая практику, разрабатывает средства и методы обнаружения, фиксации, изучения доказательств и тем самым оптимизирует процесс доказывания; 3) криминалистика непосредственно (как наука) разрабатывает предписания практике выявления и раскрытия преступлений»[199]. Нет, конечно, М. К. Каминский отмечает полезность данного подхода. Он констатирует, что он родился по запросам практики и стимулировал «широкий фронт сугубо эмпирических исследований, результаты которых внедрялись в практику»[200]. Но, по всей видимости, сегодня требуется иной уровень криминалистической рефлексии.

Другими словами, парадигма доказательства перевешивает процесс познания и его интерпретацию в концепции криминалистики. Хотя выявление, раскрытие, расследование во многом идут за пределами процесса доказывания. Именно об этом пишет М. К. Каминский, комментируя значение термина «доказательство» и его отличие от понимания криминалистического и практического познания. «В точном значении термин «доказательство» означает процесс решения задачи, то есть процесс перехода от сущего к должному с помощью алгоритмической методики разной степени сложности. В криминалистике и в практической деятельности заданная форма организации деятельности и мышления встречается значительно реже по сравнению с ситуациями, то есть с неопределенностью, что вынуждает прибегать к построению не алгоритмов, а эвристик»[201]. То есть мышление следователя, оперативного работника ситуативно, опирается на эвристики, а доказывание – есть алгоритмический процесс, по всей видимости, подчиняющийся формальной логике, которая и лежит в основе доказывания. Другими словами, двигаясь по эвристикам не просто сформировать логически связанную структуру доказательств.

Возвращаясь к приведенной нами ситуации изъятия электронных носителей и копирования с них информации, отметим, что в ней достаточно ясно отражается методология криминалистики, родившаяся в 50-х годах XX века. Она несколько трансформировалась, но осталась ведущей движущей силой даже в такой области, как работа с компьютерной информацией. Главным оказалось получить доказательство и зафиксировать его, проблема же установления его содержания, источников получения и возможного использования остается за пределами деятельности следователя и специалиста при проведении следственного действия. Точнее так – все это остается за пределами правового регулирования, но должно предусматриваться следователем и специалистом, которые за тривиальными операциями копирования должны иметь в виду и допускать извлечение дополнительных сведений, связанных с преступлением и имеющих значение для расследования.

Проблема еще более обостряется для оперативного работника, которому закон об ОРД также предоставляет возможность копирования и изъятия компьютерной информации. Правовые основания для изъятия компьютерной информации в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий есть, а норм, разрешающих ее оперативное изучение или исследование, – нет. В оперативно-розыскной деятельности сейчас над этой проблемой достаточно серьезно работают. Действительно, ведь значение имеет не абстрактный файл или папка, которая потом трансформируется в доказательство, а содержимое, то есть та информация, которая составляет содержание копируемых компьютерных данных.

---

[199] Каминский М. К. Интеллектуальный блеск и теоретические трудности зрелого Р. С. Белкина // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2012. Вып. 3. С. 159.

[200] Там же.

[201] Там же. С. 161.

Естественно, что первой операцией еще на месте производства следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия должно быть ознакомление с содержанием компьютерной информации и, возможно, принятие решения об ее использовании. Иначе налицо потеря времени, поскольку нужно назначать исследование согласно ст. 6 закона об ОРД, а на это уходит много времени, которое важно для следователя, а для оперативного работника чаще всего критично. Имея доказательство, его использование затягивается.

Итак, криминалистическое исследование требует новых оснований и новых методологических посылок, которые бы по-иному «разворачивали» не только теоретические размышления и выводы, но и позволили бы «вывести» иные практические результаты. Это привело его к необходимости четко формулировать методологические идеи криминалистики. Методологические идеи М. К. Каминского нашли продолжателей и в наше время.

Одной из таких выдвинутых М. К. Каминским методологических посылок, на которых должна основываться криминалистика, выступает категория следа как единицы теоретического анализа в криминалистике. Идея следа как единицы анализа не может не быть близка для оперативно-розыскной деятельности, которая тоже активно оперирует категориями след и признак. У него идея методологических оснований не альтернативна, поскольку «состав методологической парадигмы не произволен, он задается всем предшествующим анализом объекта»[202].

Причем М. К. Каминский, на наш взгляд, несколько преувеличивает предопределенность предлагаемой им методологической единицы. К сожалению, М. К. Каминский недостаточно, порой весьма своеобразно развивал свои мысли в отношении того, что он называл методологическими основами. Это дает нам право поэкспериментировать с фундаментальным наследием Учителя, по крайней мере, в части единицы анализа. Поэтому позволим себе некоторые отступления более общего характера, присущие философско-методологическому уровню знания.

Здесь стоит привести цитату из работы известного ученого в области философии науки профессора С. А. Лебедева, в которой хорошо просматривается конвенциональность науки. «В создании нового научного знания и его оценке существенную роль играет не только сопоставление его с объектом, но и сопоставление позиций членов соответствующего профессионального научного сообщества в ходе активных коммуникаций между ними. …Принятие любой единицы научного знания в качестве «истинной» и/или «полезной», равно как и оценка любого акта научной деятельности как правильного (или «законного») определяется, в конечном счете, научным консенсусом внутри коллективного субъекта научного познания. При этом существенная роль здесь принадлежит лидерам конкретного профессионального научного сообщества»[203].

Но это ни в коей мере не говорит о последствиях такого консенсуального решения, что мы продемонстрировали примерами с изъятием компьютерной информации ранее. Консенсуально приняли для процессуальной деятельности основной единицей доказательство, однако содержательная сторона (как в примере, содержание файла) вышла за пределы анализа.

Когнитивный подход как современное понимание науки и познания не мог не найти своего отражения и в работах М. К. Каминского. Его парадигма не след, а отражение отраженного, связь между преступной деятельностью и деятельностью по выявлению и раскрытию преступления. Первично отображаются средства, движения, действия, цели лица субъекта преступной деятельности. Вторичное отображение со стороны субъекта деятельности по выявлению и раскрытию преступления[204].

В такой интерпретации понятие следа не может не корреспондироваться с другим фундаментальным понятием «деятельности», которая также выдвигается в качестве методологической идеи криминалистики. Обратимся к методологической литературе: единицей деятельности выступает действие; действия не являются далее неделимой единицей, они состоят из операций; принципиальным выступает то, что операции не требуют внимания и выполняются автоматически[205].

След является отражением преступной деятельности – это на методологическом уровне. Но как явление или объект действительности след – отражение действий и операций, характеризующих деятельность преступника. «След в широком смысле является фактом взаимодействия объектов, из связи между собой и связи с произошедшим событием»[206], – пишет Е. Е. Центров. Это след как

---

[202] Каминский М. К. Процедурная революция и криминалистика // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002. С. 76.

[203] Лебедев С. А. Структура науки // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2010. № 3. С. 36.

[204] Каминский М. К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Вестник криминалистики. 2002. № 1 (3). С. 11.

[205] Охоцимский А. Действие как единица деятельности [Электронный ресурс]. URL: https://proza.ru/2024/03/16/1467 (дата обращения: 17.11.2025).

[206] Центров Е. Е. Следы как отражение взаимосвязи объектов их связи с произошедшим событием // Вестник криминалистики. 2002. № 1 (3). С. 34.

отражение действительности. С другой стороны, понятое содержание следа – это отражение отраженного. То есть у субъекта деятельности по выявлению и раскрытию преступления след есть понятое действие (действие как единица деятельности). На методологическом уровне след есть интерпретированная деятельность, отражение действия, то есть единица деятельности, но уже по пониманию деятельности исходной. Интерпретированная, потому что воспринимается через призму знаний и внутренних установок познающего, в полном соответствии с принципами когнитивного подхода.

В общем-то, идея тоже понятная. В литературе указывается следующее. «Человек с системой взглядов, чувств, установок при современном уровне науки получает возможность влиять на характер и результат деятельности, на процесс развития науки, на развитие всего человечества. Резко возросла роль личности в познании и преобразовании действительности»[207]. Иными словами, результат познания определяется не только примененным методом познания, но и внутренними установками и качествами познающего.

Представляется, что подобное понимание следа показывает, что его криминалистическое или оперативное значение определяется не сколько внешним состоянием, сколько содержанием, которое раскрывается в процессе познания, то есть деятельности по выявлению и раскрытию преступлений. Более того, след – это не только проявление деятельности во вне, но и понимание тех процессов, которые привели к его проявлению.

Возвращаясь к работе с компьютерной информацией, отметим, сказанное выше показывает, что первой операцией еще на месте производства следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия должно быть ознакомление с содержанием компьютерной информации и, возможно, принятие решения об ее использовании. Иначе налицо потеря времени, поскольку нужно назначать исследование согласно ст. 6 закона об ОРД, а на это уходит много времени, которое важно для следователя, а для оперативного работника чаще всего критично. Имея доказательство, его использование затягивается.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что доказательство должно формироваться не путем слепого копирования компьютерной информации, что демонстрирует нам действующее законодательство, а путем распознания и интерпретации исходных данных с учетом процессов их формирования как следов преступной деятельности. И специалист нужен нам не для проведения, в общем-то, элементарных операций копирования, для проведения этой работы достаточно несложных рекомендаций, а для распознания этих данных как следа, несущего единицы преступной деятельности, действий и операций, из которых она складывается. Именно специальные знания и особые внутренние установки специалиста позволят интерпретировать такой сложный след, какой формируется в порядке компьютерной деятельности.

Ялышев Станислав Алимович,
д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, профессор кафедры криминалистики Санкт-Петербургской Академии Следственного комитета России,
г. Санкт-Петербург

Размышления о системно-деятельностном подходе при обучении криминалистике

Уровень преступности в современной России никак не может нас успокаивать. По настоящее время высок уровень общеуголовной преступности, которая традиционно давала «работу» юристам различных специализаций – следователям, дознавателям, работникам уголовного розыска, экспертам, адвокатам и судьям. Но также высок и уровень преступности в экономической сфере, в сфере государственного управления и образования, в банковской сфере, сфере производства. Стали выявляться и активно расследоваться преступления в армейской среде. С началом спецоперации получили существенное распространение и активно расследуются воинские преступления, в том числе и воинские преступления, совершаемые в зоне боевых действий.

[207] Беликов В. А. Образование. Деятельность. Личность. М. : Академия Естествознания, 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=2767 (дата обращения: 17.11.2025).

На современном этапе развития отечественного государства приобретает особую значимость сохранение правопорядка в стране. И не последнюю роль в решении этой задачи играет следствие.

За последние годы в вопросах совершенствования следственной работы сделано достаточно много. Открыты новые специализированные учебные заведения системы МВД и Следственного комитета России, появляются специализированные факультеты гражданских юридических вузов, активизировало свою работу судебно-экспертное сообщество.

Вроде бы все идет не так уж и плохо, но успокаиваться еще рано. Мы не использовали все резервы, которые нам дают ученые, не внедряем в правоприменительную деятельность те наработки, которые были ими изобретены и опробованы за последние годы.

Ученые в области криминалистики давно говорят, что современная криминалистическая наука не ограничивается разработкой только технических средств и основанных на новых разработках методов, расширяющих возможности следователя и эксперта. Возможности современного научно-технического прогресса, широкое внедрение информационных и иных новых технологий в повседневную жизнь и правоприменительную практику уже давно у нас всех на слуху, широко обсуждаются в печати, реализуются в правоприменительной практике. Особенно это хорошо заметно в деятельности Следственного комитета России, который становится не только применителем этих новых технологий, но и разработчиком и испытателем.

Но преступления расследуют живые люди, и подготовка будущих следователей не менее, а скорее надо говорить более значимая задача. От того, в чьи руки попадет эта техника, как квалифицировано, творчески они подойдут к ее применению, как воспользуются результатами такого применения, во многом определяется результат всего расследования.

Нисколько не умаляя значения технико-криминалистического обеспечения следственной деятельности и подготовки специалистов в этой области, мы хотели бы обратить внимание на иной аспект, который играет, на наш взгляд, более значимую роль. Это интеллектуальная профессиональная подготовка будущего следователя.

Окружающим до сих пор кажется, что и эта задача в России решается вполне достойно. Тактико-криминалистическая подготовка, изучение методик расследования преступлений различных видов также находятся в зоне пристального внимания профильных ведомств, профессорско-преподавательского состава и администрации вузов, осуществляется на должном уровне. Да и подбор людей на обучение не забыт вниманием.

Существует весьма сложный и многоступенчатый отбор кандидатов на обучение в специализированном вузе МВД или Следственного комитета. Абитуриенты проходят тестирование на профпригодность, изучаются их личные дела с точки зрения оценки их прошлого обучения, выявляются их морально-нравственные качества, оцениваются их психологическая устойчивость и другие характеристики. Вроде бы делается все, чтобы будущие следователи могли эффективно и профессионально исполнять свои функции.

В вузах, где они проходят обучение, дисциплина и требовательность к обучаемым находятся на весьма высоком уровне. Не справляющиеся с учебной программой студенты и курсанты регулярно отчисляются, создавая морально-нравственный фон в вузе, нацеленный на положительное освоение материала оставшимися. Регулярно пересматриваются учебные программы. Дисциплины, определяющие квалификационные характеристики будущих следователей (уголовное право, уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза и др.), расширяют объем учебной аудиторной и внеаудиторной нагрузки. Издаются новые учебники и пособия. Регулярно пересматриваются количество и виды занятий как в аудиториях, так и в лабораториях. Отрабатываются умения и навыки будущего следователя по работе с разнообразными следами, в проведении следственных действий в различных условиях. При таком многостороннем воздействии на будущее поколение следователей вполне закономерно рассчитывать на весьма качественную подготовку и в дальнейшем на высокоэффективную и профессиональную работу.

Однако ожидаемого прорыва почему-то нет. Качественного скачка в подготовке следователей не происходит. Существующая практика говорит об обратном. Далеко не все выпускники даже специализированных вузов готовы самостоятельно исполнять служебные обязанности следователя, и им требуется дополнительная стажировка. Весьма высок уровень увольнения из практических органов по различным причинам, включая и профнепригодность.

Значит, проблема кроется не только и не столько в этих вопросах, о которых мы говорили. Может быть, пришло время обратить внимание на иной подход в обучении криминалистике.

Представляется, что с позиций системно-деятельностного подхода, обоснованного, теоретически разработанного и предложенного одним из ученых, которого мы сегодня чествуем, мы добьемся более значимых результатов в обучении, чем сейчас.

Я имею в виду труды доктора юридических наук, профессора Марата Константиновича Каминского. Среди тех новаций, которые им были предложены за свою долгую научную и педагогическую деятельность, были и такие, которые непосредственно направлены на повышение качества обучения будущих следователей, на совершенствование их подготовки к будущей самостоятельной и эффективной работе[208].

Следует согласиться с М. К. Каминским, что «образование» и «обучение» это не синонимы, а совершенно различные понятия, хотя и тесно связанные друг с другом[209]. В обыденной практике считается, что человек, окончивший учебное заведение, получает образование, о чем свидетельствует соответствующий документ. Но в действительности это совсем не так. Созерцательное начало в обучении, которое приводит только к простому накоплению «передаваемой» студенту информации (которая после успешной сдачи экзамена или зачета благополучно забывается большинством студентов), ее более или менее полное запоминание без включения этой информации в образ мыслей и практическую деятельность будущего правоприменителя малоэффективно.

В действительности же прохождение курса учебного заведения создает лишь условия, способствующие становлению **образования.** Образование всегда есть **самообразование** как результат деятельности обучаемого и ее влияния на человека. В учебном заведении самообразованию человека способствует включение его в различные виды деятельности, среди которых ведущее значение отводится обучению.

Профессор считал, что необходимо рассматривать деятельность обучения как двунаправленный процесс организации взаимодействия: не только деятельности преподавания, но и не менее активной деятельности студента на учение, приобретение самостоятельного опыта.

При движении по этому пути должно быть создано понимание и принятие обучаемым, что только человек – криминалист (будущий следователь, дознаватель, судья), в отличие от всех остальных вовлеченных в расследование людей, **активно и созидательно** вовлекается в эту деятельность и только его самостоятельное и оригинальное мышление будет работать по восстановлению в однозначной форме модели минувшего исследуемого события.

Карьерное будущее выпускника зависит только от самого обучаемого. Остальные субъекты, вовлеченные в сферу расследования, этой целью (выяснением произошедшего, установлением истины по делу) не озабочены и могут быть нейтральны к осуществляемому расследованию (например эксперт или свидетель), или в меру своих сил и представлений прямо препятствовать осуществлению расследования. Следователь ВСЕГДА работает в конфликтной ситуации (с разной степенью конфликтности) и в условиях неопределенности по большинству наиболее значимых компонентов преступления. Поэтому и обучение должно по этим компонентам быть приближенным к реальности.

После изучения основ криминалистики, ее теоретических составляющих, главных «кубиков», из которых состоит работа с различными видами следов (как материальных, так и идеальных), должны отрабатываться сложные проблемно-ориентированные задания, включающие многовариантность получаемого результата в зависимости от принятых в ходе работы решений. Через активизацию мыслительной деятельности студента, совершение им собственных «проб» и «ошибок», прохождение такого «опыта», через собственное осознание и реальное использование имеющихся взаимосвязей между накопленными знаниями, реализуемой целенаправленной деятельностью и получаемым результатом (а это и есть интеллектуальное профессиональное образование) можно говорить о полноценном образовании будущего следователя.

Опытные следователи, у которых за плечами уже не одно раскрытое и расследованное сложное преступление, часто говорят, что наибольшие проблемы и неожиданности следователю создают живые люди. Мы все слишком разные, следующие своим индивидуальным интересам, влекомые своими представлениями и мыслями, находящиеся в плену своих суеверий и фантазий. Это во многом определяет как наши поступки, так и поступки подозреваемых в совершении преступлений людей, выбор реализуемого поведения сказывается на всем ходе расследования.

Поэтому изучение следов во всем их многообразии должно быть тесно связано с местом, обстановкой и условиями изучаемого события, изучением вовлеченных в процесс расследования людей. Познание этого сложного комплекса без учета взаимовлияний этих компонентов зачастую приводит к разочарованиям в расследовании и существенным ошибкам.

---

[208] См., напр.: Криминалистика : курс лекций для бакалавров / под ред. М. К. Каминского, А. М. Каминского. Ижевск, Jus est. 2012; Системно-деятельностный подход: криминалистика и правоохранительная практика : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию д-ра юрид. наук, проф. Марата Константиновича Каминского / науч. ред.: Л. Г. Татьянина, А. М. Каминский, Г. А. Решетникова. Ижевск : Удмуртский университет, 2024.

[209] Каминский М. К., Каминский А. М. Образование и обучение в криминалистике: проектирование и организация учебного курса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. Т. 31, вып. 1.

Отсюда и требование интеллектуальной криминалистической подготовки следователя, а это может быть достигнуто не «созерцанием» в обучении, а активным деятельностным подходом, максимальным вовлечением студента в сложную канву расследования.

Бардачевский Руслан Игоревич,
канд. юрид. наук, Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва

Риски утраты информации при расследовании уголовных дел о коррупционных преступлениях

Коррупция представляет одну из наиболее опасных угроз для правопорядка и национальной безопасности Российской Федерации. Преступления коррупционной направленности характеризуются высокой латентностью и сложностью расследования. Одной из ключевых проблем, с которыми сталкиваются следователи, является риск утраты криминалистически значимой информации на различных этапах предварительного расследования и судебного разбирательства.

Нарушение целостности доказательственной базы при расследовании коррупционных преступлений может привести к тому, что виновные лица останутся безнаказанными, а общество и государство понесут дополнительный моральный и материальный ущерб. Проблема сохранения информации является как теоретической, так и практической задачей криминалистики, требующей комплексного анализа.

В отношении коррупционных преступлений криминалистическая характеристика имеет особое значение, так как эти деяния характеризуются высокой интеллектуальной сложностью, наличием множественных участников и сложным механизмом следообразования. Криминалистическая характеристика преступления представляет собой систему информации о признаках преступления, позволяющей выявить типичные черты способа совершения деяния, механизма следообразования, личности преступника и других важных элементов. Она же ориентирует на информацию, которая подлежит поиску, и вместе с тем может быть утеряна.

Так, способ совершения коррупционного преступления описывает систему операций по подготовке, непосредственному совершению преступления и посткриминальному поведению. Совершение коррупционного преступления представляет собой механизм корыстного перераспределения имущественных благ путем совершения определенных служебных деяний и актов, в том числе посредством бездействия. Реализуясь по разработанному коррупционером алгоритму, его возможности и полномочия трансформируются в средство получения материального блага.

В результате неправомерных действий должностного лица наступают материальные последствия, которые в криминалистическом плане представляют собой следы, отражающиеся в письменных документах, накладных, счетах, приказах и подобных материальных носителях информации. Данные следы являются первичными с точки зрения следообразования и обладают высокой доказательственной ценностью. Однако они наиболее уязвимы для целенаправленного уничтожения[210].

Вторым фактором в механизме материального следообразования коррупционных преступлений является полученная коррупционером либо его близкими выгода, находящая отражение в материальных ценностях, благах и выгодах. Эта выгода может быть скрыта в финансовых записях, банковских счетах, недвижимом имуществе или ценных бумагах. Сложность отслеживания таких следов усугубляется возможностью их быстрого перемещения или трансформации в другие формы имущества.

В свою очередь, личность коррупционера обусловлена его специфичным социальным и служебным положением и дифференцируется по нескольким признакам. Преступники, совершающие коррупционные деяния, могут быть должностными лицами либо служащими частных организаций. В силу занимаемого служебного положения коррупционер может быть отнесен к категории руководителей либо простых исполнителей[211].

---

[210] Елсукова Д. Б. Проблемы расследования преступлений коррупционной направленности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-2 (96). С. 153–155.

[211] Капица П. А. О типичных следственных ситуациях при расследовании хищений и коррупции в области разработки и совершенствования программного обеспечения // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2021. № 1. С. 266–269.

Отличительными чертами коррупционера являются такие свойства, как алчность, корысть, преобладание личных интересов над общественными и служебными. Субъекты коррупционных преступлений, как правило, имеют высокий уровень образования, хорошо знают психологию, имеют развитые коммуникативные качества и могут обладать знаниями о методах доказывания, способах оказания противодействия предварительному расследованию и правосудию.

Эти личностные качества и социальный статус коррупционера напрямую связаны с высокими рисками утраты информации. Во-первых, обладая знаниями о правовых и криминалистических методах, коррупционер может предусмотрительно уничтожить или скрыть следы преступления еще до возбуждения уголовного дела. Во-вторых, имея доступ к власти, коррупционер может воздействовать на свидетелей, потерпевших и даже на должностных лиц, занимающихся расследованием, с целью изменения их показаний или предотвращения их участия в следствии.

Материальное положение коррупционера является отражением его преступной натуры и служит криминалистическим средством установления коррупционного факта и путей получения материальных благ. Установление сведений о материальном состоянии имеет критическое значение для последующего ареста имущества, однако информация о источниках доходов может быть замаскирована путем использования сложных схем отмывания денег, что затрудняет её обнаружение и сохранение[212].

Современный коррупционер, особенно находящийся на руководящей должности, часто обладает специальными знаниями об уголовно-процессуальном праве и криминалистике. Такие лица могут предусмотреть вероятные действия следователя и предпринять целенаправленные меры по уничтожению или трансформации доказательственной информации. Лица, совершившие коррупционные преступления и находящиеся в органах управления, организуют скоординированное противодействие расследованию, включая манипуляцию показаниями свидетелей, подделку документов и уничтожение материальных следов.

Обстановка совершения преступления включает служебную и должностную среду, определяющее значение в содержании которой имеют порядок осуществления должностных и служебных полномочий учреждений, организаций и предприятий, функционирующих в различных сферах деятельности. Обстановка функционирования учреждения дополнительно обуславливается сложившимися в организации устоями и традициями, уровнем корпоративной культуры, служебной дисциплиной, уровнем социальной и служебной ответственности.

Существенное значение в обстановке совершения коррупционного преступления имеют служебный статус и полномочия участника коррупционных отношений, которые образуются из совокупности норм законодательства, ведомственных нормативных актов, а также особенностей делопроизводства. В отличие от субъективных психофизиологических признаков личности коррупционера его служебное положение обусловлено обширной совокупностью объективных нормативных актов, содержащих информацию о предоставленных ему полномочиях.

Одной из ключевых проблем, связанных с обстановкой совершения коррупционного преступления, является факт того, что должностное лицо-коррупционер, находясь в служебной среде, имеет возможность контролировать доступ к документам и информации, а также влиять на лиц, которые могут быть источниками доказательственной информации. Это создает специфические риски утраты информации:

– первый фактор риска связан с уничтожением первичной документации и материальных следов. Должностное лицо может приказать уничтожить компрометирующие документы, изменить записи в ведомственных системах, переместить имущество, полученное коррупционным путем;

– второй состоит в воздействии на свидетелей и потерпевших. В служебной среде коррупционер может воспрепятствовать явке свидетелей, оказать давление на подчиненных сотрудников, содействовать уходу со своей работы лиц, способных дать показания;

– третий заключается в манипулировании информацией в корпоративных информационных системах. В современных организациях большая часть служебной информации хранится в электронном виде и может быть оперативно удалена, отредактирована или перемещена[213].

Предмет преступного посягательства представляет собой разновидности имущественных ценностей и благ, на которые направлены действия лиц, совершающих коррупционные преступления. Это могут быть деньги, ценные бумаги, иное имущество, а также выгоды или услуги имущественного характера, оказываемые безвозмездно, но подлежащие оплате.

---

[212] Гармаев Ю. П. Основы криминалистической характеристики коррупционных преступлений: обновленный методологический подход // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 174–183.

[213] Крупицкая Е. А. Роль цифровых доказательств в уголовном процессе по делам о коррупции // Сборник статей по материалам ежегодной научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2024 год : сб. тр. конф., Краснодар, 05 февраля 2025 г. Краснодар : Кубанский гос. аграрный ун-т им. И. Т. Трубилина, 2025. С. 874–876.

Коррупционные преступления совершаются исключительно с прямым умыслом, направленным на незаконное обогащение. Корыстный мотив преступления выражается в желании пользоваться, владеть и распоряжаться материальными благами как своими собственными. Это создает специфические проблемы с сохранением вещественных доказательств:

Первая категория рисков связана с быстрой трансформацией предмета посягательства. Деньги, полученные коррупционным путем, могут быть быстро потрачены, переведены на счета, расположенные в других юрисдикциях, или обменены на иное имущество. Если следователь не фиксирует эти факты достаточно оперативно, вещественные доказательства могут исчезнуть или стать трудноустранимыми.

Вторая категория рисков связана с замещением подлинных документов поддельными. Коррупционер, стремясь скрыть свои действия, может создать фальшивые документы, которые будут выглядеть подлинными, если они не подвергнуты тщательному криминалистическому исследованию. Утрата оригинальных документов в этом случае означает утрату важнейших доказательств.

Третья категория рисков обусловлена сложностью идентификации источников дохода и путей отмывания денег.

Значимое место в криминалистической характеристике коррупционных преступлений занимают сведения о причиненном преступлением вреде и иных преступных последствиях. Такая информация является ключевой, однако она часто содержится в документах и свидетельских показаниях, которые легко могут быть потеряны, отредактированы или скрыты[214].

На основе анализа правоприменительной практики можно выделить следующие типичные способы утраты информации при расследовании коррупционных преступлений:

Первым и наиболее распространенным способом утраты информации является активное уничтожение или фальсификация документов. Коррупционер, обладая служебным положением, может приказать уничтожить компрометирующую документацию, отредактировать записи в журналах, переместить файлы на защищенные серверы или просто удалить их.

Второй способ утраты информации заключается в воздействии на свидетелей и потерпевших с целью заставить их изменить показания, отказаться от дачи показаний или вообще уехать в другой регион. Лица, имеющие доступ к власти и социальным сетям, могут оказывать разнообразное давление: угрозы, обещания, манипуляции, подкуп.

Третий способ утраты информации заключается в перемещении и скрытии имущества, полученного коррупционным путем. Деньги могут быть переведены на счета, расположенные в офшорных юрисдикциях, недвижимое имущество может быть переоформлено на подставных лиц, драгоценности и ценные бумаги могут быть спрятаны.

В каждом из этих случаев вещественные доказательства теряют свою физическую идентификацию, и их восстановление требует значительных криминалистических усилий. Если имущество не было зафиксировано и надлежащим образом описано в момент его выявления, впоследствии может быть весьма затруднительным доказать его связь с коррупционным преступлением.

На наш взгляд, к мерам по исключению утраты доказательственной информации о коррупционных преступлениях следует отнести:

– создание специализированных следственных групп. Органы внутренних дел и Следственный комитет должны создавать специализированные следственные группы, занимающиеся расследованием коррупционных преступлений. Такие группы должны включать следователей с высокой квалификацией в области криминалистики, финансовых расследований и цифровых доказательств;

– развитие системы защиты свидетелей. Необходимо расширить и совершенствовать систему защиты свидетелей, потерпевших и иных участников судопроизводства, которые могут подвергаться давлению со стороны коррупционеров. Это должно включать физическую защиту, возможность дачи показаний в удаленном режиме, программы свидетельского иммунитета;

– закрепление вещественных доказательств на начальном этапе расследования. Следователь должен обеспечить надежное хранение всех изъятых документов, денежных средств и иного имущества, изолировав их от возможности манипуляций;

– использование средств криптографической защиты при фиксации доказательств. При работе с электронной информацией следователь должен использовать криптографические методы, позволяющие зафиксировать неизменяемость электронных доказательств;

[214] Рафиализаде О. Э. Проблемы расследования коррупционных преступлений и пути их решения // Академическая публицистика. 2020. № 11. С. 225–232.

– проведение оперативного первичного осмотра места преступления. Следователь должен обеспечить оперативное проведение осмотра места преступления, места хранения документов и иных объектов, связанных с преступлением, с целью фиксации доказательств в их первоначальном виде;

– взаимодействие с финансовыми органами. Органы предварительного расследования должны развивать систему взаимодействия с финансовыми органами, таможней и банками для оперативного выявления и блокировки подозрительных операций с денежными средствами.

Тем самым риски утраты информации при расследовании уголовных дел о коррупционных преступлениях представляют собой серьезную проблему, которая требует комплексного подхода к решению. На основе анализа криминалистической характеристики коррупционных преступлений выявлено, что эти риски обусловлены как объективными факторами (интеллектуальная сложность способа совершения, наличие множественных участников), так и субъективными факторами (высокий уровень образования коррупционера, его служебное положение и имеющиеся у него знания о методах противодействия расследованию).

Голикова Виктория Владимировна,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры судебных экспертиз ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

Судебная бухгалтерская экспертиза как ключевой инструмент в расследовании преступлений, связанных с невыплатой заработной платы

Расследование преступлений, предусмотренных статьей 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, связанных с невыплатой заработной платы[215], представляет собой сложный процесс. В условиях, когда права работников на своевременное получение вознаграждения за труд нарушены, а зачастую и намеренно заработная плата не выплачивается работодателями, особую значимость приобретает судебная бухгалтерская экспертиза. Именно судебная бухгалтерская экспертиза выступает в роли незаменимого инструмента, позволяющего установить истину.

При проведении процессуальных действий по фактам невыплаты заработной платы, следственные органы сталкиваются с необходимостью всестороннего выяснения ряда существенных обстоятельств:

- факт невыплаты: необходимо точно установить, имела ли место полная или частичная невыплата заработной платы и иных законных выплат в установленные законом сроки;
- документальное подтверждение: важно подтвердить документально как факт начисления, так и факт выплаты заработной платы;
- финансовая состоятельность работодателя: требуется выяснить, обладал ли работодатель реальной возможностью произвести необходимые выплаты, и какие конкретные меры им были предприняты для их осуществления;
- приоритеты расходования средств: необходимо выявить, не приобретал ли работодатель в период задержки выплат дорогостоящее имущество, не выдавал ли отдельным сотрудникам займы, премии или материальную помощь, что может свидетельствовать о преднамеренном уклонении от выполнения обязательств перед всеми работниками;
- круг работников: важно определить, кто именно из работников не получил установленные законом выплаты.

Судебная бухгалтерская экспертиза операций по учету труда и заработной платы является не просто одним из видов судебной бухгалтерской экспертизы, а основной формой использования специальных экономических знаний. Она заключается в исследовании закономерностей хозяйственных операций, отраженных в учетной и отчетной документации, касающихся расчета и выплаты вознаграждений за выполнение трудовых обязанностей, а также компенсационных, стимулирующих, социальных выплат и пособий. Цель экспертизы – дать заключение эксперта, основанное на специальных знаниях в области бухгалтерского учета и трудового законодательства, по вопросам, поставленным судом или следователем. Эти вопросы направлены на установление правильности, полноты начисления и выплаты соответствующих сумм в пользу работников организации.

[215] Ст. 145.1. «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Например, в научной работе авторов А. В. Калининой и П. Д. Матвейчик содержится неточность в описании результатов экспертного исследования заработной платы. Цитируемый фрагмент гласит: «По итогам экспертизы экспертом оформляется отчет, включающий в себя перечень выявленных нарушений, ссылки на законодательные нормы, расчет сумм доначислений, а также рекомендации по устранению ошибок. Данный отчет особо важен в судебном процессе, поскольку служит доказательством в спорах между организацией и ее сотрудниками или Инспекцией Федеральной налоговой службы»[216]. Согласно действующему законодательству, регулирующему судебно-экспертную деятельность, итоговым документом, составляемым экспертом по результатам проведенного исследования, является заключение эксперта[217], а не отчет. Терминология «отчет» в данном контексте не соответствует установленным процессуальным нормам и может вводить в заблуждение относительно правового статуса и формы представления результатов экспертизы.

Предметом данной экспертизы выступает установление фактических обстоятельств дела, исследуемых в ходе уголовного судопроизводства. Это достигается путем применения специальных знаний в области бухгалтерского учета и трудового законодательства к исследованию закономерностей хозяйственных операций, связанных с расчетом и выплатой вознаграждений за труд[218]. Учитываются такие факторы, как квалификация работника, сложность, количество, качество и условия выполняемой работы, а также компенсационные, стимулирующие, социальные выплаты и пособия.

Объектами судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и заработной платы являются материальные носители информации, содержащие учетные данные о начислении и выплате заработной платы, а также сведения кадрового учета исследуемой организации. К ним относятся:

- первичные документы кадрового учета;
- первичные документы и ведомости бухгалтерского учета по начислению и выплате заработной платы;
- регистры бухгалтерского учета по счетам с персоналом по оплате труда[219];
- положение об оплате труда, учетная политика организации и другие внутренние нормативные акты.

Судебная бухгалтерская экспертиза играет важную роль в расследовании дел, связанных с невыплатой заработной платы. От качества и правильности проведенного исследования напрямую зависит справедливость принимаемых решений правоприменителем. Важнейшим аспектом, определяющим эффективность судебной экспертизы, является четкое понимание ее предмета, объектов и задач.

Объектами судебной бухгалтерской экспертизы операций по учёту труда и заработной платы являются исключительно документы. Это означает, что объектами исследования выступают не сами работники или их трудовые отношения, а именно документы бухгалтерского и кадрового учета, отражающие процессы начисления и выплаты денежных средств[220]. Некоторые исследователи, например: З. Х. Шогенцукова, Л. Х. Шокарова и Б. В. Казиева, в качестве объекта исследования определяют именно персонал организации[221]. Однако, следует подчеркнуть, что объектами любого вида судебной бухгалтерской экспертизы являются исключительно документы, а не живые лица. Персонал является субъектом трудовых отношений, но не объектом экспертного исследования в данном случае. Также в качестве объекта упомянутые авторы выделяют «расчет заработной платы». Важно понимать, что расчет сам по себе является арифметическим действием, которое эксперт выполняет для определения суммы начисленной и выплаченной заработной платы. Сам по себе расчет не является объектом экспертизы, а скорее результатом ее проведения на основе первичных документов.

---

[216] Калинина А. В., Матвейчик П. Д. Бухгалтерская экспертиза заработной платы: теоретические основы и судебная практика // Новые вызовы цифровизации в стратегическом развитии регионов : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Владимир : Изд-во Владимир. гос. ун-та им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, 2025. С. 259–264.

[217] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[218] Голикова В. В. Предмет, объекты и задачи судебной бухгалтерской экспертизы операций по учёту заработной платы и социальных выплат // Международный научный журнал «Молодой ученый». 2020. № 27 (317). С. 257–258.

[219] Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению : приказ Минфина РФ от 31.10.2000 № 94н (ред. от 08.11.2010) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[220] Голикова В. В. Предмет, объекты и задачи судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и заработной платы : материалы XII Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) «Право и экономика междисциплинарные подходы в науке и образовании». Научно-практическая конференция: «Специальные экономические знания в судопроизводстве». Часть 3. 07 апреля 2017 г. С. 273–276.

[221] Шогенцукова З. Х., Шокарова Л. Х., Казиева Б. В. Особенности проведения судебно-бухгалтерской экспертизы расчетов по оплате труда // Журнал «Современные проблемы науки и образования». № 1-1/2015. Учредители: ООО «Издательский дом «Академия естествознания», 649 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25323951

При назначении судебной бухгалтерской экспертизы в случаях, связанных с невыплатой заработной платы, правоприменитель может ставить перед экспертом следующие вопросы, направленные на исследование соответствия начислений и выплат трудовому законодательству и локальным актам организации:

- Соответствует ли начисление и выплата заработной платы работникам И. И. Иванову и П. П. Петрову за период с 01.01.2024 по 01.02.2024 года действующему законодательству и локальным актам ООО «Р»?
- В соответствии ли с действующим трудовым законодательством и локальными актами ООО «Р» осуществлялось начисление и выплата премий работнику А. А. Соловьеву за период с 01.02.2024 по 01.03.2024 года?
- В соответствии ли с действующим трудовым законодательством и локальными актами ООО «Р» осуществлялось начисление и выплата среднего заработка работнику М. М. Королеву за период ежегодного оплачиваемого отпуска с 01.06.2024 по 14.06.2024 года?

Важно понимать, что на разрешение судебного эксперта не должны ставиться вопросы, выходящие за пределы его компетенции[222]. К таким вопросам относятся:

- правовая оценка действий или решений лиц: например, «Имел ли право директор предприятия выдавать зарплату в виде продукции?» или «Законно ли установление ежемесячной надбавки к окладу директора предприятия в размере..?»;
- установление ответственности и виновности должностных лиц или работников: например, «Кто из руководителей хозяйствующего субъекта несет ответственность за несоставление документов на выплату зарплаты работникам в период?»;
- определение законности или незаконности произведенных выплат: например, «В соответствии ли с законом производились перечисления денежных средств контрагентам хозяйствующего субъекта при наличии задолженности по зарплате перед работниками?»;
- определение факта наличия или отсутствия ущерба, нанесенного хозяйствующему субъекту или работнику: например, «Был ли нанесен ущерб финансовому благополучию сотрудника перечислением ему зарплаты с задержкой по сравнению с установленными сроками выплаты?». Во многих литературных источниках авторы указывают на определение размера ущерба в рамках судебной бухгалтерской экспертизы[223]. Поэтому хотелось бы пояснить, что понятие «ущерб» как правовая категория определяется в статье 15 Гражданского кодекса Российской Федерации[224]. Согласно этой статье, под убытками понимаются расходы, которые лицо, чьё право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Таким образом, реальный ущерб является составной частью убытков и предполагает имущественные потери, связанные с утратой или повреждением имущества. В других отраслях права (например, в уголовном и трудовом) термины «ущерб» и «материальный ущерб» фактически совпадают с понятием «реальный ущерб», используемым в гражданском праве. Дополнительно понятие ущерба раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25[225]. В нём, в частности, указано, что уменьшение стоимости имущества истца по сравнению с его стоимостью до нарушения ответчиком обязательства или причинения им вреда является реальным ущербом, даже если это проявится лишь при отчуждении имущества в будущем (например, утрата товарной стоимости автомобиля, повреждённого в результате ДТП). Таким образом, согласно действующему законодательству Российской Федерации, понятие ущерба является именно правовой категорией, закрепленной нормами Гражданского кодекса РФ;
- установление факта наличия и размера морального или иного вреда, причиненного невыплатой зарплаты: например, «Был ли нанесен сотруднику моральный или иной вред невыплатой причитающейся ему премии? Если да, то какой и на какую сумму?».

---

[222] О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[223] Голубятников С. П. Экспертиза хозяйственных операций : монография. СПб. : Изд-во «РАП», 2018, 240 с.; Шогенцуков З. Х. Особенности производства судебно-бухгалтерской экспертизы. М. : Юрлитинформ. 2019, 320 с.; Шогенцуков З. Х. Проблемы использования результатов судебно-бухгалтерской экспертизы в правоприменительной практике // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 1 (15). С. 123–138.

[224] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[225] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

От качества проведенной судебной бухгалтерской экспертизы напрямую зависит результат принятия решения по уголовному делу, связанному с невыплатой заработной платы. Правильное понимание экспертом предмета, объектов и задач экспертизы является залогом соблюдения основных принципов судебно-экспертной деятельности: полноты, объективности и всесторонности.

Таким образом, объекты являются фундаментом судебной бухгалтерской экспертизы операций по учёту труда и заработной платы. Именно исследованием первичных учетных документов, таких как трудовые договоры, приказы о приеме на работу, штатное расписание, табели учета рабочего времени, расчетные ведомости, платежные поручения, кассовые ордера и другие, эксперт может установить фактическое состояние расчетов с работниками и их документальную подтвержденность. Попытка расширить предмет экспертизы за счет вопросов, относящихся к компетенции правоприменителя, неизбежно приведет к снижению качества исследования и, как следствие, к принятию необоснованных процессуальных решений.

В частности, при исследовании документов, касающихся начисления заработной платы, эксперт должен установить:

- наличие и правильность оформления первичных документов, подтверждающих возникновение трудовых отношений (трудовые договоры, приказы о приеме на работу);
- соответствие штатному расписанию и должностным инструкциям начисленных сумм;
- правильность применения норм рабочего времени и учета фактически отработанного времени (табели учета рабочего времени);
- правильность расчета тарифных ставок, окладов, премий, надбавок и других выплат в соответствии с условиями трудовых договоров, коллективных договоров и локальных нормативных актов организации;
- правильность удержаний из заработной платы (налоги, алименты, иные удержания по исполнительным листам) в соответствии с действующим законодательством;
- своевременность и полноту выплат заработной платы в установленные сроки.

Важно подчеркнуть, что определение судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и заработной платы как самостоятельного вида экспертизы является обоснованным. Это обусловлено спецификой объекта исследования – сложной системой расчетов и выплат, регулируемой как нормами трудового, так и бухгалтерского законодательства. Предмет данной экспертизы, охватывающий установление фактических обстоятельств дела через призму закономерностей хозяйственных операций, требует от эксперта не только глубоких знаний в области бухгалтерского учета, но и понимания нюансов трудового законодательства.

Жук Игорь Олегович,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры публичного и частного права
ФГБОУ ВО «Волжский государственный университет водного транспорта»,
г. Нижний Новгород

Задачи логической структуры деятельности по выявлению и расследованию преступлений (на примере мошенничества экономической направленности)

Методика расследования отдельных видов преступлений всегда вызывала интерес криминалистического сообщества, тем более, связанных с экономической направленностью.

Основоположником, который не только заложил основы по созданию, но и руководству оригинальной научной школой системно-деятельностного подхода в Горьковской высшей школе милиции (ныне Нижегородская академия МВД России) и, в дальнейшем, в Удмуртском государственном университете является М. К. Каминский.

Его идеи заключались в том, что субъект расследования должен рассматривать преступную деятельность и деятельность по выявлению и расследованию преступлений с разных подходов, используя аналитическое и версионное мышление.

Одним из подходов является логическая структура расследования, которая включает в себя ряд последовательных этапов (ступеней), не разобравшей с одной нельзя приступить, подняться или перешагнуть к другой[226].

[226] См., напр.: Журавлев С. Ю. Типология механизма преступной деятельности экономической направленности и базовая методика расследования преступлений : монография / под науч. ред. А. Ф. Лубина. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2013. С. 384.

Как известно, деятельность по выявлению преступления начинается с момента поступления исходной информации из различных источников, предусмотренных ст. 140 УПК РФ.

Во-первых, субъект расследования должен найти, прочитать эту информацию и обнаружить признаки преступления, выраженные в следовых картинах.

Во-вторых, необходимо провести проверку, чтобы зафиксировать эти признаки.

В-третьих, надо проанализировать и оценить собранные сведения, чтобы принять какое-либо процессуальное решение.

В-четвертых, обобщить имеющуюся информацию с выдвижением обоснованных предположений.

В-пятых, вывести вытекающие следствия из предположений и обозначить вопросы (обстоятельства), подлежащие установлению.

В-шестых, составить план расследования, включая конкретные мероприятия (следственные действия), исполнители, сроки.

В-седьмых, реализация выполнения плана и внесения изменений и дополнений по мере необходимости.

Рассмотрим пример преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ экономической направленности, чтобы продемонстрировать возможности работы с подходом аналитической работы.

В. В. Чистякова, действуя по доверенности от имени своего отца являющейся членом семьи – участника подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством»[227], имеющего право на получение за счет средств федерального бюджета субсидии для приобретения жилого помещения на территории Томской области в связи с переселением из районов Крайнего Севера и приравненных к нему территорий для всей семьи, возник преступный умысел, направленный на хищение денежных средств из федерального бюджета, путем обмана Департамента строительства и архитектуры Томской области посредством предоставления заведомо фиктивного договора купли-продажи имеющегося у нее на праве собственности жилого дома.

Осуществляя свой преступный умысел, направленный на хищение денежных средств из федерального бюджета путем обмана, В. В. Чистякова, достоверно зная об обязанности предоставить в Департамент строительства и архитектуры Томской области договор купли-продажи принадлежащего ей на праве собственности жилого дома с последующим вычетом стоимости проданного жилья по данному договору из государственной жилищной субсидии, действуя умышленно, последовательно и целенаправленно из корыстных побуждений, не имея намерений выезжать из квартиры, оформила с гр. В. В. Петряевым фиктивный договор купли-продажи от 21 сентября 2020 года на жилой дом, принадлежащий ей на праве собственности, указав умышленно заниженную стоимость дома в сумме 100 000 рублей, который фактически в собственность В. В. Петряеву не передавался и деньги за него по фиктивной сделке купли-продажи также ей не передавались, дом оставался фактически в собственности В. В. Чистяковой.

На основании представленного фиктивного договора купли-продажи жилого дома, в 100 000 рублей Департаментом строительства и архитектуры Томской области В. И. Чистякову и членам его семьи в соответствии с Федеральным законом № 125-ФЗ от 25 октября 2002 г. «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к нему территорий»[228] выдан Государственный жилищный Сертификат о выделении субсидии на приобретение жилья на сумму в 1 514 905 рублей за вычетом 100 000 рублей, которые были указаны В. В. Чистяковой, с целью получения путем обмана наибольшего размера субсидии из федерального бюджета по соответствующей целевой программе[229].

После получения государственного жилищного сертификата на указанную сумму В. В. Чистякова 17.12.2020 посредством гр-на В. В. Петряева заключила договор купли-продажи с покупателем О. Б. Ефремевой и продала ей жилой дом по действительной рыночной стоимости за 520 000 рублей, используя полученный государственный жилищный сертификат по прямому назначению для приобретения жилья в г. Томске.

Тем самым Департаменту строительства и архитектуры Томской области причинен материальный ущерб в крупном размере на сумму 421 000 рублей[230].

---

[227] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» : постановление Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1710 (ред. от 24.09.2025) // СЗ РФ. 2022. № 2, ст. 523.

[228] См.: Федеральный закон от 25.10.2002 № 125-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» // Российская газета. 2002. 31 октября.

[229] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным…

[230] См. Архив Колпашевского городского суда Томской области 2021 года.

Одной из трудностей в ходе проверочных действий стал тот факт, что В. В. Чистякова и В. В. Петряев состояли в близких отношениях и последний пояснял, что действительно он реально приобрел у В. В. Чистяковой квартиру за сумму в 100 000 рублей, которую сам впоследствии продал третьему лицу.

В нашем случае оперативным сотрудником совместно со следователем проведены разъяснительные беседы с В. В. Петряевым и его показания позволили предъявить обвинение В. В. Чистяковой. Допрошенный в качестве основного свидетеля В. В. Петряев, пояснил, что действительно договор купли-продажи дома оформлялся фиктивно, только по документам, на самом деле денежные средства ему от В. В. Чистяковой в сумме 100 000 рублей не передавались и впоследствии, когда документально он стал собственником данного дома, В. В. Чистякова сама от его имени вела переговоры с третьим лицом О. Б. Ефремовой о продаже дома ей за 520 000 рублей.

Вышеуказанные обстоятельства были подтверждены на следствии свидетелем О. Б. Ефремовой Также в ходе расследования данного уголовного дела проводилась очная ставка между обвиняемой В. В. Чистяковой и свидетелем В. В. Петряевым, в ходе которой свидетель В. В. Петряев подтвердил свои показания, пояснив, что договор купли-продажи вышеуказанного дома оформлялся фиктивно, денег в сумме 100 000 рублей на покупку данного дома у него не было, и дом был от его имени, за сумму 520 000 рублей был продан самой В. В. Чистяковой.

Вышеуказанные обстоятельства подтвердились выпиской из банка, так как в день продажи дома реальным владельцем В. В. Чистяковой, а уже документальным владельцем В. В. Петряевом, на банковский счет В. В. Чистяковой поступили денежные средства в сумме 520 000 рублей, что дополнительно подтвердило фиктивность сделки.

Несмотря на все вышеизложенные обстоятельства В. В. Чистякова, будучи дополнительно допрошенной в качестве обвиняемой, категорически отрицала получение за дом денежных средств в сумме 520 000 рублей и настаивала на том, что денежные средства получил и оставил в свое пользование В. В. Петряев. Приход же на свой банковский счет денежных средств в сумме 520 000 рублей В. В. Чистякова подтверждала тем, что данная сумма денег являлась ее накоплениями за последние несколько лет.

Причинами и условиями, способствовавшими совершению указанного преступления послужило отсутствие надлежащего контроля со стороны Департамента архитектуры и строительства Томской области за исполнением участниками программы «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», всех нюансов данной программы, о чем было внесено представление об устранении указанных причин.

Правильная и грамотная работа субъекта расследования на первоначальном этапе дала свои плоды, т. е. результаты по расследованию данного преступления в целом.

Несмотря на противодействие следствию со стороны подозреваемой, а впоследствии обвиняемой, уголовное дело было направлено с обвинительным заключением прокурору, по итогам рассмотрения его в суде был вынесен обвинительный приговор.

Зарипов Фанис Фаварисович,
канд. юрид. наук, доцент кафедры «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашникова»,
г. Ижевск

Некоторые вопросы обеспечения безопасности присяжных заседателей

Судебная власть в правовом государстве помимо выполнения своей основной функции по осуществлению правосудия участвует в обеспечении правопорядка и государственной безопасности. К представителям этой ветви государственной власти относятся судьи, наделённые соответствующими полномочиями. Конституционные гарантии для реализации полномочий по осуществлению правосудия устанавливают принципы независимости, несменяемости и неприкосновенности судей. Верховенство права, выступая гарантом защиты основных прав и свобод граждан, является необходимым элементом независимости судейской власти и предполагает обеспечение безопасности судей и создание безопасных условий для судебной деятельности. В этой части предпринимается немало усилий, направленных на совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Однако обеспечение безопасности судебной деятельности должно быть неразрывно связано как с обеспечением безопасности судей, так и с созданием безопасных условий для других участников судебного

производства по уголовным делам, в том числе для присяжных заседателей. Создание безопасных условий для участия в уголовном процессе присяжных заседателей является обязанностью государства, в том числе в соответствии конституционной доминантой о том, что « …соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»[231].

Судебная реформа, начавшаяся в начале 90-х годов прошлого столетия в нашей стране, повлияла на возрождение суда присяжных и стала основой правового государства. Сущность суда с участием присяжных состоит в том, что разрешение вопроса о виновности является исключительной прерогативой представителей общества, в основном простых граждан. Как правило, суд присяжных рассматривает дела о тяжких и особо тяжких преступлениях. В частности, согласно ч. 2 ст. 47 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), обвиняемый имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона (далее – ФЗ, ФКЗ) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [232], граждане Российской Федерации имеют право участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей при рассмотрении судами первой инстанции подсудных им уголовных дел. Участие в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей граждан, включенных в списки кандидатов, является их гражданским долгом. В частности, согласно ст. 332 УПК РФ, после принятия присяги присяжными заседателями, на них распространяются полномочия судьи по исследованию и установлению всех обстоятельств по уголовному делу. Соответственно, они обязаны сформулировать ответы на каждый из названных в ст. 339 УПК РФ вопросов. Фактически присяжные заседатели своими ответами констатируют виновность или невиновность подсудимого в инкриминируемом ему преступлении, выносят вердикт и отвечают на основной вопрос уголовного правосудия.

Безусловно, присяжный заседатель в период осуществления им правосудия, в соответствии со ст. 12 ФЗ «О присяжных заседателях… », подпадает под гарантии независимости и неприкосновенности судей, установленные Конституцией РФ и соответствующими законодательными актами[233]. В случае воспрепятствования присяжному заседателю в исполнении обязанностей по осуществлению правосудия, такие лица несут всю предусмотренную законодательством РФ ответственность. Неправомерное воздействие на присяжных со стороны заинтересованных лиц или угрозы различного характера в их адрес однозначно будут негативно влиять на объективное разрешение уголовного дела и не будут способствовать достижению назначения уголовного судопроизводства.

В настоящее время обеспечение независимости и безопасности судей, а также членов их семей, регламентируется гарантиями, установленными Конституцией РФ, нормами и положениями ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», ФЗ «О государственной защите судей… » и ФЗ «О присяжных заседателях… ». Также надо отметить положения ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном суде РФ»[234], которые охватывают широкий спектр мер, направленных на создание условий для непрерывного и надёжного функционирования судебной системы, включая организацию охраны и правовую защиту присяжных заседателей. Судебный департамент, в координации с органами судейского сообщества и правоохранительными структурами, осуществляет мероприятия, направленные на обеспечение физической безопасности судей и присяжных заседателей. При этом в соответствии с ФЗ «Об органах принудительного исполнения РФ»[235], обеспечение охраны зданий судов в рабочие дни возлагается на ФССП РФ. В нерабочие дни охрана осуществляется подразделениями ФСВНГ РФ (Росгвардией), наделёнными правом применения специальных мер и средств.

---

[231] Конституции Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2025).

[232] О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации : Федеральный закон от 20.06.2004 № 113-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2025).

[233] К ним относятся: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»; Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»; Федеральный закон от 20.06.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»; Федеральный закон от 20.08.04 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2025).

[234] О Судебном департаменте при ВС РФ : Федеральный закон от 08.01.98 № 7-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2025).

[235] Об органах принудительного исполнения РФ : Федеральный закон от 21.07.97 № 118-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2025).

Отрадно, что федеральные суды в настоящее время оснащают средствами защиты в рамках Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России»[236]. Задачами данной программы являются: обеспечение открытости и доступности правосудия; создание необходимых условий для осуществления правосудия; обеспечение независимости судебной власти и т. д. Разнообразные меры направлены непосредственно на снижение рисков для судебной деятельности и предотвращение незаконных вмешательств, обеспечение должного уровня безопасности, защиты информации и контроля доступа. Также должны положительно отразиться на обеспечении безопасности судебной деятельности планы модернизации судебных органов[237]. Среди направлений модернизации – развитие электронной системы правосудия и внедрение генеративного искусственного интеллекта, интеграция судебных информационных платформ с информационными системами органов государственной власти и создание электронных архивов и библиотек, обеспечение защиты данных.

С целью формирования навыков и знаний у должностных лиц, имеющих непосредственное отношение к обеспечению безопасности в зданиях органов судебной власти, Судебным департаментом при ВС РФ совместно с ФССП РФ подготовлен проект Приказа «Об утверждении Методических рекомендаций по порядку действий судей, работников аппаратов судов и судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов… »[238].

Что касается ФЗ «О государственной защите судей… » с последними изменениями, то он активно применяется на практике и стал своего рода базовой основой для ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»[239], а также специальных программ и актов, имеющих непосредственное отношение к безопасности участников в уголовном судопроизводстве[240].

Государственная защита присяжных заседателей, в соответствии со ст. 1 ФЗ «О государственной защите судей… », обеспечивается правоохранительными органами путем применения мер безопасности, оказания правовой и социальной помощи при наличии угрозы посягательства на жизнь, здоровье и имущество указанных лиц. К видам мер безопасности, применяемым к ним, относятся: 1) личная охрана, охрана жилища и имущества; 2) выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности; 3) временное помещение в безопасное место; 4) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об их имуществе; 5) перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы; 6) переселение на другое место жительства; 7) замена документов, изменение внешности[241]. Применение мер возможно лишь при наличии одного из поводов, установленных законодателем – личного заявления, обращения председателя суда или получения информации органом, обеспечивающим безопасность, об угрозе безопасности присяжного заседателя и основания – совокупности сведений, свидетельствующих о том, что источник опасности – угрозоноситель, вызывающий необходимость обеспечения безопасности защищаемого лица, существует реально и в его действиях имеются все конструктивные элементы противоправных действий. При применении мер безопасности присяжным заседателям должны разъясняться права и обязанности. Законодатель предоставляет возможность защищаемым лицам требовать применения отдельных мер государственной защиты, в том числе их отмены. Также все указанные участники, как защищаемые лица, имеют право на обжалование незаконных решений или действий должностных лиц, осуществляющих меры безопасности.

---

[236] О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 – 2024 годы» : постановление Правительства РФ от 27.12.12 № 1406 // СЗ РФ от 07.01.13. № 1, ст. 13.

[237] Игорь Краснов рассказал президенту о планах модернизации российского правосудия // Российская газета – Столичный выпуск: № 251 (9790).

[238] Об утверждении Методических рекомендаций по порядку действий судей, работников аппаратов судов и судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов в кризисных или чрезвычайных ситуациях, обусловленных угрозой совершения (совершением) террористических актов, а также преступлений и административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность : проект приказа СД при ВС РФ от 17.03.23 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=136782

[239] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федеральный закон от 20.08.04 № 119-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2025).

[240] Об этом см. постановление Правительства Российской Федерации от 06.09.2023 № 1454-47 «Об утверждении Государственной программы „Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024 – 2028 годы“»; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2025).

[241] Обстоятельную характеристику содержания каждой из этих мер см.: Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический Центр Пресс», 2004. С. 169–322; Дмитриева А. А. Механизмы обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве. М., 2017. С. 53–63.

Анализ практики применения мер безопасности к судьям и присяжным заседателям за период с 2017 по 2022 гг. показывает[242], что наиболее распространенной мерой безопасности, применяемой к присяжным заседателям, является обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах (ст. 9 ФЗ «О государственной защите судей… »).

Вопросы обеспечения безопасности присяжных заседателей в основном включают те проблемы, которые имеют отношение и к другим участникам уголовного судопроизводства (бессистемность применения мер безопасности; межведомственная несогласованность; пробелы в пенсионном, трудовом, жилищном, медицинском законодательствах при применении ряда сложных мер безопасности и т. д.). Но при этом имеют свои особенности, отражающие процессуальный статус присяжного и его правовое положение.

Например, в соответствии с ФЗ «О государственной защите судей… » на присяжных заседателей распространяются те же меры безопасности, что и на судей. Но на практике, судья является должностным лицом и проходит соответствующие проверки и подготовки, имеет разрешение на ношение табельного оружия. Фактически он готов самостоятельно реагировать и правильно действовать при оказании на него незаконного воздействия. Тем более у судьи есть коммуникационные возможности взаимодействия с компетентными органами, осуществляющими государственную защиту. Присяжные заседатели не всегда обладают не только необходимыми качествами характера, но не имеют и информации как правильно действовать в различных неформальных ситуациях при участии в судебном производстве. В данном случае, мы рекомендуем в обязательном порядке, до принятия присяжными заседателями присяги инструктировать их о возможных рисках и об оказании на них неправомерного воздействия со стороны угрозоносителей – заинтересованных лиц в противодействии целям уголовного судопроизводства. Считаем, что это должно входить в обязанности судьи, а также должностных лиц, осуществляющих призыв к исполнению обязанностей присяжных заседателей.

Стоит отметить специфику некоторых видов мер безопасности. В частности, мера безопасности как «Выдача оружия» (п. 2 ст. 5 и ст. 7 ФЗ «О государственной защите судей… »), проблематична и даже опасна для таких субъектов государственной защиты как присяжные заседатели. Уверены, что предоставление оружия защищаемому лицу, не имеющему соответствующее разрешение или подготовки чревато негативными последствиями. В данном случае законодателю необходимо внести ограничительные корректировки в указанную норму.

При осуществлении личной охраны, охраны жилища и имущества присяжных заседателей в соответствии со ст. 6 ФЗ «О государственной защите судей… » могут возникнуть сложности межведомственного характера. Законодательно обязанности по осуществлению данной меры безопасности возложены на органы внутренних дел в лице Управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (УОГЗ МВД РФ), но при необходимости привлекаются войска национальной гвардии Российской Федерации (подразделения вневедомственной охраны). Считаем, что необходим межведомственный акт, регламентирующий действия указанных служб для оперативной реализации такой меры безопасности как личная охраны, охрана жилища и имущества.

По нашему мнению, применение таких затратных во всех смыслах мер безопасности, как замена документов и изменение внешности (ст. 11 ФЗ «О государственной защите судей… ») будет применяться только в крайних случаях, тем более данные действия предполагают долгосрочные процедуры в различных сферах жизнедеятельности и отраслях права. Скорее всего, присяжные заседатели как обычные граждане к этому будут психологически не готовы. В данном случае, необходимо будет оказывать им и психологическую помощь, то есть привлекать профессиональных специалистов.

В связи с представлением судьям районного суда и коллегии из шести присяжных заседателей, в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2017 № 467-ФЗ[243], права по ходатайству обвиняемого рассматривать ряд уголовных дел о составах преступлений, перечисленных в ч. 2.1 ст. 30 УПК РФ, остро встает вопрос о необходимых организационных мерах по обеспечению их безопасности. При этом противоправное воздействие со стороны заинтересованных лиц на участников уголовного судопроизводства не всегда влечет уголовную ответственность, но существенно влияет на поведение субъекта процессуальных отношений, особенно такого как присяжный заседатель. Здесь законодателю и исполнителям необходимо внести изменения в соответствующие акты, регулирующие данный процесс с целью исключения любых возможных противоправных воздействий на указанных лиц.

[242] Документы суда. Обзоры судебной практики : [Электронный ресурс] // Верховный Суд Удмуртской Республики. ГАС «Правосудие» ; СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.08.2023).

[243] О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» : Федеральный закон от 29.12.2017 № 467-ФЗ // Рос. газ. 2017. 31 дек.

Поэтому необходимо применять комплексный межотраслевой характер разрешения проблем, возникающих при создании безопасных условий для участников уголовного судопроизводства, используя все возможные законные средства.

Фактически в обязанности компетентных органов и их должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, должно входить требование по обеспечению безопасных условий для его участников. Именно такая позиция должна быть актуальной в условиях современной российской уголовно-процессуальной политики.

Эффективность в области обеспечения безопасности присяжных заседателей требует от законодателя своевременного изменения нормативно-правовых актов в целях создания безопасных условий для них, а правоохранительные органы должны учитывать все обстоятельства, влияющие на безопасность граждан, оперативно реагировать на информацию о наличии или намерении осуществления неправомерных действий угрозоносителями в отношении присяжных, предупреждая их.

Крайнова Ольга Анатольевна,
канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России»,
г. Пермь

Потерпевший как субсидиарный субъект уголовного преследования и доказывания по уголовным делам публичного обвинения

Потерпевший является участником уголовного процесса, имеющим признаваемый законом интерес в деле, и относящимся к стороне обвинения.

По смыслу закону законный интерес потерпевшего состоит в том, чтобы добиваться возмещения причиненного ему преступлением вреда. Такой интерес можно считать частным. Вместе с тем потерпевший может быть заинтересован и в том, чтобы лицо, совершившее в отношении него преступления, было привлечено к уголовной ответственности и понесло наказание, предусмотренное законом. Такой интерес можно считать публичным, хотя потерпевший может привносить в него и субъективный момент личной мести, что всегда учитывается должностными лицами органов предварительного расследования и судом, ведущих уголовное дело.

По уголовным делам публичного обвинения две важнейшие уголовно-процессуальные функции принадлежат публичным – государственным органам предварительного расследования и прокурору. Уголовно-процессуальное право, будучи публичной отраслью права, закрепляет подвластное положение потерпевшего по отношению к компетентным государственным органам, ведущим процесс.

Для реализации своих частных и публичных интересов в деле потерпевший наделен правами на участие в публичном уголовном преследовании в виде собирания, представления доказательств, участия в проверке доказательств (ст. 42 ч. 2 пп. 1–2, 4–6, 9, 15–16; ст. 86 ч. 2 УПК РФ). Между тем распоряжаться публичным обвинением, то есть участвовать в выдвижении обвинения, принятии решения о прекращении публичного обвинения потерпевший прав не имеет.

В российской уголовно-процессуальной теории обсуждение проблемы расширения прав потерпевшего по участию в уголовном процессе, в доказывании, уголовном преследовании имеет давнюю традицию. Значительный вклад в ее разрешение внесли и представители школы уголовного процесса Удмуртского государственного университета, в том числе ее основатель – профессор З. З. Зинатуллин[244]. Концептуальным вопросом является вопрос о мере участия потерпевшего в выдвижении и распоряжении обвинением, в формировании уголовно-процессуальных – судебных доказательств.

В современном уголовном процессе сохранена советская – следственная модель досудебного производства, включая институты обвинения и доказывания, поэтому по традиции пределы расширения прав потерпевшего на участие в этих направлениях уголовно-процессуальной деятельности определялись следственной формой. Поэтому возможность осуществления потерпевшим функций обвинения и доказывания по уголовным делам публичного обвинение не вместе, а *вместо* следователя, прокурора, затрагивалась редко. Хотя в дореволюционной уголовно-процессуальной литературе

[244] См.: Фаткуллин Ф. Н., Зинатуллин З. З., Аврах Я. С. Обвинение и защита по уголовным делам. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1976. С. 56; Зинатуллин З. З., Егорова Т. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальное доказывание: Концептуальные основы : монография. Ижевск : Детектив-информ, 2003. С. 32, 73.

затрагивалась доступа потерпевшего к публичному обвинению и доказыванию не только в виде субсидиарного, но и народного обвинения и соответственно – деформализации доказывания[245].

При разработке УПК РФ рассматривалась возможность введения модели субсидиарного обвинения, которое потерпевший мог бы взять на себя в случае отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения в суде[246].

В этот период обсуждались различные – по мере участия потерпевшего в публичном уголовном преследовании и доказывании – модели субсидиарного обвинения. Были предложения по уравниванию потерпевших в правах с официальными субъектами публичного уголовного преследования и доказывания, вплоть до конкуренции между ними[247]. Наиболее приемлемой, как уже апробированной в законодательстве ряда государств с родственным российскому типом уголовного процесса, считается модель, в которой потерпевший приобретает полномочия публичного обвинителя в суде в случае отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения[248].

Впрочем, даже умеренный проект не была воспринята законодателем и постепенно дискуссия об этом институте сошла на нет. Новый всплеск интереса к идее субсидиарного при обсуждении проекта введения института следственных судей в российское досудебное уголовное производство[249]. Однако и этот проект не состоялся.

Несомненно то, что концепция субсидиарного обвинения проникнута состязательной идеологией и предполагает ограничение монополии государственных компетентных органов осуществлять публичное уголовное преследование и доказывание. Поэтому она и встречает отторжение у многих представителей юридической общественности.

Между тем, на наш взгляд, монополизация обвинения (уголовного преследования) и доказывания обвинительной власти государства в условиях развития цифровых технологий выглядит анахронизмом. Мы разделяем взгляды ряда авторов, согласно которым в будущем неизбежно увеличение технических возможностей у любых лиц, и у потерпевших прежде всего, заинтересованных в выявлении и раскрытии преступления, в собирании электронных доказательств[250]. Вместе с тем новые перспективы вовлечения потерпевших получает и механизм выдвижения обвинения и осуществления публичного уголовного преследования, как в суде, так и в досудебном производстве.

Не разделяя идеи о возможности реализации в российском типе модели народного обвинения, предполагающей право любого лица на выдвижение публичного обвинения и доказывание обвинения всеми незапрещенными законом средствами, мы полагаем более реалистичным введение института субсидиарного обвинения. Это уже произошло в новейшем уголовно-процессуальном законодательстве некоторых государств, ранее входивших в СССР. Как, например, согласно части второй статьи 26 УПК Кыргызской Республики отказ прокурора во время судебного разбирательства от обвинения не лишает потерпевшего права поддерживать обвинение.

Как представляется в современном российском уголовно-процессуальном праве вполне могут найти закрепление аналогичное положение. Кроме того, полезным было бы, на наш взгляд, и закрепление в нашем уголовно-процессуальном кодексе могли получить положения о том, что (а) потерпевший должен иметь право участвовать в выработке ряда оснований о прекращении уголовного дела (преследования), в частности, оснований, предусмотренных статьями 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ; на любой стадии уголовного процесса потерпевший, его представитель вправе при отказе от участия в публичном уголовном преследовании, поддержании публичного обвинения изложить в письменном виде свою позицию и представить ее органу, в чьем производстве оно находится.

---

[245] См.: Полянский Н. Н. К вопросу о праве частных лиц на субсидиарное обвинение. М. : Тип. Лисснера и Собко, 1914; Полянский Н. Н. К вопросу о праве частных лиц на субсидиарное обвинение // Юридический вестник. 1914. Кн. 6. С. 142–146.

[246] См. проект Уголовно-процессуального кодекса РФ, подготовленный Министерством юстиции РФ // Российская юстиция. 1994. № 11. С. 4–32.

[247] См.: Гущев В. Е., Александров А. С. Субсидиарный уголовный иск. Н. Новгород : НЮИ МВД РФ, 1999. С. 89–94; Александров А.С. Субсидиарный уголовный иск // Государство и право. 2000. № 3. С. 75–83.

[248] См.: Петрова Н. Е. Частное и субсидиарное обвинение. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2004. С. 101–110; Ветрова Г. Н. Субсидиарное обвинение и принцип состязательности // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3 (94). С. 32–36; Лапатников М. В. Перспективы субсидиарного обвинения в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 37–41.

[249] См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / [исполн.: А. С. Александров и др.]. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 43–44.

[250] См.: Александров А. С., Александрова И. А., Власова С. В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 75–86.

Лагодина Елена Ивановна,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар

Нотариус как субъект противодействия преступности: уголовно-процессуальный аспект

Противодействие преступности составляет важнейшее направление деятельности современного государства. Усилия, которые прилагает российский законодатель в этом направлении объемны, масштабны, во многом эффективны. Государство в лице своих лидеров старается поддерживать данное противодействие на надлежащем уровне, не допуская активизации преступного элемента[251]. В то же время процесс противодействия преступности является перманентным и весьма часто подвержен острой критике со стороны, как государственных деятелей, общественных институтов, отдельных граждан, так и научного сообщества.

Проблемы в сфере противодействия преступности обусловлены объективными причинами. В самом общем виде они могут быть сформулированы следующим образом.

Во-первых, это разнообразие преступной деятельности, появление ее новых направлений, видов и подвидов. Так, в криминологии выделяют экономическую, таможенную, экологическую, государственную и иные направления преступности. Очевидно, что в этих направлениях должны применяться как общие, так и специальные средства противодействия. В рамках каждого направления могут выделяться виды. Так, экономическая преступность, исходя из формулировок уголовного закона, включает преступления в сфере экономики (разд. VIII УК РФ), преступления против собственности (гл. 21 УК РФ), преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) и др.

Во-вторых, постоянная модернизация способов совершения преступлений. Например, в научных работах выделяют высокотехнологичную, а также технотронную преступность, под противодействием которой понимается деятельность уполномоченных субъектов по выявлению и последующему устранению факторов, способствующих совершению технотронных преступлений; выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию технотронных преступлений; минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений технотронной преступности[252].

В-третьих, это социальные условия, которые обеспечивают постоянный «приток» правонарушителей, и в этой части можно говорить об очень многих факторах: от воспитания в семье до проблем с трудоустройством, неудовлетворенность заработком и иные. И в этом направлении также должны предприниматься усилия, чтобы обеспечить противодействие криминализации членов нашего общества.

Полагаем, что перечисленные факторы убеждают в том, что противодействие преступности охватывает все значимые аспекты государственного устройства. Соответственно к числу субъектов противодействия преступности следует относить не только правоохранительные, но и иные государственные и негосударственные органы, общественные организации и объединения, должностных лиц и частных лиц.

В научном плане одна из классификаций субъектов, осуществляющих противодействие преступности, выглядит следующим образом: 1) субъекты общего предупреждения преступности (государство, все институты гражданского общества); 2) субъекты специального предупреждения преступности (государственные и негосударственные, специализированные и неспециализированные институты)[253]. Думается, что определенная неконкретность данной классификации вызвана объективными трудностями, обусловленными множеством субъектов противодействия преступности.

Отметим, что преступность, как правило, в самом широком смысле имеет в своей основе имущественный характер. Так или иначе, но подавляющее большинство преступлений направлены на получение определенных выгод и незаконных имущественных приобретений. В российском уголовном праве этот фактор наглядно прослеживается в формулировках составов преступлений: «из корыстных побуждений» (в УК РФ упоминается 47 раз), «причинивший ущерб (значительный,

[251] См.: Путин на Совбезе предложил обсудить борьбу с преступлениями с использованием ИКТ // РИА Новости. 2025. 14 ноября.

[252] Евдокимов К. Н. К вопросу о совершенствовании системы противодействия технотронной преступности в Российской Федерации // Российский следователь. 2021. № 10. С. 69–72.

[253] Кобец П. Н. О важности развития системы профилактики преступности в условиях гражданского общества. Государство и право в условиях гражданского общества : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : Аэтерна, 2015. С. 55.

крупный, особо крупный)» (в УК РФ указан 145 раз), «незаконный доход» (10 раз). С позиции основного предмета нашего исследования – фигуры нотариуса, представляет интерес еще несколько формулировок в уголовном законе: 21 раз упоминается сделка и 147 раз категория «имущество».

Статистика упоминаний этих понятий в уголовном законе убеждает в том, что сделки, оборот имущества выступают сферой, которая наиболее подвержена криминальному вмешательству. Об этом же свидетельствуют цифры, приведенные Председателем Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкиным: в 2024 г. уровень корыстной преступности составил 53 % в объеме всех преступных проявлений. Наиболее распространёнными корыстными преступлениями являются: кража (около 70 %), мошенничество (около 23 %), грабёж (около 2 %), присвоение и растрата (примерно 1,3 %)[254].

В современных условиях многие преступления прикрываются совершением сделок, сопровождаются договорами, не имеющими законных оснований, и могут маскировать преступную деятельность иным образом. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32, в частности, отмечено: «последующее совершение <…> финансовых операций и сделок с денежными средствами, полученными в результате преобразования такого имущества (к примеру, с денежными средствами, приобретенными в результате продажи наркотического средства), образует объективную сторону преступлений, предусмотренных ст. 174 или ст. 174.1 УК РФ»[255].

Учитывая, что во многих случаях при совершении сделок принимает участие такой субъект, как нотариус, его необходимо рассматривать как, во-первых, субъекта противодействия преступности, во-вторых, субъекта, оказывающего квалифицированную юридическую помощь. Принимая в расчет, что противодействие преступности неизбежно выводить на первый план уголовное судопроизводство (вне рамок которого невозможно осуществлять уголовное преследование и решать иные задачи по противодействию преступности), субъект противодействия преступности должен быть наделен совокупностью достаточных уголовно-процессуальных полномочий, чтобы реализовать свое предназначение в этой сфере.

Несмотря на, казалось бы, закономерный характер этого вывода, отметим, что нотариус в уголовно-процессуальной доктрине не рассматривается как самостоятельный субъект и его вовлечение в уголовное судопроизводство зависит от другого лица – предпринимателя, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

В соответствии с положениями п. 3.1 ч. 4 ст. 46 и п. 9.1 ч. 4 ст. 47 и ч. 13 ст. 107 УПК РФ нотариус вовлекается в уголовное судопроизводство для удостоверения доверенности на право представления интересов подозреваемого или обвиняемого в сфере предпринимательской деятельности. Подчеркнем, что законодатель подошел к определению полномочий нотариуса крайне конкретно, установив не только вид нотариального действия, но и тот объект, на который это действие может быть направлено. Отдельно выделим уголовно-процессуальный запрет на совершение нотариальных действий в отношении имущества, денежных средств и иных ценностей, на которые может быть наложен арест в случаях, предусмотренных УПК РФ.

Содержание этих предписаний закона оцениваем критически, что вызвано возложением на нотариуса задачи определить имущество, на которое *может быть* наложен арест. Такая задача под силу только следователю с учетом и на основании установленных им фактических обстоятельств, квалификации выдвинутого обвинения и других необходимых сведений.

Для нотариуса, в силу отсутствия доступа к материалам уголовного дела, эти обстоятельства остаются неизвестными и требовать соответствующих указанному запрету действий от него, полагаем, в корне неверно.

В связи с этими же уголовно-процессуальными положениями есть и другое критическое замечание: узкая сфера привлечения нотариуса к участию в уголовное судопроизводство не позволяет ему в полной мере выступить в качестве субъекта противодействия преступности. Полагаем, что потенциал нотариуса гораздо обширнее, он весьма специфичен, что позволяет рассчитывать на конструктивность идеи развития его уголовно-процессуальных полномочий в качественном и количественном отношении.

Например, в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма нотариусы приобрели новые компетенции. В соответствии с изменениями, внесенными

[254] Интервью Председателя Следственного комитета России «Российской газете» [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/politika/23596255

[255] О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (ред. от 26 февраля 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

в Основы законодательства о нотариате[256] на нотариусов возложена обязанность проверять действительность долговых обязательств при совершении исполнительной надписи и удостоверении медиативных соглашений. Очевидно, что такого рода проверка может позволить выявить сведения, составляющие основание к проведению уже уголовно-процессуальной проверки в порядке гл. 19 УПК РФ.

Однако, законодатель не возложил на нотариусов никаких обязанностей по извещению правоохранительных органов о получении подозрительной в криминальном отношении информации. Это обстоятельство сужает публично-правовую функцию нотариуса, не позволяя установить надлежащее взаимодействие с органами уголовного преследования.

Есть и проблемы в связи с таким полномочием нотариуса, как удостоверение медиативных соглашений[257]. Как отмечается в литературе, эти соглашения используются в процессе «отмывания» денежных средств, в связи с чем правоохранительные органы заинтересованы в информации об этих соглашениях, но далеко не всегда могут получить к ней доступ[258]. Считаем, что для установления надлежащего взаимодействия необходимы дополнения в уголовно-процессуальный закон.

Недостатки правового регулирования уголовно-процессуальных отношений с участием нотариуса присутствуют и в иных аспектах. Так, подвергается обоснованной критике практика использования в качестве доказательства нотариально заверенного заявления потерпевшего о входящих в предмет доказывания обстоятельствах вместо его допроса с использованием видео-конференц-связи[259].

Кроме того, при обобщении судебной практики были выявлены случаи предоставления суду по ходатайству стороны защиты в качестве доказательств нотариально заверенных заявлений потерпевших о том, что они дали заведомо ложные показания, оговорив осужденных в совершении преступления, предусмотренного *ч. 3 ст. 162* УК РФ[260]. В данной части есть смысл скорректировать полномочия нотариуса и определить возможность удостоверения подобных документов.

Как конструктивные рассматриваем предложения о вовлечении нотариуса в процедуру заключения мировых соглашений в уголовном судопроизводстве. В этих процедурах нотариус может проверить и удостоверить следующее: 1) имеется ли у стороны недвижимость, которую эта сторона желала бы передать другой стороне в качестве компенсации; 2) имеются ли обременения у этой недвижимости и подтвердить содержание обязательств сторон.

Выяснение указанных обстоятельств может непосредственно повлиять на факт примирения сторон и на принятие решения следователем о прекращении уголовного дела по этому основанию[261]. Также участие нотариуса в уголовно-процессуальных согласительных процедурах позволит создать прочные гарантии, обеспечить уверенность сторон в выполнимости выдвинутых и принятых обязательствах.

В развитие этого предложения приведем пример из судебной практики: в кассационной жалобе осужденный заявил о полном возмещении потерпевшей причиненного преступлением имущественного ущерба еще до рассмотрения дела судом апелляционной инстанции и, соответственно, вступления приговора в законную силу, приобщив в подтверждение этому нотариально заверенное заявление потерпевшей М., не доверять которому, как указала кассационная инстанция, «оснований не имеется»[262]. Аналогичные по содержанию и правовой оценке нотариально заверенные документы имеются и в других судебных решениях по уголовным делам[263]. Очевидно, что такой механизм имеет весьма благоприятную перспективу своего применения в уголовном судопроизводстве ввиду простоты, надежности и эффективности.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

---

[256] О внесении изменений в статьи 59.1 и 91.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате : Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 234-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (часть I), ст. 4930.

[257] Часть 5 ст. 12 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31, ст. 4162.

[258] Бызова М. В., Калашников В. С. Противодействие легализации преступных доходов: правовые средства прокурора и правоприменительная практика // Законность. 2023. № 7. С. 34.

[259] Вилкова Т. Ю., Максимова Т. Ю., Ничипоренко А. А. Перспективы развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества и государства // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 12. С. 132.

[260] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 июня 2023 г. по делу № 77-2522/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[261] Руднев В., Беньягуев Г. Возможно ли участие нотариуса в уголовном судопроизводстве? // Российская юстиция. 2002. № 8.

[262] Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18 января 2023 г. по делу № 77-351/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[263] Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18 апреля 2024 г. по делу № 77-703/2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

1. Нотариус в силу своей публично-правовой функции относится к числу субъектов, осуществляющих противодействие преступности.

2. Для обеспечения выполнения нотариусом надлежащим образом возложенных на него государством обязанностей в сфере противодействия преступности необходимы законодательные меры по восполнению пробелов в его уголовно-процессуальном статусе.

Предлагаем предусмотреть корректировки законодательных положений в УПК РФ и в Основах законодательства о нотариате в части установления обязанности нотариуса сообщать о признаках выявленного в ходе осуществления профессиональной деятельности преступного деяния (ст. 16 Основ законодательства о нотариате), а также для определения гарантий прав нотариуса, в том числе для обеспечения нотариальной тайны (ст. 56, 140 УПК РФ). Следует более подробно урегулировать обращение нотариуса с сообщением о преступлении (ст. 140 УПК РФ), а также его участие в примирении сторон (ст. 25 УПК РФ).

3. Удостоверение нотариусом заявлений участников уголовного судопроизводства, касающихся обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию, необходимо исключить, как выходящее за пределы полномочий нотариуса.

Лошкобанова Яна Валерьевна,
канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар

Согласительные процедуры по уголовным делам в отношении предпринимателей

Уголовное судопроизводство в отношении предпринимателей в последние несколько лет сопровождается активными дискуссиями по самым разным аспектам. Особое место в рамках дискутируемых вопросов занимают процессуальные особенности, которые определил законодатель, применительно к обеспечению прав предпринимателей и направленные, по его замыслу, на снижение рисков необоснованного привлечения хозяйствующих субъектов к уголовной ответственности и причинение им тем самым существенного ущерба.

В соответствии с положениями действующего законодательства предприниматели получили следующие дополнительные права:

– в случае избрания в их отношении мер пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста – право на свидание с нотариусом, без ограничения продолжительности по времени, для составления доверенностей по вопросам, связанным с ведением бизнеса (ст. 46 и 47 УПК РФ);

– особый порядок изъятия объектов, включая носители электронной информации (ст. 81.1 УПК РФ);

– запрет на избрание в отношении предпринимателя заключения под стражу при отсутствии оснований, перечисленных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

Отметим, что далеко не все прописанные в УПК РФ особенности воспринимаются положительно. Многие из них сопровождаются критическими оценками. Справедливость высказываемой критики подтверждается многими примерами законодательных формулировок, смысл и содержание которых достаточно туманны, например, установленная процедура изъятия предметов и иных объектов, принадлежащих предпринимателю.

В соответствии с ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ предусматривает запрет на необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ. Умышленно приводим эту формулировку полностью для наглядной демонстрации сложившегося законодательного казуса: устанавливается недопустимость именно *необоснованного* применения каких-либо мер, причем лишь в определенных случаях.

Закономерно задаться вопросом: а разве иное необоснованное применение правоограничений уголовно-процессуальным законом поощряется?

При этом еще более сложным для восприятия выступает положение о том, что необоснованное изъятие электронных носителей не допускается «за исключением случаев… ». Формальный подход дает вывод, что в исключительных случаях необоснованность изъятия предполагается.

Также сомнительным с позиции формулировки видится следующее положение ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ[264], в которой законодатель предусматривает обязательность указания в ходатайстве о заключении под стражу предпринимателя на конкретные сведения, подтверждающие отсутствие связи между совершенным преступлением и предпринимательской деятельность. В связи с чем также возникает вопрос: если отсутствие связи между преступлением и предпринимательской деятельностью должно подтверждаться конкретными сведениями, то почему не должно подтверждаться такими же сведениями наличие этой связи?

Вызывает затруднение и совокупность статей Уголовного кодекса РФ, по которым могут применяться соответствующие процедурные особенности в отношении предпринимателей. Дело в том, что несмотря на достаточно длительный период времени, в течение которого действуют внесенные изменения, касающиеся предпринимателей, ученые и практики предпринимают попытки разной степени успешности по систематизации и синхронизации уголовного и уголовно-процессуального закона[265].

Проблемность этого аспекта подтверждается и тем обстоятельством, что в 2023 г.[266] законодатель был вынужден, ввиду масштабных ошибок в правоприменении[267], ввести в ст. 5 УПК РФ новый п. 27.1, разъясняющий сущность категории «преступления, совершенные индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, предусмотренные *статьями 20, 81.1, 108* и *164* настоящего Кодекса».

Не менее сложным оказалось определить субъектов, на которых распространяются эти особенности. Этому вопросу особое внимание посвятил Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 15 ноября 2016 г.[268], в котором попытался разъяснить этот сложный для правоприменителя вопрос.

В таких условиях, при достаточно проблематичном законодательном регулировании производства по уголовным делам в отношении предпринимателей, представляется затруднительным оценивать установленные особенности, как преимущества для представителей бизнеса, обеспечивающие им повышенный уровень процессуальных гарантий[269].

Не менее сложно оценивать в положительном ключе все проведенные изменения уголовно-процессуального закона с позиции его результативности. Для иллюстрации используем один из примеров, полученных при обобщении правоприменительной практики.

Адвокат обжаловал в порядке ст. 125 УПК РФ бездействие следователя, выразившееся в невынесении постановления о прекращении уголовного дела, в рамках которого к уголовной ответственности привлекались несколько предпринимателей по *п. «а, г» ч. 2 ст. 194* УК РФ. При этом задолженность в виде неуплаты таможенных платежей перед государством погашена в полном объеме, возмещена двукратная сумма причиненного ущерба. В Генеральной прокуратуре РФ жалобы обвиняемых удовлетворялись, принимались меры прокурорского реагирования, вносились требования в Следственный комитет РФ об устранении нарушений закона, однако указанные требования не выполнялись. Прокурор поддержал доводы жалобы в суде и тот удовлетворил жалобу адвоката, признав бездействие следователя незаконным[270]. Очевидно, что такие случаи наглядно демонстрируют низкую эффективность принятых мер по обеспечению надлежащей защиты профессиональных интересов предпринимателей.

На наш взгляд, предпринимаемые законодателем меры по обеспечению благоприятного делового климата, стабильности экономических отношений, конечно, заслуживают поддержки. Экономика – тонкий инструмент, налаженные между участниками отношения, связи могут быть быстро разрушены, причиняя существенный вред на всех уровнях: от работников предприятия, до благополучия населения в целом.

---

[264] Введена Федеральным законом от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 25, ст. 4406.

[265] См., напр.: Камчатов К. В., Аристархов А. Л. Вопросы защиты прав предпринимателей и пути их решения в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 5. С. 52–59.

[266] О внесении изменений в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 2 ноября 2023 г. № 524-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 45, ст. 7995.

[267] См., напр. апелляционное определение Московского городского суда от 18 декабря 2023 г. по делу № 10-21440/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[268] О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 (ред. от 11 июня 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

[269] Сопнева Е. В., Анопко О. А. Предприниматели и уголовный процесс: обзор проблем и решений // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 1 (96). С. 115–121.

[270] Постановление Басманного районного суда г. Москвы от 6 марта 2023 г. по делу № 3/12-205/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

И уголовное судопроизводство в указанном аспекте играет весьма важную роль – это определенного рода балансир, благодаря которому бизнес получает надлежащую защиту, но и при этом сам находится в правовом поле, соблюдая установленные правила под угрозой привлечения к уголовной ответственности.

Указанный суждения позволяют утверждать, что предприниматели в уголовном судопроизводстве действительно нуждаются в мерах поддержки. Однако, сфера их приложения должна обеспечивать защиту экономических отношений, без усложнений процедуры в целом.

В этой связи отметим тот факт, что законодатель, направляя свои усилия на повышение уровня защиты в случаях избрания меры пресечения, принудительного изъятия объектов, прав, но лишь отчасти, поскольку практически не уделил внимания другому направлению развития уголовно-процессуальных отношений, а именно – боле широкому внедрению примирительных и согласительных процедур.

Этот институт в науке уголовного процесса достаточно активно обсуждается. Имеются значительные результаты, включая разработку понятия, правил, процедуры, совершенствуется их видовое разнообразие.

Так, выделяются следующие виды примирительных процедур: примирение сторон: потерпевшего и подозреваемого, обвиняемого, подсудимого; назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа судом по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора; заключение досудебного соглашения о сотрудничестве между подозреваемым, обвиняемым и органами следствия, органами дознания[271]. В число примирительных процедур включается и медиация[272].

В этом отношении констатируем прогрессивное развитие примирительных процедур, но крайне неудовлетворительным видится состояние науки в той ее части, которая связана с примирительными процедурами, применяемыми в отношении предпринимателей. Имеющаяся ст. 28.1 УПК РФ, несмотря на высказанные учеными позиции о ее причислении к примирительным процедурам[273], полагаем не имеет в своей основе необходимых признаков. Скорее речь идет о согласительной процедуре, при которой предприниматель соглашается с тем, что допустил правонарушение, а также с условиями, которые установлены в законодательных положениях.

Полагаем, что главным отличием между примирительными и согласительными процедурами выступает как раз тот факт, что законодательно определяются критерии, выводящие на процессуальный результат – прекращение уголовного дела.

Если подозреваемый, обвиняемый согласны с установленными законом условиями, то они получают установленный законодательно результат. При этом никакие дополнительные или альтернативные условия (что предполагается при примирительных процедурах) не могут выдвигаться, их объем также не подлежит изменению.

При сопоставлении содержания ст. 28.1 и 25 УПК РФ особенно наглядно прослеживается различие в содержании, основаниях, пределах и других характерных признаках.

Объем возможностей по применению ст. 28.1 УПК РФ также представляется крайне узким – это ст. 198–199.1, 199.3, 199.4 УК РФ. Иными словами, даже тот небольшой сегмент применения согласительных процедур, который имеется для применения в отношении предпринимателей, ограничивается несколькими составами преступлений.

При таких условиях есть все основания считать, что для предпринимателей действующий уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо специфических примирительных процедур, позволяющих быстро и без существенного ущерба для публичных и профессиональных интересов предпринимателя завершать уголовное судопроизводство.

Рассматриваем это направление – развитие согласительных и примирительных процедур в уголовном судопроизводстве для реализации повышенного уровня обеспечения прав предпринимателей актуальным и востребованным направлением научных исследований.

---

[271] Примирительные процедуры в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве Российской Федерации : науч.-практ. пособие / Ю. Ф. Беспалов, А. Ю. Беспалов, Д. В. Гордеюк, А. Ю. Касаткина ; под ред. Ю. Ф. Беспалова. М. : Проспект, 2018. С. 86.

[272] Лантух Н. В. Процедуры разрешения уголовно-правовых конфликтов, включающие элементы примирения, в современном уголовном процессе // Мировой судья. 2022. № 12. С. 17–20. См. также об этом: Галенников Л. С., Деришев Ю. В. Медиация как форма восстановительного правосудия // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 3. С. 405–419.

[273] Колесник В. В. Концепция договорных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2024. С. 17.

На наш взгляд, в уголовно-процессуальном законе должны существовать несколько возможных процедур, направленных на достижение соглашения или примирения между стороной обвинения и предпринимателем в случае уголовного преследования. В числе последствий достижения положительного результата видятся:

– отказ от возбуждения уголовного дела в отношении предпринимателя (в случае погашения ущерба до возбуждения уголовного дела);

– прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям;

– компенсация причиненного имущественного и иного вреда;

– вариативность условий, которые могут представить стороны в рамках договоренностей (диспозитивность);

– снижение уровня дискреции властных субъектов в части применения усмотрения по результатам заключенных договоренностей.

Отдельного внимания в этих процедурах заслуживает применение цифровых средств. Полагаем, что в отдельных случаях для достижения оптимального результата в кратчайшие сроки возможно использование интеллектуальных систем.

Лубин Сергей Александрович,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», доцент кафедры криминалистики
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России»,
г. Нижний Новгород

Перспективы развития судебно-бухгалтерской экспертизы по делам, связанным с сокрытием денежных средств, предназначенных для уплаты в бюджет

Развитие судебно-бухгалтерской экспертизы до настоящего времени довольно большой промежуток времени происходило в условиях плановой экономики.

Минюст РФ и МВД издают приказы, посвященные экспертной деятельности и касающиеся в том числе экономической сферы, что привело к возникновению такой проблемы, как отсутствие единой классификации судебных экономических экспертиз. Так, в перечне родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» к приказу МВД от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» экономическая экспертиза делится налоговую, бухгалтерскую, финансово-аналитическую, а также финансово-кредитную[274]. В то же время в приложении № 1 «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» к приказу Минюста РФ от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» экономическая экспертиза подразделяется на бухгалтерскую, а также финансово-экономическую, тем самым отличается от перечня МВД[275]. Такие расхождения вносят в экономическую экспертизу элемент относительности, вступая в противоречие с принципами экспертной деятельности. Стоит упомянуть, что в федеральной службе безопасности, также имеющей свое экспертное подразделение, проведение экономических экспертиз, в соответствии с приказом

[274] Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД от 29.06.2005 № 511 (ред. от 12.11.2024) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/ (дата обращения: 17.11.2025).

[275] Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : приказ Минюста РФ от 27.12.2012 № 237 (ред. от 28.12.2021) [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/law/prikaz-miniusta-rossii-ot-27122012-№-237/ (дата обращения: 17.11.2025).

ФСБ России № 277 от 23.06.2011 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности»[276] вообще не предусмотрено.

Классификация, представленная в приказе Минюста, делящаяся только на два рода, позволяет конкретно относить назначенную экспертизу к какому-либо роду, что с помощью классификации, представленной в приказе МВД, получается не всегда[277]. Связано это в первую очередь со стремительным развитием экономики. Так, например, экспертизу, связанную с исследованием операций с ценными бумагами, по классификации приказа Минюста можно отнести к финансово-экономическим экспертизам, а по классификации из приказа МВД определить род экспертизы не представляется возможным вовсе. Таким образом, назрела потребность в создании общей для всех ведомств классификации экономических экспертиз.

Для разрешения данной ситуации можно предложить использовать как единую классификацию экономических экспертиз классификацию Минюста России с применением детализации экспертиз по подвидам следующим образом:

а) судебная экономическая экспертиза, включающая в себя:
   - судебную бухгалтерскую экспертизу;
   - судебную кредитную экспертизу;

б) судебная финансовая экономическая экспертиза, включающая в себя:
   - судебную финансово-аналитическую экспертизу;
   - судебную экспертизу по операциям с ценными бумагами;
   - судебную экспертизу финансово-хозяйственной деятельности компании;
   - судебную экспертизу по валютным операциям;
   - судебную экспертизу по внешнеэкономическим операциям;
   - судебную экспертизу целевого финансирования;
   - судебную налоговую экспертизу.

Такая классификация соответствует тенденциям в действующем финансово-экономическом нормативном блоке.

Немаловажную роль в развитии судебно-бухгалтерской экспертизы играет внедрение международных стандартов финансовой отчетности.

Стоит отметить, что сроки исковой давности по уголовным делам, связанным с сокрытием денежных средств, составляют два года.

Введение новых федеральных стандартов усложняет работу экспертов, так как возрастает объем знаний, необходимых для работы. На экспертизу может поступить бухгалтерская отчетность, сформированная по нормативно-правовым актам, которые уже утратили силу. Для решения данной проблемы необходимо изучение в ходе образовательного процесса не только новых нормативных актов, но и тех, которые уже утратили силу.

На сегодняшний день бухгалтерский учет ведется в программах «1С» «Инфо-Бухгалтер», «Турбо-Бухгалтер» «Парус» и эксперту также необходимо хорошо владеть такими программами, разбираться в тонкостях работы с такими программами и их последними отраслевыми версиями[278]. Незнание программ может составить проблему при проведении экспертного исследования на практике. Избежать этого помогло бы повышение общей компьютерной грамотности экспертов.

Еще одним направлением развития судебно-бухгалтерской экспертизы является потребность разработки единых для всех ведомств методик проведения исследования. На практике эксперты при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы сталкиваются с проблемой отсутствия методик по производству судебно-бухгалтерской экспертизы. Как известно, перед началом экспертного исследования эксперт должен выбрать методику исследования, но в ряде случаев указать какую-то конкретную методику не представляется возможным. Существуют открытые сборники экспертных методик, включающие в себя методики по проведению судебно-бухгалтерских экспертиз, но список их очень

[276] Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности : приказ ФСБ РФ от 23 июня 2011 г. № 277 (ред. от 21.11.2024) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119283/ (дата обращения: 17.11.2025).

[277] Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : приказ Минюста РФ от 27.12.2012 № 237 (ред. от 28.12.2021) [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/law/prikaz-miniusta-rossii-ot-27122012-№-237/ (дата обращения: 17.11.2025).

[278] Россинская Е. Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки. М. : Проспект, 2017. 544 с.

ограничен. Также методики, представленные в сборнике, нередко противоречат не только друг другу, но и научной литературе, в которой также представлены подобные методики.

В частности, по производству судебно-бухгалтерской экспертизы по делам, связанным с сокрытием денежных средств, предназначенных для уплаты в бюджет, открытых методик и пошаговых инструкций не существует, а методики, используемые разными ведомствами, официально закрыты.

Стоит отметить, что эксперты негосударственных учреждений или же частные эксперты не имеют доступа к внутриведомственным методикам и, как следствие, самостоятельно разрабатывают частые методики.

В целом методические рекомендации, если они и есть, не всегда могут помочь эксперту, так как между изменением законодательства в какой-либо части экономического пространства и выпуском новых методических рекомендаций, в том числе и внутриведомственных, как правило, проходит немалый промежуток времени, и эксперту приходится самому находить пути решения проблемы, разбираться в нововведениях и их влиянием на ход исследования, что значительно замедляет производство экспертизы. Отсутствие единых методик проведения исследования, закрытость имеющихся, а также наличие противоречий в научной литературе может поставить под сомнение выводы эксперта.

Отдельно стоит затронуть и частных экспертов, которые могут проводить различные виды экспертиз, в том числе и судебно-бухгалтерскую. Практика показывает, что их заключения часто имеют низкий уровень полноты исследования, обоснованности, а также объективности.

Для решения выявленных проблем, связанных с деятельностью негосударственных учреждений и частных экспертов, может быть использована обязательная аттестация негосударственных экспертов в государственных учреждениях.

Ключевым направлением по развитию экспертной деятельности и непосредственно судебно-бухгалтерской экспертизы является стандартизация. Потребность в ней обусловлена необходимостью методических и организационных требований к профессиональной деятельности эксперта.

Рост эффективности использования научно-технических достижений в части экспертной деятельности, а также рост качества судебно-экспертной, опытно-конструкторской, научно-методической работы юридических и физических лиц является главной задачей сертификации.

В ходе исследования был выявлен ряд проблем, возникающих в процессе производства судебно-бухгалтерской экспертизы, как в целом, так и на различных этапах проведения исследования по делам, связанным с сокрытием денежных средств, предназначенных для уплаты в бюджет.

На данный момент отсутствует четко сформированная унифицированная классификация экономической экспертизы по видам для всех ведомств РФ, что вызывает немало споров при назначении экспертиз. Стоит отметить, что разногласия между ведомствами, в свою очередь, вносят элемент относительности, который противоречит основным принципам экспертной деятельности. Для решения данной проблемы нами предложено свое видение классификации экономических экспертиз на базе классификации Минюста РФ.

В ходе исследования была выявлена проблема невысокого качества судебно-бухгалтерских экспертиз, проводимых в негосударственных учреждениях. Предлагается вариант исправления данной ситуации путем введения обязательной аттестации негосударственных экспертов в государственных учреждениях.

Одной из выявленных проблем является возрастающий с каждым годом необходимый объем знаний для производства судебно-бухгалтерской экспертизы, что несомненно усложняет работу экспертов. Связано это с введением Минфином России новых федеральных стандартов учета. Чтобы грамотно провести исследование, эксперту необходимо помимо новых нормативных актов, разбираться еще и в старых, так как на экспертизу может поступить бухгалтерская отчетность за прошлые периоды, сформированная по нормативно-правовым актам, утратившим силу. Для решения данной проблемы необходимо изучение в ходе образовательного процесса не только новых нормативных актов, но и тех, которые уже утратили силу, что изменит учебные планы по подготовке специалистов в области экономической экспертизы.

В настоящее время происходит переход на цифровую экономику и поэтому эксперт должен быть знаком с бухгалтерскими программами, такими как: Инфо-Бухгалтер, система СПАРК, БЭСТ, 1С: Бухгалтерия и многие другие. Если эксперт не обладает достаточным уровнем знаний в специализированных бухгалтерских программах, то этот факт может поставить под сомнение качество произведенных экспертиз. Решить данную проблему поможет повышение компьютерной грамотности экспертов.

Мазуренко Павел Николаевич,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), адвокат, г. Казань,

Положительные и отрицательные аспекты использования современных информационных технологий в адвокатской практике

Как известно, внедрение в адвокатскую деятельность информационных технологий обосновано неумолимым временем. В то же время в этом объективном процессе есть как положительные моменты, так и некоторые отрицательные аспекты.

Рассмотрим, что именно положительного для адвокатской деятельности несет с собой внедрение информационных технологий. С нашей точки зрения, во-первых, это создание личного цифрового образа (бренда) адвоката с использованием социальных сетей, сайтов, других онлайн-инструментов для привлечения доверителей, общения с ними и коллегами. Адвокат должен уметь, не нарушая требований Федерального закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности»[279], Кодекса об адвокатской этике[280] и стандартам адвокатской деятельности[281], информировать общественность о своей деятельности, успехах и достижениях, в том числе бесплатной юридической помощи и помощи оказываемой в рамках «Pro bono»[282]. И самый лучший способ – это использование средств массовой информации, социальных сетей, создание личных каналов, комментарии и странички в периодических изданиях, что невозможно без грамотного использования информационных технологий.

Второе – это возможность быстро находить нужную информацию. В Интернете находится огромное количество информации, включая актуальное законодательство, судебную практику и научные публикации на заданную тему. Адвокаты уже довольно давно используют компьютерные справочно-правовые системы «Гарант», «КонсультантПлюс» и подобные. Законодательство в России меняется чрезвычайно быстро, и сейчас без использования справочных систем адвокатская деятельность практически невозможна. При составлении любого документа будь то заявление, жалоба или иск адвокат обязательно должен обратиться к данным системам для проверки соответствия текста своего документа современному состоянию нормативных актов, что позволяет исключить ссылки на устаревшее законодательство и другие ошибки.

Третье направление – использование информационных технологий в адвокатском делопроизводстве и офисной деятельности. В адвокатской деятельности активно используются информационные технологии, упрощающие хранение, поиск и обмен документами, что также снижает затраты на содержание офиса. Кроме того, организация виртуального офиса адвоката, использование специального программного обеспечения ускоряет процесс коммуникации, передачи документов доверителям, коллегам и получения информации из различных открытых источников. Так, используя различные виды видеоконференций, можно участвовать в заседаниях суда, провести консультации или совещания с доверителями или специалистами находящихся в других говорах и даже странах.

В процессе делопроизводства возможно использование электронных подписей, которые упрощают процесс подписания документов и позволяют многие вопросы решать удаленно. Электронная подпись позволяет более эффективно использовать систему «Госуслуги» и «Госправосудие». Через портал «Госуслуги» можно подавать иски, обмениваться отзывами на них, направлять жалобы и получать судебные акты. Кроме того, изучая открытые источники в социальных сетях и средствах массовой информации, адвокат может получить большой массив информации о своих оппонентах и подготовиться к процессу. В то же время сам он не должен выкладывать личную информацию, могущую причинить вред ему самому или его доверителям, а также нарушить адвокатскую тайну и этические критерии.

---

[279] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 10.06.2002. № 23, ст. 2102.

[280] Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 18.04.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/ (дата обращения: 14.11.2025).

[281] Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings/ (дата обращения: 14.11.2025).

[282] Pro bono (от лат. pro bono publico – «ради общественного блага») – оказание профессиональной помощи на безвозмездной основе.

Информационные технологии играют большую роль в повышении квалификации и обучении адвокатов. В настоящее время широко используются как платные, так и бесплатные онлайн-курсы и вебинары. Они позволяют адвокатам дистанционно совершенствовать свои навыки и знания. Так, бесплатные вебинары, проводимые Федеральной адвокатской палатой, засчитываются как повышение квалификации с выдачей соответствующего сертификата.

В целом цифровые технологии значительно улучшают эффективность и качество работы адвокатов, позволяя им предоставлять более качественные юридические услуги.

В то же время, учитывая творческий характер адвокатской деятельности, надо учитывать и отрицательные аспекты процесса внедрения информационных технологий.

При внедрении информационных технологий необходимо учитывать то, что адвокатская деятельность достаточно консервативна. Консервативность отражается и в самом законодательстве и этических критериях адвокатской деятельности и, даже, в требованиях к внешнему облику адвоката. Помнится, как лет 30 назад многие юристы заявляли о том, что цифровая фотография в криминалистике не приживется, так как отсутствует негатив, который можно приложить к протоколу. Сейчас это воспринимается уже только как забавная шутка. В то же время пока невозможно оцифровать судебное усмотрение, административный ресурс сторон, адвокатскую интуицию и талант адвоката применить в нужное время нужный тактический прием или тактическую комбинацию. Личная харизма и обаяние самого адвоката тоже оцифровке не поддается.

Полагаю, что сами по себе цифровые технологии не угрожают профессии адвоката. Работа адвоката может быть подменена информационными технологиями только в той части формализованных функции. Деятельность адвоката по сложным делам требует глубокого анализа обстоятельств, которые могут быть различным образом истолкованы. В связи с данным обстоятельством к информационным технологиям необходимо относиться как к спектру новых возможностей для адвокатской деятельности, а угрозу может представлять лишь неправильный подход к процессу адаптации правовой системы, юридических процессов и системы обучения адвокатов к новым реалиям.

Макаревич Михаил Викторович,
судья Минского городского суда,
г. Минск

Проблемы реализации судьей полномочий по поступившему в суд уголовному делу: приостановление производства в связи с неустановлением местонахождения обвиняемого

В соответствии с ч. 1 ст. 7 УПК одной из задач уголовного процесса является обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Однако не редки случаи, когда приступить к рассмотрению поступившего в суд уголовного дела в судебном разбирательстве не представляется возможным ввиду ряда имеющихся объективных препятствий, одним из которых является сокрытие обвиняемого от суда или отсутствие сведений об его местонахождении. К категории уголовно-процессуальных средств противодействия преступности, позволяющих отсрочить судебное разбирательство по делу и обеспечить участие в нем обвиняемого для решения вопроса о привлечении его к уголовной ответственности, можно отнести приостановление по нему производства и объявление обвиняемого в розыск.

В абз. 2 п. 31 ч. 1 ст. 6 УПК содержится определение понятия «производство по уголовному делу», которым признана совокупность процессуальных действий и процессуальных решений, совершаемых и выносимых по конкретному уголовному делу». Легального же определения института «приостановление производства по уголовному делу» не дано. Уголовно-процессуальный закон также не закрепляет особенности данного правового института в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства. В юридической науке институт приостановления производства по уголовному делу исследован широко. Имеются различные подходы относительно понимания содержания этого понятия. Некоторые авторы придерживаются спорной позиции о том, что данная уголовно-процессуальная категория является лишь частью таких институтов как предварительное следствие и судебное разбирательство[283]. Другие обоснованно полагают, что приостановление производства

[283] Бердичевский Ф. Ю. Работа следователя по приостановленному делу // Социалистическая законность. 1973. № 4. С. 51.

по уголовному делу является отдельным процессуальным институтом[284]. Согласимся с мнением о том, что такой институт представляет собой совокупность однородных уголовно-процессуальных норм, регламентирующих перерыв в сроках производства по делу при наличии одного из обстоятельств, прямо указанных в уголовно-процессуальном законе[285]. Особенности же приостановления производства по поступившему в суд уголовному делу учеными-процессуалистами практически не исследовались. Хотя положения о таких полномочиях закреплены в УПК (ст. 280), УПК Российской Федерации (ст. 238) и УПК ряда других стран.

Одним из оснований, наделяющих судью правом приостановить производство по уголовному делу на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства, является установление факта сокрытия обвиняемого от суда, когда его местонахождение не известно (п. 1 ч. 1 ст. 280 УПК).

Интересно, что в период с 2021 г. по 9 месяцев 2025 г. судьями г. Минска 1605 раз принимались решения о приостановлении производства по уголовным делам в связи с розыском обвиняемых. При этом все они вынесены в судебных заседаниях. В практике столичного правосудия не имели места факты приостановления производства по исследуемому основанию на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства[286].

Данные статистические сведения свидетельствуют о том, что судьи фактически не используют полномочия, связанные с приостановлением производства по поступившему в суд уголовному делу в случае сокрытия обвиняемого от суда, а принимают данные процессуальные решения позже в судебном заседании (ст. 302 УПК). Представляется, что такие обстоятельства обусловлены неполнотой и размытостью уголовно-процессуальных норм, регламентирующих особенности функционирования института приостановления производства по уголовному делу на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства.

Так, с момента вступления в силу уголовно-процессуального закона Республики Беларусь п. 1 ч. 1 ст. 280 УПК, закрепляющий право судьи приостановить производство по делу уже на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в случае сокрытия обвиняемого от суда, когда его местопребывания не известно, не претерпели каких-либо изменений. Вместе с тем диспозиция этой правовой нормы законодателем сформулирована таким императивным образом, что судье для принятия решения о приостановлении производства по уголовному делу в случае отсутствия сведений о местонахождении обвиняемого, безальтернативно необходимо установить факт сокрытия его от суда. Напротив, даже при осведомленности о местонахождении обвиняемого, который по объективным причинам не может явиться в судебное заседание, судья, согласно УПК, вправе приостановить производство только в случае наличия у такого обвиняемого психического или иного заболевания. Отметим, что аналогичные правовые нормы содержатся также в п. 1 ч.1 ст. 238 УПК РФ.

Полагаем, что такой закреплённый в уголовно-процессуальном законе порядок реализации судьей исследуемых полномочий не только не соответствует современным тенденциям развития судопроизводства, но и противоречит другим нормам, закрепленным в УПК. Так, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 246 УПК в ходе досудебного производства следователь уполномочен приостановить производство по делу не только в случае сокрытия обвиняемого от органа уголовного преследования, но и когда его местонахождения не установлено по иным причинам (аналогичные нормы, содержатся в п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

При таких обстоятельствах представляется спорной закрепленная законодателем правовая позиция, при которой должностное лицо органа, ведущего уголовный процесс (к которому в силу п. 19 ч. 1 ст. 6 УПК относится как следователь, так и судья), при отсутствии достаточных данных о местонахождении обвиняемого на досудебных стадиях, уполномочен приостановить производство по делу без установления факта сокрытия обвиняемого, а на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства – нет.

Уголовно-процессуальный закон не содержит разъяснений о том, какие действия обвиняемого следует расценивать как сокрытие от органа уголовного преследования или суда. Нет согласованной позиции авторов по этому вопросу и в научной литературе. При этом данные понятия имеют существенное правовое значение для процессуального положения обвиняемого, отсылают к диспозиции ч. 4 ст. 83 УК (ч. 3 ст. 78 УК РФ), согласно которой течение сроков давности привлечения к уголов-

[284] Патов Н. А. Процессуальные и организационные основы производства по уголовным делам, приостановленным в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого : дис. … канд. юрид. наук. М., 1997. 326 л.

[285] Егорова М. С. Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм : дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 250 л.

[286] Статистические данные работы судов общей юрисдикции Республики Беларусь за 2021 – 2025 гг. // АИС СОЮ: информ. правовая система (дата обращения: 24.10.2025).

ной ответственности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, скроется от органа уголовного преследования или суда. Кроме того, в силу п. 9 ч. 1 ст. 162 и ч. 1 ст. 163 УПК с обвиняемого, признанного судом виновным, взыскиваются процессуальные издержки, связанные с его розыском, в случае сокрытия от органа уголовного преследования или суда.

Представляется необходимой выработка четких критериев оценки действий обвиняемого, которые могут быть расценены как его «сокрытие или уклонение от органа уголовного преследования или суда». Полагаем, что подобные действия обвиняемого имеют одинаковую правовую природу и могут быть объединены общим понятием «сокрытие обвиняемого от органа, ведущего уголовный процесс». При этом о них можно говорить только в том случае, когда неявка обвиняемого в назначенное ему должностным лицом органа, ведущего уголовный процесс, место и время становится следствием его (обвиняемого) сознательного поведения, направленного на уклонение от участия в процессуальных действиях.

Интересно, что полномочия следователя, связанные с установлением факта сокрытия обвиняемого в ходе предварительного следствия, гораздо шире, чем у судьи по поступившему в суд уголовному делу. Так, в ходе досудебного производства следователь для установления такого факта проводит ряд процессуальных действий, связанных с выяснением причин неявки обвиняемого и его местонахождением, а именно: допрашивает его родственников и знакомых, истребует и осматривает сведения о его телефонных соединениях, поручает органу дознания проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению его местопребывания и др. В ч. 5 ст. 242 УПК приведены уважительные причины неявки обвиняемого к следователю, к которым кроме заболевания самого обвиняемого, относятся смерть его члена семьи или близкого родственника, стихийные бедствия и др. При этом перечень таких уважительных причин не является закрытым. Только после проведения указанных следственных действий, получения материалов оперативно-розыскных мероприятий, что занимает продолжительное время, следователь приходит к выводу о том скрылся ли обвиняемый, при необходимости принимает решение об объявлении его в розыск и приостановлении производства по делу по этому основанию.

Судья же в предусмотренный ч. 3 ст. 276 УПК срок назначения судебного разбирательства по уголовному делу, который зачастую фактически составляет не более 10 суток после получения им уголовного дела в канцелярии (секторе) по уголовным делам, в большинстве случаев не имеет ни правовой и ни фактической возможности объективно установить факт сокрытия обвиняемого от суда в случае, если его местонахождение не известно. Так, в силу п. 3 и п. 4 ч. 1 ст. 276 УПК решения о приостановлении производства по уголовному делу и назначении по нему судебного разбирательства принимаются судьей без проведения предварительного судебного заседания. С учетом этого судья при изучении поступившего в суд уголовного дела ограничивается установлением соблюдения его подсудности и наличия в этом деле препятствий для его рассмотрения судом. После чего при отсутствии таковых, как правило, выносит постановление о назначении судебного разбирательства без выяснения обстоятельств, связанных с местонахождением обвиняемого, не содержащегося под стражей. Только после того, как он поручает своему помощнику вручить копию постановления о назначении судебного разбирательства обвиняемому с соблюдением сроков, установленных ч. 4 ст. 281 УПК, а помощник докладывает ему о невозможности вручения копии данного постановления обвиняемому (не является в суд по вызовам, не выходит на связь по имеющимся в деле контактам, не получает направленную корреспонденцию) судье становятся известны сведения о возможном сокрытии обвиняемого от суда, которые подлежат проверке. В каждом таком случае судьи получали подобную информацию не позднее чем за 5 суток до дня, на который назначено судебное разбирательство. Однако на практике судьи откладывали принятие решений о приостановлении производства по делу до стадии судебного разбирательства, пытаясь установить за это время местонахождение обвиняемого и факт его «сокрытия» от суда.

Уголовно-процессуальный закон не содержит правовых механизмов, позволяющих судье или его помощнику на исследуемой судебной стадии провести следственные или иные процессуальные действия, направленные на установление местонахождения обвиняемого. Закрепленные же в ч. 1 ст. 130 УПК полномочия судьи на привод обвиняемого могут быть реализованы только в случае надлежащего его уведомления о вызове в суд и неявки без уважительных причин. При этом в УПК нет ответа на вопрос, как поступать судье, если факт надлежащего уведомления обвиняемого о вызове не подтвержден: нет сведений о получении им извещения посредством связи или почтовой корреспонденции и т. п.

В уголовных делах районных судов г. Минска, производство по которым приостанавливалось на стадии судебного разбирательства, не редко можно встретить рапорта сотрудников ОВД об неисполненном приводе обвиняемого. Находятся там и справки помощников судей о проведенных мero-

приятиях по установлению местонахождения обвиняемых, имеющих спорную правовую природу. В данных документах не содержится сведений, безусловно указывающих на то, что обвиняемый скрылся от суда, а отмечается лишь о неустановлении его местопребывания. Однако они послужили основанием для вынесения судьями постановлений (определений) о приостановлении производства по уголовным делам и объявлении обвиняемых в розыск. В ряде случаев подобные решения судьями приняты преждевременно.

К примеру, определением судебной коллегии Минского городского суда от 1 августа 2025 г. изменен приговор суда Первомайского района г. Минска от 27 мая 2025 г. в отношении Б., обвиняемого по ч. 2 ст. 205 УК. Мотивируя преждевременность выводов суда первой инстанции о сокрытии Б., взыскания с него процессуальных издержек в связи с розыском, судебная коллегия указала. Согласно постановлению суда Первомайского района г. Минска от 14 марта 2025 г. обвиняемый Б., не имеющий определенного места жительства, в связи с неявкой в судебное заседании объявлен в розыск. Основанием чему явилось отсутствие сведений о его местонахождении у сотрудников УИИ Фрунзенского РУВД г. Минска, где Б. состоял на учете в связи с установлением ему превентивного надзора. Одновременно данных о том, что до принятия судом данного решения Б. был надлежаще уведомлен о времени и месте судебного заседания, материалы дела не содержали. Из дела превентивного надзора Б. усматривалось, что он в период нахождения в розыске 4 раза добровольно являлся в УИИ Фрунзенского РУВД г. Минска для регистрации, где задержан 16 апреля 2025 г. в ходе очередной его явки[287].

В другом случае определением судебной коллегии по уголовным делам Минского городского суда от 30 мая 2025 г. по тем же основаниям изменен приговор суда Центрального района г. Минска от 10 марта 2025 г. В суде апелляционной инстанции установлено, что 30 января 2025 г. на момент объявления судом первой инстанции Г., обвиняемого по ст. 421 УК, в розыск он находился в ОДС Центрального РУВД г. Минска, был подвергнут административному задержанию в порядке п. 2 ч. 2 ст. 8.2 ПИКоАП. После чего Б. в Центре изоляции правонарушителей ГУВД Мингорисполкома отбывал административное взыскание в виде административного ареста сроком 15 суток, назначенное ему судом Центрального района г. Минска по ч. 1 ст. 25.11 КоАП[288].

В отличии от УПК Республики Беларусь положения п. 3 ч. 2 ст. 229 УПК РФ позволяют судье при принятии решения о приостановлении производства по поступившему в суд уголовному делу провести предварительное слушание и установить факт неустановления местонахождения обвиняемого, не содержащегося под стражей, до проведения судебного разбирательства по делу, в том числе с учетом сведений, полученных от прокурора и защитника.

Интересно, что нормы, изложенные в подп. 304.1.1 п. 304.1 ч. 1 ст. 304 УПК Азербайджана и п. 1 ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 324 УПК Казахстана наделяют судью полномочиями по приостановлению производства по уголовному делу на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в 2 альтернативных случаях: сокрытие обвиняемого или неизвестность его местопребывания по другим причинам.

Подводя итог, полагаем необходимым внести в п. 2 ч. 2 ст. 277-1 и п. 1 ч. 1 ст. 280 УПК изменения, наделяющие судью полномочиями по приостановлению производства по поступившему в суд уголовному делу в предварительном судебном заседании, проводимом по инициативе суда или по ходатайству сторон, в 2 альтернативных случаях: когда обвиняемый скрылся от суда или его местонахождение не известно по другим причинам. Это будет способствовать усилению правозащитной роли суда, соблюдению законных интересов обвиняемого, обеспечению принципа состязательности сторон на всех стадиях уголовного процесса, повышению оперативности рассмотрения уголовных дел, минимизации отложений и перерывов в судебных разбирательствах.

[287] Уголовное дело № 99У2570 // Архив суда Первомайского района г. Минска за 2025 г.
[288] Уголовное дело № 97У2542 // Архив суда Центрального района г. Минска за 2025 г.

Москвин Евгений Олегович,
канд. юрид. наук, мировой судья судебного участка № 1
судебного района г. Курчатова и Курчатовского района Курской области,
г. Курчатов

Средства массовой информации как инструмент противодействия судебному следствию

На современном этапе средства массовой информации (далее – СМИ[289]) всё чаще из средства поиска, переработки и передачи информации, становятся инструментом противодействия судебному следствию.

СМИ долгое время традиционно рассматривались в качестве субъекта противодействия предварительному следствию[290], и только в последние годы в качестве инструмента противодействия судебному следствию, в юридическую литературу начинает входить такое понятие как судебный пиар (PR)[291].

Здесь следует обратиться к не самому надежному научному источнику, но которой наиболее наглядно отображает суть вынесенной в наименование статьи проблемы, согласно Википедии, судебный PR – это воздействие на суд через прессу[292].

По С. И. Ожегову и согласно Толковому словарю русских глаголов, воздействовать – т. е. оказать влияние на кого-либо или что-либо, добиться необходимого результата[293].

Как отмечет В. Э. Разуваева, «грамотно спланированная PR-компания может настолько воздействовать на мораль людей, что в состоянии менять их представление о добре и зле, справедливости и несправедливости, об общественно полезном или вредном для общества поведении»[294].

Существует два различных подхода к пониманию судебного пиара, «сторонники первой концепции утверждают, что судебный пиар (PR) – это влияние на исход судебного дела с целью достижения более эффективного и быстрого решения в пользу клиента посредством оказания информационного и эмоционального давления на сторону обвинения, суд, присяжных, адвоката оппонентов, чиновников.

Сторонники второй концепции утверждают, что судебный пиар (PR) создан для защиты прав и репутации клиента до, во время и после судебного процесса. Судебный пиар (PR) в данном случае похож на репутационный менеджмент»[295].

По мнению О. В. Третьяковой, «судебный пиар (PR) – это управление коммуникациями до, во время и после правового спора или судебной тяжбы с целью воздействия на исход конфликта. В любом случае это происходит посредством оказания информационного и эмоционального давления одной из сторон на следователей, судей, представителей противоположной стороны и общественность»[296].

Аналогичным образом судебный пиар (PR) понимается и в зарубежной литературе, где под ним *понимается «управление процессами коммуникаций (информационного взаимодействия) в течение всего правового спора, конфликта, с целью воздействия на получаемый результат или ограждения от негативного воздействия репутации клиента и его бизнеса»*[297].

В зависимости от стадии судебного разбирательства выделяются следующие цели судебного пиара (PR):

«Досудебная стадия. Главная цель судебного пиара (PR) на данной стадии – представление позиции клиента таким образом, чтобы это позволило предотвратить предстоящее судебное разбирательство – вынудить истца отозвать исковое заявление или прийти к мировому соглашению на вы-

---

[289] КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/online

[290] Москвин Е. О. Роль средств массовой информации в противодействии расследованию // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. тр. Вып. 4. Воронеж, 2003. С. 227–233.

[291] Термин «public relations» родился в США, его автором стал Томас Джефферсон. Англоязычная аббревиатура PR (public relations) переводится на русский язык, как связь с общественностью и имеет два значения: связи с общественностью (с прессой, потребителями, клиентами, другими компаниями); отдел связей с общественностью.

[292] Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/

[293] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 92; Толковый словарь русских глаголов / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999. С. 616.

[294] Разуваев В. Э. Информационное право: актуальные проблемы формирования новой отрасли. Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2002. С. 160.

[295] Попова А. Судебный PR как способ воздействия на исход судебного решения [Электронный ресурс]. URL: https://studylib.ru/doc/ 3729038/sudebnyj-pr-kak-sposob-vozdejstviya-na-ishod-sudebnogo-resh

[296] Третьякова О. В. PR судебной системы против «скандализации правосудия» // Право и образование. 2021. № 11. С. 111.

[297] Haggerty James F. In the court of public opinion: winning strategies for litigation communications. 2nd ed. 2009. P. 2.

годных условиях. Если исковое заявление еще не подано, то целью пиара (PR) на данном этапе будет предотвращение его подачи в суд. Если же представляемая сторона является истцом, то главной целью станет создание в обществе негативного мнения по проблеме иска до начала непосредственного судебного разбирательства.

Цель пиар (PR) кампании в ходе судебного разбирательства заключается в привлечении симпатий целевых групп общественности к представляемой стороне процесса, что может повлиять на позицию суда.

На послесудебной стадии разбирательства главной целью судебного пиара (PR) становится защита имиджа и деловой репутации клиента»[298].

По мнению Н. А. Гавриловой: «судебный процесс может стать основой для пиар (PR)-противодействия. В данном случае происходит столкновение интересов – в разных СМИ указываются противоположные точки зрения, то есть идет манипуляция общественным сознанием, введением общественного мнения в заблуждение. При этом используются различные приемы манипулирования, например, сознательного искажения фактов, иногда прием умолчания, обсуждение лишь одной стороны события, высказывание одной точки зрения и т. п. В такой ситуации судебный процесс отходит на второстепенные позиции, суд не является авторитетом, а вынужден принимать точку зрения, которая выявлена в СМИ и может искажать суть происходящего»[299].

Для наглядности приведем некоторые инструменты судебного пиара, которые предлагаются в сети «Интернет», различными коммуникационными агентствами:

– «Выстраивание стратегии освещения в данном процессе линии защиты юриста/адвоката в СМИ.

– Подбор целевых СМИ для возможного задействования в процессе.

– Написание пресс-релизов/заметок/экспертных мнений в отраслевых судебных и юридических СМИ (желательно дополнять мнениями экспертов – по ситуации и по определенным законодательным нарушениям, целевое распространение в коллективе суда и в вышестоящих инстанциях).

– Написание постов от лица адвоката/юриста по данному процессу в его персональном блоге/блогах.

– Инициирование обсуждений и диалогов в социальных сетях по данному делу и их мониторинг.

– Работа по необходимости с лидерами мнений.

– Проведение пресс-конференций и брифингов по данному судебному процессу.

– Приглашение журналистов на судебные заседания.

– Инициирование специальных акций (забастовки с обязательной передачей обращения к главам учреждения и сопровождением СМИ).

– Обращения от различных организаций в том числе общественных с просьбой вмешаться в конфликт.

– Подготовка обращений, официальных писем, запросов в государственные органы.

– Распространение слухов и мнений в вышестоящих организациях.

– Проведение независимых экспертиз для установки фактов и необходимых для дела доказательств.

– Проведение собственного расследования при участии журналистов, лидеров мнений с видео-, аудиофиксацией с целью дальнейшего монтирования и обнародования в социальных сетях и на собственном канале Youtube.

– Переговоры с автором авторитетного канала, видеоблога с целью анонсирования ситуации или создания интриги.

– Социальные рекомендации. Работа с репутацией и над репутацией в Интернете (блоги, форумы, сайты отзывов и др.).

– Взаимодействие с пранкерами и траблшутерами.

– Зеркальные коммуникации при столкновении с хейтерами.

– SERM, ORM – нивелирование негатива, исключение клеветнической информации и диффамации.

– Кликбейт – размещение контента, который мотивирует перейти на какой-либо ресурс или страницу.

– Сведение истории к режиму «тишины». Умалчивание деталей»[300].

С целью недопущения указанного влияния на судебный процесс необходима реализация определенных мер таких, например, как:

---

[298] Попова А. Указ. соч.

[299] Гаврилова Н. А. PR-сопровождение судебного процесса // Вестник Череповецкого государственного университета. Вып. 4. Череповец, 2009. С. 68.

[300] См., напр., «Судебный PR как новый способ антикризисного управления» : [статья]. 19.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://pr-practice.ru/blog/tpost/fzvidbvx41-sudebnii-pr-kak-novii-sposob-antikrizisn

– выработка регламента взаимодействия судейского сообщества и представителей СМИ;

– проведение обучающих семинаров, в том числе совместных – с судьями и журналистами;

– введения в учебный план студентов-юристов и студентов-журналистов соответствующих обучающих курсов;

– систематическое обучение сотрудников пресс-служб судов работе со СМИ, здесь важно обучить сотрудников не только правильно распространять информацию о деятельности суда, но и правильно анализировать опубликованные материалы на предмет выявления возможного влияния на судебный процесс.

Ровнейко Вера Владимировна,

канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин Ижевского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Ижевск

Злоупотребление правом на подачу иска как способ совершения мошенничества: уголовно-правовой и гражданско-правовой аспекты

Злоупотребление правом на подачу иска как способ совершения мошенничества является достаточно распространенным явлением[301], которое вызывает необходимость рассмотреть особенности взаимодействия и соотношения гражданского и уголовного права, причем не только материального, но и процессуального. Существует ряд проблем, которые вытекают из положений гражданского (материального и процессуального законодательства), а также – уголовного.

Шикан (шикана) рассматривается современными авторами как форма злоупотребления правом[302], известная юриспруденции еще со времен античности[303]. Современные определения этого понятия, которое не является нормативным, разнятся. Заслуживает внимания «понимание злоупотребления субъективными правами, как гражданского правонарушения особого типа, специфика которого, как подчеркивал В. П. Грибанов, осуществляется в реализации принадлежащего управомоченному лицу права, при использовании недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему общего типа поведения на основании закона[304]. Данный подход сегодня поддерживается и высшей судебной инстанцией. В частности, Судебной коллегией по гражданским делам ВС РФ в определении от 20.10.2015 по делу № 18-КГ15-181 отмечено, что под злоупотреблением правом из содержания ст. 10 ГК РФ следует понимать ситуацию, когда лицо действует в рамках прав, ему предоставленных, но недозволенным образом»[305].

Несмотря на то, что Росреестр не подтверждает информацию об обилии споров о жилье, проданном из-за мошенников[306], судебная тяжба вокруг квартиры народной артистки РФ Ларисы Долиной и «телефонными» мошенниками, которые путем обмана, похищают денежные средства, полученные от продажи недвижимости, привлекла внимание к проблеме, которая существует достаточно длительное время, но пока не получила какого-либо однозначного решения. Тем более что такая проблема имеет несколько аспектов, включающих вид судопроизводства (гражданско-правовой или уголовно-

---

[301] См., напр.: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020).

[302] См., напр.: Дамбаева И. В., Карпухин М. Ю., Курманбаев М. М. К вопросу о шикане как особой форме злоупотребления правом [Электронный ресурс] // Право и практика. 2021. № 2. С. 142–148. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-shikane-kak-osoboy-forme-zloupotrebleniya-pravom

[303] Кузин А. А. Восхождение шиканы к римскому праву [Электронный ресурс] // Социально-политические науки. 2015. № 1. С. 74–77. URL: https://www.urvak.ru/articles/sotsia-vypusk-1-voskhozhdenie-shikany-k-rimskomu-p/

[304] Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2001. С. 63; цит. по: Дамбаева И. В., Карпухин М. Ю., Курманбаев М. М. К вопросу о шикане как особой форме злоупотребления правом [Электронный ресурс] // Право и практика. 2021. № 2. С. 142–148. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-shikane-kak-osoboy-forme-zloupotrebleniya-pravom

[305] Определении СК ВС РФ от 20.10.2015 № 18-КГ15-181 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»; цит. по: Дамбаева И. В., Карпухин М. Ю., Курманбаев М. М. К вопросу о шикане как особой форме злоупотребления правом [Электронный ресурс] // Право и практика. 2021. № 2. С.142–148. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-shikane-kak-osoboy-forme-zloupotrebleniya-pravom

[306] Трубилина Марина. Росреестр не подтверждает обилие споров о жилье, проданном из-за мошенников [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2025/11/26/rosreestr-ne-podtverzhdaet-obilie-sporov-o-zhile-prodannom-iz-za-moshennikov.html

правовой), процессуальный статус участников такого судопроизводства (в частности, при производстве по уголовному делу, кого следует считать потерпевшим, а с учетом подачи фиктивного иска и обмана в отношении суда – процессуальный статус суда и судьи в уголовном деле не определим).

«Сама проблема конфликта интересов добросовестного приобретателя и жертв мошенничества актуальна уже несколько лет»[307]. В СМИ отмечается, что «число судебных решений, которые признают сделки купли-продажи недействительными из-за того, что они совершены под влиянием обмана или угроз, за два года выросло на 15–20 процентов. По данным Росреестра за 2024 год признаны недействительными более трех тысяч сделок с участием продавцов в возрасте. Как сообщает источник, Лариса Долина в этом тренде не стала «нулевым пациентом»[308]. В качестве «нулевого пациента» некоторые источники называют различные дела. Например, дело Нино Цитлидзе[309].

Коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ поставила «жирную точку» в этих историях 16 декабря 2025 г. отменила ранее вынесенные решения нижестоящих инстанций и обязала Ларису Долину в ближайшее время покинуть квартиру. Недвижимость принадлежит Полине Лурье. В случае если народная артистка не исполнит сегодняшнее решение, Мосгорсуд рассмотрит иск о ее выселении[310]. Другая ситуация в данном случае невозможна: деньги мошенникам продавец отдал, покупатель к обману непричастен, продавец вернуть покупателю деньги не может, уголовные (имущественные) последствия мошенничества несет только продавец.

«Недобросовестные продавцы увидели в этом тренде возможность нажиться: они начали продавать жилье и впоследствии отказываться от сделки, ссылаясь на состояние недееспособности. В судебном споре чаще всего *проигрывают* добросовестные покупатели, суды исходят из презумпции осведомленности: приобретатель должен сам проявить максимальную бдительность при проверке хозяина жилья»[311].

Имеют место ситуации, когда «потерпевшие» от мошенников сами сознательно обманывают покупателей. Например, по одному похожему делу покупатель отмечает: «Самое обидное, что в суде продавец на вопрос прокурора, почему она мне не сказала, что будет потом аннулировать сделку, ответила: „Ну, она бы покупать не стала“», – поделилась пострадавшая. Она рассказала, что заплаченные за квартиру деньги, по словам продавца, «уплыли», и она не знает, как их возвращать»[312].

Бывают и откровенно криминальные ситуации. Например, «пенсионерка пытается отсудить у покупателя квартиру и отказывается возвращать полученные за нее семь миллионов рублей. Мужчина покупал жилье для себя, и пенсионерка тогда утверждала, что с мошенниками никак не связана. Выяснилось, что пенсионерка таким образом обманула около 20 человек»[313].

В приведенных выше ситуациях обман использовался в отношении покупателей (получая деньги, не намеревались исполнять обязательства по договору купли-продажи) и в отношении суда (предъявляя требование о возврате проданного имущества, утверждали, что были введены в заблуждение или в силу иных обстоятельств не понимали значение совершаемых действий). Исходя из признаков мошенничества и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, оба действия являются самостоятельными преступлениями, совершаемыми в различных формах:

– мошенничество в форме хищения чужого имущества в данном случае будет получение денег от покупателя подвидом заключения гражданско-правового договора;

– мошенничество в форме приобретения права на имущество будет обращение с иском в суд о признании договора купли-продажи недействительным для возвращения права собственности на недвижимое имущество, т. к. право собственности по сделкам с недвижимостью возникает с момента государственной регистрации.

---

[307] Терехин Ф. Эксперты: дело о квартире Ларисы Долиной осложнило сделки на вторичке [Электронный ресурс]. URL: https://slp-legal.ru/ media/delo-o-kvartire-larisy-dolinnoy

[308] Сутормина А. «Самый драматический эффект»: как дело о квартире Долиной повлияло на вторичный рынок недвижимости [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. URL: https://www.kp.ru/online/news/6647834/

[309] Апелляционное определение Московского городского суда от 02.06.2025 № 33-23048/2025 (УИД 77RS0001-02-2022-017212-75) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&N=2916319#gZ7yH3Vakor1№4AW1

[310] Верховный Суд РФ поставил точку в деле о продаже квартиры Ларисы Долиной, признав право собственности на жилье за Полиной Лурье [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/35233/; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.12.2025 по делу № 5-КГ25-174-К2 (УИД 77RS0030-02-2024-006532-5577RS0030-02-2024-006532-55) [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2508866

[311] Городищева Е. Россию охватил «бабка-террор». Люди покупают квартиры, а потом остаются без жилья и денег. Почему так происходит? [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2025/11/13/babka/

[312] Там же.

[313] Там же.

Такие выводы могут быть сделаны с учетом того, что мошенничество, совершенное в форме приобретения права на чужое имущество, считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом (а проданное имущество уже стало чужим) как своим собственным с момента регистрации права собственности на недвижимость или со дня вступления в силу принятого уполномоченным органом или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом, правоустанавливающего решения[314].

Проблема фиктивных исков давно известна судам (шикан известен со времен античности). Ситуации, когда лицо, физическое или юридическое, злоупотребляет субъективным правом на подачу иска, используя его для извлечения имущественной выгоды, в том числе возмещения имущественного ущерба, причиненного другим лицом, или легализации незаконно приобретенного имущества, рассматриваются как юридической литературе, так и в судебной практике.

Например, Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям был утвержден Президиумом Верховного Суда РФ еще в 2020 году. В обзоре отмечается, что «в судебной практике выявляются факты обращения в суд недобросовестных участников гражданского оборота в целях легализации доходов, полученных в результате нарушения законодательства, в том числе обращение в суд при действительном отсутствии спора для получения исполнительных документов и вывода денежных средств за рубеж без соблюдения ограничений и правил, установленных Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», валютным, налоговым и таможенным законодательством; предъявление в органы принудительного исполнения и кредитные организации поддельных исполнительных документов судов; выраженное в иных формах намерение использовать механизм принудительного исполнения судебных актов для придания правомерного вида доходам, полученным незаконным путем[315].

Необходимо отметить, что Верховный Суд РФ рекомендует судам применять гражданско-правовые и гражданско-процессуальные средства (включая арбитражно-процессуальные) для пресечения подобных форм поведения: «Выявление подобных фактов требует реагирования со стороны судов… При рассмотрении экономических споров арбитражные суды, а также суды общей юрисдикции при рассмотрении дел в порядке гражданского и административного судопроизводства, в целях достижения задач судопроизводства вправе в рамках руководства процессом **по своей инициативе проверять обстоятельства, касающиеся возможного обращения участников оборота к судебному порядку разрешения споров в целях**, не связанных с защитой нарушенных прав (например, легализации доходов, полученных с нарушением законодательства), и учитывать данные обстоятельства при разрешении отдельных процессуальных вопросов (процессуальное правопреемство, изменение порядка и способа исполнения судебного акта и т. п.), при рассмотрении дел по существу[316]. Остановлюсь только на некоторых рекомендациях, имеющих непосредственное отношение к мошенничеству.

1. В Обзоре разъясняется, что арбитражный суд или мировой судья может отказать в принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа в случае, если обращение в суд с данным заявлением **может быть связано** с намерением совершения незаконных финансовых операций. Например, гражданин обратился к мировому судье с заявлением о выдаче судебного приказа о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы в размере 400 тысяч рублей. Несколькими днями позднее этот же гражданин обратился с заявлениями к мировым судьям других судебных участков того же субъекта Российской Федерации, в которых просил взыскать задолженность по заработной плате с того же работодателя и за те же периоды работы. В каждом из заявлений и в приложенных к ним копиях трудового договора было указано место проживания гражданина, относящееся к территориальной подсудности соответствующего мирового судьи, в то время как местом нахождения работодателя являлся иной субъект Российской Федерации. Данные обстоятельства послужили основанием для возникновения у мировых судей сомнений в бесспорном характере заявленных гражданином требований и возможном нарушении как прав и интересов ответчика, так и публичных интересов.

---

[314] П. 6. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/

[315] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_356732/

[316] Там же.

В связи с этим мировые судьи отказали в выдаче судебных приказов, указав, что заявитель не лишен права предъявить данное требование в порядке искового производства[317].

В данном случае имеет место мошенничество в форме приобретения права на имущество. Но частное определение, исходя из содержания Обзора, в этом случае ни одним из мировых судей вынесено не было.

Во-вторых, обращается внимание на необходимость принятия судами процессуальных мер при выявлении в ходе рассмотрения гражданских дел обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений, в частности, в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 сентября 1987 г. № 5 (в редакции от 6 февраля 2007 г.) «О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений»[318]. Такой мерой является сообщение (при обнаружении в действиях лиц, участвующих в деле, иных участников процесса, должностных лиц или иных лиц признаков преступления) об этом в органы дознания или предварительного следствия, в том числе – направление копии соответствующего частного определения.

Например, гражданин обратился в суд общей юрисдикции с иском к обществу о взыскании денежных средств по договору купли-продажи в общем размере 1 миллион рублей. При рассмотрении дела судом установлено, что в производстве 12 районных и городских судов области находились дела по аналогичным искам с участием тех же сторон, поданные в течение непродолжительного времени. К исковым заявлениям приложены однотипные договоры купли-продажи и досудебные претензии (одинаковый текст, шрифт, интервал, деление на абзацы и т. д.). Единственным различием являлось место заключения договора, которое менялось в зависимости от необходимой сторонам территориальной подсудности спора. По результатам рассмотрения дела суд принял решение об отказе в удовлетворении исковых требований, Одновременно районным судом вынесено частное определение, которым до сведения руководителя районного подразделения Следственного комитета Российской Федерации для проведения проверки и принятия соответствующего процессуального решения доведена информация о возможном наличии в действиях сторон признаков преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1, 303 УК РФ[319].

Из приведенного Обзора следует, что вынесение частного определения при рассмотрении гражданского дела и направление его в правоохранительные органы для принятия по нему процессуального решения по правилам уголовного судопроизводства (о наличии или отсутствии признаков состава преступления) применяется нечасто, несмотря на разъяснения Верховного Суда РФ 1987 г.

Ситуация с фиктивными исками и злоупотреблением правом на подачу искового заявления в суд требует, если не законодательного регулирования, то разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и в гражданско-правовом, и в уголовно-правовом аспектах. На такую необходимость неоднократно обращалось внимание: «Пленум Верховного Суда России намерен разъяснить судьям правила рассмотрения арбитражных споров в первой инстанции. Одно из важных положений: суды должны выявлять фиктивные иски»[320].

Не все фиктивные иски можно квалифицировать как мошенничество (они могут быть направлены на вывод активов, например, при уходе от долгов, на легализацию преступных доходов, незаконное обналичивание денежных средств, вывод капиталов за рубеж и т. п.). Мошенничество – это только одно из преступлений, которое может быть совершено при помощи фиктивных исков и использования судебной системы в преступных целях.

Злоупотребление правом на подачу иска как способ совершения мошенничества обладает рядом специфических особенностей. В первую очередь – это специфический субъектный состав участников гражданского судопроизводства (истец, ответчик, суд, рассматривающий гражданское дело), а во-вторых, – специфическое содержание, которое сложно определить законодательно. Понятия «фиктивный иск», «шикана» не имеют нормативного определения. К ним применяются положения ст. 10 ГК РФ о недопустимости злоупотребления правом, носящие общий характер: «По смыслу ст. 10 ГК РФ злоупотребление правом, т. е. осуществление субъективного права в противоречии с его назначением, имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность»[321]. Также к ним могут применяться статьи Уголовного кодекса РФ о мошенничестве и обмане.

---

[317] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия…

[318] Там же.

[319] Там же.

[320] Куликов В. Верховный суд потребует выявлять фиктивные иски в арбитраже [Электронный ресурс] // Российская газета : [сайт]. URL: https://rg.ru/2021/12/20/verhov-nyj-sud-potrebuet-vyiavliat-fiktivnye-iski-v-arbitrazhe.html

[321] Определение Верховного Суда РФ от 03.02.2015 № 32-КГ14-17 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/10_ gk_rf_zloupotreblenie_pravom/

Таким образом, вопрос о взаимодействии и соотношении уголовного и гражданского права при использовании фиктивных исков для совершения мошенничества, а также применении гражданско-процессуальных и уголовно-процессуальных форм противодействия такому поведению нуждается в более глубоком рассмотрении.

Романова Галина Валерьевна,
канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
г. Казань

Заключение эксперта в уголовном процессе: проблемы содержания и оценки

В настоящее время одним из устоявшихся процессуальных правил применения специальных познаний признается экспертиза, значимость которой постоянно возрастает с учетом формирования доказательственной основы, что способствует активному изучению заключения эксперта и совершенствованию механизмов его оценки.

По своему содержанию заключение эксперта включает три составных части.

Первая – вводная, содержит сведения об экспертном учреждении (эксперте), объектах, способах, доставки и упаковки материалов для исследования, а также нормативных актах, используемых в процессе изучения и разрешения поставленных вопросов.

Вторая – исследовательская, способствует описанию основных результатов, проведенных действий с объектами, поступившими на экспертизу, их качественный осмотр, а также выводы, примененные методики, специальные средства, приемы и другие информационные ресурсы.

Третья – заключительная, содержит ответы эксперта на вопросы следователя, суда, а также собственное мнение по существу поступивших запросов.

Эксперт формирует выводы, в которых отражает информацию, отмечает возможность или невозможность получения сведений относительно совершаемых или совершенных действий. На каждый вопрос формируется отдельный ответ, в котором четко и ясно отражается позиция эксперта. В случае невозможности предоставления ответа на поставленный вопрос оформляется соответствующий мотивированный акт.

Как показывает экспертная практика имеются следующие проблемы. В частности, в самом заключении эксперта могут отсутствовать или не содержаться вовсе ответы на поставленные вопросы участниками уголовного процесса. В отдельных случаях присутствуют признаки подмены ответов, а также субъективное отношение к представленным ранее результатам первичных экспертиз.

Как нам видится отмеченные недостатки существенно сказываются на содержании заключения эксперта, что впоследствии не может не повлиять на качество доказательственной базы по уголовному делу. Исправить ситуацию помогает допрос эксперта, осуществляемый по правилам уголовно-процессуального законодательства.

Правом вызвать эксперта на допрос, составившего заключение в процессе предварительного расследования, наделяется суд (ст. 282 УПК РФ). Эксперту следует внимательно изучить ранее данное заключение, провести проверку научной обоснованности тех положении, которыми он руководствовался при оформлении результатов своих выводов. В этой связи эксперту необходимо будет раскрыть применимые им методики, суметь грамотно аргументированно ответить на все поставленные вопросы судом и сторонами уголовного процесса относительно их применения.

Однако все методики эксперт может наизусть и не знать, что не является недостатком в его работе. Поэтому у эксперта есть право подготовиться, взять с собой все выписки и распечатки, копии имеющихся методик, и уже ими пользоваться в процессе допроса.

Требования к содержанию эксперта законодательно определены. Однако к ним также предъявляются повышенные требования: соблюдение законодательства; объективность изложения выводов исследования; последовательность ответов; содержательная полнота сведений по каждому вопросу; ясность изложения материала[322].

[322] Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. М. : Изд-во НОРМА, 2025. С. 77.

Оценка заключения эксперта – последовательный, закономерный процесс, включающий знакомство, изучение, обсуждение представленного документа[323]. Как нам видится такой механизм оценивания действий эксперта отличатся наличием особых предположений, в основе которых лежат показатели качества проводимого исследования и окончательных выводов с учетом таких критериев, как относимость, допустимость и достоверность.

Особое значение при оценке придается внутреннему убеждению лица в правдивости, допустимости и содержательности представленных выводов эксперта, способности доказать или опровергнуть подвергнутые сомнению данные относительно обстоятельств, произошедшего события.

Проблема состоит в том, что оценка осуществляется на основе критерия допустимости заключения как доказательства. При этом оно может изучаться как первоначальное доказательство, подтверждая или опровергая промежуточные факты.

Мы полагаем, что оценка заключения – сложный мыслительный процесс, непременно затрагивающий содержание самого изучаемого документа. В каждом отдельном случае необходимо проверять достоверность содержащихся выводов, оценивать фактические данные, обстоятельства произошедшего события, проверять квалификацию, компетентность эксперта, а также научную обоснованность представленного суждения, соответствия другим доказательствам по уголовному делу.

Считаем, что непосредственная оценка заключения эксперта должна строиться на следующих критериях.

Во-первых, квалификация эксперта. В уголовном судопроизводстве эксперт выступает квалифицированным специалистом (имеет высшее образование, документ о подготовке, переподготовке, стажировке, опыт работы). Хороший эксперт обладает достойными знаниями, которые он может применить на практике, работая с различными техническими приборами, устройствами, обосновывает их выбор и методику, отражает информацию о них в водной части заключения.

Во-вторых, объективность. Такой критерий способен исключить личную заинтересованность эксперта, проводящего исследование. Очень часто родственные связи с участниками уголовного процесса, сомнения в собственных знаниях, зависимость от субъектов уголовного судопроизводства, другие обстоятельства могут стать препятствиями для дачи объективного заключения.

В-третьих, компетентность. Данный критерий позволяет определить способность лица, проводящего экспертизу, правильно, грамотно использовать научные теории и методики, обладать профессиональными навыками, умениями и знаниями в процессе исполнения своих должностных обязанностей.

Такие критерии позволяют следователю при оценке экспертных материалов убедиться в том, что эксперт правильно изучил представленные объекты и образцы, они были пригодны для исследования. В этом случае необходимо проверить материалы экспертизы, сопоставить данные об объектах, поступивших эксперту с протоколами следственных действий, постановлениях о ее назначении, другими документами и материалами уголовного дела[324].

Проблемы оценки научной обоснованности заключения эксперта следующие:

- недостаточное соответствие изучаемого вопроса с научной тематикой обоснованности;
- недоверие к выводам эксперта;
- неправильное применение методик;
- отсутствие методов;
- нелогичное построение выводов;
- неправильная оценка признаков изучаемого объекта.

Пути решения обозначенных проблем нам видятся в совершенствовании института экспертизы по следующим направлениям.

Первое. Используемые методические рекомендации в работе эксперта не должны носить на себе гриф секретности, должны вырабатываться экспертным сообществом и проходить обязательную регистрацию в Минюсте России, быть общедоступными для ознакомления.

Второе. Экспертное учреждение непременно должно оснащаться современным оборудованием. Все сотрудники владеть знаниями и опытом работы на нем, периодически повышать свою квалификацию, проходить переаттестацию, нарабатывать положительный практический опыт, подтвержденный документально (дипломы, сертификаты и т. д.).

Третье. Лицо, проводящее экспертное исследование должно быть специалистом в обозначенной сфере, иметь соответствующее образование и стаж работы не менее пяти лет.

---

[323] Криминалистика: конспект лекций : учебное пособие / В. П. Лавров, Р. Р. Рахматуллин, В. И. Романов, А. Н. Шалимов. М. : Проспект, 2023. С. 65.

[324] Судебные экспертизы в уголовном процессе : учебник для вузов / отв. ред. Н. Н. Ильин. М. : Юрайт, 2025. С. 83.

Однако слишком критическая оценка заключения эксперта и материалов экспертизы позволяет относиться к нему с недоверием, что может ошибочно толковаться всеми участниками уголовного судопроизводства.

Бесспорно, следователь должен оценивать заключение во взаимосвязи с другими материалами уголовного дела. При наличии противоречий, сомнений или неясностей в заключении, их следует устранять путем назначения дополнительных или повторных экспертиз, а также проведения необходимых следственных действий, включая допрос эксперта[325].

В заключение отметим, что заключение эксперта требует проверки и оценки, поскольку является полноценным, самостоятельным видом доказательства. Кроме того, заключение эксперта всегда является первоначальным доказательством, а не производным, так как лицо, производящее экспертизу, не воспроизводит факты в их первоначальном виде, а подвергает их изучению и исследованию с применением специальных знаний, предоставляя свои выводы. Обозначенные особенности заключения эксперта, в совокупности с формой выводов эксперта определяют его специфику и ценность как доказательства в уголовном процессе.

Самарин Вадим Игоревич,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета, г. Минск

Трансграничный розыск и арест имущества, полученного преступным путем: сравнительно-правовой анализ

Институт международной правовой помощи по уголовным делам развивается в ответ на трансформацию форм преступного поведения и усложнение механизмов сокрытия преступных доходов. Рост транснациональной организованной преступности и иных деяний с международным элементом наглядно показал ограниченность исключительно национальных подходов к противодействию финансовым последствиям преступной деятельности. Интернационализация общественных отношений и распространение технологий мгновенных электронных платежей, дистанционного банковского обслуживания и криптовалют создают новые вызовы для правоохранительных органов, требуя от них способности оперативно осуществлять розыск и наложение ареста на активы, находящиеся за пределами национальной юрисдикции. В результате международные договоры все чаще закрепляют обязанность государств сотрудничать в выявлении, отслеживании и обеспечении сохранности доходов, полученных преступным путем. Наиболее проблемным аспектом в этом механизме является обеспечение эффективного применения обеспечительных мер – прежде всего, наложения ареста на имущество – на территории запрашиваемого государства по инициативе иностранного органа, ведущего уголовный процесс. В отечественной (белорусской) науке уголовного процесса данный аспект международного сотрудничества остается практически неизученным, в отличие от российской правовой доктрины, где ему уделено значительное внимание, в частности в трудах А. Г. Волеводза[326]. В национальном измерении наложение ареста на имущество как одну из мер уголовно-процессуального принуждения исследовал профессор З. З. Зинатуллин[327].

Трансграничная помощь в исследуемой сфере может оказываться на основании:

– международных договоров, регулирующих борьбу с отдельными видами преступлений и содержащих специальные предписания касательно розыска и наложения ареста на преступные активы (например Конвенция ООН против коррупции 2003 г. (ст. 31, 54, 55, 57));

---

[325] Романова Г. В. К вопросу о производстве судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Научные труды. Российская академия юридических наук. Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXIV Международной научно-практической конференции. М., 2024. С. 655.

[326] Волеводз А. Г. Правовые и методические основы деятельности органов предварительного следствия России по розыску, аресту и обеспечению конфискации за рубежом денежных средств и имущества, полученных преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 225 л.; Волеводз А. Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 38 с.

[327] Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1981. С. 63–65.

– международных договоров о международной правовой помощи по уголовным делам (Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. (включает в объем правовой помощи розыск и арест (изъятие) денежных средств и имущества, полученных преступным путем, а также доходов от преступной деятельности (ст. 6, 104)), двухсторонние договоры с рядом государств);

– принципа взаимности и национального законодательства.

Указанные международные договоры в большинстве случаев процессуально бедны и в них можно найти предписания о необходимости действовать в соответствии с национальным законодательством. Так, в ч. 2 ст. 104 Конвенции СНГ указано, что действия по розыску и наложению ареста осуществляются в соответствии с «внутренним законодательством». Однако сложно сказать однозначно, что в законодательстве Республики Беларусь имеются соответствующие нормы, что позволяет предлагать совершенствование в данном направлении.

Отталкиваясь от конструкции чч. 3 и 4 ст. 104 Конвенции СНГ можно заметить две процессуальные судьбы имущества, связанного с совершением преступления, обнаруженного в юрисдикции запрашиваемого государства:

1) передача органу иностранного государства в целях: а) приобщения к уголовному делу в качестве вещественных доказательств; б) последующего возвращения законным владельцам; в) погашения причиненного преступлениям ущерба – в отношении имущества, денег и ценностей, полученных преступным путем (ч. 3);

2) наложение ареста в целях: а) последующего обращения в погашение причиненного преступлением ущерба; б) конфискации на основании вступившего в законную силу приговора суда иностранного государства – в отношении денег, ценностей и имущества обвиняемого (осужденного) и доходов от преступной деятельности (ч. 4).

В первом случае УПК Республики Беларусь предусматривает возможность передачи по просьбе органа иностранного государства предметов (которые могут иметь в иностранном государстве свойство вещественного доказательства), но при условии, что такие предметы будут возвращены на территорию Республики Беларусь либо безвозмездно переданы непосредственно лицам, имеющим право на эти предметы (ст. 480). То есть белорусский законодатель не имплементировал полноценно норму ч. 3 ст. 104 Конвенции СНГ, урезав последующие цели использования передаваемых предметов.

Для исполнения просьбы органа иностранного государства о розыске и наложения ареста на имущество, полученное преступным путем, может быть применена ст. 506 УПК Республики Беларусь, которая отсылает нас к соответствующим нормам внутригосударственного производства по уголовному делу. При этом общее содержание просьбы об оказании международной правовой помощи, направляемой в Республику Беларусь, сформулировано в ст. 469 УПК, а одним из общих условий оказания такой помощи является наличие «заверенной копии решения органа иностранного государства, ведущего уголовный процесс, о производстве соответствующих процессуальных действий» (п. 1 ст. 470 УПК). Таким решением может быть постановление о наложении ареста на имущество. Если решение было вынесено органом уголовного преследования, то разрешать соответствующую просьбу уполномочена Генеральная прокуратура Республики Беларусь, если судом – Верховный Суд Республики Беларусь (п. 12 ч. 1 и п. 2 ч. 2 ст. 494 УПК).

В УПК Республики Беларусь нет норм о розыске имущества, приобретенного преступным путем (исключение: нормы гл. 49^1 о досудебном соглашении о сотрудничестве). Понятие «розыск» используется в уголовно-процессуальном законе в основном в контексте установления местонахождения обвиняемого (например, ст. 248). При этом для раскрытия предмета доказывания по уголовному делу следователю закономерно требуется разыскивать и имущество, полученное преступным путем (пп. 4, 5 ч. 1 ст. 89 УПК).

Для розыска наиболее вероятно проведение обыска или выемки; однако, если проанализировать основания для данных следственных действий (ст. 208, 209 УПК Беларуси), можно заключить, что их целью вряд ли является розыск имущества, которое может подлежать конфискации. В то же время в ч. 2 ст. 212 УПК Кыргызстана прямо указано « …с целью конфискации имущества производится их выемка». Часть 1 ст. 488 УПК Таджикистана предусматривает, что «уполномоченные органы Республики Таджикистан проводят предусмотренные настоящим Кодексом процессуальные действия с целью выявления <…> имущества, денежных средств и ценных предметов, полученных преступным путем, а также имущества, принадлежащего подозреваемому, обвиняемому или осужденному». Схожие нормы содержатся в ч. 1 ст. 577 УПК Казахстана, ч. 1 ст. 568 УПК Украины, ч. 5 § 470 УПК Эстонии. Стоит заметить, что только в текстах таджикской и эстонской нормы особо упомянут обыск. По всей видимости, законодатели этих государств учитывали уровень ограничения

данным следственным действием фундаментальных прав человека и решили оговорить допущение проведения обыска в рамках рассматриваемой процедуры. Согласно ст. 737-bis УПК Италии по просьбе органа иностранного государства допускается проведение выемки.

Важно отметить, что в ряде из указанных выше норм (Казахстан, Таджикистан, Украина) определено имущество, на которое допустимо наложение ареста по просьбе органа иностранного государства. В Беларуси определение перечня соответствующего имущества необходимо для формулирования одного из условий исполнения просьбы органа иностранного государства о розыске и наложении ареста на имущество.

Наложение ареста на имущество во внутригосударственном производстве по уголовному делу подробно урегулировано в ст. 132 УПК Республики Беларусь. Однако, учитывая, что данное процессуальное действие приводит к ограничению контитуционно-охраняемого права собственности (ч. 1 ст. 23, 44 Конституции Республики Беларусь) и может нарушать права третьих лиц, его основания в трансграничном аспекте должны быть четко закреплены в уголовно-процессуальном законе.

Нормы чч. 1 и 3 ст. 577 УПК Казахстана, чч. 1 и 3 ст. 488 УПК Таджикистана (« …обнаруженное имущество может быть <…> арестовано <…> и передано в уполномоченный орган запрашивающей стороны как вещественное доказательство по уголовному делу или для возвращения владельцу») не подразумевают наложение ареста на имущество с целью его последующей конфискации, что, видимо, вызвано приведенной нами выше формулировкой ч. 3 ст. 104 Конвенции СНГ. Более удачной видится конструкция нормы в чч. 1–3 ст. 568 УПК Украины, где речь идет о наложении ареста на имущество, а потом уже определение его процессуальной судьбы (в том числе конфискации).

Иностранный акт государственного принуждения (коим является решение о наложении ареста на имущество) должен быть трансформирован для применения в Беларуси, чтобы стать обязательным для исполнения всеми организациями, должностными лицами и гражданами. Особенно это важно в случаях, когда УПК требует санкцию прокурора для постановления органа дознания и следователя в ходе производства по уголовному делу (чч. 2, 5, 6 ст. 132). В Казахстане и Молдове трансформация осуществляется решением национального суда. Так, в ст. 559^4 УПК Молдовы (введена в 2025 г.) указано: «до признания решения иностранного судебного решения о конфискации судебная инстанция Республики Молдова может применить по запросу государства-заявителя или по ходатайству Министерства юстиции меры по обеспечению… ». В ч. 8 ст. 577 УПК Казахстана определяется подсудность для рассмотрения соответствующих просьб. В Италии министр юстиции направляет просьбу органа иностранного государства для вынесения мотивированного постановления компетентному окружному прокурору (ч. 2 ст. 737-bis УПК).

Следует отметить, что при производстве по уголовному делу в УПК не установлен срок наложения ареста на имущество (исключение: имущество, находящееся в собственности других лиц (хотя и в этом случае срок не календарный – ч. 3 ст. 132)). Такая ситуация понятна: обеспечительные меры должны действовать на протяжении всего процесса. Аналогичный подход не может быть применен к трансграничному наложению ареста на имущество. Поэтому важно установить процессуальную гарантию, обеспечивающую в том числе законные интересы владельца имущества. В этой связи будут интересны две иностранные нормы. В Эстонии на основании просьбы органа иностранного государства, поданной по каналам Интерпола или в Шенгенской информационной системе, на предмет может быть наложен арест сроком на 2 месяца (ч. 6 § 470 УПК). Итальянский законодатель предусмотрел более длительные сроки: 1 год с возможностью продления, но не более чем на 6 месяцев (ч. 6 ст. 737-bis УПК).

Необходимо также уловить юридические факты, которые обусловят невозможность исполнения просьбы органа иностранного государства о розыске и (или) наложении ареста на имущество, добытое преступным путем. Так, в ч. 3 ст. 737-bis УПК Италии приведены основания для отказа в исполнении просьбы органа иностранного государства о выемке и наложении ареста на имущество:

a) запрашиваемые действия противоречат принципам правовой системы Италии, запрещены законом или связаны с действиями, которые не были бы разрешены, если бы производство по тем же фактам осуществлялось в Италии;

b) имеются основания полагать, что условия для последующего исполнения конфискации не соблюдены.

В п. 7 ст. 50 Конвенции ООН против киберпреступности можно найти еще два специальных основания для отказа в исполнении просьбы:

1) запрашиваемое Государство не получает своевременно достаточных доказательств (по всей видимости, запрошенных дополнительно);

2) имущество имеет малую стоимость. Как видится, границы такой «малой стоимости» можно закрепить в национальном законодательстве, хотя составители Конвенции ООН против коррупции полагали, что такая стоимость определяется путем консультации органов обоих государств[328].

Учитывая подход белорусского законодателя к построению раздела УПК о международной правовой помощи, на основании выше приведенного сравнительно-правового анализа потребуется сформулировать статьи об условиях исполнения соответствующей просьбы органа иностранного государства, об отказе в ее исполнении и о порядке исполнения.

Введение в УПК Республики Беларусь специальных норм о трансграничном розыске и наложении ареста на имущество, добытое и доходы, полученные преступным путем, представляется не только своевременным, но и неизбежным шагом в условиях роста транснациональной преступности. Разрабатывая соответствующие нормы, законодателю следует исходить из принципа функционального баланса: с одной стороны, должна быть обеспечена возможность эффективного исполнения решения иностранного суда, с другой – соблюдение суверенитета и гарантии прав третьих лиц, затронутых обеспечительными мерами.

Смушкин Александр Борисович,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры криминалистики,
ведущий научный сотрудник проектного офиса научных программ и исследований
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов

Применение искусственного интеллекта в криминалистической деятельности

Применению интеллектуальных систем в криминалистической деятельности должно быть уделено особое внимание, поскольку, криминалистическая деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений имеет особое влияние на судьбу человека, попавшего в ее орбиту.

Рассматривая указанную специфику, можно выделить следующие специфические факторы применения искусственного интеллекта, характерные именно для криминалистической деятельности:

1. Ограниченный объём обучающих данных. С учётом рекомендуемого объёма датасета в размере 80.000 экземпляров, далеко не всегда можно собрать такой объем обучающих данных. При этом, использование реальных даже обезличенных данных уголовных дел, часто невозможно по этическим соображениям или требованием закона. Сгенерировать для обучения эти данные также может быть недопустимо из-за сомнения в результативности обученного на данном этапе искусственного интеллекта. Криминалистика часто вынуждена пользоваться методами обучения с малым количеством данных (few-shot learning), генеративными состязательными сетями (GAN) или трансформерным обучением.

2. Для криминалистических целей большую опасность составляет проблемы предвзятости, когда искусственный интеллект обучается на информации, имеющей устаревшие парадигмы и стереотипы, связанные системными предвзятостями, ранее существовавшими в правоохранительной практике или в обществе. Например, если исторические данные будут содержать информацию о повышенном числе задержаний в определённом регионе, искусственный интеллект, обученный на этих данных, унаследует и усилит смещение. Как отметил Д. Гершгорн, «если мы обучаем системы машинного обучения имитировать решения, принятые в предвзятом обществе, используя данные, генерируемые этим обществом, то эти системы обязательно будут воспроизводить его предубеждения»[329].

3. Необходимость разработки и обучения специализированного отечественного программного обеспечения «правоохранительного» искусственного интеллекта. Поскольку использование зарубежных обученных моделей фактически предоставляет их владельцам данные к информации. При этом крайне важно будет использование проверенных данных для формирования датасета. Так, например, обучение модели на данных «открытого» интернета, по нашему мнению, не отвечает качеству исходных

[328] Report of the Ad Hoc Committee for the Negotiation of a Convention against Corruption on the work of its first to seventh sessions. P. 11 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.un.org/en/A/58/422/Add.1 (дата обращения: 27.10.2025).

[329] Gershgorn D. Microsoft warned investors that biased or flawed AI could hurt the company's image (2019, 5 February), Quartz [Электронный ресурс]. URL: http://qz.com/1542377/microsoft-warned-investors-that-biased-or-flawed-ai-could-hurt-the-companvs-image (дата обращения: 15.08.2025).

данных – значительная часть информации (если не сказать – большинство информации) Clearnet представляет собой откровенный мусор. А мусор на входе приведёт к мусору, галлюцинациям на выходе.

4. Повышенное значение репрезентативной апробации. Перед использованием, искусственный интеллект должен пройти научную и практическую апробацию, а также аттестацию, подтверждающую точность надёжность и воспроизводимость, соответствие криминалистическим стандартам. Как отметил А. М. Кустов, «любые типы искусственного интеллекта, которые могут быть использованы при раскрытии и расследовании преступлений, должны быть апробированы, а сама возможность их применения – закреплена в уголовно-процессуальном законодательстве»[330]. При этом должны применяться высокие требования к валидации на релевантных репрезентативных данных. Модель должна быть верифицирована на данных, отражающих реальные криминалистические условия (язык, формат, шумы), а не только на общих бенчмарках.

5. Криминалистическому искусственному интеллекту характерно сочетание реактивности и проактивности. Классическое расследование реактивно- преступление уже совершено и большинство познавательных действий имеют ретроспективный характер. Использование искусственного интеллекта позволяет реализовывать прогнозную аналитику, направленную на определение мест возможных новых совершения преступления, но при этом искусственный интеллект не предсказывает конкретное преступление о вычисляет зоны повышенного риска.

6. В отличие от иных сфер деятельности, анализу с помощью системы искусственного интеллекта чаще всего подвергаются неструктурированные данные.

7. Работа с неполными, зашумлёнными, фрагментарными данными является характерной именно для применения искусственного интеллекта в криминалистической деятельности. Крайне редко в орбиту криминалистических исследований попадают чёткие следы или полные данные. Чаще дело приходится иметь с аудио- видеозаписями плохого качества (например, оперативная съёмка имеет малую частоту кадров и сравнительно низкое качество в связи с необходимостью продолжительной съёмки; многие записи системы «Безопасный город» имеют также низкое качество видеозаписи; видеосъёмка частных систем не имеет вообще требований к качеству; звукозапись может быть забита окружающим шумом), неполного, повреждённого или просто низкого качества следами. Задачами системы спускного интеллекта, в данном случае, будет являться восстановление, сначала, достаточно качественного объекта либо использование для поиска закономерностей в «грязных данных» более сложных алгоритмов.

8. Применение искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве отличает повышенное значение объяснимости выводов, что непосредственно связано с проблемой «чёрного ящика». В иных сферах применения объяснение выводов, к которым пришла система на основе искусственного интеллекта, не будет иметь такого подавляющего значения. При этом, как отмечают некоторые ученые, речь должна идти не о раскрытии механизма конкретных решений, а о отдельных, подлежащих раскрытию, элементах прозрачности[331]. К объяснимости ИИ зарубежные авторы предъявляют следующие требования: создание выводов с четкими пояснениями, обеспечение контроля над новыми объектами[332]; принятие решений с хорошим пояснением для неспециалиста[333]; для создание точных моделей[334].

9. Повышенное значение высокой точности вывода. Если для менеджмента будет достаточно шестидесятипроцентной вероятности, то для криминалистических целей вероятность выводных данных должна быть повышен. Во-первых, сама программа должна реализовывать свои задачи с более чем 90 % точностью, и, во-вторых, выводы, предлагаемые искусственному интеллектом, должны быть с более чем 90 % вероятности. В противном случае может повториться ситуация Цветкова – когда юридически значимое решение было принято на основании вероятностного вывода – 55 %

---

[330] Кустов А. М. Цифровизация криминалистики // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 21 мая 2021 года. М. : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 196.

[331] Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Зенин С. С., and Лебедев В. А. Алгоритмическая прозрачность и подотчетность: правовые подходы к разрешению проблемы «Черного ящика» // Lex Russica. 2020. № 6 (163). С. 142.

[332] Chen M. et al. Simple and deep graph convolutional networks // International Conference on Machine Learning. 2020. P. 1725–1735.

[333] Wang J. et al. Learning node representations from noisy graph structures. Proc. IEEE Int. Conf. Data Mining, ICDM. Vol. 2020-novem, No 1. P. 1310–1315

[334] Veličković P. et al. Neural Execution of Graph Algorithms. 2019. arXiv:1910.10593.

совпадения внешности[335]. Можно признать ограничено допустимым категорирование выводов ИИ по степени вероятности, однако при этом рекомендуется закрепление высоких требований по процентам вероятности выводов. К сожалению, современная практика применения искусственного интеллекта показывает завышенная доверие пользователей к его выводам. Поэтому представляется необходимым использование только тех разработок, которые дают сверхвысокую точность выводов.

Бывает, модели дают вероятностные выводы с ложноположительными и ложноотрицательными ошибками, и если для иных сфер допустимы достаточно широкие доверительные интервалы и границы применимости, то в криминалистических целях они должны быть минимизированы.

10. Необходимость строгого соответствия процессуальным и материальным нормам. В отличие от других сфер, где разрешено всё, что прямо не запрещено, в криминалистической деятельности искусственный интеллект не может выходить за рамки процессуальной формы или менять её. Его результаты должны быть приемлемыми в суде.

11. Искусственный интеллект в криминалистической деятельности может играть только вспомогательную, но никак не заменяющую роль. Все юридически значимые решения должны приниматься и нести за них ответственность следователем – человеком. Искусственный интеллект может только предлагать варианты решения, градуировать важность, порядок действий и так далее.

12. В криминалистической деятельности, более чем в иных сферах, для работы искусственного интеллекта, необходим учет контента и человеческих факторов, таких как мотив преступления, психологические особенности преступника и так далее.

13. Особые требования к аутентичности и целостности результатов (доказательств). Критично важна неизменность виртуальных следов, создание битовых образов, контроль доступа, документирование отдельных этапов деятельности.

14. В некоторых случаях в расследовании будет критична корреляция временны́х меток между источниками, поскольку ошибки могут привести к ложным реконструкциям событий. В иных сферах подобные сдвиги корреляции могут быть не критичны. Поэтому необходима оценка метрик доверия.

15. Особые требования к воспроизводимости: результаты применения искусственного интеллекта в криминалистических целях должны быть проверяемы. Иные сферы деятельности таких требований не предъявляют. Обязательно необходимо для интеллектуальных систем, используемых в криминалистических целях, аудирование систем – это может производиться с использованием инструментов автоматической генерации отчетности. Аудируемость также предполагает техническую и процессуальную воспроизводимость: любой результат, полученный с помощью интеллектуальной системы, может быть перепроверен независимым экспертом, если ему предоставляются доступ к исходным данным, конфигурации алгоритмов и логам событий.

16. Повышенное требования к безопасности и устойчивости среды. Для применения в криминалистических целях, более чем для решения иных задач, критично важно обеспечение кибербезопасности от инцидентов и воздействия злоумышленников. Криминалистические сценарии подразумевают риск противодействия (намеренная подмена, фабрикация), поэтому модели требуют проверки на робастность и методы обнаружения подделок, а также устойчивости к целенаправленным манипуляциям и атакующим воздействиям.

Для автоматического восстановления после сбоев должен быть решён вопрос создания резервных копий данных – бэкапов. В идеале, подобные копии должны создаваться на облачных хранилищах и нести характер распределённой информации. Могут использоваться технологии репликации баз данных в режиме реального времен. Обязательной частью архитектуры интеллектуальной системой в расследования должен стать постоянной мониторинг состояния всех компонентов. Для этого важно ведение многоуровневой системы журналов событий.

17. Особенности применения выводного знания. В иных сферах имеется возможность прямого применения результатов аналитики искусственного интеллекта. В криминалистике в рамках уголовного судопроизводства аналитические данные и данные, полученные в результате работы искусственного интеллекта, не имеет прямого доказательного значения, поскольку не исходят из указанных в законе источников доказательств

18. Для интеллектуальных систем, используемых в криминалистике более чем для других сфер применения, критически важны требования к масштабируемости, позволяющие эффективно обрабатывать возрастающие объемы данных. Инфраструктура интеллектуальных систем, используемых в расследовании, должна допускать горизонтальное и вертикальное масштабирование ресурсов.

---

[335] Названа причина задержания гидролога Цветкова: в убийцы «записала» видеокамера аэропорта // MKRU: информационный портал. 12.03.2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mk.ru/incident/2023/03/12/nazvana-prichina-zaderzhaniya-gidrologa-cvetkova-v-ubiycu-zapisala-videokamera-aeroporta.html (дата обращения: 28.08.2025).

19. В условиях расследования преступлений недопустимы задержки доступа к аналитическим инструментам или потеря доказательственной информации: поэтому внедряются политики регламентированного тестирования на устойчивость к сбоям (failover testing), разрабатываются инструкции по быстрому переносу текущих рабочих процессов на альтернативные площадки без нарушения целостности следственной деятельности. Для критически важных подсистем используются географически распределённые дата-центры – это исключает риск одновременной недоступности сервисов вследствие локальных инцидентов.

20. Криминалистическая деятельность предъявляет особые требования к языку и визуализации вывода искусственного интеллекта. Адресатом выводов будут в лучшем случае профессиональные юристы адвокаты следователи судьи, но также выводы могут адресовываться суду присяжных в которой могут объединяться лица любых специальностей. В иных сферах деятельности выводы искусственного интеллекта могут иметь прямую руководящее значение, не требующее специализированной отдельной визуализации и представления

21. ИИ в криминалистике часто применяются в рамках межведомственного сотрудничества, что подразумевает интеграцию данных и технологий между различными правоохранительными органами, судебными инстанциями и другими учреждениями.

Таким образом, применение искусственного интеллекта в расследованиях требует не столько иной технологии, сколько иной дисциплины: усиленной документированности, правовой подкованности, осторожности в интерпретации результатов и готовности к независимой проверке. Преступные методы и сценарии постоянно эволюционируют, что требует от ИИ-систем постоянной адаптации и перенастройки.

В криминалистике внедрение ИИ требует тесной координации с органами правопорядка, экспертными институтами, а также наличия соответствующей сертификации средств.

Стяжкина Светлана Александровна,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

Использование искусственного интеллекта в сфере профилактики преступности

Массовое внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества предполагает и их использование в сфере противодействия преступности. Одним из перспективных направлений применения цифровых технологий в криминологии видится использование искусственного интеллекта в сфере профилактики преступности. Как указывается в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490: «Целями развития искусственного интеллекта в Российской Федерации являются обеспечение роста благосостояния и качества жизни ее населения, обеспечение национальной безопасности и правопорядка, достижение устойчивой конкурентоспособности российской экономики, в том числе лидирующих позиций в мире в области искусственного интеллекта». Обеспечение правопорядка осуществляется в том числе за счет осуществления профилактической деятельности, направленной на устранение причин и условий преступности. Более того, профилактика является приоритетным направлением борьбы с преступностью. Искусственный интеллект, под которым понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» позволяет существенно упростить и повысить эффективность ряда профилактических мероприятий. Как справедливо указывается в научной литературе: «Искусственный интеллект предоставляет значительное количество инструментов для расширения возможностей превентивной деятельности правоохранительных органов, позволяя им более плодотворно прогнозировать, выявлять и сдерживать преступное поведение»[336]. Искусственный интеллект можно применять как при осуществлении мероприятий общей профилактики, так и при проведении индивидуальной профилактической работы.

[336] Ефремова И. А. Криминологическая характеристика компьютерной преступности и новые методы ее предупреждения // Lex russica. 2025. Т. 78, № 5. С. 77–86.

В сфере общей профилактики искусственный интеллект может активно применяться как метод прогнозирования будущего состояния преступности. На основе данных о динамике преступности, ее структуре и состоянии, а также различного рода социально-экономических, демографических показателей можно создать модель будущего состояния преступности. «Нейросеть может быть использована для прогнозирования преступности благодаря обучению различным математико-статистических функциям (экстраполяция, аппроксимация, регрессия, корреляция и др.) и минимизации ошибок в выполненных расчетах, способности обрабатывать статистические таблицы больших объемов и множественные совокупные факторы»[337].

Кроме того, искусственный интеллект может прогнозировать высокие риски совершения преступлений в определенном месте и в определенное время. Подобные программы используются в ряде штатов США, примером может служить система прогнозирования преступлений PredPol (Калифорнийский университет, США). «Алгоритм деятельности указанных систем основан на наблюдении и выявлении определенных закономерностей, в соответствии с которыми определенные типы преступлений, как правило, группируются во времени и пространстве. Используя имеющиеся данные и наблюдая, где были совершены последние преступления, они утверждают, что могут определить, где будущее преступление, вероятнее всего, произойдет»[338].

Система оснащает полицейские патрули электронными картами с мигающими красными квадратами, обозначающими места возможной противоправной активности. Специальные испытания, проводившиеся в течение почти двух лет в трех территориальных подразделениях полиции Лос-Анджелеса, доказали, что PredPol верно предугадывает в два раза больше мест преступлений, чем позволяют лучшие из существующих методик[339].

В Российской Федерации широко используется система видеонаблюдения в общественных местах с функцией распознавания лиц, а также мониторинга поведения. Кроме того, существует система «Искусственный интеллект» («Объединенная приборостроительная корпорация», Россия, тестируется с 2016 г.), которая фиксирует нарушения на границах России с помощью инфракрасных датчиков, сейсмосенсоров, радиолокационных устройств с целью наработки базы данных для дальнейшего компьютерного анализа информации о нарушении границ, дистанционного контроля ситуации и прогнозирования опасностей[340].

Одним из перспективных направлений в профилактической деятельности правоохранительных органов может выступить использование беспилотных систем, которые могут применяться в части предупреждения экологических преступлений, где требуется охватить большие территории, а также в сфере общественной безопасности и общественного порядка, особенно при проведении массовых мероприятий.

Кроме того, «искусственный интеллект и машинное оборудование открывают новые горизонты в борьбе с экономическими преступлениями, предоставляя инструменты для анализа больших объемов данных и выявления сложных шаблонов поведения, которые могут указывать на мошенничество или другие незаконные действия»[341]. Перспективным видится применение нейронных сетей в сфере противодействия коррупционным преступлениям. «Текущий уровень цифровизации процессов государственного управления и оказания государственных услуг, а также доступность государственных и частных специализированных баз данных позволяют организовать систематический правовой и антикоррупционный мониторинг исполнения должностных функций в коррупционно опасных сферах на основе индикаторов правовых и коррупционных рисков, формируемых экспертно»[342].

Использование искусственного интеллекта также возможно и при проведении индивидуальной профилактической работы. Прежде всего, это касается деятельности в сфере надзора и контроля

---

[337] Молчанова Т. В. Современные методы прогнозирования преступности: от статистического анализа до машинного обучения [Электронный ресурс] // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 103–108. URL: https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-2-103-108

[338] Кравцов Д. А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 109.

[339] Суходолов А. П, Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 760.

[340] Овчинский В. С. Технологии будущего против криминала. М. : Кн. мир, 2017. С. 74.

[341] Герасимова Е. Б., Басенко И. К. Анализ перспектив использования искусственного интеллекта для обнаружения и предотвращения экономических преступлений // Экономические науки. 2024. № 5 (234). С. 159.

[342] Искусственный интеллект в профилактике правовых рисков и противодействии коррупции [Текст] : докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Е. А. Артеменко, А. М. Волкова, Р. О. Долотов [и др.] ; под науч. ред. Д. В. Крыловой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. С. 5.

за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также лицами, состоящими на учете, в том числе несовершеннолетними правонарушителями. Во многих европейских странах активно используются данные предиктивной аналитики, которые направлены на прогнозирование поведения людей. Речь идет о моделирования конкретных профилей преступников и прогнозирования динамики их психического состояния. Примером может служить эксперимент, направленный на профилактику индивидуальной преступности рецидивистов (Квебек, Канада, 2015 г.). «Находящимся в заключении рецидивистам с учетом тяжести их преступлений предлагается условно-досрочное освобождение в обмен на согласие разместить на своем теле татуировку, представляющую собой сверхтонкий процессор-индикатор, который меняется раз в пять лет»[343].

В заключении следует отметить, что применение цифровых технологий в сфере противодействия преступности требует особого подхода и правовой регламентации. Безусловно, необходимо активно использовать новейшие достижения в области искусственного интеллекта, но нельзя слепо полагаться на его рекомендации и указания. Нейросети можно и нужно применять для аналитики большого количества данных, но основные решения в сфере проведения конкретных профилактических мероприятий, особенно если речь идет о мерах индивидуальной профилактики, должны принимать люди.

Татьянин Дмитрий Владимирович,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

Цифровые доказательства в уголовном процессе России

На современном этапе технологического развития человечества цифровые технологии играют ключевую роль. Они повсеместно проникли в самые разные сферы жизни, кардинально меняя их. Цифровизация проникла и в сферу уголовного судопроизводства.

Цифровые технологии активно применяются правонарушителями при совершении преступлений[344]. Преступность активно применяет постоянно совершенствующиеся технологии, в то время как правовое регулирование уголовно-процессуального законодательства отстаёт. Цифровизация общественных отношений является вызовом современности для законодательных структур и реальностью нынешнего дня[345]. Это заставляет искать новые подходы к расследованию преступлений. Объективная реальность требует не только активного использования информационных технологий для уголовно-процессуального доказывания, но и законодательного регулирования использования цифровых доказательств.

Законодатель 23.06.2016 принял Федеральный закон № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»[346]. Указанным законом законодатель внес изменения в ст. 474.1 УПК РФ, установив в ней право подачи ходатайств, заявлений и жалоб по уголовным делам в виде электронного документа. В УПК РФ используется понятие «электронный носитель информации» (ч. 4 ст. 81, ч. 4 ст. 81.1, ч. 8 ст. 166 УПК РФ и др.), но в нем не содержится определения терминов – «электронный носитель информации» и «носитель цифровой информации», что приводит к различному толкованию данных понятий правоохранительными и судебными органами.

Несмотря на то, что в соответствии с Межгосударственным стандартом ГОСТ 2.051-2013, введенным в действие приказом Росстандарта от 22.11.2013 № 1628-ст, под электронным носителем информации понимается материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизве-

[343] Ларина Е. С., Овчинский В. С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М. : Кн. мир, 2018. С. 172.

[344] Яковлева Н. Г. Использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2024. № 4 (80). С. 117.

[345] Дерягин И. В. Правовое регулирование цифровых технологий [Электронный ресурс] // Юридическая наука. 2023. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-tsifrovyh-tehnologiy

[346] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти : Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/71428138/

дения информации, обрабатываемой при помощи средств вычислительной техники[347], но данное понятие сформулировано в подзаконном нормативно-правовом акте, а его положения не адаптированы к целям уголовно-процессуального доказывания.

А. И. Зазулин считает, что « ...использование в УПК РФ термина «электронный носитель информации» приводит к необоснованному сужению круга предметов, являющихся носителями цифровой информации, и в отношении которых может быть осуществлено изъятие при участии специалиста и копирование содержащейся на них информации»[348]. В этой связи, полагаю, целесообразно поддержать мнение И. И. Карташова и О. А. Лесникова о наличии объективной необходимости замены понятия «электронный носитель информации в тексте УПК РФ на более широкий и соответствующий реалиям термин «цифровой носитель», под которым следует понимать материальный объект, специально предназначенный для временного и (или) постоянного хранения цифровой информации независимо от используемых для этого физических принципов»[349].

Изложенное позволяет сделать вывод, что имеющиеся в УПК РФ нормы, касающиеся цифровых доказательств, разрозненны, несистемны и не достаточны. В современный период большое количество доказательственной информации получают из источников, которые ранее не существовали, к которым относятся: мессенджеры, социальные сети, облачные хранилища, чаты, форумы и другие способы коммуникации с использованием цифровых технологий. Специфическими признаками указанной информации является ее хранение на цифровых носителях, легкость копироваться, быстрота передачи и изменения. Причём если изменение бумажного документа можно сравнительно легко установить с помощью специальных экспертных исследований, то установить факт изменения электронного документа бывает невозможно, так же можно выдать подложный электронный документ за настоящий. Именно это является основным препятствием, которое тормозит применение цифровых технологий в уголовно-процессуальном доказывании.

УПК РФ предъявляет к каждому доказательству требования относимости, допустимости и достоверности, но в случае с электронными доказательствами сразу ставятся под сомнение все указанные требования. Даже до развития искусственного интеллекта можно было быстро и легко создать или изменить цифровую информацию – голос, внешность, текста, изображение, современное бурное развитие нейросетей ещё более упрощает этот процесс и позволяет вывести его на новый уровень качественно и количественно.

В науках уголовного процесса и криминалистики, отсутствует единое мнение о существовании цифрового доказательства, и о его понятии. А. Е. Федулова считает, что категория «цифровые доказательства» не закреплена в законодательстве, а соответственно, « ...для применения таких доказательств в уголовном судопроизводстве им необходимо придать процессуальную форму, которой является электронный носитель информации, признаваемый согласно п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ доказательством по уголовному делу»[350].

А. В. Черецких считает, что « ...цифровой носитель информации – более точное определение, отражающее специфику передачи сведений, особенности их хранения и распространения, возможности копирования, видоизменения и т. п., так как цифровая информация, как особый вид сведений – «это данные, отображаемые в цифровом формате, пригодном для распознавания, обработки или хранения с помощью компьютерной или информационной системы, существующие в виде файлов, журналов, метаданных или сетевых данных»[351]. Бесспорно, что необходимо различать цифровой носитель и цифровую информацию.

А. И. Зазулин понимает под цифровой информацией в доказательственном праве « ...сведения, закодированные в двоичной системе счисления и передаваемые посредством любых физических сигналов, не воспринимаемых человеком непосредственно и содержащихся только на определенных материальных носителях, специально предназначенных для их хранения, – носителях цифровой

---

[347] ГОСТ 2.051-2013. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения» (введен в действие приказом Росстандарта от 22.11.2013 № 1628-ст) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/70665820/

[348] Зазулин А. И. Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 54.

[349] Карташов И. И., Лесников О. А. Цифровая информация в уголовно-процессуальном доказывании: понятие и свойства // Научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2020. Т. 8, № 4 (32). С. 79.

[350] Федулова А. Е. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 2 (60). С. 93.

[351] Черецких А. В. Цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 111.

информации»[352]. Цифровой носитель информации, по мнению А. А. Балашовой, в уголовном процессе представляет «техническое средство, конструктивно предназначенное для хранения информации в электронно-цифровой форме, доступной для обработки с использованием средств вычислительной техники»[353]. Указанные носители могут быть материальными и сетевыми.

К материальным носителям относятся: CD и блюрэй-диски, флеш-накопители, жесткие диски, карты памяти, встроенная память ноутбуков, смартфонов, планшетов и т. п. К сетевым носителям относятся: серверы и дата-центры. Удаленность доступа к находящейся на сетевых носителях информации с помощью соответствующего программного обеспечения, каналов связи, а также услуг провайдеров, обеспечивающих распространение информации в сети, является их главной особенностью. Считаю, что использование сетевых носителей может позволить использовать цифровые доказательства в уголовном процессе, как минимум в суде. Следователь или дознаватель, получив цифровое доказательство и удостоверившись в том, что оно отвечает всем требованиям, предъявляемым к доказательствам, может поместить его на специальный сетевой ресурс, подписав служебной усиленной квалифицированной цифровой подписью, и приобщив к уголовному делу документ со ссылкой (возможно даже в форме QR-кода) на данный документ. Разумеется, что это должен быть ведомственный сетевой носитель, имеющий высокую степень защиты, и для предотвращения изменения информации хранящий её по технологии блокчейн. Доступ к подобному носителю должен быть ограничен и предоставляться при наличии специального разрешения.

Полагаю необходимым внести в статью 5 УПК РФ следующие понятия: цифровая информация, цифровой носитель и цифровое доказательство, изложив их в следующей редакции:

1. Цифровая информация в уголовном судопроизводстве – это сведения, хранящиеся в электронно-цифровой форме на техническом носителе.
2. Цифровой носитель информации – это техническое средство, специально созданное для записи, хранения и воспроизведения цифровой информации, которая может быть использована в уголовном судопроизводстве.
3. Цифровое доказательство – это сведения, имеющие значение для уголовного дела, содержащиеся на цифровом носителе, полученные в соответствии с порядком, установленным УПК РФ.

Тенсина Елена Фанавиевна,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

Эффективность правового регулирования производства по гражданскому иску по УПК РФ

Согласно ст. 52 Конституции РФ « …Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Данные положения требуют создания эффективных механизмов доступа к судебной защите и компенсации за причиненный вред.

В юридической доктрине эффективность права рассматривают через соотношение цели и результата его действия в сочетании со сроками и затратами.[354] Верно отмечено А. И. Хорошильцевым о целесообразности разграничения эффективности действия права и эффективности его реализации, эффективности права в целом и его отдельных отраслей, норм[355].

Охрана прав и законных интересов потерпевших от преступления является частью уголовного судопроизводства. Необходимо признать, что действующий уголовно-процессуальный закон существенно расширил права лиц, признанных потерпевшими по уголовному делу, обеспечив условия

[352] Зазулин А. И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 168 с.

[353] Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 11–13.

[354] Морозова Л. А. Теория государства и права. М. : Юристъ, 2005. С. 319; Теория государства и права : учебник / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев ; под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. М. : Высшее образование, 2008. С. 461; Спиридонов Л. И. Эффективность права // Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 1995. С. 214–224; Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой норы // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 41–45.

[355] Хорошильцев А. И. Эффективность права: понятие и особенности [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-prava-ponyatie-i-osobennosti/viewer (дата обращения: 11.11.2025).

занимать активную позицию в уголовном преследовании лица на всех этапах уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Это выражается в возможности участия в доказывании по уголовному делу путем дачи показаний, заявления ходатайств о проведении следственных действий, обжалования действий и решений должностных лиц. Законодатель допустил участие потерпевшего на всех стадиях уголовного процесса, в том числе при пересмотре вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда (раздел 15 УПК РФ). Пожалуй, риски в реализации прав потерпевшего присутствуют лишь непосредственно в ходе уголовного судопроизводства по смыслу, придаваемому созданному уголовно-процессуальному механизму правоприменительной практикой.

С позиции качества правового регулирования совершенно иначе выглядит созданный и действующий механизм возмещения вреда от преступления.

Так, одним из основных средств компенсации причиненного ущерба в уголовном судопроизводстве выступает гражданский иск, предметом которого могут выступать требование возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, а также требование физического лица имущественной компенсации морального вреда от преступления (ст. 44 УПК РФ). Институт гражданского иска в уголовно-процессуальном праве прежде всего нацелен обеспечить повышенные гарантии защиты прав пострадавшему, поскольку они уже нарушены преступлением.

В основе института заложены диспозитивные начала. По общему правилу именно лицо, которому преступлением непосредственно причинен ущерб определяет предмет, пределы и способ его возмещения – в рамках уголовного или гражданского судопроизводства. Необходимо отметить, что в современной практике, продиктованной изменением структуры преступности и значительным увеличением преступлений против собственности с использованием компьютерных технологий, формируется практика, инициированная прокуратурой России, возбуждать гражданское дело *наравне* с возбужденным и расследуемым уголовным делом посредством подачи исков о взыскании неосновательного обогащения к так называемым «дропперам»[356].

Казалось бы, при созданном дифференцированном подходе в способах компенсации причинённого преступлением вреда, вопрос сатисфакции остается по-прежнему актуальным. Причин тому множество, ключевой среди которых остается качество правового регулирования этих алгоритмов.

В уголовном процессе гражданский иск имеет межотраслевую природу, и регулируется нормами уголовно-процессуального права и гражданского законодательства. Анализ уголовно-процессуального регулирования исследуемого института показывает, что законодатель, к сожалению, ограничился лишь условиями для обращения с иском и требованием к его обеспечению (ст. 44, 111, 115–116, 160.1 УПК РФ), отчасти определением процессуального статуса гражданского истца (ст. 44, 216 УПК РФ) и гражданского ответчика (ст. 54, 216 УПК РФ), а также видами решений, принимаемых по нему (ст. 399 УПК РФ). За рамками уголовно-процессуального регулирования остаются многочисленные вопросы, в том числе об условиях и способах участия в доказывании заявленных требований сторонами.

В решении данных вопросов правоприменитель вынужден обращаться к применению аналогии права, ориентирующей на исковой порядок правовой защиты, регулируемый гражданским процессуальным законодательством. Указанное подтверждается официальной позицией Верховного Суда РФ[357].

Следует отметить, что по сравнению с исковым порядком, предусмотренным гражданским процессуальным законодательством, в уголовном судопроизводстве устанавливается упрощенный порядок участия гражданского истца и гражданского ответчика в доказывании. Так, исковые требования, заявляемые в рамках уголовного судопроизводства, находятся в причинно-следственной связи с совершенным преступлением, по которому осуществляется уголовное преследование. В силу публично-правовых начал уголовного судопроизводства бремя доказывания в полной мере возложено на должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу в досудебном производстве и на государственного обвинителя в суде первой и апелляционной инстанции. Однако согласно действующей редакции УПК РФ, такой подход применим лишь в пределах размера причиненного ущерба от преступления (п. 4 ст. 73 УПК РФ). В отсутствие уголовно-процессуального регламентации официальной позицией Верховного Суда РФ установлено, что – «Имущественный вред, причиненный непосредственно преступлением, но выходящий за рамки предъявленного подсудимому обвинения подлежит доказыванию гражданским истцом путем представления суду соответствующих документов»[358].

---

[356] Прокуроры в судах взыскали с дропперов более 1 млрд рублей [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/news/2025/10/21 (дата обращения: 11.11.2025).

[357] О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23.

[358] П. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу».

Обязанность активного отстаивания требований возмещения причиненного ущерба от преступления сохраняется и в тех случаях, когда судом при разрешении уголовно-правового спора принимается решение об оставлении гражданского иска без рассмотрения (ч. 2 ст. 306 УПК РФ) либо об удовлетворении иска и передаче вопроса о размере возмещения в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 309 УПК РФ).

В приведенной конструкции вряд ли можно констатировать свободу выбора способа защиты возмещения вреда, причиненного преступлением, а также на быстроту удовлетворения заявленных требований. При этом процедура изменения производства по гражданскому иску, заявленному в рамках уголовного процесса, законодательно не определена. На современном этапе данный пробел правового регулирования нивелирован приказом Судебного Департамента при Верховном Суде от 29.04.2003 № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» и постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2023 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», что вряд ли можно признать эффективным.

При переходе по гражданскому иску из уголовного в гражданское производство обращает внимание отсутствие законодательно установленных гарантий обеспечения сохранности имущества, ранее на которое был наложен арест, так как требования ч. 2 ст. 309 УПК РФ в части сохранения режима ареста на имущество распространяются только на имущество подсудимого и лиц, несущих по закону материальную ответственность.

Полагаем, гражданский иск по уголовному делу должен сохранять уголовно-процессуальный механизм разрешения в упрощенном порядке. В целях эффективного обеспечения конституционного права на компенсацию причинного ущерба в части возмещения вреда от преступления необходимо ориентироваться на позицию Конституционного Суда, сформированную в отношении норм главы 18 УПК РФ, – « ...что они сообразно предписаниям статей 45, 49, 52 и 53 Конституции Российской Федерации формируют упрощенный по сравнению с исковым порядком режим правовой защиты, освобождая реабилитированного от бремени доказывания оснований размера возмещения вреда и одновременно предоставляя ему возможность участвовать в доказывании объема компенсации. Такой режим направлен на создание процедурных условий для скорейшего определения размера вреда и скорейшего его возмещения и существует наряду с гражданско-правовыми правилами компенсации вреда… »[359].

Разрешение гражданского иска в уголовном деле в стадии исполнения приговора с обязательным участием прокурора позволит обеспечить права сторон с уменьшением процессуальных средств и сроков рассмотрения.

Туров Сергей Юрьевич,
канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

Специальные знания и профессиональная компетентность специалиста в уголовном судопроизводстве: соотношение понятий и проблемы правоприменения

Эволюция специальных знаний в уголовном судопроизводстве характеризуется постепенным расширением сферы их применения и уточнением процессуального статуса носителя этих знаний. На раннем этапе становления данного института процессуальные функции специалистов не имели чёткого разграничения и отождествлялись со статусом эксперта, независимо от формы привлечения по делу[360]. Длительное ограничение сферы применения профессиональных компетенций сведущих лиц рамками судебно-экспертной деятельности и участию в следственных и иных процессуальных действиях, фактически редуцировало их потенциал в процессе доказывания. Правовое оформление

[359] Постановления от 2 марта 2010 г. № 5-П, от 14 июля 2011 г. № 16-П, от 19 июля 2011 г. № 18-П и от 17 октября 2011 г. № 22-П; определения от 8 апреля 2010 г. № 524-О-П, от 2 ноября 2011 г. № 1463-О-О и № 1477-О-О, от 2 июля 2013 г. № 1058-О, от 2 апреля 2015 г. № 708-О и др.

[360] См. об этом подробно ст. 112, 325-335 Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»; ст. 63 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7, ст. 106, Известия ВЦИК. 1923. № 3 (утратил силу.).

процессуального статуса специалиста в УПК РСФСР 1960 г. (в ред. 1966 г.)[361] хотя и способствовало активизации научных исследований по этой теме[362], однако не привело к значительным изменениям в практике применения профессиональных компетенций. Благодаря Федеральному закону от 4 июля 2003 г, дополнившему ст. 80 УПК РФ (чч. 3 и 4)[363], произошёл качественный сдвиг, выразившийся в наделении показаний и заключений специалиста статусом самостоятельных доказательств. Это не только интенсифицировало развитие теоретических и методических основ, но и повысило результативность использования специальных знаний при установлении существенных для дела обстоятельств.

Согласно закону (ч. 1 ст. 58 УПК РФ), применение специалистом своих знаний во время следственных и иных процессуальных действий направлено на: 1) содействие в работе с доказательствами (обнаружение, фиксация и изъятие объектов/документов); 2) техническую помощь (использование специальных приборов и инструментов (технических средств) при исследовании материалов дела); 3) методологическое сопровождение (формулировку вопросов эксперту); 4) справочно-консультативную поддержку (предоставление сторонам и суду разъяснений по вопросам компетенции).

Современная легальная дефиниция понятия «специалист» прочно закрепилась в российском уголовном судопроизводстве и нашла широкое отражение в правовых позициях высших судебных инстанций, хотя в научных и дидактических целях она непрерывно конкретизируется и дифференцируется. Существующие параллельно доктринальные толкования процессуального статуса специалиста, представленные в научных и учебных трудах, как правило, направлены на изменение его содержания (путем уточнения, расширения или сужения структурных элементов) либо на совершенствование языковой формы самого определения[364].

Сравнительно-правовой анализ авторских концепций, несмотря на терминологическое многообразие, позволяет выделить два конститутивных признака специалиста в российском уголовном судопроизводстве. Во-первых, это обладание специальными познаниями, необходимыми для установления юридически значимых обстоятельств дела (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). Во-вторых, это процессуальная независимость и беспристрастность (ст. 61, 70, 71 УПК РФ).

Знаковым для уяснения роли специалиста стало постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2024 г. № 37-П, в котором на основе положений УПК РФ сформулировано определение специалиста как лица, обладающего специальными познаниями в различных областях науки, техники, искусства или ремесла, призванного содействовать правосудию в выяснении обстоятельств уголовного дела[365]. Это судебное толкование, подтверждает ключевые принципы авторских концепций, укрепляя правовые основы участия специалиста.

---

[361] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. М., 1966. № 36, ст. 1018 (утратил силу.)

[362] Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 1972. С. 60–61.

[363] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[364] Семёнов Е. А. Специалист в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2010. С. 12; Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: теоретические, процессуальные и организационные аспекты : монография / Е. А. Семёнов, В. Ф. Васюков, А. Г. Волеводз ; под ред. А. Г. Волеводза. М. : МГИМО-Университет, 2020. С. 74; Денисов А. Э. Специалист как участник уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 9; Бородкина Т. Н. Реализация процессуального статуса специалиста на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 7–8; Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2011. С. 23; Гришина Е. П. К вопросу о доктринальных и правовых положениях относительно заключения и показаний специалиста в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2019. № 4. С. 18–23; Ушаков А. Ю. Участие специалиста в расследовании экономических преступлений: уголовно-процессуальные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 8; Исаева О. А. Процессуальный статус специалиста в условиях состязательности уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 6; Бельский А. В. Заключение и показания специалиста как доказательства в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9; Мамошин М. А. Участие специалиста в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 12–13; Теппеев А. А., Канкулов А. Х. Особенности участия специалиста в уголовном судопроизводстве // Право и управление. 2022. № 11. С. 166; Мацун Е. А. Процессуальное положение специалиста в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 7; Савицкая И. Г. Формы участия специалиста в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2012. С. 8; Захохов З. Ю. Заключение и показания специалиста как вид доказательств в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2012. С. 10; Новиков А. А. Институт специалиста в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. С. 7; и др.

[365] По делу о проверке конституционности ст. 71 УПК РФ в связи с жалобой Е. В. Емельянова : постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2024 г. № 37-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Президиума ВС РФ от 23 октября 2024 г. № 21-П24 // Бюллетень ВС РФ. 2025. № 7. С. 17–19.

Отсутствие в уголовно-процессуальном законе подробного раскрытия сути и содержания «специальных знаний» приводит к сохранению плюрализма подходов к их определению в научных исследованиях.

С позиции Л. В. Лазаревой, специальные знания представляют собой фундаментальный комплекс теоретических положений и эмпирического опыта в различных сферах (включая правовую), накопленных в ходе профессиональной подготовки и используемых сторонами и судом для расследования и разрешения уголовных дел в соответствии с УПК РФ[366].

В концепции Е. П. Гришиной специальные знания представляют собой динамичный массив научно обоснованной, верифицированной, многообразной и непрерывно обновляемой информации, составляющей содержание и результат теоретической и практической деятельности в различных областях (за исключением юридических знаний), необходимых для оценки доказательств и принятия решений при производстве по уголовному делу[367].

По утверждению А. А. Новикова, профильные знания специалиста или эксперта резко контрастируют со знаниями остальных участников уголовного судопроизводства и недоступны для них. Эти знания превосходят стандартную профессиональную подготовку лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, а также обладают высокой степенью сложности в применении и требуют значительных временных затрат[368].

А. М. Зинин, А. И. Семикаленова и Е. В. Иванова рассматривают специальные знания как практико-ориентированный комплекс научно-технических средств и приёмов, призванный обеспечить грамотное обнаружение, фиксацию и исследование доказательств[369]. На наш взгляд, такая трактовка методологически ограничена, поскольку фокусируется исключительно на технико-криминалистическом аспекте, упуская из виду иные грани специальных знаний.

Эксплицировать структуру специальных знаний, выявить их генезис и функциональное назначение позволяет дефиниция Н. А. Огнерубова, характеризующая их как синтез теоретических знаний, практического опыта, умений и навыков (в различных сферах деятельности), формируемых в процессе профессионального становления и применяемых при расследовании и разрешении уголовных дел[370]. Схожей позиции придерживается И. Г. Савицкая[371].

В ч. 1 ст. 58 УПК РФ введен важнейший критерий деятельности специалиста – «профессиональная компетенция», служащий основанием для его привлечения к участию в уголовном процессе. Дополнительно, ч. 2.1 данной статьи представляет стороне защиты право привлекать специалиста для дачи разъяснений в пределах его «компетенции», тем самым возводит «профессиональную компетенцию» в ранг гарантии права на защиту и принципа состязательности. Наконец, ссылка на компетенцию специалиста содержится и в ст. 168 УПК РФ, обязывающей следователя удостовериться в ней перед началом следственного действия.

Активное использование термина «профессиональная компетенция» в УПК РФ контрастирует с отсутствием его легального определения. До сих пор неясно, нужны ли для подтверждения компетенции дипломы, сертификаты или иные документы, достаточно ли одного практического опыта или членства в профессиональных организациях, и главное, каковы границы компетенции каждого специалиста?

Осознание того, что ликвидация существующей терминологической и содержательной неопределённости понятия «профессиональная компетентность» позволит укрепить гарантии прав участников судопроизводства, стимулирует научные дискуссии о целесообразности внесения изменений в УПК РФ, направленных на детализацию критериев её оценки (например, с учётом образования, стажа и наличия дополнительной подготовки).

Обращая особое внимание на роль компетентности специалиста в формировании его правового статуса, Е. П. Гришина определяет её как совокупность специальных знаний, профессионализма, готовности и способности к выполнению конкретной деятельности[372].

---

[366] Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2011. С. 12.

[367] Гришина Е. П. Концептуальные и правовые проблемы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве России : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 15.

[368] Новиков А. А. Институт специалиста в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. С. 7.

[369] Участие специалиста в процессуальных действиях : учебник / А. М. Зинин, А. И. Семикаленова, Е. В. Иванова ; под общ. ред. А. М. Зинина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2024. С. 7.

[370] Специальные знания в уголовном судопроизводстве : учебник для вузов / Н. А. Огнерубов. М. : Юрайт, 2025. С. 21.

[371] Савицкая И. Г. Формы участия специалиста в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2012. С. 7.

[372] Гришина Е. П. К вопросу о доктринальных и правовых положениях относительно заключения и показаний специалиста в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2019. № 4. С. 15.

В специализированной литературе встречаются и более развёрнутые подходы к пониманию «компетентности». Согласно им, индикаторы профессиональной компетентности охватывают полный спектр необходимых знаний, умений и навыков; способность рационально их использовать; осознание потенциальных последствий собственных действий; богатый практический опыт; наличие достижений в работе; адаптивность применяемых методов; развитое критическое мышление; устойчивую профессиональную позицию; индивидуально психологические особенности и акмеологические параметры, отражающие высокий потенциал профессионального роста[373].

Новаторский подход к трактовке профессиональной компетентности представлен И. А. Пантелеевым, Д. В. Горожанкиной и Е. В. Выгузовой, существенно обогативший учение об этом понятии. По их мнению, она формируется благодаря обучению в образовательных учреждениях различного уровня и профиля, а также зависит от специфики профессиональной деятельности, места работы и занимаемой должности. Документация об образовании и принадлежности к профессиональной группе признается ими в качестве формального основания для участия специалиста в процессуальных действиях, в то время как подлинную компетентность обеспечивает его способность профессионально решать задачи, применяя свои знания и накопленный опыт[374].

Взгляд вышеуказанных авторов о необходимости документального подтверждения специальных знаний находит отражение в рекомендациях Пленума Верховного Суда РФ (п. 32 постановления от 28 июня 2011 г. № 11)[375], ориентирующих суды изучать документы, достоверно свидетельствующие о наличии специальных знаний у приглашенного специалиста. Отсутствие таких документов, их недостаточность или выявленная в ходе допроса некомпетентность служат основанием для отвода специалиста.

При всей широте диапазона существующих точек зрения на компетентность, её неизменным ядром остаются: способность воспринимать цель и смысл своей деятельности, овладение её основами, накопление опыта в её выполнении, а также готовность адаптировать этот опыт и развиваться в условиях изменяющейся среды[376]. Эти ключевые аспекты свидетельствуют о том, что компетентность представляет собой более объёмное понятие, чем специальные знания, поскольку она предполагает также владение умениями и навыками их практического применения.

Богатство доктринальных трактовок «профессиональной компетенций», раскрывающих многогранность и непростую природу данного юридического понятия, лишь подкрепляет необходимость его законодательного оформления или, в крайнем случае, отражения в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Законодательная лакуна, связанная с определением этого понятия, создаёт благоприятную среду для возникновения конфликтов и разногласий в повседневной практике. Не имея надежных ориентиров, участники уголовного судопроизводства вынуждены самостоятельно и нередко субъективно оценивать уровень профессиональной подготовки специалиста, исходя из внутреннего убеждения и интуитивных представлений. Такая ситуация открывается простор для злоупотреблений, увеличивая риски необоснованного отказа стороне защиты в привлечении нужных ей специалистов или, наоборот, допуска лиц с сомнительными профессиональными качествами. Особое беспокойство вызывает тот факт, что недостаточный профессионализм специалиста нередко становятся очевидным лишь в ходе или после завершения процессуального действия. Это серьезно подрывает доверие к институту привлечения специалистов и снижает его эффективность. Отсюда возникает дилемма: стоит ли перегружать УПК РФ терминами и понятиями, которые не разъясняются законодателем и порождают больше вопросов, нежели ответов.

---

[373] Григоров С. Ю., Амаду С., Федюнин Д. П. К вопросу о сущности профессиональной компетенции // Территория науки. 2017. № 1. С. 26.

[374] Пантелеев И. А., Горожанкина Д. В., Выгузова Е. В. Проблемы законодательного закрепления компетенции и компетентности специалиста в уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3 (219). С. 200–202.

[375] См. п. 32 постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[376] Сериков В. В., Леонтьев А. В., Закиева Р. Р. Подходы к измерению компетентности специалиста и оценка его сформированности // Казанский педагогический журнал. 2022. № 1. С. 29.

Хомяков Эдуард Геннадьевич,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Русских Жанна Александровна,
старший преподаватель кафедры информационной безопасности в управлении
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

Блокчейн-технологии как инструмент обеспечения неизменности цифровых доказательств в уголовном процессе

Современный уголовный процесс все чаще опирается на цифровые доказательства – переписки в мессенджерах, видеозаписи с камер наблюдения, системные журналы, данные мобильных устройств. Однако вместе с ростом их значимости обостряется и ключевая проблема: как доказать, что данные доказательства не подвергались изменениям после момента их первичной фиксации. Именно неизменность доказательств, как одно из условий их допустимости, определяет доверие к ним со стороны суда.

Для обеспечения неизменности доказательств применяются как процессуальные гарантии – протоколы следственных действий, участие понятых, опечатывание носителей, так и технические средства, включая вычисление хэш-кодов (контрольных сумм), применение усиленной квалифицированной электронной подписи в соответствии с Федеральным законом от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», а также фиксацию времени создания документа с использованием метки доверенного времени, порядок создания которой утвержден приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 06.11.2020 № 580 «Об утверждении порядка создания и проверки метки доверенного времени». Однако эти меры, хотя и эффективны, не всегда исключают возможность последующей подмены, особенно в случаях, когда у участника процесса или третьего лица существует мотив для фальсификации, уничтожения или скрытия доказательств и при этом имеется доступ к техническим средствам для реализации таких действий. В этом контексте все большее внимание исследователей и практиков привлекает технология блокчейн (англ. blockchain), изначально созданная для обеспечения прозрачности и невозможности скрытого изменения цифровых записей[377]. Технология блокчейн не заменяет процессуальные нормы, закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, а служит дополнительным техническим средством, усиливающим доверие к доказательственной базе.

Чтобы правильно оценить процессуальный потенциал блокчейн-технологии (ее возможности и ограничения), необходимо понять суть данной технологии без излишней технической детализации. В общих чертах блокчейн представляет собой электронный журнал событий, в котором каждая новая запись содержит криптографическую ссылку на предыдущую. Эта особенность делает невозможным изменение или удаление ранее внесенной информации без нарушения последовательности и целостности всей цепочки записей, что может быть выявлено при ее верификации любым участником системы. При этом сам журнал не хранится на одном сервере: его копии распределены между множеством узлов сети, что исключает наличие единой точки управления или подделки. В результате данные, занесенные в блокчейн, приобретают свойство неизменяемости и проверяемости – именно то, что необходимо при работе с доказательствами.

В блокчейне хранятся не сами объекты фиксации, такие как образы носителей, видеозаписи следственных действий, заключения судебных экспертов, а также данные, извлеченные из внешних информационных систем: экспорты переписки из мессенджеров, файлы из облачных хранилищ, биллинговые данные операторов связи, логи корпоративных баз данных и т. п., а лишь их криптографические отпечатки (хэш-коды)[378] и сопутствующие метаданные: дата и время совершения следственно-

[377] Термин «блокчейн» часто используется как синоним более широкого понятия – «технология распределенных реестров» (distributed ledger technology, DLT). Под этим подразумевается любая система, в которой данные хранятся одновременно на множестве узлов сети и обновляются по согласованным правилам (консенсусу), исключая централизованное управление. Блокчейн – один из наиболее распространенных типов таких реестров, характеризующийся линейной структурой цепочки блоков. См.: ISO/IEC 22739:2020 «Blockchain and distributed ledger technologies – Vocabulary».

[378] Хэш-коды вычисляются по алгоритмам, соответствующим требованиям международных стандартов, например, ISO/IEC 27037:2012 «Information technology – Security techniques – Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence», а также национальных и межгосударственных стандартов, например, ГОСТ Р 34.11-2012 (ГОСТ 34.11-2018) «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Функция хэширования»

го или процессуального действия, номер уголовного дела, должность и ФИО лица, его выполнившего (следователь, специалист, эксперт, лицо, ответственное за хранение вещественных доказательств), а также тип операции – изъятие, опечатывание, передача, вскрытие, формирование образа, исследование (судебная экспертиза) или возврат. Такой подход позволяет сохранять конфиденциальность материалов расследования и одновременно обеспечивать независимую проверку целостности данных.

Основными субъектами, осуществляющими действия с вещественными доказательствами и фиксирующими их в блокчейн-системе, являются следователь, специалист, эксперт и лицо, ответственное за хранение вещественных доказательств. Прокурор в данном процессе может выступать в качестве наблюдателя для контроля соблюдения процессуальных норм, а суд как конечный пользователь, имеющий право на независимую проверку целостности данных при рассмотрении дела.

Эти субъекты могут взаимодействовать в рамках так называемого разрешительного (закрытого) блокчейна[379], где только уполномоченные участники имеют право вносить и просматривать записи о действиях с вещественными доказательствами. Каждое действие, например, передача данных доказательств из следственного подразделения в экспертное, фиксируется как отдельная запись, подписанная усиленной квалифицированной электронной подписью его участников. Такая фиксация становится элементом неизменяемого журнала и соответствует криминалистическому принципу цепочки хранения (англ. chain of custody) – документированной последовательности всех операций с вещественным доказательством (в том числе представленным в цифровой форме), включая его изъятие, передачу и хранение.

Указанный подход обеспечивает прозрачность и четкое разграничение ответственности: любая попытка модификации цифрового доказательства может быть обнаружена благодаря фиксации его хэш-кода и метаданных в распределенном реестре и однозначно связана с конкретным лицом, выполнившим соответствующее действие. При этом сами объекты фиксации – образы носителей, архивы переписки, видеозаписи, журналы систем и заключения экспертов – хранятся в ведомственных архивах или специализированных хранилищах, а блокчейн лишь подтверждает, что именно данный объект был зафиксирован в указанный момент времени.

Российское законодательство в настоящее время не регулирует напрямую использование блокчейна при фиксации доказательств. УПК РФ, а также отдельные подзаконные акты[380] регламентируют традиционные способы учета и хранения вещественных доказательств, не предусматривая распределенные реестры как обязательный элемент.

Однако в России уже существует правовая база для инструментов, функционально схожих с блокчейном: Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» и приказ Минцифры № 580-2020 создают условия для надежной фиксации времени и подлинности электронных документов. Блокчейн-технологии могут рассматриваться как дополнительный механизм, усиливающий эти средства фиксации и соответствующий требованиям ст. 88 УПК РФ, согласно которой суд вправе оценивать любые сведения, полученные законным способом и отвечающие требованиям относимости, допустимости, достоверности. Блокчейн в данном случае выполняет вспомогательную функцию как средство подтверждения неизменности и момента фиксации данных. Для повышения правовой определенности целесообразно внести уточнения в ст. 81 «Вещественные доказательства», ст. 82 «Хранение вещественных доказательств» и ст. 164 «Общие правила производства следственных

и ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014 «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Руководства по идентификации, сбору, получению и хранению свидетельств, представленных в цифровой форме».

[379] Такой тип блокчейна часто называют консорциумным – его развертывают несколько доверенных организаций (например, МВД, СК, прокуратура). Данный блокчейн функционирует на основе предварительной авторизации участников, которые могут либо создавать, либо проверять записи в распределенном реестре. При этом доступ к блокчейну означает доступ к системе учета (реестру), а не к вещественным доказательствам.

[380] Об утверждении Правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 28.09.2023 № 1589; Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в Следственном комитете Российской Федерации : приказ Следственного комитета России от 30.09.2011 № 142; О некоторых вопросах обеспечения сохранности в органах внутренних дел Российской Федерации изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов, включая электронные носители информации, и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, вещественных доказательств по уголовным делам и арестованного имущества : приказ МВД России от 23.12.2024 № 901.

действий» УПК РФ, закрепив возможность фиксации контрольных сумм и событий цепочки хранения в электронных журналах, обеспечивающих неизменность записей. Такие изменения не создадут новую процедуру, а лишь легитимизируют использование блокчейн-технологий как вспомогательного средства для подтверждения неизменности доказательств, не противоречащего существующему процессуальному порядку.

Практическое применение блокчейна уже реализуется как за рубежом, так и в отдельных российских пилотных проектах.

В Эстонии с 2008 года развивается технология Keyless Signature Infrastructure (KSI), разработанная компанией Guardtime для обеспечения целостности данных государственных реестров[381]. Начиная с 2012 года, KSI стала применяться в системах здравоохранения, налогообложения и правопорядка. К 2016 году ее использование стало повсеместным, что позволило говорить о создании единой инфраструктуры защиты данных.

Хотя KSI формально не является блокчейном в классическом понимании, ее архитектура реализует ключевые принципы, лежащие в основе блокчейн-технологий: неизменяемость, прозрачность и возможность независимой верификации. Поэтому в международной практике KSI часто рассматривается как пример успешной реализации «распределенного реестра» в государственном управлении.

В Китае с 2018 года электронные данные, хранящиеся с помощью технологии блокчейн, признаются имеющими юридическую силу, после того, как интернет-суд города Ханчжоу в споре об авторских правах принял их в качестве доказательства[382]. «Этот случай стал первым делом о депонировании доказательств блокчейна в стране, а само хранение доказательств в блокчейне стало важным средством формирования доказательственной базы»[383].

«В конце ноября 2019 года стало известно, что Шаосинский суд впервые вынес приговор, используя доказательства, которые хранятся в блокчейн-системе. Народный суд района Шанюй успешно использовал технологию распределенного реестра, чтобы удостовериться в подлинности доказательств и ответить на иск»[384]. Отмечается, что «цифровые доказательства, хранящиеся на жестком диске, могут быть утрачены в любой момент, поскольку сам диск может быть поврежден или утерян, в то время как сохранение данных в децентрализованной системе позволяет не только сохранить их, но и быстро проверить достоверность»[385].

По состоянию на январь 2022 года в Китае «существует девять платформ электронных доказательств на блокчейне, возглавляемых народными судами, которые действуют по всему Китаю»[386]. Согласно заявлению Верховного народного суда Китая «Суды, которые рассматривают дела, связанные с Интернетом, должны признавать цифровые данные, представленные в качестве доказательств, при условии, что соответствующие стороны собирают и хранят эти данные в блокчейне с цифровыми подписями, надежными временными отметками, а также верификацией значения хэш-функции или через платформу цифрового размещения и могут подтвердить легитимность используемой технологии»[387].

Международные научные исследования подтверждают перспективность такого подхода.

В работе С. Бономи и ее соавторов предложена система B-CoC (Blockchain-based Chain of Custody), реализующая неизменяемый журнал действий с цифровыми доказательствами на основе Ethereum[388]. Авторы продемонстрировали ее работоспособность с точки зрения целостности и аудируемости.

---

[381] The use of the National Blockchain Infrastructure to support the E-Residency Initiative in Estonia [Электронный ресурс]. URL: https://interope-rable-europe.ec.europa.eu/collection/public-sector-tech-watch/use-national-blockchain-infrastructure-support-e-residency-initiative-estonia (дата обращения: 19.11.2025); KSI blockchain [Электронный ресурс]. URL: https://e-estonia.com/solutions/cyber-security/ksi-blockchain/ (дата обращения: 19.11.2025); Эстония – удивительное цифровое государство на блокчейне [Электронный ресурс]. URL: https://decenter.org/estoniya-gosudarstvo-na-blokcheine/ (дата обращения: 19.11.2025).

[382] Blockchain based evidence approved in China [Электронный ресурс]. URL: https://legal-patent.com/international-intellectual-property/block-chain-based-evidence-approved-china/ (дата обращения: 19.11.2025); Китайские суды придумали, как обратить технологию блокчейн на пользу людям [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/2534276 (дата обращения: 19.11.2025).

[383] Русакова Е. П. К вопросу использования блокчейн-депозитария в формировании доказательственной базы в интернет-судах Китая [Электронный ресурс] // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 6. С. 121. URL: https://www.elibrary.ru/down-load/elibrary_49895096_48786904.pdf (дата обращения: 19.11.2025).

[384] Блокчейн в судах [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Блокчейн_в_судах (дата обращения: 19.11.2025).

[385] Там же.

[386] Русакова Е. П. Указ. соч. С. 122.

[387] Верховный суд Китая признал юридическую силу доказательств на базе блокчейна [Электронный ресурс]. URL: https://bits.media/verkho-vnyy-sud-kitaya-priznal-yuridicheskuyu-silu-dokazatelstv-na-baze-blokcheyna/ (дата обращения: 19.11.2025).

[388] Bonomi S., Casini M., Ciccotelli C. B-CoC: A Blockchain-based Chain of Custody for Evidences Management in Digital Forensics [Электронный ресурс] // arXiv. 2018. P. 1-18. URL: https://arxiv.org/abs/1807.10359 (дата обращения: 19.11.2025).

А. Х. Лон и Р. Н. Мир предложили и описали прототип Forensic-chain на платформе Hyperledger Composer – консорциумного блокчейна, предназначенного для государственных и судебных структур[389]. Такая архитектура представляет собой пример гибридного подхода, сочетающего ведомственный контроль и публичную проверяемость – модель, которая может быть адаптирована для российского уголовного процесса.

Чжихун Тянь и его соавторы представили систему Block-DEF, сочетающую локальное хранение доказательств с публикацией хэшей в блокчейне, что позволяет эффективно защищать данные от подделки даже в условиях ограниченных ресурсов[390].

В России также реализуются подобные проекты. В 2023 году Роскомнадзор совместно с компанией «КриптоПро» запустил пилотную систему фиксации нарушений в области персональных данных с использованием технологии распределенного реестра[391]. Кроме того, отдельные национальные блокчейн-платформы, например, «Мастерчейн»[392], IPChain[393] и «Конфидент»[394], уже соответствуют требованиям российского законодательства в области криптографической защиты информации и используются в государственных ИТ-системах[395]. Эти инициативы создают предпосылки для адаптации подобных решений в криминалистической практике.

Использование отечественных блокчейн-платформ полностью соответствует политике технологического суверенитета, закрепленной в Указе Президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и Указе Президента РФ от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации».

Хотя системного внедрения блокчейн-технологий в уголовный процесс пока не произошло, российские пилотные проекты и существующая инфраструктура уже показывают практическую применимость подхода и готовность государственных структур к его адаптации.

Наиболее перспективной для России представляется гибридная модель организации учета доказательств с применением блокчейн-технологий: закрытый ведомственный реестр для внутреннего учета действий с доказательствами и периодическое «якорение»[396] контрольных сумм в национальных блокчейн-инфраструктурах, совместимых с ГОСТ Р 34.11-2012 (ГОСТ 34.11-2018) и находящихся под юрисдикцией Российской Федерации.

Финансирование операций по публичному якорению должно осуществляться централизованно через ведомственный ИТ-сервис, финансируемый из бюджета. Использование отечественных платформ, функционирующих в рамках национального правового поля, исключает необходимость работы с криптовалютами и иностранными валютами, обеспечивая полную технологическую и юридическую независимость, а также соответствие политике импортозамещения.

С точки зрения процессуального права, такая гибридная архитектура обеспечивает независимую и воспроизводимую проверку: суд и стороны не обязаны доверять показаниям отдельного органа (нотариуса, хранилища данных или ведомства), поскольку подлинность и время фиксации подтверждаются технически через открытые или сертифицированные протоколы.

---

[389] Lone A. H., Mir R. N. Forensic-chain: blockchain based digital forensics chain of custody with PoC in Hyperledger Composer [Электронный ресурс] // Digital Investigation. 2019. Vol. 28. P. 44–55. URL: https://doi.org/10.1016/j.diin.2019.01.002 (дата обращения: 19.11.2025).

[390] Tian Z., Li M., Qiu M. et al. Block-DEF: A secure digital evidence framework using blockchain [Электронный ресурс] // Information Sciences. 2019. Vol. 491. P. 151–165. URL: https://doi.org/10.1016/j.ins.2019.04.011 (дата обращения: 19.11.2025).

[391] Роскомнадзор и КриптоПро запустили пилотный проект по фиксации нарушений в сфере персональных данных с использованием платформы КриптоПро DSS [Электронный ресурс]. URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news79514.htm (дата обращения: 19.11.2025).

[392] Блокчейн-Платформа Мастерчейн [Электронный ресурс]. URL: https://www.masterchain.ru/products/masterchain/ (дата обращения: 19.11.2025).

[393] Общественно-государственная блокчейн-инфраструктура управления интеллектуальными правами Сеть РЦИС.РФ [Электронный ресурс]. URL: https://сеть.рцис.рф/ (дата обращения: 19.11.2025).

[394] Блокчейн-платформа Конфидент [Электронный ресурс]. URL: https://web3tech.ru/co№fide№t (дата обращения: 19.11.2025).

[395] Фролов А. 10 крупнейших блокчейн проектов России: рейтинг 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://futureby.info/10-krupnejshih-blokchejn-proektov-rossii-rejting-2025-goda/?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.1f6a5171VeqIeC (дата обращения: 19.11.2025).

[396] «Якорение» (англ. «anchoring») – процесс помещения криптографического хэша (или корня дерева хэшей) в публичный блокчейн с целью создания неизменяемой, проверяемой и временной привязки к моменту фиксации цифрового объекта. Такая операция позволяет в любой момент убедиться в том, что данные существовали в неизменном виде на определенную дату и время, поскольку любое изменение исходного объекта приведет к несовпадению хэш-значений.

Это соответствует принципам состязательности и объективности уголовного судопроизводства, поскольку суд, обвинение и защита обладают равной возможностью убедиться в неизменности представленного доказательства. Такой механизм не нарушает тайну следствия, но позволяет всем сторонам процесса убедиться в целостности представленных материалов.

Потенциальными операторами таких ведомственных реестров могут выступать МВД России и Следственный комитет РФ как ведомства, непосредственно осуществляющие предварительное расследование, а также Минюст России в части координации судебно-экспертной деятельности. Техническую поддержку могут обеспечивать специализированные организации с опытом внедрения распределенных реестров, включая отечественных ИТ-разработчиков.

Понимание потенциала технологии невозможно без иллюстрации конкретными примерами из практики.

Пример 1. Защита видеозаписи с нагрудного видеорегистратора сотрудника полиции. Гражданин оспаривает законность действий сотрудника полиции, утверждая, что видеозапись была отредактирована. В системе, сочетающей внутренний журнал и блокчейн-фиксацию, каждый файл после загрузки автоматически получает хэш-отпечаток (в соответствии с требованиями международных, межгосударственных и национальных стандартов хэширования, например, SHA-256[397], ГОСТ 34.11-2018). Этот отпечаток вместе с метаданными (номер дела, ФИО сотрудника, временная метка) фиксируется в ведомственном реестре. При необходимости эксперт пересчитывает хэш представленного файла. Если он совпадает с записью в реестре – факт подделки исключается. Более того, в гибридной модели хэш может быть дополнительно якорен в публичной сети, например, в блокчейне «Мастерчейн»; в протоколе следственного действия (или в заключении эксперта) указывается, например, «контрольная сумма 7f8a… зафиксирована в блокчейне «Мастерчейн», транзакция № 0x…, блок № 20 000 000». Любой участник процесса, включая суд, может независимо убедиться в этом через открытый блок-эксплорер (публичный веб-сервис, предназначенный для просмотра записей в блокчейне), проверив как сам факт публикации, так и дату записи.

Пример 2. Переписка из мессенджера. При осмотре телефона следователь или привлеченный специалист изымает данные мессенджера и создает из них архив. На этом этапе вычисляется хэш архива, который фиксируется в распределенном реестре. Спустя месяцы, уже в суде, защита заявляет о возможной модификации переписки. Однако совпадение хэша и наличие временной метки, зафиксированной в блокчейне на момент изъятия, подтверждают, что содержимое не подвергалось изменениям.

Пример 3. Заключение судебного эксперта. После завершения исследования эксперт формирует электронную версию заключения, вычисляет ее хэш и до передачи в следственные органы заносит этот отпечаток в блокчейн-журнал. Если позже заинтересованная сторона заявит, что выводы были изменены задним числом, достаточно сверить хэш текущего документа с записью в реестре. Расхождение будет означать вмешательство, а совпадение подтвердит неизменность цифрового доказательства.

Блокчейн-фиксация не образует самостоятельного доказательства в смысле ст. 74 УПК РФ. Она выступает вспомогательным техническим средством, направленным на подтверждение подлинности и неизменности уже полученных сведений. Согласно ст. 88 УПК РФ, суд оценивает доказательства по их относимости, допустимости, достоверности. Использование блокчейна способствует соблюдению этих критериев: оно обеспечивает объективную, технически обоснованную и воспроизводимую проверку целостности цифрового доказательства, что усиливает доверие к доказательственной базе, но не заменяет процессуальные гарантии ее законного получения.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение блокчейна сталкивается с рядом барьеров.

Во-первых, отсутствие нормативного закрепления создает неопределенность для практиков и снижает готовность судов признавать блокчейн-данные как надежный источник проверки.

Во-вторых, организационные трудности: для развертывания блокчейн-инфраструктуры требуются ресурсы – квалифицированные ИТ-специалисты, безопасные (защищенные) серверы, а также затраты на обучение персонала. Не все региональные подразделения МВД или СК располагают такими возможностями. Как показывает анализ судебной практики, недостаточная техническая подготовка следователей и экспертов приводит к грубым процессуальным ошибкам, включая пренебрежение хэшированием, что сводит на нет любые технологические гарантии.

В-третьих, вопрос конфиденциальности: даже если в блокчейн заносятся только хэши, некорректная реализация механизма фиксации может привести к раскрытию метаданных, что нарушит тайну следствия.

[397] SHA-256 (Secure Hash Algorithm 256-bit) – криптографический алгоритм хэширования, разработанный Агентством национальной безопасности США (NSA). В Российской Федерации SHA-256 не является сертифицированным алгоритмом для защиты информации, составляющей государственную тайну или персональные данные специальной категории.

Тем не менее эти проблемы являются преодолимыми. В краткосрочной перспективе возможно внедрение блокчейн-журналов на уровне методических указаний (например, через ведомственные акты МВД или СК) без изменения федерального законодательства. В перспективе – внесение соответствующих норм в УПК РФ и разработка единых стандартов фиксации доказательств с использованием распределенных реестров, с последующим включением соответствующих решений, например, в систему обеспечения качества судебно-экспертной деятельности в соответствии с требованиями ГОСТ ISO/IEC 17025-2019[398].

Важно подчеркнуть, что блокчейн не решает всех проблем и не отменяет необходимости соблюдения базовых криминалистических и процессуальных принципов. Он не заменяет надлежащую фиксацию, протоколирование и видеозапись следственных действий. Более того, он эффективен только тогда, когда изначальное хэширование выполнено корректно – с использованием аппаратных устройств (например, типа write blocker[399]), при соблюдении требований УПК РФ к фиксации (включая видеозапись или участие понятых) и с четким описанием параметров технических средств и программного обеспечения. Если на этом этапе будет допущена ошибка или умышленная подмена, никакая неизменяемость последующих записей не сможет компенсировать искажение первоначальных данных.

Подтверждением критичности этого этапа служит исследование С. З. Шихалиевой[400], указывающее на то, что отсутствие хэш-суммы цифрового объекта в постановлении о назначении экспертизы или в экспертном заключении квалифицируется как процессуальная ошибка, способная повлечь признание доказательства недопустимым. Анкетирование следователей показало, что более трети из них не понимают суть хэширования, а подавляющее большинство не фиксирует контрольные суммы при изъятии, что ставит под сомнение достоверность всей доказательственной цепи. В этих условиях даже наличие блокчейн-журнала не позволяет провести верификацию объекта, если хэш не был корректно вычислен и задокументирован.

Таким образом, блокчейн-технологии обладают значительным потенциалом для повышения уровня доверия к цифровым доказательствам в уголовном процессе. Их особая ценность заключается в способности технически гарантировать неизменность данных с момента фиксации, что соответствует процессуальным требованиям, предъявляемым к допустимости и достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для России наиболее целесообразной представляется гибридная модель: закрытый ведомственный (разрешительный) блокчейн-реестр внутри правоохранительной системы, дополненный возможностью публичного подтверждения (якорения) контрольных сумм в публичных блокчейнах в целях независимой проверки. Однако не стоит переоценивать значение современных технологий. Блокчейн не заменяет надлежащую фиксацию и соблюдение процессуальных норм. Он лишь усиливает их, обеспечивая объективную и воспроизводимую проверку целостности доказательств. При грамотной интеграции он может стать не «технологической модой», а реальным инструментом повышения прозрачности и доверия к обращению с доказательствами в цифровую эпоху.

[398] ГОСТ ISO/IEC 17025-2019 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий».

[399] Блокировщики (копировщики) данных (англ. write blocker) – устройства, предотвращающие изменение данных при копировании с оригинального носителя.

[400] Шихалиева С. З. Отсутствие хэш-суммы как процессуальная ошибка, возникающая в судебной экспертизе при исследовании объектов в цифровой форме [Электронный ресурс] // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1 (79). С. 256–263. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsutstvie-hesh-summy-kak-protsessualnaya-oshibka-voznikayuschaya-v-sudebnoy-ekspertize-pri-issledovanii-obektov-v-tsifrovoy-forme (дата обращения: 19.11.2025).

Хомяков Эдуард Геннадьевич,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

Современная система криминалистической техники: обзор и перспективы формирования новой отрасли – «криминалистическое исследование и использование беспилотных аппаратов»

В отечественной криминалистике криминалистическая техника традиционно трактуется как совокупность научно обоснованных и технически реализуемых средств, методов и приемов, направленных на обнаружение, фиксацию, изъятие, исследование и последующее использование вещественных доказательств. При этом структура данной подсистемы криминалистики не обладает устоявшейся унифицированной моделью: в научной и учебной литературе представлено множество подходов к выделению ее составных частей (отраслей). Для выявления тенденций и разночтений в этом вопросе ниже представлен краткий аналитический обзор содержания криминалистической техники по отдельным авторитетным учебным изданиям последних лет.

Так, в учебнике «Криминалистика» (2026 г.) под редакцией Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, Ю. Г. Корухова и Е. Р. Россинской в системе криминалистической техники обозначены следующие элементы: «общие положения; криминалистическая фотография, видеозапись; криминалистическая габитоскопия (криминалистическое исследование внешних признаков человека); трасология (криминалистическое исследование следов); криминалистическое исследование оружия, боеприпасов, взрывных устройств и следов их применения; криминалистическое исследование документов, в которое входят: судебное почерковедение, судебное автороведение, технико-криминалистическое исследование документов; криминалистическая фоноскопия (исследование звуковых следов, в том числе установление человека по голосу); криминалистическое исследование веществ и материалов; криминалистическая ольфактроника (исследование пахучих следов); криминалистическая регистрация»[401].

В учебнике «Криминалистика» (2025 г.) под общей редакцией В. В. Агафонова и А. Г. Филиппова в системе криминалистической техники выделены «общие положения и пять подразделов, называемых отраслями»[402], к которым «относятся: криминалистическая фотография, киносъемка и видеозапись; криминалистическое исследование следов (криминалистическая трасология); криминалистическое исследование оружия и следов его применения (криминалистическое оружиеведение); криминалистическое исследование документов (криминалистическая документология); криминалистическая фоноскопия и вокалография»[403]. Также говорится, что «в настоящее время в криминалистической технике <…> формируются новые направления: криминалистическая одорология, криминалистическая фоноскопия и вокалография и некоторые другие»[404]. При этом авторы отмечают, что «в большинстве учебников, построенных по традиционной четырехчастной системе, к отраслям криминалистической техники относится также криминалистическая регистрация. Однако с криминалистической техникой эта деятельность по существу не связана»[405].

В учебнике «Криминалистика» (2024 г.) под редакцией Н. П. Яблокова и И. В. Александрова в системе (структуре) криминалистической техники представлены: «общие положения криминалистической техники, а также ее отдельные части (отрасли): криминалистическая фотография, видео- и звукозапись; криминалистическое исследование следов (трасология); криминалистическое исследование оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ и следов их применения; криминалистическое исследование документов, компьютерной информации и компьютерной техники; криминалистическое исследование признаков внешности человека (габитоскопия); информационно-справочное обеспечение криминалистической деятельности (криминалистическая регистрация)»[406].

---

[401] Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2026. С. 142–143 [Электронный ресурс]. URL: https://znanium.ru/catalog/product/2133861 (дата обращения: 31.10.2025).

[402] Криминалистика. Полный курс : учебник для вузов / под общ. ред. В. В. Агафонова, А. Г. Филиппова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 57 [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/568843 (дата обращения: 31.10.2025).

[403] Там же. С. 58.

[404] Там же.

[405] Там же.

[406] Криминалистика : учебник / под ред. Н. П. Яблокова, И. В. Александрова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2024. С. 153 [Электронный ресурс]. URL: https://znanium.ru/catalog/product/2110065 (дата обращения: 31.10.2025).

В учебнике «Криминалистика» Н. Н. Егорова и Е. П. Ищенко (2025 г.) говорится о разделении криминалистической техники на общие положения криминалистической техники и отдельные ее части (отрасли). Авторами отмечается, что «содержание отраслей криминалистической техники является достаточно спорным, не имеющим однозначной трактовки как в научной литературе, так и на уровне тематических планов. При этом к традиционным отраслям криминалистической техники по мнению авторов можно отнести: криминалистическую фотографию и видеозапись; криминалистическое исследование признаков внешности человека (габитоскопия); криминалистическое исследование следов (трасология); криминалистическое исследование оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ и следов их применения (оружиеведение); криминалистическое исследование документов (документоведение); информационно-справочное обеспечение криминалистической деятельности (криминалистическая регистрация)»[407]. Дополнительно отмечается, что «в соответствии с потребностями современной правоприменительной практики программы курса криминалистики некоторых вузов России включают сравнительно новые отрасли: криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий (МГЮА); криминалистическая фоноскопия (МГЮА); криминалистическое исследование компьютерной информации (МГУ имени М. В. Ломоносова); генетическая идентификация личности (МГУ имени М. В. Ломоносова); основы использования «искусственного» интеллекта в рас-следовании преступлений (МГУ имени М. В. Ломоносова)»[408].

Ранее в учебнике «Криминалистика» Е. П. Ищенко и А. А. Топоркова (2007 г.) система криминалистической техники была представлена следующими основными отраслями: «общетеоретические положения криминалистической техники; компьютеры как средства криминалистической техники; криминалистическая фотография, видеозапись и голография; криминалистическая габитоскопия; отождествление человека по генетическим признакам; трасология; материалы, вещества, изделия как носители криминалистически значимой информации; криминалистическая одорология; криминалистическое оружиеведение; криминалистическое взрывоведение; криминалистическая документология; криминалистическое исследование письма и письменной речи; криминалистическая фонология; криминалистическая регистрация»[409].

Достаточно интересными представляются рассуждения авторов учебника «Криминалистика» под общей редакцией А. И. Бастрыкина (2025 г., 25 авторов), которые также выделяют в структуре криминалистической техники общие положения и ее отдельные отрасли; при этом указывают, что «относительно перечня отраслей криминалистической техники среди ученых отсутствует единое мнение»[410]. По их мнению, «в большинстве научно-методических изданий к числу названных отраслей причисляется криминалистическая фотография, аудио и видеозапись, судебная трасология, криминалистическое исследование письма, технико-криминалистическое исследование документов, судебная баллистика (оружиеведение), криминалистическая взрывотехника, криминалистические исследования материалов и веществ, криминалистическое исследование признаков внешности человека, уголовная регистрация. К названным отраслям все чаще добавляются судебные фоноскопия и одорология»[411].

При этом анализируя две последние отрасли, авторы указанного учебника заявляют, что «после разработки инструментальных методов исследования ольфакторных следов, судебная одорология скорее всего выделится в самостоятельную отрасль научного знания, приоритетную роль в которой займут положения и методы биологии, физики и химии»[412].

Соответствующие аргументы также приводятся и «против включения в криминалистическую технику судебной фоноскопии, в которой творчески обобщены положения акустики, радиотехники, электроники, лингвистики и других научных дисциплин»[413]. При этом делается заявление, что «судебная фоноскопия не может рассматриваться в качестве элемента науки криминалистики»[414].

---

[407] Криминалистика : учебник и практикум для вузов / Н. Н. Егоров, Е. П. Ищенко. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 90 [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/567932 (дата обращения: 31.10.2025).

[408] Там же.

[409] Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Е. П. Ищенко. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2006. С. 50–51.

[410] Криминалистика : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М. : Юрайт, 2025. С. 79 [Электронный ресурс]. URL: https://u-rait.ru/bcode/559218 (дата обращения: 31.10.2025).

[411] Там же.

[412] Там же. С. 79–80.

[413] Там же. С. 80.

[414] Там же.

Также авторы данного учебника выражают сожаление, что «в последние годы все чаще наблюдаются попытки включения в криминалистическую технику новых разделов по мотивам использования современных достижений науки, созданных на их основе технических устройств и технологий в практике расследования. В частности, предлагается создать такие отрасли, как криминалистическое компьютероведение, криминалистическая томография, криминалистическая биоскопия и т. п. Представляется, что названные системы знаний в подавляющем большинстве не имеют никакого отношения к криминалистике»[415].

В этой связи интересным представляются рассуждения Е. Р. Россинской о том, что «криминалистическая техника не беспредельна»[416], поэтому включение в нее новых разделов возможно, только если необходимость их включения обоснована и реально существует, а «добавление слова «криминалистическая» к какому-то разделу науки, как нередко случается, еще не означает, что такое направление уже имеется»[417]. По ее мнению, а также мнению авторов совместных с нею работ, «направление криминалистической техники можно считать сформировавшимся только в том случае, если оно отвечает следующим критериям:

– специфика объектов исследования – вещественных доказательств и в то же время их распространенность, частая встречаемость в уголовном и гражданском судопроизводстве;

– решение специфических криминалистических задач, которые не ставятся при исследовании подобных объектов в других сферах человеческой деятельности;

– методологическая и методическая разработанность данного направления»[418].

При этом Е. Р. Россинской и ее соавторами на основании ранее разработанной частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности предлагается учение о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем, которое служит базой для нового раздела криминалистической техники – «Криминалистического исследования компьютерных средств и систем».

Еще одна частная криминалистическая теория – цифровая криминалистика[419] – была оформлена сравнительно недавно с закреплением ее системы в учебнике «Цифровая криминалистика» (первое издание – 2021 года, последнее издание – 2025 года)[420]. Система представлена общей и особенной частями; в последней выделены три раздела (отрасли): криминалистическое учение о цифровой (компьютерной) информации; криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей; криминалистическое использование цифровой (компьютерной) информации, средств ее обработки и защиты. Цифровая криминалистика как частная криминалистическая теория пока не обладает устойчивой концептуальной основой – в ней отсутствуют единые терминологические стандарты, четкие границы предмета и согласованные методологические подходы, что затрудняет ее интеграцию в систему классической криминалистики и снижает эффективность практического применения. Бурное развитие информационных и цифровых технологий опережает нормативно-теоретическое оформление цифровой криминалистики, превращая ее в поле постоянной методологической и правовой неопределенности, поскольку правовые нормы и криминалистические методики не успевают адаптироваться к новым форматам хранения, передачи и сокрытия цифровых следов.

Некоторые авторы при этом считают, что «резкий, «скачкообразный» переход от аналоговой криминалистики к цифровой может на практике привести к коллапсу всей системы криминалистики»[421].

---

[415] Криминалистика : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М. : Юрайт, 2025. С. 80.

[416] Россинская Е. Р., Шамаев Г. П. Новый раздел криминалистики: криминалистическое исследование компьютерных средств и систем [Электронный ресурс] // Baikal Research Journal. 2015. № 1. С. 19. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-razdel-kriminalistiki-kriminalisticheskoe-issledovanie-kompyuternyh-sredstv-i-sistem (дата обращения: 31.10.2025); Россинская Е. Р., Семикаленова А. И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2020. № 3. С. 749. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-ucheniya-o-kriminalisticheskom-issledovanii-kompyuternyh-sredstv-i-sistem-kak-chast-teorii-informatsionno-kompyuternogo (дата обращения: 31.10.2025).

[417] Там же.

[418] Там же.

[419] Цифровая криминалистика : учебник для вузов / под ред.: В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 25 [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/568013 (дата обращения: 31.10.2025).

[420] Цифровая криминалистика : учебник для вузов / под ред.: В. Б. Вехова, С. В. Зуева. М. : Юрайт, 2021. 417 с. [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/477984 (дата обращения: 31.10.2025); Цифровая криминалистика : учебник для вузов / под ред.: В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 490 с. [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/568013 (дата обращения: 31.10.2025).

[421] Быстряков Е. Н., Усанов И. В. Цифровая криминалистика: «точки роста» (субъективный взгляд) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2 (139). С. 175.

Следует отметить, что ранее уже предпринимались попытки включения в систему криминалистической техники такого раздела (отрасли) как «Криминалистическое исследование электронных носителей информации»[422]. В структуре данной отрасли была выделена общая часть, а также особенная часть, разделенная по предметному признаку и состоящая из следующих составляющих: криминалистические исследования электронных документов и электронных носителей данных; криминалистические исследование информационно-телекоммуникационных систем; криминалистические исследования мобильных платформ сотовой связи; криминалистические исследования контрафактной продукции на оптических носителях информации. При этом в авторских учебниках «Криминалистическая техника» и отдельных статьях соответствующая отрасль криминалистической техники обозначена как «судебное исследование электронных носителей информации»[423].

В качестве примера еще одной попытки включения в структуру криминалистической техники новых отраслей можно назвать предложения ряда ученых по разработке «криминалистической робототехники». Безусловно данная идея возникла в результате цифровизации криминалистики.

Так, Е. Н. Быстряков и И. В. Усанов в статье 2016 года, рассматривая перспективные пути развития криминалистики назвали носителями искусственного интеллекта роботов, дали их классификацию по роли в процессе борьбы с преступностью и предложили новую отрасль криминалистической техники – «криминалистическая робототехника», обозначив ее разделы[424]. Позже А. Б. Смушкин назвал идею внедрения криминалистической робототехники как новой отрасли криминалистической техники достаточно актуальной[425]. Однако в настоящее время им предлагается создание теории криминалистической робототехники, а также рассматривается структура новой отрасли и говорится о первоочередных задачах, стоящих в этом направлении.

Таким образом, несмотря на развитие теории и практики криминалистики, система криминалистической техники, представленная в академической литературе, в течение многих лет остается относительно консервативной. Она медленно адаптируется к новым реалиям, связанным с бурным развитием цифровых технологий и появлением принципиально новых объектов, требующих специализированного криминалистического подхода. Это проявляется в недостаточном отражении ряда важных направлений в традиционной структуре криминалистической техники.

Так, несмотря на очевидную значимость цифровых доказательств, в большинстве учебников криминалистическая техника не включает самостоятельный раздел, посвященный цифровой криминалистике как комплексной области исследования цифровых следов. Цифровая криминалистика при этом выступает как частная криминалистическая теория[426] или отдельная дисциплина, дополняющая традиционную криминалистику.

Важно отметить, что ни в одном из рассмотренных учебников (учебных пособий) по классической криминалистике в разделе «Криминалистическая техника» не выделяется отрасль, посвященная криминалистическому обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию биологических следов, таких как кровь, слюна, сперма, пот и другие биологические выделения. Несмотря на их высокую доказательственную ценность и массовую встречаемость в уголовных делах, они традиционно изучаются в рамках судебной медицины, а не криминалистики. В лучшем случае данные следы упоминаются в криминалистической тактике, например, при описании методики следственного осмотра трупа или места происшествия, где подчеркивается необходимость своевременного обнаружения и передачи таких объектов судебно-медицинским экспертам. Вопросы, связанные с последующим ДНК-анализом этих следов, изучаются молекулярной генетикой. Целостный раздел «Криминалисти-

---

[422] Демин К. Е. К вопросу о выделении криминалистического исследования электронных носителей информации как новой отрасли криминалистической техники // Библиотека криминалиста. Научный журнал. № 5 (10). М. : Юрлитинформ, 2013. С. 174–180; Демин К. Е. О выделении криминалистического исследования электронных носителей информации в новую отрасль криминалистической техники // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 17 октября 2019 года / под общ. ред. А. М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 214–216.

[423] Криминалистическая техника : учебник / под ред. К. Е. Демина. М. : Юридический институт МИИТ, 2017. С. 339–365; Криминалистическая техника : учебник для вузов / К. Е. Демин [и др.] ; отв. ред. К. Е. Демин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 313–336; Демин К. Е. О понятии, системе и задачах судебного исследования электронных носителей информации // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 171–174.

[424] Быстряков Е. Н., Усанов И. В. Криминалистическая робототехника как новая отрасль криминалистической техники // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 1 (7). С. 17–21.

[425] Смушкин А. Б. Криминалистическая робототехника: основы концепции [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 11 (156). С. 149. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-robototehnika-osnovy-kontseptsii (дата обращения: 31.10.2025).

[426] Цифровая криминалистика : учебник для вузов / под ред.: В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 25 [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/568013 (дата обращения: 31.10.2025).

ческое исследование биологических следов и генетическая идентификация» в криминалистической технике отсутствует.

Таким образом, формируется методологический разрыв: криминалистика не обеспечивает системного подхода к работе с биологическими следами на этапе первичного следственного действия, в то время как судебная медицина начинает работу уже после их передачи. Это снижает эффективность их использования как вещественных доказательств и указывает на необходимость либо интеграции соответствующих знаний в криминалистическую технику, либо разработки междисциплинарных стандартов взаимодействия.

Аналогично, вопросы, связанные с анализом ядов, наркотических средств, металлов и некоторых других веществ, зачастую либо вынесены за пределы криминалистической техники в смежные дисциплины (например, судебную медицину или токсикологию), либо освещаются лишь фрагментарно, без системного подхода.

Например, раздел, посвященный криминалистическому исследованию материалов, веществ и изделий, представлен лишь в отдельных изданиях академических учебников по криминалистике (криминалистической технике), но зачастую в представлен в усеченной форме – без учета современных материалов, нанотехнологий, композитов и новых методов анализа, в то время как существуют специализированные учебные пособия подобной тематики[427].

Криминалистическое изучение почерка (почерковедение) как раздел криминалистической техники изначально не рассматривал вопросы из области графологии как учения о существовании тесной связи между индивидуальными особенностями личности человека и его почерком. Исторически сложилось так, что в советской криминалистике раздел графологии подвергался критике как «буржуазный», «псевдонаучный», то есть не имевший научной основы, что привело к его фактическому исключению из государственных образовательных программ, несмотря на активное развитие этого учения в некоторых странах мира.

Следует также обратить внимание на отсутствие единого терминологического подхода в системе криминалистической техники. Так, одни авторы обозначают отрасли как «криминалистическое исследование… », другие – как «судебное исследование… » (например, «криминалистическая фоноскопия» и «судебная фоноскопия», «криминалистическая регистрация» и «уголовная регистрация», «криминалистическая трасология» и «судебная трасология»). Некоторые направления получают метафорические или заимствованные названия, например, «одорология», «ольфактроника», тогда как их содержание логичнее было бы выразить через функциональное определение, например, «криминалистическое исследование запаховых следов». Подобная терминологическая несогласованность затрудняет как научное обсуждение, так и методическое обеспечение учебного процесса и следственной практики. В этой связи назрела необходимость разработки единых терминологических стандартов в области криминалистической техники – по аналогии с теми, что уже существуют в сфере судебной экспертизы, где стандартизация терминов и понятий способствует повышению качества и сопоставимости экспертных заключений.

Эта инертность и консервативность структуры криминалистической техники не соответствует динамике развития преступности и научно-техническому прогрессу. Новые вызовы со стороны преступности требуют не просто обновления существующих разделов, но и формирования новых направлений, адаптированных к специфике современных объектов и технологий.

Развитие науки и техники неизбежно влияет на структуру и содержание криминалистической науки. Появление новых технологий, средств и методов преступной деятельности требует адекватной реакции со стороны криминалистики, направленной на совершенствование методов раскрытия и расследования преступлений. Одним из ярких проявлений современного технологического прогресса стало широкое распространение беспилотных аппаратов (БА). Их доступность, функциональность, относительная дешевизна и простота использования открывают новые возможности не только для применения БА в мирных (гражданских) и военных целях, но и при совершении преступлений, а также в процессе их расследования. Это обстоятельство требует от криминалистической науки и практики разработки специализированных подходов к исследованию БА как особых криминалистических объектов и новых технико-криминалистических средств.

При этом одной из задач может стать разработка частной криминалистической теории, связанной с исследованием и использованием беспилотных аппаратов, и определением ее места в современной системе криминалистики, прежде всего в криминалистической технике.

---

[427] См., напр.: Хрусталев В. Н., Соклакова Н. А. Криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий : учебное пособие для бакалавриата и специалитета. М. : ООО Изд-во «КноРус», 2020. 732 с.

Зарубежный опыт, в том числе развитие дрон-форензики (Drone Forensics)[428], также показывает необходимость выделения самостоятельных отраслей для исследования новых криминалистических объектов.

Для того чтобы определить, заслуживает ли криминалистическое исследование и использование беспилотных аппаратов статуса самостоятельной отрасли криминалистической техники, обратимся к системе критериев, предложенной Е. Р. Россинской.

1. Специфика объектов исследования и их распространенность.

Беспилотный аппарат (применительно к криминалистике) – это техническое устройство (техническая система), способное автономно или под дистанционным управлением перемещаться в воздушной[429], наземной, надводной или подводной среде и выполнять поставленные задачи без прямого участия человека на борту. В криминалистике такие аппараты рассматриваются как комплексные объекты, сочетающие признаки вещественного доказательства, носителя цифровой информации и технического средства, используемого как в преступной деятельности, так и в целях расследования.

Такой расширенный подход к определению БА позволяет рассматривать их как универсальный класс роботизированных систем, что делает отрасль более фундаментальной и перспективной. Объектом исследования становится сложный технический комплекс, включающий:

– аппаратную платформу (механика, сенсоры, приводы, энергосистема);

– бортовую электронику и программное обеспечение (контроллеры, навигационные системы, алгоритмы автономного управления, ИИ-модули);

– системы связи и передачи данных;

– собранные данные (видео, аудио, телеметрия, данные сенсоров, логи операций[430]);

– следы взаимодействия с окружающей средой и другими объектами.

Распространенность таких систем стремительно растет. Они активно используются в преступной деятельности: для контрабанды, шпионажа, террористических актов, разведки, организации беспорядков и даже как оружие нападения. Статистика правоохранительных органов неуклонно фиксирует рост числа инцидентов, что делает БА часто встречаемыми и значимыми объектами в уголовном судопроизводстве.

2. Решение специфических криминалистических задач.

Исследование и использование БА ставят перед экспертом и следователем ряд уникальных задач, которые не решаются в рамках существующих отраслей:

2.1. Исследование как вещественного доказательства:

– установление факта и способа использования БА в преступлениях;

– идентификация конкретного аппарата по «цифровым следам» (уникальным идентификаторам, шумовым характеристикам, логам и др.).

– реконструкция маршрута и действий аппарата (анализ телеметрии, GPS, данных сенсоров и др.);

– анализ собранных данных (видео, аудио, сканы) на предмет установления места, времени, подозреваемых лиц и других обстоятельств преступных деяний;

– установление личности оператора через связь с управляющим устройством и учетными записями;

– исследование программного обеспечения (в том числе нештатного и модифицированного).

2.2. Использование как технико-криминалистического средства:

– разработка тактики применения БА на всех стадиях расследования (осмотр места происшествия, следственный эксперимент, обыск, наблюдение и др.).

– создание методик криминалистической фото- и видеосъемки, сканирования и др.;

– использование БА для поиска лиц и иных объектов в труднодоступных или опасных зонах, мониторинга данных зон;

– разработка стандартов и правил для законного и эффективного применения БА в следственной практике.

---

[428] См., напр,: Kaushik K., Ouaissa M., Chaudhary A. (eds.) Advanced Techniques and Applications of Cybersecurity and Forensics [Электронный ресурс] // CRC Press. 2024. P. 99-123. URL: https://www.researchgate.net/publication/381806120_Advanced_Techniques_and_Applications_of_Cybersecurity_and_Forensics (дата обращения: 31.10.2025).

[429] Беспилотные аппараты, применяемые в воздушной среде, принято называть беспилотными летательными аппаратами (БЛА, БПЛА) или дронами (от англ. drone – «трутень»).

[430] Логи – это файлы или записи, в которых в хронологическом порядке фиксируется информация о действиях программ, пользователей или системных процессов. Они могут содержать данные о событиях, ошибках, запросах, ответах, изменениях настроек и других операциях, происходящих в системе или приложении.

Эти задачи требуют комплексного подхода, объединяющего методы криминалистической фото- и видеосъемки, цифровой криминалистики, криминалистической тактики, технической диагностики, что выходит за рамки существующих отраслей и требует создания новой.

3. Методологическая и методическая разработанность.

На сегодняшний день методологическая база для работы с БА находится в стадии формирования. Системного подхода, охватывающего все этапы криминалистического сопровождения БА в криминалистике – от обнаружения и изъятия до экспертного исследования и активного использования в расследованиях – не существует.

Это не является препятствием, а, напротив, основанием для создания новой отрасли. Формирование отрасли «Криминалистическое исследование и использование беспилотных аппаратов» призвано систематизировать накопленные знания, разработать единые стандарты, классификации и методики, стимулировать научные исследования в этом направлении, объединить усилия экспертов, следователей и разработчиков БА, подготовить необходимых специалистов, владеющих комплексными знаниями, умениями и навыками в области исследования и использования беспилотных аппаратов.

Предлагаемая отрасль логично вписывается в дискуссию о «криминалистической робототехнике», инициированную Е. Н. Быстряковым, И. В. Усановым и А.Б. Смушкиным. Беспилотные аппараты являются наиболее распространенным и технологически зрелым типом технических средств, применяемых как в преступной, так и в правоохранительной деятельности; многие из них обладают чертами роботизированных систем, что делает их естественной основой для развития криминалистической робототехники. Поэтому отрасль, посвященная БА, может рассматриваться как один из наиболее приоритетных и практически реализуемых разделов более широкой отрасли криминалистической робототехники. Она может стать пилотным проектом, на основе которого в будущем можно будет разрабатывать методики для работы с другими, более сложными типами роботов.

Таким образом, проведенный анализ с использованием критериев, предлагаемых Е. Р. Россинской, позволяет сделать обоснованный вывод: криминалистическое исследование и использование беспилотных аппаратов обладает всеми необходимыми предпосылками для выделения в самостоятельную отрасль криминалистической техники либо может стать частью отрасли «криминалистическая робототехника».

Объект исследования – беспилотные аппараты – специфичен, разнообразен и массово распространен, а решаемые при этом задачи уникальны и требуют комплексного подхода, не покрываемого существующими отраслями. Необходимость в методологической разработке как раз и является главной целью формирования новой отрасли.

Создание отрасли «Криминалистическое исследование и использование беспилотных аппаратов» – это не дань моде, а необходимый и закономерный ответ криминалистической науки на вызовы современной, технологически оснащенной преступности, а также шаг в будущее, где беспилотные аппараты станут неотъемлемой частью как преступного мира, так и системы его противодействия.

P. S. К моменту окончания подготовки статьи увидел сообщение о том, что на базе Института Следственного комитета Республики Беларусь открыт полигон по изучению беспилотных летательных аппаратов[431]. Ждем появления подобных исследовательских полигонов в гражданских и ведомственных вузах Российской Федерации.

[431] Новый фронт криминалистики: открыт полигон по изучению беспилотных летательных аппаратов на базе Института Следственного комитета (15.09.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://iic.gov.by/blog/2025/09/15/novyj-front-kriminalistiki-otkryt-poligon-po-izucheniyu-bespilotnyh-letatelnyh-apparatov-na-baze-instituta-sledstvennogo-komiteta/ (дата обращения: 31.10.2025).

Чебуренков Александр Анатольевич,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»,
г. Саранск

Преодоление информационных рисков в процессуальной деятельности адвоката-защитника

Профессиональная деятельность субъектов, осуществляющих рассмотрение уголовных дел, а также лиц, содействующих им в этом, носит ярко выраженный информационный характер. В сфере судопроизводства постоянно циркулирует значительный объем информации, имеющей разнообразный характер и получаемой из различных источников.

Информационные процессы, протекающие в сфере судопроизводства, отличаются особым напряжением и интенсивностью, вызванными ограниченностью их во времени, многоплановостью и сложностью решаемых мыслительных и прикладных задач, направленностью на познание фактов прошлого, необходимостью давать оперативные и точные оценки многочисленным ситуациям, удостоверительным характером применения средств и методов работы с информацией. На практике во многих ситуациях имеет место специфическое состояние указанных процессов, достаточно точно именуемое в литературе как «борьба за информацию». Довольно часто активными участниками этой борьбы оказываются адвокаты. Для эффективного решения поставленных перед ними задач адвокаты должны обладать необходимой и достаточной информацией, поступающей к ним из разных источников (доверители, государственные органы, граждане, материальные объекты и др.).

Специфические особенности информационных процессов, проявляющихся в сфере судопроизводства с участием адвокатов, обусловили возникновение и известное распространение ситуаций, в которых адвокат для принятия решений и совершения юридически значимых действий использует информацию, вызывающую сомнения в своей достоверности, неполные или противоречивые сведения, предположительные суждения и т. п. Такого рода ситуации, когда адвокат действует в условиях неопределенности значимой информации и должен сделать выбор из множества вариантов поведения, когда ему не гарантирован ожидаемый (необходимый) результат, могут быть обозначены как «информационные риски», их наличие и возможные негативные последствия в значительной степени сказывается на эффективности выполнения адвокатом возложенных на него профессиональных функций.

Важнейшей характеристикой ситуации с элементами информационного риска является отсутствие решений, гарантирующих обязательный успех. Какой бы детальной ни была подготовительная работа адвоката, как бы тщательно он ни подходил к выбору варианта своего поведения, ни «взвешивал» все «за» и «против», в такого рода ситуации всегда остается объективная возможность наступления нежелательного результата. Специфика судопроизводства не допускает математическое определение правильных вариантов и расчета вероятности их реализации (что, например, имеет место в сфере хозяйственно-экономической, научно-исследовательской и ряде иных видов деятельности). Не может полностью устранить информационный риск высокий профессионализм и богатый опыт адвоката, его интуиция, разумная решительность и другие полезные в данном случае свойства личности (хотя они в известной степени могут оптимизировать процесс принятия решения в конкретной ситуации неопределенности).

Действовать в ситуациях, связанных с информационными рисками, адвоката побуждает: а) процессуальная необходимость оказания юридической помощи доверителю; б) ограниченные сроки производства по делу; в) наступление отрицательных последствий в случае отказа от рискованного поведения (утрата информации, ее неподтверждение, проигрыш дела вследствие недостаточности задействованных данных и др.); г) прогнозирование своего поведения, предвидение успешности осуществляемых действий, даже рискованных; д) типичный характер ситуаций, с уже успешно реализованными ранее моделями поведения в аналогичных условиях.

Ситуации информационных рисков, возникающие в деятельности адвоката, носят двойственный характер: с одной стороны, они имеют объективную природу (обусловлены воздействием непредсказуемых, случайных социальных, правовых или иных факторов), с другой – они характеризуются субъективными признаками (преломляются в сознании субъекта, субъект представляет возможные последствия, оценивает имеющиеся в его распоряжении ресурсы и т. п.).

Изучение практики оказания юридической помощи в уголовном судопроизводстве позволяет обозначить типичные информационные риски, возможные в работе адвокатов-защитников.

1. *Получение адвокатом информации, предположительно носящей доказательственный характер, однако в итоге статус доказательств данная информация не приобретает.*

Действующим законодательством адвокат наделен правом собирать и представлять информацию, имеющую значение для установления фактических обстоятельств и решения правовых вопросов в судопроизводстве. Основное место в комплексе данной информации отводится доказательствам, соответственно адвоката можно признать одним из субъектов доказывания, он имеет возможность в информационном плане влиять на ход и направление производства по конкретному делу. Нормами процессуального закона (ч. 3 ст. 86, ч. 1 ст. 58 УПК РФ) предусмотрены конкретные способы получения адвокатами необходимой для оказания юридической помощи информации.

В настоящее время, несмотря на прямое указание в уголовно-процессуальном законодательстве на право адвоката-защитника собирать доказательства (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), собираемые защитником сведения доказательствами не признаются ввиду того, что законодательно не закреплен порядок получения этих сведений, они представляются заинтересованным субъектом и в отношении них не исключены сомнения в достоверности образующей их информации.

Вместе с тем на основе собранной адвокатом-защитником информации в установленном законом порядке могут быть сформированы соответствующие доказательства (после их проверки, удостоверения, приобщения к делу и т. д.).

Несмотря на имеющиеся сложности с установлением допустимости и достоверности сведений, собранных защитником, в целом его работа по сбору информации, проведенная в рамках предоставленных ему законом полномочий, должна быть оценена положительно. Результаты такой работы могут существенно помочь в рассмотрении и разрешении дела и игнорировать их недопустимо. В любом случае, полученные адвокатом сведения, при условии их относимости к делу, должны быть приняты во внимание, проверены и оценены наряду с имеющейся в деле доказательственной информацией.

Одним из действенных средств преодоления рассмотренной ситуации информационной неопределенности является заявление адвокатом ходатайств об истребовании и приобщении материалов, имеющих значение для правильного разрешения дела. Такое ходатайство подлежит рассмотрению должностными лицами, осуществляющими судопроизводство, в установленном порядке. УПК РФ, в частности, закрепляет, что подозреваемому, обвиняемому, защитнику не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, а также в приобщении к материалам дела доказательств, в т. ч. заключений специалиста, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела (чч. 2, 2.2 ст. 159 УПК РФ).

В то же время в судебно-следственной практике отмечается тенденция, когда следователи и судьи необоснованно отказывают в удовлетворении соответствующих ходатайств по причине сформировавшегося у них предубеждения к позиции адвоката. К примеру, некоторые следователи считают, что вина обвиняемого в данный момент уже доказана, что свидетели, о допросе которых ходатайствует сторона защиты, ею «подготовлены» и потому будут давать ложные показания в интересах обвиняемого, а предоставленные защитником для приобщения к делу документы, если не сфальсифицированы, то недостоверны[432].

2. *Использование информации проблемного (неопределенного) характера, могущей повлечь как положительные, так и отрицательные последствия для доверителя.*

Такого рода ситуация возможна при первоначальной выработке адвокатом правовой позиции по делу на основе выясняемых у обвиняемого обстоятельств происшедшего события (в случаях противоречивости объяснений обвиняемого, их неполноты, при утаивании от адвоката определенных сведений и т. п.)[433].

Не всегда адвокат может спрогнозировать последствия своего предложения о включении в состав исследуемой по конкретному делу доказательственной базы нового источника фактических сведений, если не до конца ясно его значение. Так, приглашенный адвокатом-защитником по делу о превышении подсудимым пределов необходимой обороны свидетель-очевидец может рассказать не только об обстоятельствах нападения, но и о том, что непосредственным поводом к посягательству явилось неправомерное поведение подсудимого.

В этой связи адвокату рекомендуется в максимальной степени уточнить характер информации, предполагаемой к использованию в дальнейшем, по возможности продублировать источник получения нужных сведений, чтобы не допустить ухудшения положения доверителя.

---

[432] Баев О. Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). М., 2017. С. 146.

[433] Фомин М. А. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство). М., 2004. С. 162.

3. *Использование информации, которая может оказаться недостаточной для однозначного вывода о наличии (отсутствии) определенного факта, явления и др.*

В этой ситуации первоочередной задачей адвоката, принявшего поручение от доверителя, становится путем использования всех возможных и допустимых (как процессуальных, так и непроцессуальных) средств собрать недостающую значимую для дела информацию, на основе которой можно будет сформулировать правовую позицию по делу, определить тактику своего поведения и т. п.

В числе средств, рекомендуемых для решения данной задачи, как отмечает М. О. Баев, в ряде ситуаций может оказаться полезным обжалование адвокатом (даже не имеющее реальной перспективы) вынесенных должностными лицами, осуществляющими судопроизводство, определенных процессуальных решений, поскольку в ходе их судебной проверки адвокат будет иметь возможность получить доступ к ранее недоступной (или непроверенной) информации[434].

4. *Использование ложной информации, ошибочно принятой адвокатом за достоверную.*

Нередко источником такой недоброкачественной информации выступает доверитель, который, как правило, является непосредственным участником исследуемого события, осведомлен о важнейших юридических фактах и т. п. Однако сообщаемая доверителем адвокату информация не всегда оказывается достаточно полной и достоверной, она может утаиваться, искажаться им в силу определенных личностных свойств, заинтересованности в деле, желания скрыть собственное неблаговидное поведение, недоверия к адвокату и т. п. Серьезные препятствия для получения адвокатом от доверителя необходимой информации создает отсутствие взаимопонимания между ними.

Эффективным приемом предупреждения появления в судопроизводстве ложной информации, источником которой выступает адвокат, может служить первичный анализ сведений, поступающих к адвокату. Указанный анализ включает: а) выявление и изучение источника информации; б) оценку общей правдоподобности информации (с позиции очевидности и реальности фактов); в) установление фактической возможности непосредственного восприятия явлений, событий, наличие дефектов восприятия; г) проверку внутренней согласованности (непротиворечивости) содержания информации и ее соответствия установленным обстоятельствам дела и достоверным сведениям о них; д) выяснение возможных источников информации, могущих подтвердить соответствующие сведения.

5. *Использование информации предположительного характера, которая в дальнейшем может не получить подтверждения и не будет принята.*

Адвокат не всегда обладает достоверным знанием об обстоятельствах рассматриваемого дела. Поэтому он бывает вынужден, давая свою, субъективную трактовку событиям, прибегать к предположениям, вероятностным суждениям[435]. Мыслительные операции в форме выдвижения такого рода суждений (гипотез) являются эффективным средством познания неизвестных обстоятельств.

Соответственно, адвокат-защитник вправе использовать данное средство, в частности, путем выдвижения по уголовному делу так называемых версий защиты, в которых он объясняет, каким образом, по его мнению, произошло расследуемое событие, кто в нем участвовал и др. Такие версии адвокат может изложить как в неофициальной беседе со следователем, так и официально, в форме ходатайств, заявляемых следователю или суду, которые могут организовать проверку предполагаемых обстоятельств, если они имеют значение для дела.

Формируя позицию по делу, осуществляя анализ доказательственного материала, формулируя свои выводы по разрешаемым вопросам, адвокат не должен упускать из виду предположительный характер соответствующих утверждений. Заранее считая их доказанными, принимая их как достоверное знание без необходимой проверки, адвокат рискует получить неправильную фактическую картину исследуемого события и сделать из нее ошибочные выводы о применении правовых норм, допустить серьезные ошибки в доказательственной деятельности, создать у следователя и судьи представление о своей фактической неосведомленности и уступить им инициативу в исследовании значимых для доверителя обстоятельств дела.

Поскольку избежать информационных рисков в деятельности адвоката нереально, задача адвоката в такого рода ситуациях заключается в том, чтобы избрать стратегию наименьшего информационного риска, предвидеть возможные отрицательные последствия своего решения и заранее продумать конкретные меры по ликвидации или ослаблению этих последствий.

Прежде всего действия в условиях информационных рисков требуют моделирования ситуации, в которой находится адвокат, для чего ему следует учитывать цели процессуальной деятельности,

---

[434] Баев М. О. Теоретические и практические основы профессиональной защиты от уголовного преследования. М., 2014. С. 47.

[435] Адвокат: навыки профессионального мастерства / под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. М., 2006. С. 147.

совокупность имеющихся ресурсов, в том числе информационных, конкретные способы их реализации. Далее адвокату рекомендуется определить возможные варианты поведения, оценить реальность их реализации на практике, выделить ожидаемые выгоды и негативные последствия (как ближайшие, так и отдаленные), которые могут наступить в результате осуществления соответствующих действий.

Важное значение приобретают способы минимизации рисков, возможные и планируемые адвокатом в определенной ситуации (например, сбор дополнительной информации, повышающей степень достоверности установления конкретного обстоятельства, дублирование источников информации и способов ее получения, временная замена цели действий и др.).

Особое внимание рекомендуется уделить разработке резервных вариантов действий для случаев, когда наиболее подходящие варианты поведения не оправдаются.

Перспективным направлением деятельности адвоката в условиях ситуации с элементами информационного риска следует признать обращение к предусмотренным законом компромиссным процедурам, реализация которых может существенно сократить число возможных негативных последствий и повысить вероятность выбора более приемлемого для стороны защиты варианта поведения.

Шамсутдинова Рушана Закировна,
канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин Ижевского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск

Проблемы и перспективы цифровой трансформации судебной системы Российской Федерации

Цифровая трансформация государственного управления определена в качестве национальной цели развития Российской Федерации на период до 2030 года[436]. В декабре 2025 года в Верховном Суде РФ разработана Концепция цифровой трансформации судебной системы[437]. Судебная система, которая является ключевым институтом защиты прав и свобод человека, должна полноценно интегрироваться в этот процесс. В отчете Счетной палаты РФ сделан вывод, что основная проблема цифровизации заключается в недостаточности нормативного регулирования внедрения процессов информатизации в сферу государственного управления и судебную систему, отсутствии единой государственной стратегии цифровой трансформации и недостаточном финансировании проведения мероприятий для развития технических возможностей судов. В нем же отмечается существование значительных различий в уровне информатизации судебных органов в зависимости от региона, а также недостаточная обеспеченность современной техникой, оборудованием и программным обеспечением, что создает трудности в осуществлении эффективной судебной деятельности в условиях цифровизации.

Аудитор Счетной палаты Светлана Орлова отметила: «Информатизация осуществляется в условиях фрагментарного планирования и без учета показателей, установленных на федеральном уровне в рамках достижения национальных целей до 2030 года». Отчет Счетной палаты РФ содержит выводы о наличии серьезных противоречий в подходах к формированию стратегии развития информационных технологий в судах[438]. Это затрудняет выработку единой стратегии. Различные ведомства, занимаясь вопросами модернизации судебной системы, предлагают решения, которые не всегда соответствуют общим задачам, стоящим перед судебной властью. В частности, применяются не единые, а разнообразные базы данных, включая «Мой арбитр», Картотеку арбитражных дел и систему «Правосудие», каждая из которых имеет свои преимущества и свои недостатки. Это приводит к расхождению между действиями, совершаемыми на основании информации, полученной из различных справочных систем, с одной стороны, и дублированию одних и тех же функций различными систе-

[436] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 14.11.2025).

[437] Краснов И. Верховный суд РФ разработал Концепцию трансформации судебной системы [Электронный ресурс] // Российская газета : [сайт]. URL: https://rg.ru/2025/12/02/cifrovaia-pravda.html?ysclid=mkb36avs4148792235 (дата обращения: 14.11.2025).

[438] Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ текущего состояния информатизации судебной системы РФ» [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. 2025. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/schetnaya-palata-proanalizirovala-sostoyanie-informatizatsii-sudebnoy-sistemy-rf/ (дата обращения: 14.11.2025).

мами, с другой стороны, затрудняя взаимодействие между судами и участниками судебного процесса. При этом отмечается, что ключевым фактором сложившегося положения является дефицит согласованности и отсутствие четкого видения цифрового преобразования судебной системы. Отсутствие целенаправленного плана влечет хаотичность изменений и невозможность достичь поставленных национальных целей в установленные сроки.

В Отчете отмечается большая разница между оснащением информационными технологиями судов в различных субъектах Российской Федерации. Во многих регионах России отсутствует достаточное количество технических ресурсов и нет современной инфраструктуры, необходимых для успешного перехода к цифровому формату работы. Особенно остро проблемы стоит перед небольшими населенными пунктами и отдаленными территориями, в которых проведение видеоконференций (использование ВКС) затруднено в связи с низкой скоростью интернета, неустойчивым интернет-соединением, а также физически и морально устаревшей техники.

Опасения, касающиеся цифровизации судебной системы, связаны с состоянием сетевой инфраструктуры и риском утечки конфиденциальной информации. Устаревшие механизмы защиты информации повышают вероятность несанкционированного доступа и похищения личных данных. Поэтому необходимо укрепление защиты каналов передачи данных, усиление безопасности баз данных и улучшение методов идентификации пользователей. Для минимизации данных рисков важным является инвестирование в программное обеспечение для защиты информации и проведение обучения работников аппаратов судов.

Современные информационные системы, применяемые судами, имеют ряд недостатков, тормозящих процесс цифровизации. К примеру, использование ГАС «Правосудие» сопровождается рядом сложностей, включая медленную обработку запросов, систематические ошибки и нерегулярное обновление функционала. Система не способна выдерживать возросшую нагрузку и эффективно обрабатывать поступающую информацию, вызванную увеличением количества рассматриваемых судами дел, что оказывает влияние на скорость судебного разбирательства и снижает удовлетворенность заявителей.

Другим сдерживающим фактором является недостаточная осведомленность людей и организаций о цифровых услугах, в том числе неготовность граждан использованию биометрической идентификации при дистанционном участии в судебных заседаниях.

Старший юрист Центра конституционного правосудия Милана Даова подчеркивает, что отчет Счетной палаты, будучи техническим документом, затрагивает фундаментальные вопросы конституционного устройства и гарантии соблюдения прав человека[439]. По ее мнению, недостатки нормативного регулирования цифровизации судебной деятельности, неравенство между технической оснащенностью судов в различных регионах, уязвимость информационной инфраструктуры непосредственно влияют на:

- реализацию права граждан на доступ к правосудию;
- принцип равенства граждан перед судом;
- открытость и прозрачность осуществления судебной власти.

Эксперт предостерегает от формулирования упрощенного тезиса о том, что цифровизация судебной власти укрепит доверие к суду и повысит качество правосудия: «Цифровые инструменты способны упростить отдельные процессы, ускорить процедуры, снизить нагрузку на аппарат судов. Однако доверие к суду и качество правосудия формируется не технологиями, а институциональной независимостью, справедливостью, равным доступом к правосудию и соблюдением процессуальных гарантий. Цифровая трансформация может усиливать эти основы, но не заменяет их». М. Даова настаивает на том, что приоритет в такой ситуации должен быть отдан обеспечению и защите прав и свобод человека, а не соображениям удобства и экономической целесообразности.

С. Пашин указывает на ключевую причину «пробуксовывания» цифровизации – отсутствие целевого финансирования. Он отмечает и другие причины:

- невозможность остановки «судебного конвейера» для переналадки – суды не могут приостановить работу даже на неделю;
- медленная смена кадров и сложность обучения действующих судей новым подходам;
- риск того, что цифровые технологии создадут новые барьеры для малоимущих граждан, несмотря на ускорение документооборота.

С. Пашин критикует рекомендации Счетной палаты РФ за отсутствие наглядных мер, которые позволили бы судьям и участникам процессов оценить реальную пользу нововведений.

[439] Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ текущего состояния информатизации судебной системы РФ»…

Однако представители адвокатского сообщества видят в цифровизации неизбежный и полезный процесс.

С. Володина (президент ФПА РФ) подчеркивает, что цифровизация – неотъемлемая часть социального и экономического развития страны. Она делает процедуры прозрачными, а результаты – предсказуемыми.

Н. Айрапетян (зампред коллегии адвокатов ARM IUST) отмечает, что, несмотря на сбои ГАС «Правосудие» и другие проблемы, позитивные результаты от внедрения технологий будут нарастать. Уже сейчас участие в процессе из кабинета воспринимается как норма.

С. Зубков (вице-президент ФПА, президент АП г. Москвы) указывает на достижения России в области информатизации судов и предлагает использовать лучшие практики трех основных систем:

– «Мой арбитр» и «Картотека арбитражных дел» (арбитражные суды);
– ГАС «Правосудие» (суды общей юрисдикции);
– КИС судов общей юрисдикции г. Москвы (альтернативная платформа).

Он также отмечает успешный пример интеграции между АИС Адвокатской палаты г. Москвы и КИС судов, который ускорил документооборот и сделал прозрачным участие адвокатов в уголовных делах по назначению. Сейчас этот модуль интегрируется в КИС АР (Комплексную информационную систему адвокатуры России).

Без системного подхода риски формализации и усиления неравенства между регионами превысят потенциальные выгоды. Дальнейшие исследования должны фокусироваться на оценке эффективности новых ИТ-решений и их влиянии на повышение доверия к суду со стороны граждан.

Шигуров Александр Викторович,
канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
г. Саранск

Проблемы правового регулирования судебного контроля за производством следственных действий в отношении отдельных категорий лиц (гл. 52 УПК РФ)

Судебный контроль за производством следственных действий, осуществляемый на досудебном производстве в порядке ст. 165 УПК РФ[440], является важной гарантией защиты конституционных прав личности в уголовном процессе. Необходимость данного вида судебно-контрольного производства обусловлена требованиями ст. 23 Конституции РФ[441] о тайне переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ст. 25 Конституции РФ о неприкосновенности жилища, ст. 25 Конституции РФ о недопустимости лишения имущества иначе как по решению суда.

К настоящему времени предмет судебной защиты, осуществляемой в порядке ст. 165 УПК РФ, значительно расширился и охватывает собой важнейшие права человека, закрепленные иными нормативными актами:

– право на банковскую и иные охраняемые федеральным законом тайны[442];
– право на защиту, охрану адвокатской тайны[443] (дача судом разрешения на производство следственных действий в отношении адвоката);
– независимость судей[444], депутатов и других лиц, имеющих особый статус в уголовном судопроизводстве и др.

Необходимость и конституционность дополнительных гарантий независимости адвокатов, судей, депутатов и других лиц, выполняющих публичные функции детально обоснована в научной литературе[445] и решениях Конституционного Суда РФ.

---

[440] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

[441] Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://internet.garant.ru/ (дата обращения: 01.11.2025).

[442] О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 // СЗ РФ. 1996. № 6, ст. 492.

[443] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23, ст. 2102.

[444] О статусе судей в Российской Федерации : Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 // Российская газета. 1992. 29 июля.

Важным условием эффективности решения задач судебного контроля является четкая правовая регламентация его процессуального порядка. Рассмотрим в настоящей статье актуальные проблемы правовой регламентации судебного контроля за производством следственных действий в отношении отдельных категорий лиц, указанных в ст. 448 УПК РФ.

В научной литературе неоднократно ставились вопросы о пробельности и противоречивости ч. 5 ст. 450 УПК РФ, регулирующей требования к процедуре возбуждения ходатайства о производстве следственных действий в отношении отдельных категорий лиц, указанных в ст. 448 УПК РФ, если в отношении последних еще не возбуждено уголовное дело или они не привлечены в качестве обвиняемого в особом порядке, установленном ст. 448 УПК РФ. Н. Н. Ковтун верно отмечал, что формулировки данной нормы создают проблемы с точным и единообразным ее толкованием[446]. В частности, она требует получения согласия суда, указанного в ч. 1 ст. 448 УПК РФ, однако в ч. 1 ст. 448 УПК РФ согласие собственно суда требуется лишь в отдельных пунктах:

– в пп. 2 и 2.1 ч. 1 требуется заключение коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда РФ, как гарантия независимости Генерального прокурора РФ и Председателя Следственного комитета РФ;

– в п. 4 ч. 1 требуется согласие Высшей квалификационной коллегии судей РФ, как гарантия независимости судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов;

– в п. 3 ч. 1 требуется согласие Конституционного Суда РФ, как гарантия независимости судей Конституционного Суда РФ.

Анализируя вышеуказанные формулировки ст. 448 и 450 УПК РФ, Н. Н. Ковтун справедливо задается вопросом, распространяются ли нормы ч. 5 ст. 450 УПК РФ на п. 4 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, поскольку формально Высшая квалификационная коллегия судей РФ – это орган судейского сообщества, а не суд[447].

В судебной практике ч. 5 ст. 450 УПК РФ толкуется по-разному.

Наиболее распространенной является позиция о том, что данная норма не распространяется на лиц, указанных в ч. 1 ст. 448 УПК РФ, в отношении которых уголовное дело возбуждается без решения суда.

Так, например, по уголовному делу, возбужденному по ч. 1 ст. 222 УК РФ, Крутихинским районным судом Алтайского края 6 декабря 2024 г. был осужден В. С. В., являвшийся на момент расследования депутатом сельского совета. В ходе предварительного расследования по ходатайству следователя с согласия руководителя следственного отдела районным судом было принято решение о производстве обыска в жилище В. С. В.

В ходе судебного разбирательства и в суде апелляционной инстанции защитник В. С. В. настаивал на незаконности судебного решения о разрешении производства обыска в жилище, поскольку в соответствии с требованиями п. 11 ч. 1 ст. 448 и ч. 5 ст. 450 УПК РФ соответствующее ходатайство перед судом должен был возбуждать руководитель территориального органа СК РФ по субъекту РФ, а не руководитель районного следственного отдела.

Суды первой и апелляционной инстанции указали на неправильность подобного толкования закона. В частности, позиция Алтайского краевого суда заключается в том, что ч. 5 ст. 450 УПК РФ распространяется лишь на тех лиц, указанных в ч. 1 ст. 448 УПК РФ, решение о производстве следственных действий, в отношении которых принимает суд. На других лиц, в том числе на депутатов выборного органа местного самоуправления данная статья не распространяется[448].

Вместе с тем встречаются и дела, в которых разные суды занимают противоречащие друг другу позиции.

По уголовному делу, находившемуся в производстве ОВД СЧ по РОПД СУ МВД по Республике Саха (Якутия), и возбужденному в отношении неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, пп. «а, г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, следователем было возбуждено ходатайство о производстве обыска в жилище следователя СО по г. Якутску СУ СК России по Республике Саха (Якутия) М. Е. Э., где имелись основания найти орудия преступления, предметы и документы, имеющие значение для дела, а также запрещенные к обороту предметы (оружие). Ходатайство было согласовано с руководителем следственного органа в МВД по Республике Саха (Якутия).

---

[445] Зинатуллин З. З. Избранные труды. Том 1. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2012. С. 500 [Электронный ресурс]. URL: https://www.iprbook-shop.ru/18004.html (дата обращения: 17.11.2025).

[446] Ковтун Н. Н. Особый порядок уголовного судопроизводства России в отношении отдельной категории лиц и особенности нормативного регулирования их должностного иммунитета // Российская юстиция. 2023. № 11. С. 20–26.

[447] Об органах судейского сообщества в Российской Федерации : Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 11, ст. 1022.

[448] Апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 06.03.2025 по делу № 22-603/2025 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://internet.garant.ru/ (дата обращения: 01.11.2025).

Якутский городской суд ходатайство удовлетворил.

Апелляционный суд отменил вышеуказанное решение, указав на отсутствие у следователя СЧ по РОПД СУ МВД полномочий на возбуждение ходатайства о производстве следственного действия в отношении следователя СК РФ.

Девятый кассационный суд общей юрисдикции по представлению прокурора отменил решение суда апелляционной инстанции, указал, что судом не учтены требования ч. 5 ст. 450 УПК РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 о порядке рассмотрения ходатайств о производстве следственных действий в отношении следователя[449].

Есть и судьи, которые расширительно толкуют ч. 5 ст. 450 УПК РФ.

В частности, Краснодарский краевой суд, проверяя законность решения нижестоящего суда о признании законным обыска, проведенного в квартире депутата Совета Темижбекского сельского поселения Кавказского района, указал следующее.

Пункт 1 ч. 1 ст. 447 УПК РФ относит депутата к особой категории лиц, в отношении которых должны соблюдаться особенности производства, предусмотренные гл. 52 УПК РФ. В соответствии с ч. 5 ст. 450 УПК РФ следственные и иные процессуальные действия в отношении такого лица производятся не иначе как на основании судебного решения. Поскольку на момент обыска предварительного судебного решения не было, суд первой инстанции при оценке законности проведенного обыска обязан учесть данное обстоятельство[450].

Здесь важно заметить, что п. 11 ч. 1 ст. 448 УПК РФ не предусматривает принятие судебного решения о даче согласия на возбуждение уголовного дела. С учетом данной нормы, очевидно, судья истолковал ч. 5 ст. 450 УПК РФ гораздо шире ее буквального содержания, понимая данную норму так, что она требует в отношении всех лиц, указанных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ предварительного судебного контроля при производстве следственных действий, указанных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

Тот же Краснодарский краевой суд истолковал ч. 5 ст. 450 УПК РФ в сочетании с п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ и по видимому (ссылки на данный акт в решении нет), с учетом требований ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[451] как требующие согласования ходатайства о разрешении допроса адвоката в качестве свидетеля не у руководителя второго отдела по расследованию особо важных дел СУ СК РФ по Краснодарскому краю, а у руководителя следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту[452].

Таким образом, Краснодарский краевой суд в данном деле не только распространил требования ч. 5 ст. 450 УПК РФ на адвоката, в отношении которого следователь просит суд разрешить его допрос (заметим, что в УПК РФ не установлен судебный порядок получения разрешения на производство данного следственного действия в отношении адвоката), но посчитал, что данная норма требует изменения субъекта, имеющего право внести/согласовать соответствующее ходатайство в суд.

Вышеуказанные различия в позициях высших судов регионов, безусловно, требуют внимания Верховного Суда РФ, который должен дать свои разъяснения по данному вопросу в целях обеспечения единообразия в толковании и применении данной нормы.

Очевидно, что такое разнообразие противоречащих друг другу правовых позиций судов недопустимо в правовом государстве. На наш взгляд, при уточнении формулировки ч. 5 ст. 450 УПК РФ следует помнить о задачах, стоящих перед гл. 52 УПК РФ, связанных с созданием системы гарантий независимости определенных законом лиц, осуществляющих общественно-значимые публичные виды деятельности. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что, являясь исключением из принципа равенства граждан перед законом и судом, система процессуальных норм, усложняющих процедуру принятия процессуальных решений в отношении отдельных категорий лиц, направлена на обеспечение беспрепятственного осуществления ими своей деятельности, их независимости и самостоятельности. Для этого необходимо исключить попытки необоснованного привлечения их к уголовной ответственности и незаконного использования уголовно-процессуальных институтов для посягательства на неприкосновенность данных лиц[453].

---

[449] Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 03 марта 2025 г. по делу № 7У-276/2025 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://internet.garant.ru/ (дата обращения: 01.11.2025).

[450] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 18.12.2024 по делу № 22К-8324/2024 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://internet.garant.ru/ (дата обращения: 01.11.2025).

[451] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23, ст. 2102.

[452] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 02.10.2023 по делу № 22К-6109/2023 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://internet.garant.ru/ (дата обращения: 01.11.2025).

[453] По запросу Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности пункта 9 части первой, частей второй и третьей статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2004 № 392-О // СЗ РФ. 2005. № 10, ст. 896.

Деятельность суда по проверке законных поводов, условий и оснований для принятия соответствующего решения, отсутствия установленных законом препятствий для совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений, о которых ходатайствует должностное лицо органа, осуществляющего уголовное преследование, является разновидностью контрольной деятельности суда и не должно приводить к принятию решений, которые могут содержаться только в приговоре или ином итоговом решении.

С учетом вышесказанного ст. 448–450 УПК РФ должны действовать в неразрывной связи друг с другом, комплексно защищая отдельную категорию лиц от незаконного и необоснованного привлечения их в качестве подозреваемого, обвиняемого и применения к ним мер процессуального принуждения, следственных действий. В этой системе норм определяющую роль играет ст. 448 УПК РФ, устанавливающая ключевых субъектов, контрольная деятельность которых выступает гарантией независимости особых субъектов от необоснованного возбуждения уголовного дела или привлечения их в качестве обвиняемых. Статья 450 УПК РФ должна защищать права данных лиц в ситуации, когда в отношении данных лиц проводятся меры процессуального принуждения и следственные действия, посягающие на конституционные права и требующие судебного санкционирования, если уголовное дело ранее в отношении них не возбуждалось и они не привлекались в качестве обвиняемого. Полагаем, что в обоих случаях законность и обоснованность процессуальных действий должна быть проверена одинаковыми субъектами.

С учетом вышесказанного ч. 5 ст. 450 УПК РФ должна быть дополнена перечнем субъектов, кто будет уполномочен согласовывать внесение в суд ходатайств о производстве следственных действий, например, в отношении адвоката, прокурора района, города, руководителя следственного органа СК РФ по району, городу, депутата выборного органа местного самоуправления – руководитель следственного органа СК по субъекту РФ, в отношении судей – Председатель Следственного комитета РФ и т. д., чтобы обеспечить единообразное толкование и применение гарантий их независимости при возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве обвиняемого и производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права человека.

Шишкин Сергей Сергеевич,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Ижевского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск

Реализация прав в российском уголовном судопроизводстве юридическим лицом в условиях цифровизации (некоторые аспекты)

Как в советское время, так и во время новой России такой участник уголовного судопроизводства, как юридическое лицо, был интересен с точки зрения науки исследователям, теоретикам, практикам. Профессором Зинуром Зинатулловичем Зинатуллиным еще в 1974 году написана работа на тему «Возмещение материального ущерба в уголовном процессе»[454], где обращено внимание на юридическое лицо, как на полноправного участника уголовного судопроизводства. Работа имеет огромный интерес и сегодня, так как затронутые профессором вопросы остаются актуальными.

Участию юридических лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, посвящены работы профессора Владимира Александровича Азарова (Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика)[455], профессора Александра Ивановича Бастрыкина (К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц; Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции)[456]. Профессор Лариса Геннадьевна Татьянина и профессор Надежда Георгиевна Муратова[457] исследуют вопросы безопасности юридических лиц в уголовном судопроизводстве.

---

[454] Зинатуллин З. З. Возмещение материального ущерба в уголовном процессе. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1974. 99 с.

[455] Азаров В. А., Абдрахманов М. Х., Сафаралеев М. Р. Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика : монография. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2010.

[456] Бастрыкин А. И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Российская газета. 2011. 22 марта.; Бастрыкин А. И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. № 1.

[457] Муратова Н. Г., Татьянина Л. Г. Безопасность юридических лиц в уголовном судопроизводстве // Междисциплинарные проблемы безопасности личности в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и правоприменение : моногра-

В условиях происходящих перемен в жизни Российской Федерации намечается рост числа предприятий, учреждений и организаций различных форм собственности. Об этом свидетельствуют статистические данные ФНС России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Юридическое лицо и его должностные лица (руководители, работники бухгалтерских служб, начальники юридических отделов и др.), сотрудники правоохранительных органов, судьи и сотрудники аппарат суда регулярно используют информационные технологии. Цифровизация уже прочно вошла в нашу жизнь, постоянно совершенствуясь. ФНС России ведет единый государственный реестр юридических лиц, где можно получить информацию о юридических лицах (о дате их создания, об учредителях, участниках, руководителе и др.). Налоговые органы открыли совершенно бесплатно интернет-ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности, который доступен для всех пользователей. Юридические лица, которые подлежат обязательному аудиту, представляют в налоговые органы аудиторские заключения. Обязательному аудиту подлежат акционерные общества; организации, ценные бумаги которых допущены к организованным торгам; организации, являющиеся профессиональными участниками рынка ценных бумаг; организации, имеющие организационно-правовую форму фонда; организации, доход, которыми получен от осуществления предпринимательской деятельности, который определяется в порядке, установленном законодательством РФ о налогах и сборах, за год, непосредственно предшествовавший отчетному году; и в других случаях.

В качестве государственной задачи в сфере правосудия информационные технологии были заявлены в 2006 г. (раздел I постановления Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2006 г. № 583 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы»). Важные аспекты затронуты в постановлении Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 15.07.2024) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», в Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019). Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 июня 2019 г. № 710 утверждено проведение эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах, в период с 1 июля 2019 г. по 31 декабря 2025 г. Минцифры России расширяет цифровой профиль юридических лиц. Минцифры вынесло на общественное обсуждение проект постановления правительства, который расширяет перечень данных, передаваемых через цифровой профиль юридического лица. В него добавятся девять новых категорий сведений – о численности работников, доходах на упрощенной системе, декларациях по сельхозналогу, по акцизам, по налогу на имущество, а также об отчетах по страховым выплатам и НДФЛ без персонализации. Проект постановления опубликован на федеральном портале проектов нормативных правовых актов.

Полное представление о юридическом лице, о его участниках (учредителях, акционерах), о лицах, имеющих право действовать без доверенности от имени юридического лица (руководитель, директор), о финансово-хозяйственном положении (о наличии, отсутствии имущества, денежных средств), о системе налогообложения бесспорно способствует в обеспечении и защите прав юридического лица, в быстром расследовании и раскрытии преступления.

Таким образом, с быстротечным развитием научно-технического прогресса в нашу жизнь активно внедряются цифровые технологии. В настоящее время перед законодателем и перед наукой стоят новые вызовы, которые необходимо продолжать решать.

О необходимости цифровой трансформации судебной системы высказываются первые лица государства. Выступая на совещании-семинаре председателей региональных судов общей юрисдикции и арбитражных судов, Председатель Правительства РФ подчеркнул важность участия судебной системы в процессе цифровизации страны и связал осуществляющуюся работу по технической модернизации судов с реализацией большой национальной программы по цифровой экономике. В этой связи им были отмечены такие знаковые достижения в цифровизации судов, как действующая с 2012 г. автоматизированная система ГАС «Правосудие».

Профессор Рябинина Татьяна Кимовна замечает: очевидно, что реформирование российского уголовного судопроизводства происходит под влиянием западных моделей уголовного процесса путем заимствования отдельных норм, принципов и институтов, традиционных для них, но не всегда приемлемых для российской среды[458]. Не оспаривая данный тезис, заметим, что сейчас происходит

фия / под ред. А. Ю. Епихина. М : Проспект, 2024. С. 115–125.; Муратова Н. Г. Процессуальный статус юридического лица в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс: от прошлого к будущему : материалы междунар. науч.-практ. конф., 21 марта 2014 г. : в 2 ч. Ч. 2. М. : Ин-т повышения квалификации Академии Следственного Комитета РФ, 2014. С. 211–215.

[458] Рябинина Т. К. Предание суду в уголовном судопроизводстве некоторых зарубежных стран англосаксонской правовой системы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 1. С. 20–23.

реформирование российского судопроизводства в целом (уголовного, гражданского, административного). Бесспорно, происходящие перемены улучшают положение юридического лица – участника уголовного судопроизводства. Другие исследователи (ученые), в частности, Л. Н. Масленникова и Т. Е. Сушина замечают, что цифровизация уголовного судопроизводства – сравнительно устойчивое направление развития уголовного судопроизводства независимо от страны и правовой системы. Вопрос только, на какой ступени этого развития находится страна в целом и цифровая экономика в частности. Процессы эти необратимы, взаимообусловлены и взаимосвязаны[459]. Считаем, что внедрение цифровых технологий в деятельность органов как предварительного расследования, так и суда становится закономерным этапом в развитии всего уголовного судопроизводства. Высшая судебная инстанция замечает, что через системы ГАС «Правосудие», и «Мой арбитр» в суды общей юрисдикции и арбитражные суды подается все большее количество процессуальных документов, реализована возможность получения информации о состоянии и движении дел, отслеживания времени судебных заседаний посредством сети Интернет[460].

Через систему ГАС «Правосудие» можно ознакомиться с приговорами, постановлениями по уголовным дела. Судебные заседания проводятся с помощью систем видеоконференцсвязи, позволяющей дистанционно участвовать в судебном процессе (при наличии соответствующего ходатайства, по которому судом принято положительное решение). Применение электронных доказательств в судебной практике также является следствием совершенствования и внедрения современных технологий[461]. С 2011 г. в уголовном судопроизводстве (ст. 240, 399 УПК РФ) активно применяются технологии видео-конференц-связи для получения показаний при проведении судебного разбирательства в судах как первой инстанции, так и вышестоящих инстанций. С 2016 г. разрешено использование в уголовно-процессуальной деятельности документов и их копий в электронной форме, в том числе заверенных усиленной электронной подписью (ст. 393, 474, 474.1 УПК РФ). В целом, как верно замечает А. А. Якушкин – «цифровые технологии на досудебных стадиях уголовного процесса еще не нашли своего применения. Немного лучше решен вопрос, когда используются электронные носители информации и когда они выступают в роли вещественных доказательств (ст. 81–82, 166, 182, 183 УПК РФ)»[462].

Таким образом, продолжающаяся тенденция внедрения цифровых технологий в уголовный процесс, бесспорно, направлена на обеспечение процессуальных прав юридических лиц. Согласимся с мнением тех авторов[463], которые замечают, что одним из важных самостоятельных направлений повышения эффективной деятельности государства в досудебном производстве с тем, чтобы потерпевшему-юридическому лицу был обеспечен доступ к правосудию, должно стать: цифровое взаимодействие государственных органов и населения через единую защищенную цифровую онлайн-платформу, что позволит добиться более высокого качества уголовного судопроизводства; возможность подачи заявлений и сообщений о преступлении через специальный онлайн-сервис, интегрированный в указанную цифровую платформу; автоматическую регистрацию таких сообщений и определение направления их движения с использованием возможностей искусственного интеллекта; замену традиционного уголовного дела на электронное; использование цифровых технологий при производстве следственных и иных процессуальных действий (в том числе видео-конференц-связи, программ распознавания речи участников процессуального действия), подача гражданского иска.

Представляется, что должны быть разработаны формы цифровых документов, выложенные на портале, которыми будут пользоваться все участники уголовного судопроизводства. Юридическому лицу, которое зачастую на постоянной основе, ежедневно, подписывает документы с помощью электронной цифровой подписью, ведет электронный документооборот, такое взаимодействие с правоохранительными и судебными органами во многом облегчит реализацию предоставленных им процессуальных прав. Если с судебными органами электронный документооборот уже введен, однако

---

[459] Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 214–224.

[460] Пункты 14, 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 4.

[461] Котлярова В. В. О проблемах правового регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6. С. 37–42.

[462] Якушкин А. А. Цифровизация начального этапа досудебного производства в российском уголовном процессе: использование опыта Республики Казахстан // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. ; в 2 т. / отв. ред. В. Ю. Стромов. Тамбов, 2019. 466 с.

[463] Вилкова Т. Ю. Реализация конституционной обязанности государства обеспечить доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 8 (117). С. 155–161.

на досудебных стадиях такое взаимодействие требует своего внимания. Вместе с тем бумажные документы нельзя исключать полностью. Необходимо юридическому лицу дать возможность подавать заявления, ходатайства, гражданские иски, а также документы (доказательства) в электронном виде.

Айзятова Лиана Фяритована,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Средне-Волжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
г. Саранск

Методологическое значение для расследования выделения классификационной группы «преступные посягательства на права несовершеннолетних»

Несовершеннолетние – это одна из наиболее уязвимых социально-демографических групп населения, от которой, вместе с тем, зависит завтрашний день общества и будущность государства. Поэтому её защита является одной из наиболее значимых задач общества и государства. Более того, можно даже говорить о том, что это особого рода защита – защита, которая осуществляется старшим поколением младшего. Нет ничего более естественного и традиционного, чем такая защита. Она основана на наиболее сильных и фундаментальных потребностях человека – потребности продолжения рода, потребности в социальной преемственности и ряде других. На их основе формируется соответствующее социально-одобряемое поведение, когда родители заботятся о детях, стараясь защитить их от воздействия самых различных негативных факторов. Общество и государство стремятся к созданию эффективной системы защиты несовершеннолетних. Это не только помощь для родителей, но и стремление к поддержанию социальной преемственности, стремление оградить новое поколение от действия деструктивных факторов, способных причинить вред обществу и государству через посягательство на несовершеннолетних[464]. Данная защита включает в себя значительный объём средств, в числе которых и правовые, с помощью которых устанавливаются благоприятные условия для несовершеннолетних, которые имеют возможность развиваться и адаптироваться к социальной среде, сформировавшейся в государстве.

Защита несовершеннолетних, прежде всего, предполагает защиту их прав и свобод. Это целая совокупность возможностей, предлагаемых несовершеннолетним государством для их полноценного развития, в результате которого они могут стать полноценными членами общества[465]. При этом государство установлением защиты создаёт гарантии того, что названные возможности будут реализованы в зависимости от желания самих несовершеннолетних. Устанавливаемые правовые средства защиты отличаются многообразием. В частности, многообразием ответственности за посягательство на права несовершеннолетних. Наиболее строгими мерами правовой защиты является установление уголовной ответственности за отдельные, наиболее опасные виды посягательств. Меры уголовно-правовой защиты отличаются своей жёсткостью в сравнении с другими применяемыми мерами. Они рассчитаны не только на привлечение к уголовной ответственности виновных в совершении преступных посягательств лиц, но и на предупреждение совершения новых аналогичных преступлений. Сам факт установления уголовной ответственности за отдельные виды преступных посягательств предупреждает их совершение. Поэтому уголовная ответственность – это система мер, направленных на профилактику преступных посягательств.

Но уголовная ответственность эффективна как средство профилактики лишь в том случае если она применяется ко всем лицам, совершившим преступление. Для профилактики важным является соблюдение требования неотвратимости уголовной ответственности, в соответствии с которым каждое виновное в совершении преступления лицо не должно избежать уголовной ответственности. Обеспечить это возможно при условии качественно проведённого расследования, которое позволит установить все обстоятельства совершённого преступного посягательства и причастности к нему со-

[464] Гасымова С. С. Актуальные проблемы защиты прав несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе // Права человека в современном мире: традиционные ценности и новые вызовы : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Декларации прав человека 10 декабря 1948 года, Тамбов, 13 декабря 2023 г. Тамбов : Першина Р. В., 2023. С. 99–101.

[465] Щербачева Л. В., Алеева С. С. Защита прав несовершеннолетних, как субъекта правового регулирования семейных отношений // Защити меня. 2023. № 1. С. 55–63.

ответствующих лиц. Для того, чтобы расследование было неизменно успешным необходимо наличие соответствующей криминалистической методики, рекомендации которой позволили бы следователю находить верное решение даже в проблемных ситуациях. Наличие качественной криминалистической методики способно позволить следователю при расследовании конкретного преступления определять перечень задач, решение которых даёт возможность восстановить картину совершённого преступного деяния[466]. Поэтому создание эффективной криминалистической методики следует рассматривать в качестве одного из элементов уголовно-правовой защиты прав несовершеннолетних от преступных посягательств на них[467]. Важным в создании такой методики является определение её предмета, то есть тех преступных посягательств, которые совершаются, и которые подлежат расследованию[468].

Преступные посягательства против несовершеннолетних, как предмет криминалистической методики расследования достаточно широк. Это своего рода научная абстракция, которая способствует выполнению главной задачи криминалистики как науки – « …познанию закономерностей, управляющих функционированием ее объекта. Криминалистика здесь не исключение. В этом процессе познания построение научных абстракций занимает особое место. Они позволяют упорядочить, привести к системному виду множество отдельных случаев проявления одних и тех же закономерностей»[469].

Данная классификационная группа охватывает значительное количество составов, которые закреплены в нормах уголовного законодательства. В частности, это составы преступлений, предусмотренных ст. 150, 151, 151.1, 156, 153, 154, 155, 157 УК РФ. Кроме того, это преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних; преступления против жизни и здоровья несовершеннолетних; преступления против семьи. Выделение названных составов основано на уголовно-правовой классификации, которая в качестве критерия использует признаки, закреплённые в уголовном законе. То есть, для данной классификации важным является указание на то, что соответствующее преступное посягательство направлено против несовершеннолетнего, то есть указывается вполне определённый признак этих преступлений – вполне определённые права несовершеннолетнего. Однако для криминалистической методики важным является знание не только признаков составов преступлений, которые закреплены в уголовном законе. Важным является то, что преступное посягательство совершено в отношении несовершеннолетнего независимо от того, находит ли это закрепление в действующем уголовном законе. К примеру, права несовершеннолетнего нарушаются при совершении кражи, хотя состав ст. 158 УК РФ такого признака, как совершение преступления в отношении несовершеннолетнего не содержит. При этом, вполне очевидно то, что преступники часто используют психофизиологические особенности несовершеннолетних при совершении этих преступлений. То же самое наблюдается и при совершении других преступлений. То есть, несовершеннолетний возраст и связанные с ним особенности личности являются привлекательными для совершения целого ряда преступлений, составы которых не содержат нормативно определённых признаков, указывающих на названную социально-демографическую группу. Однако, именно возраст часто провоцирует конкретных лиц на совершение преступления и является фактором, который упрощает достижение противоправной цели преступником.

Для криминалистической методики в определении классификационной группы важным является выбор основания, знание которого способно оказать помощь в расследовании. Это знание, по сути, позволяет увидеть значимые элементы, которые привели в движение по направлению к преступной цели всю систему противоправных действий. Благодаря этому знанию следователь имеет возможность сформировать представление о том, какое событие необходимо выявить и какие обстоятельства являются значимыми для установления факта совершения соответствующего преступления. Знание такого классификационного признака позволяет следователю уже на момент начала расследования сориентироваться в выборе стратегии и проведении тех следственных действий, выполнение которых позволит получить необходимые для установления истины доказательства. Несовершеннолетний возраст потерпевшего должен быть сигналом для следователя в изучении личности этого потерпевшего. Не сам по себе возраст, а характерные для него особенности эмоционального и интеллектуаль-

[466] Подольный Н. А. Системно-деятельностный подход в криминалистической методике расследования преступлений // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. 2025. Т. 70, № 2. С. 176–182.

[467] Подольный Н. А. Методологические основы расследования преступлений : учебное пособие. М. : Ай Пи Ар Медиа, 2025. 65 с.

[468] Подольный Н. А. Системно-деятельностный метод в расследовании преступлений // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1 (73). С. 175–186.

[469] Каминский А. М. Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. Леонида Яковлевича Драпкина. 2015. С. 40.

ного развития часто являются привлекательными для того, чтобы совершить в отношении них преступное посягательство лицами, стремящимися к достижению криминальной цели. Установление этих особенностей помогает следователю понять не только мотив совершённого преступления, но и механизм. К примеру, хорошо известна доверчивость несовершеннолетних к взрослым людям. Эта особенность может сделать конкретного несовершеннолетнего беззащитным в отношении взрослого преступника. Недостаточное интеллектуальное развитие позволяет несовершеннолетнего достаточно легко обмануть, что позволяет преступнику добиться поставленной криминальной цели. Несовершеннолетние эмоционально уязвимы. Их достаточно легко запугать. Запугав, заставить их совершить действия не в их интересах. То есть несовершеннолетние уязвимы для преступных посягательств.

Несовершеннолетний возраст для следователя – это сигнал к тому, чтобы максимально детально разобраться в механизме совершения преступного посягательства с учётом субъективных особенностей потерпевшего. Вполне очевидно то, что для выявления особенностей механизма совершения этих преступлений необходимо проведение вполне определённой системы следственных действий. Эти следственные и иные процессуальные действия должны проводится по вполне определённому порядку, который способен обеспечить установление значимых для расследования обстоятельств, имевшего место события. Названный порядок обусловлен, в том числе, особенностями механизма совершения конкретного преступления в отношении несовершеннолетнего. Таким образом, признак, положенный в основу криминалистической классификации, позволяет уже на начальном этапе расследования определить тот алгоритм проведения следственных и иных процессуальных действий, который способен обеспечить получение доказательств и иной информации, позволяющих существенно продвинуться в познании имевшего место события[470]. Поэтому определение классификационной группы преступлений, совершённых в отношении несовершеннолетних, имеет методологическое значение, поскольку позволяет сформировать систему типовых рекомендаций относительно проведения следственных и иных процессуальных действий, реализация которых создаёт гарантию получения доказательств, позволяющих сделать вывод о наличии преступного посягательства и в причастности к нему соответствующих лиц. Особенно большое значение это имеет для начального этапа расследования, поскольку знание следователем классификационной группы позволяет ему обращаться к имеющемуся опыту и практике в решении проблем, обусловленных недостатком информации.

Также признаком, который лежит в основе классификационной группы «преступления, совершённые в отношении несовершеннолетних» лежат особенности воспитания пострадавшего лица. Это вовсе не обязательно отсутствие воспитания или плохое воспитание, это могут быть его особенности, которые обществом и государством вовсе не расцениваются, как дефект. К примеру, сложно назвать дефектом воспитания доверчивость несовершеннолетнего, готовность оказать помощь другому человеку. Это положительные результаты воспитания[471]. Но они могут привести к негативным последствиям в случаях некритического восприятия действительности конкретным несовершеннолетним. Так доверчивость к любым взрослым делает несовершеннолетнего уязвимым для преступников. Готовность оказать помощь без критического осмысления того, что кроется за этой помощью, может стать элементом механизма преступного деяния, который обеспечит достижение конкретным злоумышленником противоправного результата. В связи с этим, признаком названной классификационной группы являются особенности воспитания несовершеннолетнего, которые привели к формированию у него качеств, делающих его потенциальной жертвой преступных посягательств определённого рода. Знание того, что деяние относится к классификационной группе «преступные посягательства против несовершеннолетних» позволяет следователю уже на момент начала расследования знать стандартные подходы, следование которым способно помочь в выявлении доказательств и поиске недостающей информации. Благодаря этому имеется возможность действовать оперативно и достаточно быстро и при этом избегать возможных ошибок. В частности, уже на начальном этапе расследования знание названной классификационной группы позволяет особое внимание уделить личности несовершеннолетнего, а также его воспитанию. Это знание позволяет понять отдельные обстоятельства, значимые для восстановления картины имевшего место деяния.

К классификационным признакам, позволяющим организовывать и проводить расследование на начальном этапе расследования, следует также отнести обстановку, в которой совершаются данные преступные посягательства. При этом под обстановкой следует понимать систему условий, в которых

---

[470] Акиев А. Р. Структура криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2 (44). С. 5–14.

[471] Зеленский В. Д., Куемжиева С. А. Вопросы конкретизации предмета расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 6. С. 132–135.

совершается преступное посягательство. Условия могут быть, как благоприятные, так и неблагоприятные для достижения преступной цели. Они учитываются преступником при планировании и совершении преступлений. Для расследования преступных посягательств против несовершеннолетних следователю важно знать, в каких условиях проживал потерпевший, поскольку это позволяет более глубоко понять механизм, благодаря которому была достигнута криминальная цель. Как показывает практика, достаточно часто либо условия проживания несовершеннолетних являются неблагоприятными, либо им уделяется недостаточное внимание со стороны взрослых, то есть дети предоставлены сами себе. Это является признаком преступлений против несовершеннолетних, который устанавливается уже на начальном этапе расследования. Информацию об этом следователь имеет возможность получить достаточно быстро, на момент начала расследования. Её предоставляет орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность и на её основе следователь имеет возможность получить соответствующие доказательства.

Ахатова Алия Махмутовна,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,
начальник отдела подготовки и аттестации научных кадров
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

Современное понимание «видов посредственных исполнителей», используемых для совершения преступлений в сетевом информационном пространстве

В современных условиях, характеризующихся расширением трансграничной преступности и активным развитием дистанционных форм взаимодействия между соучастниками, традиционные виды посредственных исполнителей (малолетние, лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, невменяемые) оказываются недостаточными для эффективного правоприменения.

Распространение информационно-телекоммуникационных технологий обусловило формирование новых, высокоорганизованных и дистанционно управляемых преступных групп, структурной особенностью которых, как правило, является использование лиц неосведомлённых о фактическом характере совершаемых действий и собственной роли в преступлении.

Доктрина посредственного исполнения, закрепленная в ч. 2 ст. 33 УК РФ, требует концептуальной доработки с учётом специфики информационной среды и правоприменительной практики. Использование «дропов», «дроповодов», «громоотводов», «селлеров», а также технологий искусственного интеллекта, включая технологии deepfake[472], образуют устойчивую социально-инженерную и технологическую инфраструктуру преступности в сетевом информационное пространстве.

Реализуя преступное посягательство, преступник использует другое лицо как инструмент, полностью управляя им посредством информационного и организационного контроля, скрывая свою истинную роль. В сетевой информационном пространстве такое использование достигается за счёт целенаправленного формирования существенного заблуждения, оказания информационно-психологического воздействия: виновное лицо скрывает истинное назначение поручения, дробит операции, минимизирует осведомлённость и обеспечивает «одноразовость» взаимодействия. Такие действия подкрепляются технологическими инструментами – поддельными сайтами и интерфейсами[473], синтезированными голосами и изображениями (deepfake), псевдодокументами, имитирующими корпоративные или государственные реквизиты. Посредственный исполнитель создает видимость легальной деятельности, предлагая кажущиеся высокодоходными, но при этом предельно простые задания: «удаленная работа по пересылке документов», «помощь в проведении финансовых операций для иностранной компании», «тестирование платежных систем», «выгодные инвестиции» или «программы лояльности».

Конструирование такой реальности позволяет изолировать вовлекаемое лицо от критической информации, дробить операции до ситуативных микрозаданий и тем самым препятствовать формированию у него умысла на совершение преступления.

---

[472] Долгиева М. М. Квалификация дипфейк-мошенничества и киберпохищения человека // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 11. С. 106–113.

[473] Приговор Ленинского районного суда города Ижевска от 11.01.2024 по делу № 1-48/2024; Приговор Ленинского районного суда города Ижевска от 25.07.2023 по делу № 1-215/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

С учётом структуры преступности в условиях цифровой реальности и распространённых моделей социально-инженерного воздействия целесообразно выделять следующие виды лиц, используемых посредственным исполнителем:

«Дропы», под которыми следует понимать категорию субъектов, чья личность, реквизиты либо действия используются для обеспечения преступной деятельности путем создания, маскировки или поддержания платежно-идентификационной и коммуникационной инфраструктуры посягательства. «Дропы» служат буферной зоной, призванной создать дистанцию между инициатором преступления и его непосредственной реализацией, усложняя идентификацию и отслеживание денежных или информационных потоков. Все прямые действия, связанные с обналичиванием, переводом средств, регистрацией доменов или SIM-карт, выполняются через дропов, оставляя на них основной цифровой след и, соответственно, риск обнаружения и привлечения к уголовной ответственности.

Использование «дропов» существенно выходит за рамки классических финансовых составов, превращая данную роль в универсальный инструмент преступной деятельности. «Дропы» вовлекаются в посягательства на широкий спектр охраняемых законом общественных отношений, затрагивая:

- Общественные отношения в сфере компьютерной информации. «Дропы» содействуют неправомерному доступу к информационным ресурсам и сетям, предоставляют учетные записи и телекоммуникационные средства для обхода аутентификации, участвуют в обороте похищенных данных (включая продажу на теневых площадках) и создании фиктивных цифровых идентичностей. Существенную роль они играют в поддержании технической базы атак: на их имя регистрируются домены для фишинговых ресурсов, арендуются площадки под вредоносное ПО и командно-контрольные серверы (C2), используются их IP для маршрутизации трафика при DDoS-кампаниях и иных формах кибервымагательства.

«Дропы» также используются для оформления и эксплуатации SIM/eSIM, виртуальных нумераций и средств аутентификации с целью обхода процедур верификации и двухфакторной защиты. Они обеспечивают использование чужих идентификаторов, создают и поддерживают фиктивные учётные записи, а также участвуют в технологических схемах подмены личности (включая применение инструментов синтетических данных и имитации подтверждений).

– ***Общественные отношения, посягающие на государственную власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления.*** «Дропы» применяются для сокрытия подлинных организаторов противоправной деятельности. Через них формируются номинальные структуры и фиктивные организации, служащие целям маскировки активов, ухода от налоговых и регуляторных требований, обхода санкционных режимов, вывода капиталов и участия в коррупционных схемах. Одновременно они используются как средство противодействия расследованию: транзакции дробятся на множество малозначительных переводов для обхода порогов финансового мониторинга, выстраиваются сложные многоступенчатые цепочки счетов и посредников, что существенно затрудняет идентификацию конечных получателей и организаторов и подрывает принципы прозрачности и законности.

– ***Общественные отношения, посягающие на экономическую деятельность***[474]. В сфере экономической системы «дропы» вовлекаются в процессы легализации преступных доходов, полученных от преступлений (включая вымогательство, мошенничества, наркоторговлю). Практически это выражается в обходе процедур комплаенса (KYC/AML), открытии счетов на подставных лиц, маскировке бенефициаров операций, смешении и расщеплении денежных потоков, затрудняющих обнаружение незаконных транзакций и их источников. Указанные практики искажают экономические показатели, создавая «серые зоны» внутри финансовой системы.

– ***Общественные отношения, посягающие на здоровье населения и общественную нравственности***[475]. «Дропы» могут использовать подставные SIM-карты и учетные записи в мессенджерах для приема заказов от клиентов. Эти учетные записи регистрируются на украденные или купленные данные, что делает отслеживание реального продавца крайне затруднительным. Дроп принимает заказ, уточняет детали (место, время, способ оплаты) и передает информацию вышестоящему звену в наркосети[476]. «Дропы» могут выступать в роли «кладменов», которые размещают наркотики в заранее оговоренных местах (подъезды, парки, тайники в городских объектах) и отправляют клиентам

[474] Определение СК по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04 июня 2024 г. по делу № 7У-3737/2024[77-1995/2024] [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[475] Кассационное определение СК по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 марта 2025 г. по делу № 7У-1120/2025[77-1000/2025] [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[476] Апелляционное определение СК по уголовным делам Свердловского областного суда от 16 июня 2025 г. по делу № 22-3753/2025 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

координаты и фотографии с указанием точного местоположения. Использование множества разных «кладменов» и постоянно меняющихся мест закладок делает процесс отслеживания и задержания наркоторговцев крайне затруднительным.

Правоприменительная практика в отношении «дропов», особенно тех, кто оказался вовлечен в преступную деятельность обманным путем, строго ориентирована на принцип вины. Применение ст. 187 УК РФ допустимо лишь при доказанности умысла лица на совершение инкриминируемых действий.

Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 26 сентября 2024 г. № 2122-О прямо указал, что уголовная ответственность по ст. 187 УК РФ подлежит применению с учётом конкретных фактических обстоятельств дела и лишь при условии доказанности умысла лица на совершение соответствующих действий, охватывающего осознание предназначения изготавливаемых или сбываемых документов как платёжных и возможности их использования именно в противоправных целях. Данная позиция исключает объективное вменение и требует доказательств интеллектуально-волевого отношения субъекта к общественно опасному характеру совершаемого деяния[477].

Аналогичная правовая позиция подтверждена судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации. Так, в определении суда кассационной инстанции от 3 апреля 2025 г. № 66-УДП25-11-К8, поддержанном Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ, по делу о привлечении к ответственности номинального директора, передавшего третьим лицам доступ к системам дистанционного банковского обслуживания и электронным средствам за вознаграждение, акцентировано: привлечение по ст. 187 УК РФ возможно исключительно при доказанности умысла на совершение неправомерных действий. Этот умысел должен охватывать осознание того, что сбываемые электронные средства, носители информации, технические устройства и программы предназначены для неправомерного осуществления приёма, выдачи или перевода денежных средств[478].

Таким образом, если лицо действовало в условиях добросовестного заблуждения, оснований для квалификации по ст. 187 УК РФ не имеется. Такой подход соответствует конституционным гарантиям презумпции невиновности и принципу in dubio pro reo, обеспечивая охрану лиц, ставших жертвами манипуляций и обмана.

Тем не менее наряду с дропами в криминальной практике распространено использование подставных лиц, которых часто называют ***«громоотводами»***[479]. Громоотводам за их участие платят фиксированные суммы и фактически сводят роль к минимуму: периодически им привозят готовые документы на подпись или дают краткие инструкции. Их основная функция состоит не в ведении операций, а в готовности принять на себя юридическую ответственность.

В случаях с экономическими преступлениями, **в роли «громоотводов» могут выступать не только сторонние лица, но и нижестоящие члены самой преступной группы**, получающие за это дополнительное вознаграждение.

«Громоотводы» фигурируют в официальных реестрах, учредительных документах и банковских системах как руководители (генеральные директора, председатели правления) или учредители, но при этом фактически не осуществляют управленческую деятельность и не принимают решений. Их основная функция – создать видимость легитимности, который поглотит последствия возможных проверок, аудитов, налоговых претензий или уголовных дел.

«Громоотвод» обязан активно сотрудничать со следствием, но таким образом, чтобы все следы, в том числе цифровые, вели исключительно на него самого**. Он** не должен отрицать свою вину**, а, наоборот, давать показания, которые полностью подтверждают его статус как единоличного ответственного лица. От него требуется написать явку с повинной или дать признательные показания, принимая на себя всю полноту ответственности за инкриминируемые деяния.**

Мотивация таких лиц может быть разной: от значительного вознаграждения и обещаний легкого заработка до принуждения или эксплуатации их уязвимого положения (например, должников, лиц с низким социальным статусом, алкогольной или наркотической зависимостью). Однако, независимо от мотивации, юридическая ответственность за деятельность компании ложится непосредственно на них.

В дополнение к использованию «дропов» и «громоотводов», важную роль в криминальной инфраструктуре играют так называемые «дроповоды». «Дроповоды» не обязательно участвуют

---

[477] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куприкова Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 187 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 сентября 2024 г. № 2122-О [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[478] Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2025 г. № 66-УДП25-11-К8 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[479] Типология личности постпенитенциарного рецидивиста (Л. В. Смирнов, В. С. Харламов, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». 2021. № 1.).

в управлении или владении компаниями, но активно занимаются поиском, вербовкой и продажей «дропов» и «громоотводов» организаторам преступных схем. Они выступают в роли посредников, специализирующихся на предоставлении «человеческого ресурса» для преступной деятельности.

В апелляционном определение СК по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 28 июля 2025 г. по делу № 22-3843/2025 дроповод определяется как лицо, которое производит отыскание и подбор лиц, неосведомленных о преступных действиях группы с целью оформления и использования их персональных данных за денежное вознаграждение для регистрации абонентских номеров, открытия банковских счетов и выпуска к ним банковских карт, в том числе путем размещения объявлений о заработке в безопасной шифрованной программе мгновенного обмена сообщениями Телеграм (Telegram); обеспечивает оплату и доставку абонентских номеров и банковских карт «руководителю обнальщиков», тем самым реализует схему мошенничества и способствует бесперебойной деятельности преступной группы в конкретном городе Российской Федерации[480].

В апелляционное определение Волгоградского областного суда от 29 августа 2023 г. по делу № 22-3062/2023 дроповод определяется как лицо, подыскивающее дропов с целью получения SIM-карт, оформленных в различных компаниях сотовой связи, и банковских карт, открытых в различных банках для их использования при обналичивании похищенных денежных средств[481].

В приговоре Ленинского районного суда города Самары от 21.05.2025 № 1-50/2025 (УИД 59RS0005-01-2024-008489-83) дроповод определяется как лицо, занимающееся поиском и привлечением людей, которые за плату предоставляют свои банковские карты [482].

Их деятельность основана на искусной социальной инженерии и глубоком понимании психологии, что позволяет им эффективно выявлять и эксплуатировать уязвимости потенциальных жертв.

После того, как «дроповод» находит подходящего кандидата, он проводит с ним предварительное собеседование, объясняет суть работы (часто не раскрывая ее преступный характер), оговаривает условия оплаты и оформляет необходимые документы. Затем он передает кандидата организаторам преступной схемы и получает за это вознаграждение.

В то же время деятельность «дроповодов» сама по себе является преступлением, поскольку она является формой соучастия в преступной деятельности. Они могут быть привлечены к уголовной ответственности не только за подстрекательство или пособничество в совершении основного преступления (например, легализации доходов, мошенничества), но и за более тяжкие составы, такие как вовлечение в совершение преступления (статья 150 УК РФ), организация преступного сообщества или участие в нем (статья 210 УК РФ).

Помимо «дропов» и «громоотводов», современная криминальная структура активно использует услуги **«сейлеров» (от англ. «seller» – продавец)**, но уже в более широком и традиционном понимании этого термина[483]. Это лица, которые специализируются на **противоправной продаже персональных данных, финансовых инструментов и различных услуг**, необходимых для функционирования преступных схем. Деятельность таких «сейлеров» включает:

– ***Продажу персональных данных*:** это могут быть базы данных, полученные в результате утечек, взломов или фишинговых атак. Это паспортные данные, номера телефонов, адреса электронной почты, данные банковских карт, логины и пароли от различных онлайн-сервисов.

– ***Продажу финансовых инструментов*:** реализация уже оформленных на подставных лиц банковских карт (в том числе с подключенным ДБО), электронных кошельков, аккаунтов в криптовалютных биржах, а также SIM-карт, зарегистрированных на чужие данные. Эти инструменты критически важны для обналичивания средств, отмывания денег и обеспечения анонимности транзакций.

– ***Продажа специализированных услуг*:** «сейлеры» также могут предлагать услуги по регистрации фиктивных юридических лиц, созданию поддельных документов (паспортов, справок, печатей), предоставлению доступа к взломанным серверам (для размещения вредоносного ПО или фишинговых сайтов), а также услуги по пробивке информации о лицах или организациях.

Таким образом, современный анализ видов посредственных исполнителей: «дропов», «дроповодов», «громоотводов», «сейлеров» убедительно демонстрирует, что современная преступность

---

[480] Апелляционное определение СК по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 28 июля 2025 г. по делу № 22-3843/2025 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[481] Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 29 августа 2023 г. по делу № 22-3062/2023 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[482] Приговор Ленинского районного суда города Самары от 21.05.2025 № 1-50/2025 (УИД 59RS0005-01-2024-008489-83) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[483] Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере информационных технологий : учебник / коллектив авторов ; под науч. ред. И. А. Калиниченко. ИНФРА-М, 2023. 642 с.

в сетевом информационном пространстве трансформировалась, создав сложную, многоуровневую и высокотехнологичную криминальную инфраструктуру. Они обеспечивают беспрецедентный уровень анонимности, масштабируемости и устойчивости преступных схем. Именно поэтому **современное понимание посредственного исполнения преступлений в сетевом информационном пространстве требует фундаментального переосмысления традиционных доктрин уголовного права.**

Традиционные концепции института соучастия, разработанные в условиях «физического» мира, сталкиваются с серьезными вызовами. Воздействие осуществляется в различных формах и различными психологическими средствами, технологиями. Цель данного воздействия преобразование, изменение психологических характеристик личности, опосредующих их деятельность и поведение. Психологическое воздействие оказывается как посредством убеждения и аргументации, так и применением определенных манипулятивных приемов и техник. У человека вызывается чувство уверенности в том, что его действия общественно полезны. Применение различных методов воздействия (убеждения посредством аргументации, скрытого принуждения в форме психологической манипуляции) ведет к формированию в информационно-психологическом поле лица положительного образа его поведения, которое фактически является противоправным.

Новая реальность, где преступное посягательство реализуется через дистанционно управляемых и часто неосведомленных лиц посредством искусного манипулирования сознанием, информационно-психологического воздействия и технологического искажения действительности требует адаптации правовых норм.

Такое переосмысление должно касаться не только уточнения границ субъективной стороны преступления для лиц, вовлеченных обманным путем (как это уже начинает происходить с разъяснениями по ст. 187 УК РФ, акцентирующими внимание на доказанности умысла), но и более четкого определения ответственности истинного посредственного исполнителя, который, оставаясь в тени, осуществляет полный информационно-организационный контроль над своими «инструментами».

Гайнетдинов Рустам Раисович,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Института права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа

Криминалистические методы выявления и расследования вовлечения малолетних в преступную деятельность: от традиционных подходов к цифровым технологиям

Актуальность проблемы вовлечения малолетних в преступную деятельность приобретает исключительный характер в условиях информационно-телекоммуникационной трансформации общества. За последние годы криминальные методы качественно изменились: если в советский и ранний постсоветский период доминировали методы прямого воздействия, то в настоящее время преступники активно используют сеть интернет, применяя совершённые методы социальной инженерии, манипуляции и психологического воздействия[484].

В научных трудах Марата Константиновича Каминского всегда подчёркивалась необходимость постоянного развития криминалистических методов в соответствии с эволюцией преступного поведения[485]. В учении Зинура Зинуровича Зинатуллина акцентировано внимание на процессуальных гарантиях прав участников процесса, особенно потерпевших, включая малолетних[486]. Развивая эти научные традиции, современная криминалистика должна предложить эффективные и этически оправданные методы выявления и расследования вовлечения малолетних в эпоху цифровых технологий.

Криминалистические особенности современного вовлечения малолетних.

Вовлечение малолетних в преступную деятельность в интернет-среде существенно отличается от классического вовлечения. Эти различия имеют большое криминалистическое значение.

---

[484] Сокол Е. В. Вовлечение несовершеннолетних в наркопреступления: криминалистические и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 47–51.

[485] Каминский М. К. Криминалистика : учебник для вузов. М. : Юрайт, 1995. С. 34–43.

[486] Зинатуллин З. З. Уголовный процесс : учебное пособие. М. : Правоведение, 2001. С. 156–171.

Первой и наиболее важной особенностью является опосредованный характер взаимодействия. В отличие от традиционного вовлечения, когда взрослый преступник напрямую общается с ребёнком, устанавливая личный контакт и создавая отношения доверия в непосредственной среде, интернет-вовлечение осуществляется через виртуальные каналы коммуникации. Преступник создаёт вымышленный профиль, выдавая себя за ровесника или авторитетного для молодёжи человека. Эта квазианонимность позволяет ему длительное время скрывать свою истинную личность и физиологические характеристики, что существенно облегчает процесс завоевания доверия ребёнка[487].

Вторая существенная особенность – пролонгированный период завоевания доверия. Если при традиционном вовлечении преступник зачастую действует импульсивно, используя сложившуюся ситуацию, то в интернет-среде процесс требует терпеливого, длительного «ухаживания» за жертвой. Вовлекатель недели и месяцы изучает личность ребёнка, его интересы, страхи, потребности, семейную ситуацию, материальное положение. На основе собранной информации он подбирает индивидуализированный набор методов психологического воздействия: обещание дружбы, признания, защиты, материальных выгод[488].

Третья особенность состоит в сборе и использовании компрометирующей информации. Интернет предоставляет преступнику уникальные возможности для получения материалов, которые впоследствии можно использовать как инструмент шантажа. Вовлекатель побуждает малолетнего к передаче фотографий и видео интимного содержания, а затем использует эту информацию в качестве средства закрепления контроля над жертвой и принуждения к совершению преступлений. Важным криминалистическим аспектом является то, что такие материалы сохраняются в цифровом формате, оставляя значительные электронные следы[489].

Четвёртой характерной чертой является масштабность и систематичность преступной деятельности. Одна преступная группа может одновременно вовлекать десятки или сотни детей из разных регионов страны. Это становится возможным благодаря масштабируемости интернет-технологий и отсутствию географических ограничений. Преступники часто используют унифицированные методы и сценарии вовлечения, что облегчает их выявление при надлежащем применении криминалистических методов[490].

Традиционные криминалистические методы: основа расследования.

Криминалистическая наука располагает апробированным и эффективным арсеналом методов, разработанных на основе более столетнего опыта борьбы с преступностью. Эти методы остаются актуальными и значимыми при расследовании современного вовлечения малолетних, однако требуют существенной адаптации к условиям цифровой среды.

Метод криминалистического анализа преступления остаётся основой расследования. Следователь анализирует механизм совершённого преступления, выявляя типичные для данного вида вовлечения признаки: используемые социальные сети и платформы, типовые сценарии первого контакта, характерные методы психологического воздействия, обещаемые суммы вознаграждения, признаки вовлечения в конкретные виды криминальной деятельности (дропперство, сексуальная эксплуатация и т. п.)[491].

Криминалистическое моделирование преступления также сохраняет свою значимость. На основе собранных доказательств криминалист может восстановить весь процесс вовлечения: как был установлен первый контакт, какие этапы завоевания доверия применялись, каким образом осуществлялось вовлечение в конкретное преступное деяние. Это позволяет выявить типичные схемы действий данного преступника или преступной группы, что имеет значение для дифференциации методики расследования[492].

Классическое криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия и фиксации доказательств приобретает новое измерение. При осмотре помещения, где проживает потерпевший или где совершены криминальные действия, криминалист должен выявить, надлежащим образом изъять и зафиксировать электронные устройства (смартфоны, ноутбуки, планшеты, персональные

---

[487] Япечко О. В. Основы расследования вовлечения несовершеннолетних: криминалистические и процессуальные аспекты. М. : НОРМА, 2023. С. 89–104.

[488] Макаренко И. А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего преступника. М. : Юрайт, 2024. С. 112–128.

[489] Информационное письмо Следственного комитета Российской Федерации о тактике расследования вовлечения несовершеннолетних через интернет от 15.11.2025 // Служба по контролю за соблюдением законности.

[490] Данные Главного информационно-аналитического управления МВД РФ о сетевых структурах вовлечения несовершеннолетних в преступления (сборный аналитический отчёт за 2024–2025 гг.).

[491] Эксархопуло А. А. Криминалистика : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2023. С. 289–304.

[492] Зайнуллин Р. И. Методика расследования преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационной среде. М. : Юрайт, 2024. С. 67–82.

компьютеры), на которых сохранилась переписка с вовлекателем. Правильная фиксация является критически важной: необходимо сохранить целостность и аутентичность цифровых доказательств, документировать их состояние, дату и время создания, метаданные файлов[493].

Допрос малолетнего потерпевшего требует применения специальных криминалистических методов, основанных на знании психологии развития ребёнка. Криминалист, обладающий такими знаниями, строит беседу таким образом, чтобы избежать внушения, вторичной виктимизации, деформации показаний. Критически важно выяснить: как был установлен первый контакт, какие сообщения отправлял вовлекатель и в какой последовательности, какая информация о ребёнке была ему известна, какие методы психологического воздействия применялись, была ли произведена попытка сбора компрометирующего материала, какое вознаграждение обещалось[494].

Цифровые методы как продолжение криминалистических традиций.

Современная криминалистика должна дополнить классические методы современными цифровыми инструментами, специально разработанными для анализа преступлений в информационно-телекоммуникационной среде.

Анализ цифровых артефактов представляет собой необходимое дополнение к традиционным методам. Исследование изъятых электронных устройств позволяет выявить полную историю коммуникации между вовлекателем и потерпевшим, включая удалённые сообщения и данные, которые могут быть восстановлены из системных файлов, кэша приложений и резервных копий. Цифровые артефакты (метаданные файлов, логи системы, истории браузера, геолокационные данные) содержат информацию о времени создания и редактирования сообщений, что позволяет восстановить точную хронологию взаимодействия[495].

Исследование профилей в социальных сетях подозреваемых вовлекателей позволяет выявить типичные признаки криминальной деятельности: использование вымышленных фотографий, стереотипные тексты приветственных сообщений, массовое добавление в друзья большого количества малолетних, предложение денежного вознаграждения под различными предлогами, наличие множества альтернативных аккаунтов[496].

Сетевой анализ как криминалистический метод позволяет исследовать сетевые взаимодействия между аккаунтами подозреваемых и выявлять структуру преступной организации, её иерархию, роль каждого участника. Зачастую такой анализ выявляет, что несколько подозрительных аккаунтов принадлежат одному лицу или работают под единым командованием, что имеет существенное значение для квалификации преступления[497].

Геолокационный анализ как вспомогательный метод позволяет установить местоположение преступника на момент совершения преступления, места, где осуществлялись встречи с потерпевшими, и может помочь в выявлении мест хранения компрометирующего материала или предметов преступления[498].

Интеграция методов: синтез традиций и инноваций.

Наиболее эффективным подходом, соответствующим принципам криминалистической науки, является интеграция классических криминалистических методов с современными цифровыми инструментами анализа.

Рассмотрим практический пример. При расследовании организованной сети вовлекателей в дропперство следователь начинает с осмотра места происшествия и тщательного допроса потерпевшего (применение традиционных криминалистических методов). Он изымает смартфон ребёнка и передаёт его на исследование специалисту-криминалисту, специализирующемуся на цифровых доказательствах. Специалист анализирует переписку в мессенджерах и социальных сетях, выявляет основной аккаунт вовлекателя и иные связанные аккаунты, исследует эти аккаунты и выявляет их связи с другими аккаунтами и потерпевшими.

---

[493] Ст. 176–178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

[494] О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 1 февраля 2011 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4. С. 2–9.

[495] Осипов А. И. Цифровые следы в расследовании киберпреступлений. М. : ИНФРА-М, 2024. С. 156–178.

[496] Рихтер М. В., Гасанов И. З. Методология анализа социальных сетей при расследовании организованной преступности. М. : Статут, 2023. С. 204–221.

[497] Курочка А. В. Криминалистические аспекты борьбы с киберпреступностью. М. : Юристъ, 2023. С. 145–167.

[498] Герасимов А. М. Геолокационные данные как доказательство в уголовном процессе. М. : Юрайт, 2024. С. 89–108.

На основе этого комплексного анализа выявляется вся сеть вовлекателей, их операционная схема действий, предполагаемые географические регионы их преступной деятельности. Затем следователь использует эту информацию для проведения дополнительных традиционных следственных действий: осмотра квартиры подозреваемого (где выявляются компьютеры и другие электронные устройства с архивированным материалом), его допроса (в процессе которого выявляются новые детали и связи в преступной структуре).

Таким образом, цифровые методы и инструменты предоставляют следователю компактную информацию и направления для проведения традиционных следственных действий, а результаты традиционных действий, в свою очередь, дают новые направления для цифрового анализа. Эта синергия методов является основой современного криминалистического обеспечения расследования.

Нормативное и организационное обеспечение.

Эффективное применение интегрированного подхода требует надлежащего нормативного и организационного обеспечения на федеральном и региональном уровнях.

На законодательном уровне необходимо установить чёткие правила допустимости цифровых доказательств, требования к сохранению целостности и аутентичности цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве, единые стандарты для специалистов, проводящих исследование электронных устройств.

На организационном уровне органы предварительного расследования должны быть укомплектованы специалистами, обладающими глубокими знаниями как в классической криминалистике, так и в современных цифровых технологиях. Необходимо создание специализированных подразделений и лабораторий, занимающихся расследованием преступлений в информационно-телекоммуникационной среде и обучением следственных кадров[499].

На методическом уровне требуются систематизированные и постоянно обновляемые методические рекомендации и инструкции по выявлению признаков вовлечения малолетних в интернет-среде, правильной методике осмотра и изъятия электронных устройств, ведения допроса потерпевших, обеспечения их прав и интересов.

Процессуальные гарантии и защита прав потерпевших.

При применении криминалистических методов необходимо строго соблюдать процессуальные гарантии прав и интересов малолетнего потерпевшего, как это исторически требовали научные школы уголовного процесса и криминалистики.

Допрос малолетнего должен проводиться в присутствии родителей (опекунов), педагога или психолога. Необходимо исключить повторные допросы, максимально использовать видеозаписи первого допроса при судебном разбирательстве. При собирании доказательств следует постоянно учитывать психологическое состояние ребёнка, избегать действий, способных причинить ему дополнительный психологический вред.

Важно обеспечить конфиденциальность информации о личности потерпевшего, соблюдать меры его безопасности, защиты от повторной виктимизации. Применение криминалистических методов должно быть подчинено гуманистическим принципам, разработанным в учениях З. З. Зинатуллина и иных создателей отечественных школ процесса и криминалистики.

Вовлечение малолетних в преступную деятельность – это серьёзное преступление, требующее от правоохранительных органов и судов применения всего арсенала криминалистических средств и методов, обновления методических подходов в соответствии с современными реальностями.

Традиционные методы криминалистического анализа, моделирования, осмотра и допроса, разработанные поколениями криминалистов, остаются основой расследования, однако должны быть логично дополнены современными цифровыми инструментами и методами анализа цифровых доказательств.

Интеграция классических криминалистических подходов, разработанных на основе научной школы Марата Константиновича Каминского, с современными цифровыми методами анализа, при строгом соблюдении процессуальных гарантий, разработанных в рамках учения Зинура Зинуровича Зинатуллина об уголовном процессе, обеспечивает наиболее эффективное, справедливое и гуманное расследование, надлежащую защиту прав малолетних потерпевших и соблюдение верховенства закона.

Развитие криминалистики в направлении адаптации к современным условиям совершения преступлений, сохраняя при этом фундаментальные принципы защиты прав личности и обеспечения справедливости, остаётся актуальной и перспективной задачей, поставленной перед научным и профессиональным криминалистическим сообществом России.

---

[499] Об утверждении Концепции развития органов внутренних дел по противодействию преступности : приказ МВД РФ от 29.06.2005 № 511 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 28. С. 34–51.

Мельников Сергей Александрович,
преподаватель Ижевского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Ижевск

Оценка достоверности показаний несовершеннолетних потерпевших в ходе судебного разбирательства

В настоящее время вопросы, касающиеся допроса несовершеннолетних потерпевших в ходе уголовного судопроизводства, не перестают быть актуальными в практической деятельности правоохранительных органов, особенно при разбирательстве судами уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Реальная действительность показывает, что показания несовершеннолетних потерпевших играют особую роль в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по таким уголовным делам. Вместе с тем данные доказательства, учитывая соотношение их объективности и субъективного характера, относятся к категории проблемных средств доказывания.

В целях раскрытия данной проблематики, для наглядности, предлагаю рассмотреть ситуацию, часто складывающуюся по уголовным делам данной категории. Подсудимому предъявлено обвинение в совершении развратных действий в отношении несовершеннолетней потерпевшей достигшей двенадцатилетнего возраста, но не достигшей четырнадцатилетнего возраста, его действия квалифицированы по ч. 2 ст. 135 УК РФ. Следует отметить, что для квалификации действий подсудимого по данной статье, согласно п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», наличие непосредственного физического контакта с телом потерпевшего лица не требуется. По делу на стадии предварительного расследования была проведена судебно-медицинская экспертиза в отношении потерпевшего ребёнка, каких-либо телесных повреждений обнаружено не было. Ситуация «осложнена» тем, что несовершеннолетняя потерпевшая, её мать и подсудимый, который девочке приходится отчимом, проживают вместе. События инкриминируемого преступления происходили между потерпевшей и подсудимым, в то время, кода мать девочки была на работе, а отчим оставался с ребёнком один на один, т. е. без свидетелей – очевидцев. Другими словами, с прямыми и объективными доказательствами по делу «не густо». Итог: показания несовершеннолетнего ребёнка, изобличающие обвиняемого, составляют основу обвинения, другие доказательства по своей сути являются производными от этих первоначальных показаний. В подавляющем большинстве случаев обвиняемый заявляет о своей невиновности и даёт показания об отсутствии события преступления, что нередко вызвано отношением к таким лицам со стороны контингента СИЗО. О том, какое существенное значение по уголовному делу имеют показания несовершеннолетней потерпевшей, очевидно. Могут ли в приведённом случае показания несовершеннолетней потерпевшей вызвать у суда сомнения в их достоверности, разумеется, могут.

Достоверность любого доказательства будет оцениваться судом только в случае его допустимости, и в то же время допустимое доказательство ничего не докажет, если не будет при этом достоверным. Допустимость и достоверность - это пересекающиеся понятия, при этом правила допустимости гарантируют максимальное обеспечение достоверности доказательств[500].

Таким образом, достоверность показаний несовершеннолетнего потерпевшего напрямую зависит от их допустимости, т. е. соответствия их источника получения, процедуры получения и процессуальной формы требованиям уголовного процессуального закона. Из чего следует логичный вывод о том, что положения уголовно-процессуального закона, регламентирующие процедуру допроса несовершеннолетней потерпевшей должны максимально обеспечить достоверность полученных результатов.

На стадии предварительного расследования допрос несовершеннолетнего потерпевшего регламентирован ст. 190 и 191 УПК РФ, отличия в процедуре допроса несовершеннолетнего потерпевшего по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности от общих правил заключается в ограничении времени допроса, необходимости участия законного представителя и только психолога, видеозапись и киносъёмка допроса не производится при возражении несовершеннолетнего и его законного представителя.

---

[500] Сердюков А. В., Колотова Ю. А. К вопросу о достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] // Российский следователь. 2022. № 1. С. 39–32. Режим доступа: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 18.11.2025).

Но в ходе судебного разбирательства подход к показаниям несовершеннолетних потерпевших по данной категории дел имеет свою специфику. Пункт 8.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» со ссылкой на ч. 6 ст. 281 УПК РФ гласит, что несовершеннолетнего потерпевшего на судебное заседание вызывать не следует, даже если его включили в списки подлежащих вызову в суд лиц, а возможность реализации его права участвовать в судебном заседании будет обеспечена путём уведомления через законного представителя о времени и месте рассмотрения дела. Показания несовершеннолетнего потерпевшего, которые он дал следователю будут оглашены в судебном заседании без его повторного допроса, что следует из п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)». При этом следует учитывать, что уголовно-процессуальный закон позволяет огласить показания несовершеннолетнего потерпевшего в судебном заседании, несмотря на возражения подсудимого, в случае, если проводилась видеозапись или киносъёмка допроса, а также в случае, если таковые не проводились по причине отказа несовершеннолетнего потерпевшего и законного представителя от видео- или кинофиксации этого процессуального действия. Другими словами, суд может исследовать в судебном заседании протокол допроса несовершеннолетнего потерпевшего, без присутствия последнего, даже если видео или киносъёмка его допроса не производилась, а в распоряжении суда будет только текст показаний, составленный следователем. О наличии таковой возможности указывает и Л. В. Брусницын[501].

Требования уголовно-процессуального закона в данной части понятны и продиктованы необходимостью защиты психического здоровья ребёнка, пострадавшего от преступного посягательства, поскольку, давая показания он вновь переживает травмирующую ситуацию, своего рода вновь «подвергается насилию», что наносит детской психике реальный ущерб, с учётом этого в Конвенции о правах ребёнка от 20 ноября 1989 г. (ст. 39) и Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 г. (п. «g» ч. 1 ст. 31, пп. b–e ч. 1 ст. 35, п. b ч. 1 ст. 36) указывается на то, чтобы уголовное расследование и последующее разбирательство не усугубляли травму ребёнка, контакты между несовершеннолетней потерпевшей и подсудимым были предотвращены, а допросы следователем проводились в приспособленных для этого помещениях и специально подготовленными для этого специалистами, желательно одними и теми же лицами, количество допросов при этом должно быть сведено к минимуму, а выступление в суде было заочным с использованием коммуникационных технологий, отступление от этих требований возможно, только если это необходимо в интересах расследования уголовного дела или разбирательства в суде. Конечно, в ходе судебного разбирательства возможность вызова и повторного допроса несовершеннолетнего потерпевшего в судебном заседании имеется, если суд примет мотивированное решение об этом, но это скорее исключение из правил, и несогласие подсудимого с предъявленным обвинением, при отсутствии иных веских аргументов, не должно быть основанием для этого. В противном случае, любое возражение со стороны последнего сведёт на нет все процессуальные меры защиты детей, пострадавших от преступных посягательств, по данной категории дел.

Но возникает вопрос о том, в какой степени будет соблюдён баланс между возможностью подсудимого всеми законными способами доказывать свою невиновность, и защитой интересов несовершеннолетнего потерпевшего, и как эта ситуация отразится на достоверности показаний последнего на предварительном следствии. Согласно действующему уголовно-процессуальному закону уголовное судопроизводство предназначено не только для того, чтобы защитить права и законные интересы потерпевших, но и обеспечить защиту от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения (ст. 6 УПК РФ), а сами стороны имеют равные процессуальные права и должны иметь равные процессуальные возможности для отстаивания своих прав и законных интересов (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ и ч. 1 ст. 15 УПК РФ). На реализацию указанных принципов направлены положения ч. 1 ст. 240 УПК РФ, согласно которым доказательства должны быть исследованы непосредственно в судебном заседании, что предполагает наличие возможности подсудимому и его защитнику задать вопросы несовершеннолетнему потерпевшему лично, во всех случаях. Не умаляет прав подсудимого и оглашение, с его согласия, показаний несовершеннолетнего потерпевшего, данных в ходе предварительного расследования. Но если потерпевший в зале судебного заседания

[501] Брусницын Л. В. О некоторых аспектах оглашения в суде показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей (часть 6 статьи 281 УПК РФ) [Электронный ресурс] // Российская юстиция. 2024. № 9. Режим доступа: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 18.11.2025).

не присутствует, а суд принял решение об оглашении его показаний, данных на предварительном следствии, при отсутствии согласия подсудимого, когда последний может реализовать возможность опровергнуть показания потерпевшего в этом случае. Процессуальный закон относит реализацию этой возможности к досудебной стадии уголовного процесса (ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ ч. 6 ст. 281 УПК РФ), на это указывает и разъяснения верховного суда, изложенные в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)». В практической плоскости это происходит следующим образом. О всех доказательствах, собранных следователем в ходе предварительного расследования, и с содержанием этих доказательств подсудимый, будучи обвиняемым, и его защитник знакомятся в порядке ст. 217 УПК РФ, т. е. тогда когда допрос несовершеннолетнего потерпевшего уже произведён, а также им даны показания в ходе других следственных действий. То обстоятельство, что обвиняемый может узнать о содержании показаний несовершеннолетнего потерпевшего в ходе рассмотрения судом вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из представленных суду материалов, на реализацию вышеуказанной возможности никоим образом не влияет. Разумеется, ознакомившись с материалами уголовного дела, сторона защиты может ходатайствовать о проведении очной ставки с несовершеннолетним потерпевшим, о проведении его дополнительного допроса, но решение этого вопроса, во-первых, зависит от следователя, а во-вторых приведёт к непосредственному контакту и неизбежному нанесению ущерба здоровью ребёнка. Иными словами, до поступления уголовного дела на рассмотрение в суд, возможность подсудимого реализовать своё право оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами (в ходе очных ставок с его участием задать вопросы потерпевшей, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения) по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, фактически отсутствует. Вопросы реализации обвиняемым (подсудимым) своих процессуальных прав на стадии предварительного расследования не являются предметом данной статьи, но вышеприведённые процессуальные особенности сказываются на максимальной полноте отражения всех обстоятельств дела в показаниях несовершеннолетнего потерпевшего, что, в свою очередь, говорит о необходимости усовершенствования процедуры допроса несовершеннолетнего потерпевшего на стадии предварительного расследования. Кроме того, если возникшие противоречия между показаниями несовершеннолетнего потерпевшего и обвиняемого не будут устранены следователем, а обвиняемый не будет иметь возможность их опровергнуть, эта ситуация потребует своего разрешения на стадии судебного разбирательства, что вновь приведёт к необходимости повторного допроса несовершеннолетнего потерпевшего и предоставлении возможности задать ему вопросы стороной защиты, т. е. к неизбежному нанесению ребёнку повторной психологической травмы, а также к затягиванию судебного разбирательства.

Помимо вышеизложенного, необходимо учитывать, что дающие показания дети умственно и физически незрелы, к тому же степень этой незрелости зависит от возраста и умственного развития конкретного ребёнка, они по-особенному воспринимают окружающий мир, как правило, не осведомлены о сексуальных взаимоотношениях, помимо прочего полностью зависимы от взрослых в особенности от своих близких и всецело подчинены интересам последних. Реальные обстоятельства и придуманные обстоятельства в сознании детей порой не различаются, и, надо признать, дети могут говорить и говорят неправду, при этом последствий, которые влечёт их ложь особенно юридических, не осознают в полной мере или вообще не осознают. Оценка общего психического и психологического состояния несовершеннолетнего потерпевшего на практике производится в рамках психолого-психиатрической судебной экспертизы, назначаемой следователем, эта экспертиза может дать только общую картину о том, что ребёнок в целом адекватно воспринимает окружающий мир, имеет или нет склонность к фантазированию и преувеличению. Какой-либо конкретики относительно психологического состояния ребёнка на момент дачи им показаний эта экспертиза не даёт, уже в силу того, что проводится в другое время и в другом месте. Участие психолога в допросе несовершеннолетнего потерпевшего на практике сводится лишь к его присутствию при допросе, отражения психологического состояния ребёнка на момент следственного действия протокол допроса не содержит. Между тем, на момент дачи несовершеннолетним показаний должны быть зафиксированы сведения о наличии у ребёнка достаточности интеллекта для обработки информации и способности её адекватно оценивать, способности и намерении общаться и формулировать свои ответы на вопросы следователя, об эмоциональном состоянии и др. Тем более, должна быть выявлена и исключена возможность манипулирования ребёнком со стороны взрослых, когда ребёнок, пытаясь избавиться от психологического дискомфорта, интуитивно определяет, а затем сообщает то, что от него взрослые «хотят» услышать, кстати, видеофиксация эту проблему на сто процентов не решает.

Согласно зарубежным исследованиям, около 70 % всех несовершеннолетних потерпевших, попавших в исследование, склонны к самооговору и ложным признаниям, а две трети из них дали недостоверные показания[502]. Именно внушаемость является той отличительной особенностью личности несовершеннолетнего потерпевшего, которая требует критической оценки его показаний[503].

Таким образом, следует закономерный вывод о том, что первоначальные показания несовершеннолетнего потерпевшего, данные в ходе предварительного расследования, имеют наиважнейшее значение для всего уголовного дела в целом. И именно надлежащее проведение первоначального допроса должно обеспечить максимальную достоверность показаний несовершеннолетнего и освободить ребёнка от дальнейшего присутствия в судебном разбирательстве. На сегодняшний день возможность отказа несовершеннолетнего потерпевшего и его законного представителя от видеозаписи или киносъемки допроса представляется излишней, а проведение психолого-психиатрического освидетельствования потерпевшего непосредственно переда началом допроса необходимым. Кроме того, существует необходимость научной разработки процедуры, при которой у обвиняемого и его защитника на предварительном следствии будет возможность задать вопросы несовершеннолетнему потерпевшему без непосредственного контакта с ним.

Скрипко Владимир Анатольевич,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Сибирского института управления – филиала РАНХиГС,
г. Новосибирск

Цифровая трансформация криминалистики и судебной экспертизы

История развития общества за последние два столетия показывает неразрывную связь научно-технического прогресса, преступности и методов борьбы с ней. Рассматривая важнейшие составляющие модернизационных процессов в обществе Г. Н. Шапошниковым отмечено пять информационных революций в истории человечества, повлиявших на развитие цивилизаций: появление и внедрение в деятельность и сознание человека языка; изобретение письменности; изобретение книгопечатания; изобретение телеграфа и телефона; изобретение компьютеров и появление Интернета[504].

Классик теории постиндустриализма Д. Белл выделял в качестве технологических революций: изобретение паровой машины в XVIII веке; научно-технологические достижения в области электричества и химии в XIX веке и создание компьютеров в XX веке[505].

Новые технологии всегда сопровождались появлением новых способов совершения преступлений, что соответственно способствовало попыткам поиска различных методов, приемов и технических средств раскрытия и расследования преступлений. Так, начиная со времен Аристотеля, появились попытки найти закономерности в почерке, с появлением письменных и печатных документов для их удостоверения в древнем Китае началось использование отпечатков пальцев рук.

Технологические прорывы XVIII и XIX веков вооружили преступников средствами связи, транспортом, новыми способами совершения и сокрытия преступлений. Ответом на захлестнувшую практически все страны Европы и США преступность стала консолидация и систематизация следственного опыта и научных достижений, послужившая зарождением отдельной отрасли знаний, а затем и науки – криминалистики.

Криминалистика, как наука, а ее раздел криминалистическая техника в особенности, является динамичной системой, подверженной влиянию научно-технического прогресса. Достижения в области естественных и технических наук на протяжении всего периода развития являлись основной базой для разработки и широкого внедрения специальных средств и методов исследования. Дифференциация таких средств постоянно расширяет круг объектов криминалистического, экспертного

---

[502] Зайнуллин Р. И. Некоторые аспекты криминалистической оценки достоверности показаний несовершеннолетних потерпевших [Электронный ресурс] // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. Том 2021. № 2. С. 69-71. URL: https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-2-69-71 (дата обращения: 20.11.2025).

[503] Там же.

[504] Шапошников Г. Н. Процессы модернизации и информационные революции // История науки и техники в современной системе знаний : Шестая ежегодная конференция кафедры Истории науки и техники, Екатеринбург, 08 февраля 2016 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, кафедра истории науки и техники ; под ред. В. В. Запарий. Екатеринбург : ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2016. С. 234–242.

[505] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. : Наука, 1999. 782 с.

и судебного исследований. Недоступные ранее для судопроизводства свойства объектов приобретают доказательственное значение.

Изобретение компьютеров, появление Интернета и связанных с этим технологий, в свою очередь, не смогли не отразится на изменении преступности и закономерно привели к появлению в криминалистике нового направления, связанного с обеспечением раскрытия и расследования преступлений, совершаемых, как с использованием компьютерных средств, так и в сфере информационных технологий.

Рост таких преступлений предопределил, как появление законодательных норм, направленных на охрану компьютерных программ, информации и введение ответственности за противоправные действия, так и разработки научных направлений, связанных с поиском, фиксацией и исследованием нового вида доказательств – цифровых.

Исследования в этой области можно разделить на два направления: первое связано больше с информационной безопасностью, второе непосредственно с криминалистикой. Первые научные публикации, появившиеся за рубежом в начале 2000 годов, касались описания инструментов для анализа компьютерных систем, исследования сетевых данных и выявления следов неправомерного доступа. Использование авторами понятий «Digital Forensics», «Computer Forensics» послужило неофициальным закреплением и у нас в стране за этим направлением аналогичных понятий «Цифровая, компьютерная криминалистика» или «Форензика». В этот же период предпринимались и попытки зарождения новой науки «Форензики»[506] с уклоном в область IT и информационной безопасности.

Основу исследования цифровых доказательств в криминалистике и судебной экспертизе в своих научных трудах заложили В. Ю. Агибалов, В. Б. Вехов, А. Н. Яковлев, В. А. Мещеряков, В. Н. Карагоди, Е. Р. Россинская, А. И. Семикаленова и другие.

Своеобразный аналог создания компьютерной информатики в начале нынешнего столетия, предпринимал В. Ю. Толстолуцкий, который провел анализ современного на тот период этапа развития криминалистики и формирование теоретической платформы, позволяющей создать основу для внедрения компьютерных технологий в деятельность по выявлению и расследованию преступлений[507]. Нельзя не отметить и попытки ряда авторов в развитии, как отдельного ответвления криминалистики, так и новой науку – «цифровой криминалистики», «компьютерной криминалистики», «электронной криминалистику» или даже, как мы отметили выше «форензики».

Так, В. Б. Вехов определил исследование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты, как «систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов, методик и рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию компьютерной информации, средств ее обработки и защиты в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений»[508].

По мнению А. Н. Яковлева, цифровая криминалистика – это «новые знания в криминалистике, которые базируются на понимании особенностей функционирования современных информационно-коммуникационных технологий и используются для выявления уголовно-релевантных закономерностей»[509].

В. А. Мещеряков представил цифровую криминалистику, как самостоятельное специфическое направление развития криминалистики, направленное на расследование отдельных видов преступлений.

Е. Р. Россинской предложено рассматривать данное направление через призму частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, предметом которой выступают закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных дел. В качестве объектов такой теории объединяются различные носители разыскной и доказательственной, криминалистически значимой информации, компьютерных средств преступлений, криминалистические компьютерные технологии обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения, исследования криминалистически значимой информации[510].

---

[506] Федотов Н. Н. Форензика – компьютерная криминалистика. М. : Юридический Мир, 2007. 432 с.

[507] Толстолуцкий В. Ю. Криминалистическая информатика : монография. Ижевск : Детектив-информ, 2003. 212 с.

[508] Вехов В. Б. «Электронная криминалистика»: понятие и система // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сб. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 25 мая 2017 года. Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 40–46.

[509] Яковлев А. Н. Цифровая криминалистика и её значение для расследования преступлений в современном информационном обществе // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 апреля 2018 г.) / Следственный комитет Республики Беларусь ; редкол.: С. Я. Аземша [и др.]. Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018. 368 с. С. 357–362.

[510] Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193–202.

Можно по-разному оценивать возможности предложенной теории, но считаем возможным согласиться с тем, что исследование цифровых объектов, компьютерных и информационных систем должно осуществляться в рамках единой науки криминалистики. При этом стоит согласиться с Ю. Л. Дябловой предложившей рассматривать с позиции цифровизации весь предмет криминалистики, все криминалистические учения, все разделы и подразделы[511].

Так или иначе появление цифровых технологий обусловило появление новой цифровой реальности, в которую мы все оказались незаметно вовлечены. Не нельзя не согласится с С. Г. Бариновой, что «в значениях цифровой реальности люди создают нечто новое, то, чего ранее не существовало, а именно новую цифровую природу»[512].

Новая цифровая природа неизбежно проникает и во все отрасли криминалистики, при этом расширяя круг объектов криминалистического и судебно-экспертного исследования, представленных в цифровом виде. На сегодняшний день это не только объекты компьютерных экспертиз, но и практически все объекты фоноскопических, видеотехнических экспертиз. Кроме того, наблюдается и цифровизация традиционных криминалистических экспертиз. Так опрос сотрудников экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по Новосибирской области показал, что доля объектов таких экспертиз, представленных в цифровом виде, приближается к 50 %, включая следы обуви, следы протекторов шин транспортных средств. Изображения внешности человека, практически полностью перешли в электронную форму, 30 % достигает доля исследуемых документов, представленных их электронными образами.

Дальнейшее развитие IT, несомненно, приведет к тому, что, как отметил А. В. Коринь, «со временем цифровые следы станут объектом исследования практически всех родов (видов) судебных экспертиз»[513].

Стоит также отметить, что все цифровые объекты имеют ярко выраженный двойственный характер. С одной стороны, это электронно-цифровая форма хранения, передачи и обработки, которая неразрывно связана с материальным носителем, с другой стороны, это информационное содержание, которое может быть преобразовано в текст, изображение или видео и распечатано или выведено на экран. Для задач раскрытия и расследования преступлений важна как информация, связанная с формой нахождения цифрового объекта на носителе, так и внутреннее содержание, по сути, они неразрывно связаны друг с другом и могут быть использованы в качестве доказательств.

Специальные знания в области компьютерных технологий отчасти могут быть самостоятельно использованы экспертами различных направлений исследований. Например, исследование характеристик и свойств файла, метаданных файла, экспертами по производству портретных, дактилоскопических и других экспертиз, исследование и самостоятельное использование программного обеспечения экспертами при производстве строительно-технических, экономических экспертиз («Гранд-Смета», «1-С» и иные).

Таким образом, цифровизация всех сфер деятельности общества, являющаяся несомненным прогрессом, приводит и к цифровизации криминалистики. Можно предположить, что должна рассматриваться не новая наука «цифровая криминалистика», а традиционная криминалистика будет пронизана и охвачена цифровыми технологиями. В тоже время комплексность в судебной экспертизе, связанная с применением специальных знаний в области компьютерных исследований, несомненно должна рассматриваться в дальнейшем в виде их интеграции в методики иных видов экспертиз. В связи с чем видится возможность расширения компетенции экспертов различных специальностей до владения ими необходимым уровнем знаний в области цифровых технологий.

Несомненно, следующим этапом исторического развития и следующей технологической революцией должно стать внедрение в основные сферы жизни общества искусственного интеллекта, что приведет и к следующему шагу в развитии криминалистической науки и судебной экспертологии.

---

[511] Дяблова Ю. Л. Цифровая криминалистика – будущее науки или тренд современности? [Электронный ресурс] // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2021. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kriminalistika-buduschee-nauki-ili-trend-sovremennosti (дата обращения: 16.01.2025).

[512] Баринова С. Г. Технологический детерминизм в условиях новой цифровой реальности // Философия в XXI веке: социально-философские проблемы современной науки и техники : материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Москва, Зеленоград – Красноярск, 12 мая 2023 года. Красноярск : Красноярский гос. аграрный ун-т, 2023. С. 88–91.

[513] Коринь А. В. Комплексные исследования в рамках моноэкспертизы в условиях цифровизации (на примере судебной фоноскопической экспертизы) // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 4 (149). С. 146–153.

Филеткин Павел Денисович,
преподаватель кафедры уголовного права и процесса
юридического института ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»,
г. Саранск

Значение выделения классификационной группы «преступные посягательства на право на труд» для эффективного расследования

Право на труд предполагает не только осуществление и выбор любым человеком своей деятельности. Оно предполагает также создание для этого безопасных условий, при наличии которых не будет причинён вред жизни и здоровью человека. То есть каждый человек имеет право не просто на труд, а на труд, который отвечает требованиям безопасности и гигиены. Также это право предполагает вознаграждение за труд. Труд должен достойно вознаграждаться и не быть средством дискриминации человека. Это право, сформулированное в ст. 37 Конституции РФ, является следствием социального развития, представлений о свободном труде, о его значении для общества и государства, его роли в становлении демократических институтов. Сформулированное в Конституции РФ право на труд это следствие сформировавшегося в обществе представления о том, что свободный труд – это реализация творческих начал в человеке и средство его личностного роста[514]. Однако право на труд должно иметь эффективную защиту, как со стороны общества, так и со стороны государства. Одним из средств, обеспечивающих защиту права на труд, является установление уголовной ответственности за совершение преступных посягательств на это конституционное право. Логика уголовно-правовой защиты всегда основана на постулате неотвратимости уголовной ответственности за содеянное преступление. То есть уголовно-правовая защита всегда эффективна в тех случаях, когда виновное в совершении преступления лицо знает, что оно неминуемо будет привлечено к уголовной ответственности. В этом не только справедливость, но и предупреждение возможности совершения преступлений. Но для этого необходимо чтобы система правоохранительных органов действовала максимально эффективно, без сбоев в виде случаев, когда виновные в совершении преступления оказываются не выявленными, а потому без привлечения их к уголовной ответственности.

Обеспечить в полном объёме реализацию права на труд невозможно без мер принуждения со стороны государства. Среди этих мер – уголовная ответственность лиц, виновных в отдельных видах посягательств на названное конституционное право. Неотвратимость уголовной ответственности за преступные посягательства на право на труд способна заставить задуматься лиц, которые своими действиями способны данное преступное посягательство совершить. В связи с этим особое значение для государства и общества имеет обеспечение неотвратимости уголовной ответственности, как сделать её не декларативной, а реальной, реализуемой в деятельности правоохранительных органов государства[515]. Одним из условий, наличием которого обеспечивается неотвратимость уголовной ответственности является эффективное выявление, раскрытие и расследование названных преступных посягательств. Необходимо, чтобы благодаря деятельности соответствующих правоохранительных органов не было невыявленных и не раскрытых преступлений, не было не расследованных преступлений, не было лиц, виновных в преступлении, причастность которых осталась не установленной. Каждый факт совершения преступного посягательства должен быть выявлен, раскрыт и расследован, а виновные лица изобличены в содеянном. Этим предупреждается возможность совершения виновными лицами новых аналогичных преступных посягательств, а также предпринимаются меры по устранению условий, которые способствовали совершению этих преступлений.

Эффективное расследование может обеспечиваться только реализацией следователем соответствующей криминалистической методики, которая позволила бы определить те меры и действия, выполнением которых можно преодолеть проблемы, способные затруднить установление обстоятельств совершения преступного посягательства на право на труд. То есть практика расследования нуждается в методике, рекомендации которой позволяли бы следователю уже на момент начала расследования определять алгоритм действий, способный обеспечить эффективное расследование преступных посяг-

[514] Лавицкая М. И. Проблемы реализации права на труд в РФ на современном этапе // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 3. С. 214–221.

[515] Стальнова А. С. Конституционные гарантии права на труд в Российской Федерации // Юридическая наука. 2023. № 4. С. 108–111.

гательств на право на труд. При этом важным является то, чтобы данная методика могла обеспечивать эффективную деятельность следователя даже в условиях недостатка информации об обстоятельствах совершения конкретного преступного посягательства на право на труд. Данная методика должна помогать следователю избегать возможности совершения ошибок, особенно ошибок, которые могут стать необратимыми для проводимого расследования[516]. Для этого должен быть чётко определён предмет расследования названных преступных посягательств, то есть то, что необходимо расследовать, на выяснение чего должны быть направлены действия следователя. Формирование любой криминалистической методики должно начинаться с определения предмета расследования, которое необходимо оптимизировать посредством реализации системы криминалистических рекомендаций.

Предметом расследования всегда являются вполне определённые преступления. Данные преступления определяются соответствующей группой, которая выделяется в соответствии с требованиями уголовно-правовой и криминалистической классификации. Уголовно-правовая классификация даётся на основании квалификации преступных деяний так, как это реализовано в уголовном законодательстве. Данная классификация ориентирована на деятельность правоприменителя по оценке соответствующего деяния на основе соответствия его признакам состава, изложенного в соответствующей норме уголовного права. Криминалистическая классификация ориентирована деятельность, сутью которой является следственное познание обстоятельств совершения конкретного преступного деяния. При этом необходимо учитывать, что: «Всякая деятельность должна быть неразрывно связана с мышлением и пониманием. Таким образом, криминалистика выявляет, фиксирует, описывает особенности мыследеятельности процесса взаимодействия преступной деятельности и деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, формирует их методы, принципы и методики, и на этой основе выводит правила, по которым следует строить деятельность данного процесса»[517].

Её использование призвано решить вопросы, связанные с установлением того, как и кем совершалось соответствующее преступное деяние. Она ориентирована на то, чтобы можно было максимально эффективно установить истину, что является основой для принятия соответствующих процессуальных решений. Для криминалистической методики основой являются две эти классификации преступлений. Это позволяет максимально определённо говорить о задачах и возможностях, решаемых соответствующей криминалистической методики расследования. Благодаря критериям этих двух классификаций имеется возможность определить классификационную группу преступных посягательств на право на труд.

Состав преступления – это не только основа, закреплённая в нормах уголовного законодательства, квалификации соответствующих деяний. Это также абстрактная модель преступления, которая позволяет следователю сориентироваться в том, какое направление он должен избрать, какие обстоятельства он должен установить для того, чтобы сделать обоснованный вывод о наличии преступления соответствующего вида. Это обусловлено тем, что квалификация преступления – это оценочная деятельность, результаты которой должны быть отображены в процессуальных решениях. Но для того, чтобы давать оценку необходимо установить то, какие действия были совершены. Поэтому прежде, чем давать оценку необходим материал для этого, который следователь получает в результате проводимого расследования. Следователь должен знать то, что ему необходимо оценить с точки зрения действующего уголовного законодательства. То есть он должен знать деяние, которое подлежит квалифицировать, определив его с точки зрения действующего уголовного закона. Это определяет также характер и направленность действий следователя по определению направления проводимого расследования, установления факта совершения соответствующего деяния. Расследование всегда ориентируется на квалификацию, поскольку в ходе расследования необходимо установить все те обстоятельства, из которых можно сделать однозначный вывод о наличии признаков соответствующего состава преступления, закреплённого в норме уголовного закона.

Состав преступления имеет методологическое значение поскольку он позволяет следователю определиться с тем, какие обстоятельства имевшего место деяния ему необходимо установить. Это позволяет выбрать стратегию и тактику, которые способны обеспечить установление истины. Благодаря составу преступления следователь имеет возможность наметить и провести те следственные действия, благодаря которым он может выявить доказательства, имеющие значение для восстановления полной картины имевшего место преступного деяния. Это имеет значение для расследования

[516] Подольный Н. А. Методологические основы расследования преступлений : учебное пособие. М. : Ай Пи Ар Медиа, 2025. 65 с.

[517] Каминский А. М. Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. Леонида Яковлевича Драпкина. 2015. С. 42.

преступных посягательств на право на труд. Перечень составов, которые охватывают данные преступные посягательства, достаточно обширен. Так, в него входят преступления, охватываемые составами, закреплёнными в ст. 127.2, 143, 144.1, 145, 216, 217, 217.1, 219, 286 УК РФ. Все эти составы объединены тем, что направлены против реализации права на труд. Их объектом являются правоотношения по реализации права на труд. Их закрепление в действующем уголовном законодательстве является элементом системы защиты названных правоотношений от преступных посягательств. Деяния, охватываемые названными нормами уголовного закона, подлежат оценке как преступные, а лица, их совершившие, уголовной ответственности. Определение составов важно не только для правильности квалификации названных деяний, но и для их расследования, поскольку позволяет определить перечень тех обстоятельств, которые подлежат установлению. Это даёт следователю возможность выбрать наиболее оптимальные для этого процессуальные, в том числе следственные, действия. Кроме того, это позволяет следователю компенсировать отсутствие конкретной информации относительно имевшего место деяния, поскольку знание одного признака состава преступления позволяет делать вывод о наличии другого, с ним связанного. В сиу того, что состав – это вполне определённая система признаков совершённого преступления, он предоставляет следователю логику взаимосвязей и взаимозависимостей между различными признаками, существенными для квалификации. Эта логика имеет методологическое значение поскольку позволяет понять то, в каком направлении и посредством выполнения каких действий необходимо выполнять следственное познание, результатом которого должно стать установление истины. По этой причине уголовно-правовая классификация имеет значение не только для квалификации, но и для расследования[518]. Она позволяет преодолевать некоторые проблемы, которые встают перед расследованием. Также благодаря ей следователь имеет возможность ориентироваться в исходной следственной ситуации, в которой ещё не имеется достаточного объёма информации о совершённом преступном деянии.

Однако уголовно-правовая классификация ориентирована прежде всего на решение проблем квалификации деяния, а не следственного познания, которое является сутью проводимого расследования. В виду этого практика расследования нуждается в такой классификации, которая позволит решать проблемы, которые остаются не решёнными после использования уголовно-правовой классификации[519]. То есть имеется острая необходимость в криминалистической классификации, которая ориентирована на решение проблем следственного познания обстоятельств совершённого преступного деяния[520]. В основу данной классификации кладутся различные признаки преступлений, которые не нашли отображения в уголовно-правовой, но выявление которых имеет значение для установления обстоятельств совершённого преступного деяния. Данные признаки являются отображением тех обстоятельств, знание которых позволяет следователю сделать вывод о наличии совершённого преступления и причастности к нему соответствующих лиц. При этом названные обстоятельства могут не иметь какого-либо значения для квалификации преступления, но их знание позволяет воссоздать картину совершённого деяния и то, какое участие в нём приняло соответствующее лицо. При этом знание особенностей классификационной группы выделенной на основе признаков криминалистической классификации позволяет сформировать представление о тех проблемах, с которыми следователь сможет столкнуться при расследовании и к преодолению которых он должен быть готов[521]. В связи с этим криминалистическая классификация преступлений имеет достаточно чётко определённую прикладную направленность на решение проблем расследования[522]. Знание её позволяет следователю уже на момент начала расследования планировать проведение тех процессуальных действий, которые являются наиболее актуальными.

Криминалистически значимым для расследования преступных посягательств на право на труд являются особенности обстановки, в которой совершаются данные преступления. Общим представлением о том, что из себя представляет обстановка является система событий и действий третьих лиц,

---

[518] Подольный Н. А. Криминалистическая методика расследования: значение её отдельных видов для установления обстоятельств совершения преступления // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2023. Т. 33, № 4. С. 695–700.

[519] Подольный Н. А. Значение классификации криминалистических методик для оптимизации расследования преступлений // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2023. № 2 (22). С. 5–10.

[520] Подольный Н. А. Узкоспециализированные методики расследования преступлений: их значение для практики следственной деятельности // L Огарёвские чтения : материалы науч. конф. : в 3 ч., Саранск, 06–11 декабря 2021 года. Том Часть 3. Саранск : Национальный исследовательский Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарёва, 2022. С. 1223–1229.

[521] Подольный Р. Н. Гносеологическое значение выявления преступлений, совершенных с применением цифровых технологий, для их последующего расследования // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2025. Т. 35, № 4. С. 700–706.

[522] Подольный Н. А. Узкоспециализированные криминалистические методики как средство оптимизации расследования // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 3 (106). С. 174–180.

которые хотя и не составляют само преступное деяние, но которые влияют на него. Обстановка может быть как благоприятной для совершения преступления, так и неблагоприятной. Преступник стремится избрать благоприятную обстановку, которая бы способствовала достижению им соответствующего желаемого результата. Кроме того, иногда обстановка является провоцирующим на совершение преступления фактором. Часто обстановку отождествляют с местом, временем, природными условиями и некоторыми другими явлениями окружающей среды. Действительно, и время, и место, и даже природные условия имеют в некоторых случаях значение для расследования преступления. Но далеко не для совершения всех видов преступлений они значимы. Они значимы, к примеру, для расследования убийства или совершения кражи, но не имеют значение, к примеру, для совершения компьютерных преступлений, для совершения незаконного предпринимательства и некоторых иных преступлений. Тем не менее обстановка имеется при совершении самых различных преступлений. Её особенности зависят от того, какое преступление совершается. Так, для отдельных видов преступлений куда более значимым являются особенности социальной среды, в которой совершается соответствующее преступление. К примеру, одним из видов таких преступлений является присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ). Для этих преступлений важной является обстановка отсутствия должного контроля и надзора. Для преступных посягательств на право на труд характерной является обстановка безразличия к личности конкретных людей, которые стремятся вступить или уже вступили в определённые трудовые отношения. Именно это становится одним из основных условий, которые способствуют совершению названных преступлений.

При этом следует особо отметить то, что само преступное посягательство на право на труд может быть в форме, как действия, так и бездействия. Несомненно, это также имеет значение для расследования, но обстановка – это то обстоятельство, знание которого позволяет следователю понять и то, какие именно действия (бездействие) имели место, и кто мог быть к нему причастен. Более того, в зависимости от особенностей обстановки преступник избирает способ и механизм совершение названных преступлений. Поэтому на особенности обстановки совершения преступных посягательств на право на труд необходимо обращать следователю уже на начальном этапе. Данное обстоятельство имеет методологическое значение, поскольку его знание позволяет определиться с направлением расследования. При этом следователь должен уже на начальном этапе установить, в чём именно проявилось безразличие к личности человека, к его правам и свободам. Тем более это важно потому, что нарушение право на труд часто бывает сопряжено с нарушением других прав и свобод. Необходимо обращать внимание на социальное окружение лица, в отношении которого совершено преступление, а также на систему социальных отношений, которая сложилась на конкретном предприятии или учреждении. Это важно, поскольку позволяет следователю понять картину совершённого преступления и выявить весь круг лиц, которые могли быть к нему причастны.

Названный признак позволяет следователю уже на момент начала расследования определить по особенностям обстановки имевшие место действия и даже тех лиц, которые совершили соответствующие деяния. Поэтому, определяя к какой классификационной группе относится содеянное следователь представляет то, какое деяние было совершено хотя бы в общих чертах. Таким образом, криминалистическая классификация становится достаточно эффективным средством получения информации на момент начала расследования. Благодаря ей определяются действия, направленные на познание обстоятельств совершения преступления уже на начальном этапе расследования. Так, равнодушие окружающих к конкретному человеку, отсутствие знание о его месте нахождения, безразличие к нему, как к личности даже близких родственников может указывать на то, что в отношении этого, конкретного лица совершается преступление, предусмотренное ст. 127.2 УК РФ (использование рабского труда). Часто такое безразличие повышает виктимность конкретного лица, делая его жертвой. Знание этого позволяет также понять то, какое поведение жертвы могло оказаться роковым для неё, спровоцировав преступное деяние.

Как видно криминалистическая классификация – это не просто абстрактное теоретическое построение, а достаточно эффективное средство, использование которого в расследовании способно повысить результативность следственной деятельности. Криминалистическая классификация позволяет выделить классификационную группу «преступные посягательства на право на труд», благодаря которой появляется возможность уже на начальном этапе определить направление расследования и максимально оптимизировать деятельность по получению информации о содеянном.

Бадамшин Осман Ильфатович,
аспирант ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
г. Казань

Допрос с участием защищаемого лица: отдельные аспекты реализации

Условия обеспечения государственной защиты отдельных участников уголовного судопроизводства, применяемых с целью недопущения оказания на таких лиц воздействия во время расследования уголовного дела, накладывают определенную индивидуальность, связанную с организацией и осуществлением отдельных следственных и иных процессуальных действий. Допрос, как обязательное для проведения в ходе расследования любых уголовных дел следственное действие, также оказывается под влиянием применяемых мер государственной защиты к участникам уголовного судопроизводства, что приводит к возникновению дополнительных аспектов его проведения.

Процесс расследования уголовных дел в современных условиях можно рассматривать в качестве столкновения интересов двух условно именуемых «противоборствующих сторон», а именно сторон обвинения и сторон защиты. Первая, исходя из своей целевой направленности, стремится к установлению лица, совершившего преступление, а также получению необходимых доказательств, подтверждающих его причастность к нему, для последующего привлечения к уголовной ответственности и назначения справедливого наказания. Вторая, наоборот, стремится к опровержению обвинений и в конечном счете к оправданию лица. В полной мере эти стороны активно действуют в процессе расследования, а также в процессе рассмотрения уголовного дела по существу, используя для этого все необходимые процессуальные права. Однако практика расследований уголовных дел свидетельствует о вероятности оказания и т. н. «внепроцессуальных воздействий» со стороны защиты на сторону обвинения. Это, в частности, может выражаться в том, что сам подозреваемый или обвиняемый, либо действующие в его интересах и (или) по его распоряжению лица могут каким-либо образом воздействовать на потерпевших по уголовному делу, стремясь достигнуть от них отказа от первоначальных намерений в рамках уголовного преследования.

Применение мер защиты по отношению к участнику уголовного судопроизводства сразу же накладывает определенные трудности для лиц, осуществляющих производство по уголовному делу (следователей, дознавателей), а также для суда, рассматривающего уголовное дело по существу. В первую очередь, они связаны с реализацией отдельных следственных и иных процессуальных действий, поскольку к регламентированной законодательством, «базовой» основе по их организации и непосредственному проведению накладывается сложность, обусловленная организацией участия в данном мероприятии защищаемого лица, при котором категорически недопустимо создание условий, которые реально или потенциально могут привести к установлению каких-либо его фактических данных, инициировав таким образом возможное последующее противоправное воздействие вплоть до создания угрозы причинения вреда его здоровью и жизни.

Сам по себе характер допроса в расследовании уголовного дела имеет крайне интересное содержание. Как минимум, это проявляется в его неотъемлемом наличии: в настоящее время нет ни одного случая расследования уголовного дела, в ходе которого удалось бы обойтись без проведения допроса. По основному же его предназначению это выражено в том, что он обладает первичным характером: получаемая при проведении допроса информация позволяет не только определить, какой набор следственных действий может быть использован в дальнейшем, но также и саму необходимость дальнейшего производства по уголовному делу[523].

Особенности же проведения допроса защищаемых лиц определяются характером применяемых мер защиты, степень которых является отражением тяжести расследуемого уголовного дела наряду с уровнем риска осуществления воздействия на защищаемого участника уголовного судопроизводства. Следовательно, перед проводящим допрос субъектом уголовно-процессуальной деятельности могут встать следующие альтернативные задачи по исключению факта распространения сведений о том:

– что определенные показания были даны конкретным лицом;

– что в расследовании уголовного дела, в качестве участника уголовного судопроизводства, приняло участие то или иное конкретное лицо.

[523] Загорьян С. Г., Котельникова О. А. Допрос как следственное действие в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2 (105). С. 158–159.

Возникновение одной из двух представленных задач будет определять и способ проведения допроса, к числу которых могут быть отнесены:

– анонимизация данных допрашиваемого лица (предполагает составление протокола допроса с указанием в нем псевдонима защищаемого лица, который в дальнейшем будет использован на всем протяжении производства по уголовному делу)[524];

– дистанционный допрос (предполагает применение информационно-коммуникационных технологий для дистанционной связи защищаемого лица с субъектом предварительного расследования или с судом для осуществления допроса, в том числе с использованием технических средств и методов, которые искажают отличительные признаки – голос, тембр, темп речи и т. п., что не позволяет подозреваемым, обвиняемым и подсудимым каким-либо образом опознать допрашиваемое лицо)[525];

– ограничение доступа в судебное заседание с участием защищаемого лица (предполагает проведение закрытого судебного заседания с участием защищаемого лица с возможностью дать ему соответствующие показания по уголовному делу)[526].

Рассмотрим более детально особенности производства допроса с участием лица, в отношении которого применено сокрытие идентифицирующих данных (обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице – п. 3 ч. ст. 6 Закона о государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства)[527]. Достаточно распространенная мера защиты в рамках актуальной практики производства по уголовным делам, в первую очередь, по причине эффективности и практически полному отсутствию материальных и организационных затрат. По своему характеру такая мера защиты предполагает принятие решения о сокрытии реальных персональных данных участника уголовного судопроизводства (фамилии, имени, отчества, подписи и т. п.) с их заменой на псевдоним и новым образцом подписи, с которыми участник будет первоначально ознакомлен. Присвоенные такому лицу новые данные будут использоваться в ходе всего производства по уголовному делу[528].

Исходя из своего характера, данная мера защиты, если она применяется самостоятельно, никакого влияния на процесс допроса защищаемого лица не оказывает. Предполагается явка на допрос и его проведение по общим процессуальным правилам, но с исключениями, допущенными исходя из примененной меры защиты. Хотя, возможны и вариации. Например, А. Н. Халиков отмечает, что в ситуациях, когда подозреваемому (обвиняемому) известна личность допрашиваемого, допустимо составлять сразу два протокола допроса по следующему принципу: в первом протоколе отражать настоящие данные допрашиваемого, но не отражать сведений, которые каким-либо образом могут позволить установить обстоятельства совершения преступления; во втором протоколе отражать псевдоним со всеми сведениями, которые известны допрашиваемому и которые могут позволить установить обстоятельства совершения преступления[529].

Логика предпринимаемых решений очевидна: по окончании расследования обвиняемый, реализуя свое право на ознакомление с материалами уголовного дела, ознакомится с этими протоколами. В первом протоколе допроса обвиняемый увидит, что известное ему лицо не выдало его, не сообщив следствию никаких полезных сведений, а также увидит второй протокол допроса, где некое незнакомое лицо сообщило какие-то полезные для следствия сведения.

Немалую роль в организацию и осуществление допроса защищаемых лиц внес процесс развития цифровых технологий, результатом которых стало внедрение в практику правоохранительных и судебных органах системы видео-конференц-связи – условных «телемостов», позволяющих участникам уголовного судопроизводства взаимодействовать друг с другом в рамках проводимого следственного действия без физического присутствия. В силу содержания ст. 189.1 УПК РФ, с помощью системы видео-конференц-связи также может проводиться и допрос. При этом, закон не содержит ограничений на проведение таким образом допроса исходя из применяемых мер защиты в отношении

---

[524] Мишин А. В. Особенности допроса скрытого участника досудебного производства по уголовному делу // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 2 (48). С. 111–112.

[525] Рамазанов Р. М. Общая характеристика уголовно-процессуальных мер безопасности личности в судебных стадиях производства по уголовному делу // Вестник научных трудов "ЮРИСТЪ". В 2-х частях / под ред. С. Л. Алексеева [и др.]. 2020. Выпуск 8. Часть 2. С. 227.

[526] Рамазанов Р. М. Закрытое судебное заседание как самостоятельная мера безопасности участников уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. Т. 31, №. 2. С. 286–287.

[527] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 2004. № 34, ст. 3534.

[528] Мишин А. В. Особенности допроса скрытого участника досудебного производства… С. 110–111.

[529] Халиков А. Н. Должностные насильственные преступления, совершаемые в правоохранительной сфере: характеристика, психология, методика расследования. М. : Волтерс Клувер, 2011. С. 380–381.

соответствующего участника уголовного судопроизводства, определяя лишь критерий технологической возможности организации проведения следственного действия. Хотя, вполне очевидным требованием в таком случае будет принятие всевозможных мер, направленных на недопущение раскрытия информации о таком лице и (или) информации о месте пребывания такого лица[530].

Дополнительно отметим, что представленный способ организации и проведения допроса можно считать универсальным при его применении с участием защищаемых лиц. В первую очередь, причина этого заключается в его мобильности: главной задачей в данном случае является только установление надежного (т. е. защищенного от постороннего доступа) «моста связи» между следователем и допрашиваемым защищаемым лицом с применением специального программного обеспечения, которое, например, может устанавливаться на служебные переносные компьютеры (ноутбуки), которые, в свою очередь, могут быть доставлены в любое место нахождения защищаемого лица. При участии IT-специалистов правоохранительных или следственных органов организуется защищенный канал связи со следователем, который также может находиться в помещении с ограниченным доступом с целью сохранения тайны организации мер безопасности и проводить допрос с соблюдением всех процессуальных формальностей.

Кроме того, таким же способом допрос может быть произведен и при рассмотрении уголовного дела по существу судом первой инстанции, на котором присутствует подсудимый. С помощью определенных тонкостей «технического» характера (отсутствие возможности подсудимого увидеть лицо допрашиваемого, применение «псевдонимов», изменение характеристик голоса допрашиваемого лица) вероятность быть узнанным у защищаемого лица сводится почти что к нулю. Здесь же можно выделить дополнительные организационные аспекты, влияющие на безопасность защищаемого лица. В первую очередь, речь идет о режиме закрытого судебного заседания, при котором принимается решение об ограничении доступа лиц, не принимающих участие в рассмотрении дела (т. е. не имеющих определенного процессуального статуса в рамках соответствующего уголовного дела). Наука уголовного процесса до настоящего времени не выработала однозначного ответа на вопрос, следует ли относить режим закрытого судебного заседания при рассмотрении уголовного дела по существу в качестве самостоятельной меры защиты[531]. Несмотря на это, подобное решение может быть принято при наличии соответствующего основания (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ), поскольку рассмотрение дела в закрытом режиме также способно ограничить распространение сведений о защищаемых лицах. Однако максимальный режим нераспространения данных сведений при закрытом судебном заседании допускается лишь с использованием дополнительных мер защиты, установленных Законом о государственной защите.

В общем и в целом законодательство о государственной защите участников уголовного судопроизводства предусматривает достаточно широкий перечень мер защиты наряду с достаточно четким порядком их применения, что, в свою очередь, может свидетельствовать о высокой эффективности. Однако последний тезис следует уточнить: при условии грамотной и детальной организации применения мер защиты наряду с организацией взаимодействия следственных и судебных органов с органами, обеспечивающими реализацию мер защиты в отношении соответствующих участников уголовного судопроизводства.

Указанное уточнение не случайно. Оно отражает то обстоятельство, согласно которому в любом случае, вне зависимости от того, какие меры защиты были применены к соответствующему участнику уголовного судопроизводства и в каком количестве, всегда существует риск нарушения режима конфиденциальности с последствиями в виде раскрытия личности защищаемого лица, что особо опасно в случаях, когда имеет место быть непосредственная угроза. Таким образом, на должностное лицо следственного органа или суда при принятии соответствующего решения возлагается большая ответственность за их организацию и проведение. В полной мере это правило касается и случаев проведения допроса защищаемого лица в каждый конкретный момент времени: при нахождении защищаемого лица в помещении следственного органа; при нахождении защищаемого лица по месту жительства или месту пребывания; при доставке защищаемого лица к месту проведения следственного действия; и т. п.[532].

---

[530] Епихин А. Ю., Мишин А. В. Применение видеоконференцсвязи в досудебном производстве как мера безопасности участника следственного действия / А.Ю. Епихин, А.В. Мишин // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 43, №. 3. С. 148–149.

[531] Рамазанов Р. М. Особенности допроса судом защищаемых лиц по уголовному делу в условиях обеспечения безопасности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1 (95). С. 86–88.

[532] Мишин А. В. Криминалистические проблемы обеспечения следственных действий с участием защищаемого лица // Oeconomia et Jus. 2023. № 2. С. 97–99.

Любое допущенное упущение в представленной ситуации может иметь далеко идущие последствия, начиная от возникновения сложностей с взаимодействием защищаемого лица при допросе, когда последний, осознавая свою уязвимость даже при применении мер защиты, может отказаться давать показания, заканчивая куда более тяжкими последствиями в виде причинения вреда здоровью и жизни защищаемого лица и (или) его близких лиц, что также окажет отрицательное воздействие на ход расследования, а кроме того, послужит неким «предупреждением» к иным участникам расследования и рассмотрения уголовного дела по существу: с одной стороны, о «могуществе» тех, кто стоит за подозреваемым (обвиняемым, подсудимым), а с другой стороны, о неспособности правоохранительных и следственных органов обеспечить должный уровень защиты участников следственного действия.

Завершая рассмотрение аспектов организации и осуществления допроса с участием защищаемых лиц считаем необходимым отметить, что сформированная в текущих условиях система по решению поставленных перед следствием и судом задач по получению необходимых сведений и сохранения безопасности защищаемого лица при допросе в определенной мере соответствует актуальным нормативным и фактическим требованиям. Одновременно с этим нельзя не отметить и некоторую проблематику в представленной области общественных отношений, которая требует от законодателя оперативной реакции с целью ее разрешения, что позволит повысить качество проведения отдельных следственных действий с участием защищаемых лиц.

Воробьева Дарья Владимировна,
адъюнкт адъюнктуры Уральского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Екатеринбург

Криминалистическая характеристика личности преступника, совершающего неправомерный доступ к компьютерной информации

Вопросами исследования личности преступника занимались многие ученые, среди которых были Р. Л. Ахмедшин, Ю. М. Антонян, О. Р. Афанасьева, Н. Т. Ведерников, А. В. Варданян, Р. С. Белкин, Н. И. Малыхина и др. Большинство названных авторов придерживались точки зрения о том, что качества личности преступника влияют на характер совершения преступного деяния: образование следов преступления, выбор способа их сокрытия, мотив, способ совершения и т. д.

Мы разделяем данную точку зрения и хотим отметить, что знания о личности преступника помогают сотрудникам правоохранительных органов в выдвижении частных версий, применении тактических приемов при проведении следственных действий и нахождении разыскиваемых лиц.

Исследование личности преступников, совершающих неправомерный доступ к компьютерной информации, имеет особую роль с учетом складывающейся практики раскрытия и расследования преступлений. Согласно статистическим данным, за январь–сентябрь 2025 года сотрудниками правоохранительных органов было зарегистрировано 47 488 случаев совершения неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), из которых было раскрыто лишь 2 960 преступлений[533].

Низкая раскрываемость данного вида преступлений обусловлена внедрением в преступную деятельность информационных технологий, позволяющих злоумышленникам повышать уровень противодействия и скрывать следы преступной деятельности.

Изучению личности преступников данной категории преступлений в своих работах уделяли внимание В. Б. Вехов[534], Е. П. Ищенко[535], В. А. Мещеряков[536], В. В. Поляков[537], Р. А. Белевский[538] и др. Несмотря на множество исследований, связанных с установлением криминалистической характери-

[533] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–сентябрь 2025 года [Электронный ресурс] // Министерство Внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/55225633/ (дата обращения: 15.11.2025).

[534] См: Вехов В. Б. Компьютерные преступления: способы совершения, методика расследования / под. ред. акад. Б. П. Смагоринского. М. : Право и Закон, 1996. 182 с.

[535] См: Ищенко Е. П. Криминалистика : курс лекций. М. : Юрид. фирма «КОНТРАКТ»; АСТ-МОСКВА, 2007. С. 341–355.

[536] Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. … д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 386 с.

[537] См: Поляков В. В. Особенности расследования неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации : дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2008. 247 с.

[538] См: Белевский Р. А. Методика расследования преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации в сетях ЭВМ : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2006. 176 с.

стики личности преступника, вопросы, касающиеся объективности и актуальности полученных данных, остаются открытыми в силу стремительного обновления технических составляющих преступной деятельности и появления новых способов совершения преступлений.

Существуют мнения, что составить единый портрет всех субъектов, относящихся к рассматриваемой категории преступлений, не представляется возможным[539]. Мы частично поддерживаем данную точку зрения, поскольку сложность составления единого портрета киберпретупника выражается в том, что данные составы преступлений чаще всего совершаются группами лиц. Но, в опровержение этому отметим, что выделение отдельных категорий преступников положительно сказывается на выявлении особенностей, которые их объединяют. Такое выделение может осуществляться на основании различных критериев: способ, мотив, особенности мышления и т. д.

Исследователями неоднократно предпринимались попытки классификации киберпреступников по способу совершения преступлений. Так, во многих научных работах устоялась классификация разработанная А. С. Егорышевым, кторый делил киберпреступников на хакеров, кракеров и фрикеров[540].

Мы считаем данный подход устаревшим. Ввиду активного развития информационных технологий и появления новых способов и средств совершения преступлений тяжело выделить единую классификацию, которая будет долгое время являться актуальной. В результате чего мы предлагаем рассмотреть личность преступника исходя из признака, который на сегодняшний день используется в механизме совершения компьютерных преступлений каждым киберпреступником – анонимизация. На данный момент способы анонимизации не подвергаются изменениям, используются практически во всех случаях совершения неправомерного доступа и выступают главной причиной низкого уровня раскрываемости рассматриваемого преступления.

В выборе способа совершения преступления преступника отдает приоритет дистанционному способу, поскольку особенности данного способа позволяют реализовать процесс анонимизации, гарантирующий злоумышленнику, что его личность не будет установлена.

В других работах нами уже были подробно рассмотрены часто встречающиеся способы и средства анонимизации, поэтому мы не будем здесь заострять свое внимание на их подробном рассмотрении, а перейдем сразу к типологизации.

На основании существующих способов и средств анонимизации мы можем выделить следующие типы преступников:

1. *Технически подготовленный хакер (Техно-эксперт).*

Данный тип преступника обладает высоким уровнем технических знаний, прибегает к использованию в ходе совершения преступления сложных инструментов анонимизации, тщательно скрывая следы, используя многоуровневую анонимизацию, а также часто меняя методы и инструменты. К используемым им средствам можно отнести: TOR, прокси-серверы, шифрование, стенографию, виртуальные машины, анонимные операционные системы (например, Tails), криптовалюты.

2. *Социальный инженер (Манипулятор).*

Данный тип личности обладает средним уровнем технических знаний, в ходе совершения преступления сосредоточен на сокрытии личности через методы социальной инженерии. Его главным оружием является искусство обмана: они знают, как убедить ничего не подозревающего пользователя поделиться своими данными, распространить вредоносную программу. В случаях контактирования с потерпевшим может маскировать личность через VP№, фальшивые аккаунты, чужие устройства и сети.

3. *Импульсивный преступник (Спонтанный).*

Данный тип отличается низким уровнем подготовленности к совершению преступления, действует чаще всего в одиночку, переоценивая свои возможности. Игнорируя подготовительные мероприятия, данному типу свойственно допущение ошибок в использовании средств анонимизации, оставление следов преступления и отсутствие понимания рисков. Спонтанные преступники нередко являются самоучками в области информационных технологий и имеют ограниченные технические навыки, поэтому часто не понимают, как эффективно скрыть следы. В ходе совершения преступления используют минимальные средства анонимизации – например, смена SIM-карты, использование общедоступного Wi-Fi, удаление истории браузера.

4. *Технически ограниченный (Ламер).*

Такой тип личности обладает минимальными знаниями в области информационных технологий, сетевой безопасности и методах анонимизации. Является новичком в киберпреступности или не имеет опыта в использовании сложных цифровых инструментов. В ходе совершения преступления не при-

---

[539] Шапошников А. А. Криминалистическая характеристика личности киберпреступника // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2018. № 3-4. С. 58.

[540] Егорышев А. С. Расследование и предупреждение неправомерного доступа к компьютерной информации : дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2004. С. 60.

меняет шифрование сообщений или данных, что облегчает перехват информации, использует публичные или бесплатные VPN и прокси-серверы, которые могут вести логи и раскрывать пользователя.

Помимо приведенной типологизации кибереступников, рассмотрим актуальные данные, полученные из автоматизированной информационно-справочной системы «Статистика-Регион» ГИАЦ МВД России, отражающей отдельные характеристики личности современного киберпреступника.

Пол. Анализируя половую составляющую исследуемой категории преступлений, следует отметить, что за последние 10 лет, статистические данные практически не изменились и превалирующую часть преступников составляют лица мужского пола – 81 %, но также и прослеживается увеличение роста лиц женского пола – 19 %.

Возраст. Возраст лиц, совершающих неправомерный доступ к компьютерной информации делится на три категории:

1) 18–25 лет (40 %);
2) 25–29 лет (25 %);
3) 30–49 лет (35 %).

Уровень образования. Доля преступников с высшим образованием составляет – 15 %, со средним образованием – 38 %, начальным и основным общим образованием – 12 %, средним (полным) общим образованием – 35 %. Из представленной статистики мы видим, что значительно ниже число лиц с высшим образованием, а количество лиц со средним специальным и средним общим образованием по сей день остаются на том же уровне. Также следует отметить, что данная категория преступлений совершается лицами, ранее не имеющими судимости, и лишь в 17 % случаев встречаются ранее судимые, из которых 6 % – рецидивисты, что свидетельствует об отсутствии какого-либо криминального опыта у лиц, совершающих рассматриваемое преступление.

Гражданство. Эмпирические исследования показали, что в основном преступления совершаются гражданами Российской Федерации – 98 %, и лишь оставшуюся часть составляли лица другого государства или лица, не имеющие гражданства, при этом, необходимо отметить, что 75 % из них были местными жителями городов, в которых совершались преступления.

Сфера социального положения преступников является достаточно разнообразной. Так, наемными рабочими совершено – 39 % преступлений, лицами, без постоянного источника дохода – 26 %, служащими – 23 %, индивидуальными предпринимателями – 8 %, студентами – 2 % и безработными лицами – 2 %.

Уровень подготовки. Говоря об уровне подготовленности преступника к совершению преступления и владении необходимыми навыками, отметим, что на сегодняшний день сеть «Интернет» представляет большой спектр ресурсов, позволяющих обучаться созданию вредоносных программ, взлому учетных записей и обходу средств безопасности. Многие сайты на теневых ресурсах сети «Tor» занимаются продажей оборудования, обучающих материалов, инструкций, конфиденциальных данных, предоставляют услуги сопровождения в процессе совершения преступления, техническую поддержку, схемы «гарантии качества» и др.

Мотив. Мотивация к совершению преступления тоже играет немаловажную роль в составлении портрета личности преступника. Изучение психологических особенностей в мотивации совершения преступления способствует в понимании причин и механизмов их возникновения. Мотив и цель в некоторых случаях являются необходимыми признаками субъективной стороны составов преступлений и могут выступать в качестве отягчающих и смягчающих обстоятельств.

С учетом проанализированной литературы[541] и судебной практики по делам о неправомерном доступе к компьютерной информации, следует выделить следующие мотивы совершения преступления:

1) корыстный мотив;
2) политические цели: терроризм, шпионаж, подрыв финансово-экономической и политической стабильности государства, разжигание расовой, межнациональной и религиозной розни и т. п.);
3) коммерческая заинтересованность;
4) исследовательский интерес и любопытство;
5) хулиганские побуждения;
6) месть (конкретным лицам или организациям);
7) стремление к самоутверждению и получения признания в своем кругу, желание получить известность, продемонстрировать интеллектуальное превосходство;
8) стремление скрыть другое преступление или облегчить его совершение.

[541] См: Гаврилин Ю. В. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. 206 с.; Крыгин С. В. Расследование преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 200 с.; Завьялова Д. В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации: отечественный и зарубежный опыт : дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. 242 с.

Подводя итог, отметим, что изучение данных о личности преступника для криминалистики представляет особый интерес, обусловленный возможностями обновления теоретических данных системы криминалистической характеристики, совершенствования тактики проведения отдельных следственных действий и методики раскрытия и расследования преступлений. Стоит также отметить, что всестороннее изучение личности преступника не представляется возможным без выделения типов групп преступников. Рассмотренная в данной работе типологизация может послужить основанием для проведения следующих научных исследований по данной теме, а также лечь в основу криминалистической характеристики неправомерного доступа к компьютерной информации и других компьютерных преступлений.

Гурьянов Дмитрий Игоревич,
аспирант Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
заместитель руководителя следственного отдела по Железнодорожному району г. Пенза
следственного управления Следственного комитета Российской Федерации
по Пензенской области

Правовые коллизии в сфере суррогатного материнства: проблема разграничения с торговлей людьми

Активно прогрессирующая на современном этапе развития человечества наука зачастую приводит к образованию правовых коллизий в национальных законодательствах, которые не могут совершенствоваться необходимыми темпами, что влечет спорные ситуации в правоприменительной практике, привлечении виновных лиц в том числе и к уголовной ответственности. Одним из таких институтов, зародившихся и существенно изменившимся за последние десятилетия, является институт суррогатного материнства. Сложность в правовой оценке указанного явления во многом связана с тем, что сам факт существования суррогатного материнства порождает большое количество как правовых, так и морально-этических и медико-биологических проблем, находится на стыке как большого количества наук, так и уголовного и гражданского права. Для правильной правовой оценки действий лиц, оказывающих услуги в области суррогатного материнства, необходимо подробно исследовать как действующее законодательство в рассматриваемой сфере, так и правоприменительную практику, с целью приведения указанных институтов к одному целому для блага общества, защиты интересов различных категорий граждан, в том числе новорожденных детей, родившихся благодаря услугам суррогатных матерей. При этом отсутствие должной правовой регламентации суррогатного материнства и полная легализация указанного явления, могут привести к увеличению случаев завуалированной торговли людьми, использованию подневольного труда женщин, поставленных в рабские условия.

Проблему правовой регламентации суррогатного материнства подчеркивает тот факт, что указанная технология диаметрально противоположно регламентирована в законодательства крупнейших мировых государств. В частности, суррогатное материнство полностью запрещено в большинстве европейских стран и ряде развитых азиатских стран, таких как Япония или Малайзия. В то же время ряд государств, такие как Великобритания, Новая Зеландия, Австралия и Бразилия, допускают использование технологий суррогатного материнства, однако только на альтруистической основе, то есть без цели извлечения прибыли из указанной деятельности. В Российской Федерации, большинстве стран СНГ, а также Индии и Греции, разрешено суррогатное материнство как на коммерческой, так и на некоммерческой основе,[542] что также подчеркивает актуальность подробной регламентации соответствующего института на территории Российской Федерации.

В первую очередь при рассмотрении особенностей функционирования института суррогатного материнства на современном этапе развития общества на территории Российской Федерации необходимо проанализировать основные нормативно-правовые акты, регламентирующий указанный институт. В частности, при рассмотрении указанного вопроса необходимо обратиться к Федеральному закону № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 года[543] (далее по тексту – ФЗ № 323), а также к приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации № 917н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий,

[542] Корнакова С. В., Полетаева Е. Л., Чигрина Е. В. Правовое регулирование суррогатного материнства: обзор законодательства стран СНГ // Семейное и жилищное право. 2022. № 3. С. 9–12.

[543] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

противопоказаниях и ограничениях к их применению» от 09 октября 2023 года[544]. При изучении правовой регламентации функционирования институт суррогатного материнства необходимо обратить отдельное внимание на положения, которыми регламентирован правовой статус генетических родителей и суррогатной матери, а также разобраны вопросы, возникающие при регистрации новорожденного ребенка, появившегося на свет в результате функционирования вышеуказанной вспомогательной репродуктивной технологии, которые находятся в Федеральной законе № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 года[545] и в Семейном кодексе Российской Федерации.

Из буквального толкования ФЗ № 323 следует, что порядок применения технологии суррогатного материнства регламентирован следующим образом: «между женщиной (суррогатной матерью) и потенциальными (генетическими) родителями либо одинокой женщиной заключается непоименованный договор, согласно которого для потенциальных родителей, которые по медицинским показателям не могут выносить и родить ребенка, суррогатная мать после переноса донорского эмбриона вынашивает плод, что приводит в конечном итоге к рождению ребенка»[546].

В ходе исследования важно обратить внимание на тот факт, что в профильном федеральном законе, в котором описана обсуждаемая вспомогательная репродуктивная технология, дается множество определений, который абсолютно не соотносятся со смежными положениями, действующими в системе норм гражданского и уголовного права. Указанные противоречия привели к глобальной проблеме, находящейся в иной правовой плоскости – оценке суррогатного материнства через призму соотношения с уголовно наказуемым деянием – торговлей людьми, которая до настоящего момента по-прежнему является неразрешенной, что подчеркивает важность проведения научных исследований в указанной сфере. Для разрешения озвученной проблемы важно установить первопричины, приведшие к указанной правовой коллизии, а именно обратить внимание что сложности в регламентировании процедуры суррогатного материнства на территории Российской Федерации связаны в первую очередь с отсутствием правоприменительной практики в указанной сфере из-за относительно небольшого времени применения указанной вспомогательной репродуктивной технологии, а также, по мнению В. В. Богдан, «в связи с существующими различными подходами в имплементации Международных стандартов противодействия торговли людьми в национальном законодательстве, фрагментарностью и непоследовательностью нормативного регулирования, обслуживающего сферу применения вспомогательных репродуктивных технологий, на международном и национальном уровнях»[547].

Об актуальности проблемы должного регламентирования института суррогатного материнства именно с точки зрения уголовно-правового законодательства свидетельствует расследование следователями Следственного комитета Российской Федерации начиная с 2022 года большого количества уголовных дел по фактам продажи новорожденных детей под видом оказания услуг по суррогатному материнству, совершенных в том числе организованными преступными группами. В качестве примера можно привести уголовное дело, находившееся в производстве следователей Следственного комитета Российской Федерации Красноярского края, по факту противоправной деятельности сотрудников ООО «Дидилия» и иных лиц, в ходе расследования которого установлены множественные факты осуществления торговли людьми под видом оказания услуг по суррогатному материнству, в результате чего к уголовной ответственности по ст. 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации привлечены двенадцать лиц, в том числе пять суррогатных матерей, генеральный директор ООО «Дидилия», начальник юридического отдела, главный врач и заместитель главного врача КГБУЗ «Красноярский краевой центр охраны материнства и детства». Указанные лица в своей деятельности использовали следующую преступную схему: суррогатные матери по предварительной договоренности с руководством ООО «Дидилия» прибывали на территорию Королевства Камбоджа, находясь на территории которого в местных медицинских учреждениях им в ходе операции переносился эмбрион, после чего наступала беременность, далее беременные женщины, внутри которых находился эмбрион настоящих биологических родителей, возвращались на территорию Российской Федерации и при содействии директора ООО «Дидилия» в родильных домах различных медицинских учреждений Красноярского края, в том числе в КГБУЗ «Красноярский родильный дом № 1» рождали детей, получали медицинские свидетельства о рождении и свидетельства о рождении в органах ЗАГСа, в которых

[544] О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению : приказ Минздрава России от 9 октября 2023 г. № 917н: зарегистрирован в Минюсте России 29 декабря 2023 г. № 77242 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.10.2025).

[545] Об актах гражданского состояния : Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // СЗ РФ. 1997. № 47, ст. 5340.

[546] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

[547] Богдан В. В., Урда М. Н. Суррогатное материнство и торговля людьми: межотраслевой конфликт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 628–657.

указанные женщины были указаны как матери новорожденных, что возлагало на них соответствующие обязанности, но суррогатные матери, в свою очередь, получали от руководителя ООО «Дидилия» вознаграждение за оказанную ими услуги в виде денежных средств в размере около 800 000 – 900 000 рублей, после чего лично в руки либо через посредников передавали директору ООО «Дидилия» свидетельства о рождении детей а также нотариальную доверенность в отношении указанного лица, на основании которой он имел право распоряжаться якобы своим малолетним ребенком, в том числе покидать вместе с ними территорию Российской Федерации, после чего руководитель вышеуказанного юридического лица забирал детей, рожденных суррогатными матерями, из медицинских учреждений, и передавал их третьим лицам, как правило проживающим за пределами Российской Федерации, за денежное вознаграждение[548]. Сотрудниками Следственного комитета выявлено более 15 однородных фактов преступной деятельности, связанных с предоставлением услуг в области суррогатного материнства на коммерческой основе для граждан иностранных государств.

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что важно понимать, что институт суррогатного материнства стал неотъемлемой частью развития современного общества. Указанная вспомогательная репродуктивная технология имеет помогает решать одну из важных проблем человечества – продолжение рода и улучшение демографической ситуации, однако при этом порождает социальные, нравственные и правовые противоречия, требующие разрешения. Необходимо отметить, что на сегодняшний день осмысление последствий существования и применения технологии суррогатного материнства свидетельствует об отсутствии внешне и внутренне непротиворечивых законодательных и доктринальных подходов к разрешению связанных с ним острых проблем. Сюда следует относить межотраслевой конфликт между суррогатным материнством и конвенционным преступлением – торговлей людьми. Важно понимать, что в настоящее время даже международное сообщество однообразно не восприняло суррогатное материнство как легальный способ борьбы с бесплодием, существует большое количество разнообразных позиций на данный счет. Подобные противоречия накладывают существенный отпечаток на установления национального законодательства государств, вынужденных лавировать в поисках границ дозволенного между легализацией технологии и ее полным запретом. При этом необходимым является дальнейшее развитие непосредственно российского законодательства в области правовой регламентации института вспомогательных репродуктивных технологий, определения правовых оснований и допустимых границ, с целью оказания помощи правоприменителям при привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении уголовно-наказуемых деяний, для чего требуется издание нового регламентирующего нормативно-правового акта, положения которого устранили бы имеющиеся противоречия и не содержали бы в себе противоречий с нормами иных отраслей права.

Данчинова Мария Андреевна,
аспирант 1 курса по направлению «5.1.4. Уголовно-правовые науки»
ФГБОУ ВО «Удмуртский Государственный Университет»,
г. Ижевск

Преступления коррупционной направленности в сфере ЖКХ, анализ судебной практики

Сфера жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) является неотъемлемой составляющей социально-экономической политики государства. На сегодняшний день, она одна из наиболее коррумпированных отраслей нашей страны, что, обусловлено большим объемом денежных средств, поступающих от жителей в организации, которые имеют право управлять многоквартирными домами, высокой долей государственного и муниципального участия, а также, сложностью и непрозрачностью системы тарифообразования. По словам Генерального прокурора РФ Игоря Краснова (по состоянию на 02.04.2025): «В России выросло количество нарушений, выявленных Генеральной прокуратурой в сфере ЖКХ: если в 2023 году их было 414 007, то по итогам 2024-го стало 424 476»[549].

[548] В Красноярске вынесен приговор в отношении второй роженицы по уголовному делу о торговле детьми [Электронный ресурс] // Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия : [офиц. сайт]. URL: https://krk.sledcom.ru/news/item/1731837/ (дата обращения: 24.10.2025).

[549] В России выросло количество нарушений в сфере ЖКХ по итогам 2024 года [Электронный ресурс] // Парламентская Газета. 02.04.2025. URL: https://www.pnp.ru/social/v-rossii-vyroslo-kolichestvo-narusheniy-v-sfere-zhkkh-po-itogam-2024-goda.html?ysclid=mi7332r5xg649162265

Приведенные выше цифры не в полной мере отражают всю действительность ситуации, поскольку преступления коррупционной направленности обладают высоким уровнем латентности.

Латентность коррупции в секторе ЖКХ также обусловлена активным участием должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления в совершаемых противоправных деяниях.

Несмотря на законодательное закрепление термина «коррупция»[550], в юридической литературе и правоприменительной практике отсутствует единое определение термина «коррупционное преступление». Это связано с разнообразием форм коррупции – начиная от взяточничества и злоупотребления должностными полномочиями и заканчивая коммерческим подкупом и отмыванием денег. Каждое из этих преступлений имеет свою специфику и требует отдельного подхода к квалификации.

Отнесение преступления к коррупционным или связанному с коррупцией требует от правоприменителей и учёного сообщества обращения к нормативно-правовым актам, в которых законодатель прямо или косвенно включает составы, не охватываемые формальным юридическим определением коррупции.

Наряду с Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и с иными нормативно-правовыми актами, направленными на противодействие коррупции, законодатель также относит и Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», а следовательно, относит составы 174 и 174.1 УК РФ к коррупции.

Стоит отметить, что термин «преступление коррупционной направленности» встречается в Перечне № 23 преступлений коррупционной направленности в Указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28.07.2025 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», который является ведомственным нормативным правовым актом[551].

Согласно данному перечню к преступлениям коррупционной направленности относятся противоправные деяния, имеющие все перечисленные признаки: наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния (должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, перечисленные в примечаниях к ст. 201 УК РФ); связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей; обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц); совершение преступления только с прямым умыслом.

По мнению доктора юридических наук К. В. Черкасова, «Этот термин позволяет классифицировать отдельные составы преступлений как имеющие отношение к коррупции и помогает вести соответствующую статистику, анализировать ситуацию и планировать меры профилактики»[552].

Вышеуказанный Перечень № 23 делит преступления коррупционной направленности на преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий, и на преступления, относящиеся к перечню при наличии определенных условий. Так, к первой группе относят в том числе ст. 204, 290 и 291 УК РФ, а ко второй, при наличии определенных условий, – ст. 159, 160, 201, 285, 286, 292 УК РФ.

На сегодняшний день, беря во внимание законодательно закрепленное определение коррупции и основываясь на Указаниях Генпрокуратуры РФ, можно выделить 3 группы преступлений коррупционной направленности в сфере ЖКХ:

1. Преступления против собственности, а именно: мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ).

В. Г. Громов, И. А. Ефремова и П. А. Матушкин пишут: «Изучение материалов правоприменительной практики показывает, что также наиболее распространенным преступлением, коррупционной направленности в сфере жилищно-коммунального хозяйства являются преступления, предусмотренные ст. 159 УК РФ и ст. 160 УК РФ. Это обуславливается тем, что в настоящее время современное российское общество, к сожалению, является благоприятной средой для мошенников, не исключением является и сфера жилищно-коммунального хозяйства».

Приговором Таганрогского городского суда Ростовской области от 29.08.2023 № 1-13/2023 Ч. Л. В., признана виновной в совершении трех преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ.

---

[550] О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6228.

[551] Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности, Указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28.07.2025 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=517620&dst=100001#yzP6s4VM5WZgse9n

[552] Казаков В. Н., Черкасов К. В. Проблемы законодательного определения коррупционного правонарушения и коррупционного преступления // Вестник науки. 2025. № 5 (86), Т. 3. С. 444–450.

Так, Ч. Л. В. являясь фактическим руководителем и единственным учредителем Общества, находясь на территории г. Таганрога Ростовской области, действуя группой лиц по предварительному сговору с иными лицами, в период не позднее 16 августа 2017 года по 17 сентября 2019 года, находясь на территории г. Таганрога Ростовской области, действуя из корыстных побуждений, реализуя общий преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества путем обмана в особо крупном размере, распоряжаясь денежными средствами ООО, имея реальную возможность и обязанность произвести расчеты с ПАО «Т» и МУП «ГХ», умышленно, неправомерно перечислили на расчетные счета указанных ресурсоснабжающих организаций только часть денежных средств, поступивших от потребителей оказанных услуг, недоперечислив в адрес ПАО «Т» денежные средства на общую сумму не менее 327 908,59 рублей и в адрес МУП «ГХ» денежные средства на общую сумму не менее 1 838 703,11 рублей, а всего в общей сумме не менее 2 166 611,7 рублей, что является особо крупным размером, которые похитили и израсходовали в личных корыстных целях, в том числе перечислив похищенные денежные средства на расчетные счета аффилированных лиц, состоящих с Ч. Л. В. в родственных связях, в адрес которых не имелось законных оснований перечислять денежные средства[553].

2. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ).

В. А. Панин в своей работе «Коррупционные преступления в сфере жилищно-коммунального комплекса, совершаемые работниками государственных, муниципальных учреждений и организаций» пишет: «К наиболее современным коррупционным преступлениям, совершаемыми работниками государственных и муниципальных органов в сфере жилищно-коммунального комплекса, можно отнести взяточничество за подписание актов выполненных работ по ремонту общего имущества, за содействие в получении лицензии УК, ТСЖ для осуществления предпринимательской деятельности по управлению МКД, содействие в проведении открытого конкурса по управлению МКД»[554].

Приговором Волжского районного суда города Саратова от 09.04.2025 № 1-39/2025 установлено, что Д. Н. Б., являясь должностным лицом и исполняя свои должностные, преследуя корыстную заинтересованность в силу своего должностного положения, личных связей, авторитета и занимаемых должностей в комитете по ЖКХ администрации МО «Город Саратов», которыми последняя обладала в виду длительного периода муниципальной службы в комитете по ЖКХ, неоднократно рекомендовала своего знакомого, Л., а в дальнейшем индивидуального предпринимателя Л., руководству управляющих организаций, товариществ собственников жилья, жилищных кооперативов и иных специализированных потребительских кооперативов в г. Саратове, обращавшихся по вопросам проведения капитального ремонта домов в комитет по ЖКХ как лицо, которое способно провести капитальный ремонт многоквартирных домов добросовестно и в установленные сроки, создавая таким образом предпринимателю образ надежного и ответственного подрядчика, путем способствования за счет своего должностного положения, авторитета, занимаемых должностей в сфере ЖКХ заключению договоров на выполнение ремонтных работ многоквартирных домов в г. Саратове между Л. И руководством управляющих организаций, товариществ собственников жилья, жилищных кооперативов и иных специализированных потребительских кооперативов г. Саратова, в результате чего Л. За период с 09.09.2016 по 22.11.2023 заключены договоры, и извлечению Л. повышенной имущественной выгоды от коммерческой деятельности. За указанные выше действия Д. Н. Б. лично получила от Л. взятку в виде денег, в значительном размере в общей сумме 70 000 рублей, которые поступили на расчетный счет банковской карты, принадлежащий Д. Н. Б.

Суд квалифицирует действия Д. Н. Б. по ч. 2 ст. 290 УК РФ как получение должностным лицом лично взятки в виде денег в значительном размере за совершение действий в пользу взяткодателя, если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям[555].

3. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях – злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ).

---

[553] Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 29.08.2023 № 1-13/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=AOUG&n=8414962&rnd=QuGacw#QOoXl4VIdIglfnq6

[554] Панин В. А. Коррупционные преступления в сфере жилищно-коммунального комплекса, совершаемые работниками государственных, муниципальных учреждений и организаций // Евразийская адвокатура. 2021. № 1 (50). С. 91–94.

[555] Приговор Волжского районного суда города Саратова от 09.04.2025 № 1-39/2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=AOKI&n=13231057&rnd=QuGacw#UuZLm4VoBX1U5ueY2

В. Г. Громов, И. А. Ефремова, П. А. Матушкин и С. А. Астафьев, Г. В. Хомкалов, И. В. Егерев, О. А. Егерева сходятся во мнении, что коммерческий подкуп и злоупотребление полномочиями являются наиболее распространенными преступлениями коррупционной направленности в сфере ЖКХ, что обуславливается тем, что коррупционные преступления в сфере ЖКХ, совершаются руководителями организаций (83,2 %)[556,557].

Приговором Октябрьского районного суда города Пензы от 11.09.2025 по делу № 1-292/2025 установлено, что Т. является лицом, выполняющим управленческие функции в иной организации, из корыстных побуждений, с целью личного обогащения, реализуя свой единый преступный умысел, направленный на получение незаконного денежного вознаграждения в виде коммерческого подкупа в сумме 200 000 руб., то есть в крупном размере, от ИП ФИО12 за совершение действий, входящих в его служебные полномочия в интересах дающего, то есть за создание условий, при которых ИП ФИО1 получал преимущества при заключении договора подряда, незаконно получил от ИП ФИО12 наличные денежные средства в сумме 100 000 руб. в качестве коммерческого подкупа за заключение с ним договора подряда № от 20 мая 2021 г. по капитальному ремонту фасада многоквартирного жилого дома, а также 7 октября 2021 г. незаконно получил от ИП ФИО1 наличные денежные средства в сумме 100 000 руб. в качестве коммерческого подкупа за заключение с ним договора подряда № от 20 мая 2021 г. по капитальному ремонту кровли многоквартирного жилого дома, тем самым незаконно получил деньги за совершение действий в интересах дающего, если указанные действия входят в служебные полномочия такого лица. Также судом установлено, что Т. незаконно получил от ИП ФИО12 денежные средства в сумме 9 000 руб. в виде безналичного перевода денежных средств, в качестве мелкого коммерческого подкупа за заключение с ним договора подряда № от 25 ноября 2023 года по капитальному ремонту кровли козырьков балконов многоквартирного жилого дома, тем самым незаконно получил деньги за совершение действий в интересах дающего, если указанные действия входят в служебные полномочия такого лица, и распорядился ими по своему усмотрению. Суд назначил Т. наказания за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 7 ст. 204 УК РФ, в виде лишения свободы[558].

Подводя итог исследованию, можно сказать о том, что в правоприменении ключевым для идентификации деяний, связанных с коррупцией, в том числе в сфере ЖКХ, является ведомственный термин «преступление коррупционной направленности», закрепленный в указаниях Генпрокуратуры и МВД России. Его признаки позволяют отнести к данной категории широкий спектр составов Уголовного кодекса.

Анализ судебных решений позволяет выделить три основные группы преступлений коррупционной направленности в сфере ЖКХ:

1. Преступления против собственности (ст. 159, 160 УК РФ). Мошенничество и растрата являются наиболее распространенными, что связано с легкостью хищения средств, аккумулируемых для оплаты коммунальных услуг и содержания общего имущества. Практика показывает типичные схемы с нецелевым использованием или прямым присвоением денежных средств жителей.

2. Преступления против государственной власти и интересов службы (ст. 285, 286, 290, 291, 292 УК РФ). Взяточничество и злоупотребление полномочиями со стороны чиновников органов власти и местного самоуправления пронизывают ключевые процессы существования самой сферы ЖКХ.

3. Преступления против интересов службы в коммерческих организациях (ст. 201, 204 УК РФ). Злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп характерны для руководителей управляющих и ресурсоснабжающих компаний, подрядных организаций. Они связаны с заключением заведомо невыгодных договоров, завышением стоимости работ и «откатами» за обеспечение победы в конкурсах и тендерах.

Таким образом, коррупция в сфере ЖКХ носит системный и многоуровневый характер, затрагивая как государственный, так и коммерческий сектор. Судебная практика демонстрирует разнообразие механизмов противоправного обогащения, которые, однако, объединены общими признаками: использованием служебного положения, корыстным мотивом и причинением ущерба имущественным интересам граждан или публичным образованиям.

---

[556] Астафьев С. А., Хомкалов Г. В., Егерев И. В., Егерева О. А. Типичные способы совершения преступлений, связанных со строительством и эксплуатацией многоквартирных домов // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 12 (4). С. 541–549.

[557] Громов В. Г., Ефремова И. А., Матушкин П. А. Коррупция в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. № 3, Т. 1. С. 145–153.

[558] Приговор Октябрьского районного суда города Пензы от 11.09.2025 по делу № 1-292/2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=0DBD742CB44949309E65805DCC3E0627&mode=searchcard&base=AOKI&n=13414079&SORTTYPE=0&BASEnODE=IiIiMSwzMjkznSwzMjkznSIiLCIiMiwyMTQsQVnPSiIiLCIiMiwyMTksU09KIiIsIiIyLDIsQVJCIiIi&rnd=QuGacw#wEpVm4VfgnA1vLwS

Кропачев Илья Олегович,
аспирант 1 курса по направлению «5.1.4. Уголовно-правовые науки»
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

Уголовно-правовые проблемы определения субъекта преступления по ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод»

Субъект является одним из обязательных элементов состава любого преступления. Состав преступления, закрепленного статьей 307 УК РФ, является сложным т.к. оно может быть совершено лицами, обладающими различным процессуальным статусом. Корректное определение субъекта имеет большое значение для правильной квалификации рассматриваемого правонарушения и связано с рядом проблем и дискуссионных вопросов.

Наука уголовного права определяет субъекта преступления как лицо, совершившее запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние и способное нести за него уголовную ответственность, т. е. являющееся вменяемым физическим лицом, достигшим установленного законом возраста.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ специальный – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет и имеющее процессуальный статус свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста или переводчика.

В соответствии с положениями процессуального законодательства свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, и вызванное для производства соответствующих следственных или судебных действий[559]. Процессуальные нормы содержат также указание на то, что за дачу заведомо ложных показаний свидетель несет ответственность, предусмотренную ст. 307 УК РФ.

Так, приговором Центрального районного суда г. Симферополя, Республики Крым Ф. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ.

«Судом установлено, что Ф., допрошенная в качестве свидетеля, желая оказать помощь М. избежать уголовной ответственности за совершенное преступление, дала заведомо ложные показания, показав, что М. не управлял автомобилем после употребления спиртных напитков, так как автомобиль последнего был не исправен»[560].

Часть 3 ст. 56 УПК РФ содержит закрытый перечень лиц, которые не подлежат допросу в качестве свидетеля.

Кроме того, согласно статье 51 Конституции РФ, супруги и близкие родственники обвиняемого имеют право отказаться от дачи свидетельских показаний против него.

Однако, в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, наличие подобного свидетельского иммунитета не исключает права соответствующих лиц дать показания в тех случаях, когда они сами заинтересованы в оглашении тех или иных сведений, а также при согласии тех лиц, чьих прав и законных интересов непосредственно касаются конфиденциально полученные сведения.

«В подобных случаях суды не вправе отказывать указанным лицам в даче свидетельских показаний. Соответственно, при даче ими заведомо ложных показаний они подлежат уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ. Однако при допросе таких лиц без их согласия уголовная ответственность по ст. 307 УК РФ наступить не может в силу неустранимого нарушения правил допустимости доказательств, исключающих наличие состава рассматриваемого преступления»[561].

Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации».

Так, приговором Цивильского районного суда Чувашской республики установлено, что ФИО являясь потерпевшим по уголовному делу в отношении обвиняемого А. дал, в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, заведомо ложные показания о том, что в указанное время в указанном месте А. физическую силу в отношении него не применял, физическую боль не причинял.

---

[559] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Российская газета. 22.12.2001. № 249.

[560] Приговор Центрального районного суда г. Симферополя Республики Крым от 04 июня 2019 г. по делу № 1-169/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/

[561] Радченко А. А. Уголовно-правовая характеристика субъектов лжесвидетельства (ст. 307 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3 (74). С. 103–109.

Однако при рассмотрении уголовного дела в отношении А. судом установлено, что он в указанном месте в указанное время, применил насилие в отношении ФИО и в результате действий А. потерпевшему ФИО были причинены моральные и нравственные страдания, а также физическая боль[562].

Потерпевшими по делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, могут быть признаны близкие родственники погибшего с предоставлением всех прав, предусмотренных процессуальным законодательством. Если такое лицо, признанное в установленном порядке потерпевшим, сообщает в ходе допроса заведомо ложные сведения, оно подлежит уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ.

В случае признания юридического лица потерпевшим по уголовному делу, его права осуществляет представитель. Статья 307 УК РФ не относит представителя юридического лица к субъектам рассматриваемого преступления. Однако, на практике, такие представители, при получении от них доказательственной информации, допрашиваются в качестве свидетелей, таким образом, подпадая под действие указанной статьи.

Следует отметить, что ст. 307 УК РФ не предусмотрена уголовная ответственность за ложные показания подозреваемого или обвиняемого (подсудимого) по уголовному делу.

Вопрос о том, должен ли обвиняемый подлежать уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний является в науке уголовного права дискуссионным.

«Так, например, Ю. Золотов и В. Быканов, исходя из того, что обвиняемые довольно часто «выдумывают всяческие небылицы и версии случившегося, даже самые нелепые и фантастические, а следствие обязано проверять все варианты откровенной лжи без каких-либо последствий для лгунов», предлагают установить уголовную ответственность обвиняемого за дачу им заведомо ложных показаний.

Интересна также позиция Г. К. Мишина, который полагает, что право обвиняемого не давать «самообвиняющие» показания неразрывно связано с его обязанностью нести уголовную ответственность за ложные показания в ходе предварительного следствия и в суде, по этому, по его мнению, обвиняемого необходимо поставить перед дилеммой: либо он молчит, либо, если он решился давать показания по собственному делу, то должен нести уголовную ответственность за заведомо ложные показания»[563].

Однако наиболее верной представляется позиция Я. О. Мотовиловкера, поддержанная А. А. Закатовым, согласно которой дача показаний является для обвиняемого правом, а не обязанностью, поэтому он не несет и не должен нести никакой ответственности за дачу заведомо ложных показаний, равно как и за отказ от дачи показаний, что является одной из важнейших гарантий обеспечения права на защиту.

Эксперт определен в законодательстве, как лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное органами предварительного расследования или судом для производства экспертизы и дачи экспертного заключения.

В ст. 12 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» государственный судебный эксперт определяется как аттестованный работник государственного судебноэкспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей.

Кроме того, в ст. 41 данного закона отмечается, что в качестве судебного эксперта могут выступать и лица, не являющиеся государственными судебными экспертами, но обладающие специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла.

Приговором Адлерского районного суда Краснодарского края установлено, что Ж. совершила два эпизода заведомо ложных заключений эксперта в суде.

Имея прямой умысел, действуя из корыстных побуждений, в целях личного обогащения, Ж., производя судебно-строительную экспертизу в порядке исполнения своих обязанностей, изготовила заведомо ложное заключение эксперта судебной строительно-технической экспертизы[564].

Специалист определяется действующим законодательством, как «лицо, обладающее специальными знаниями и навыками и привлекаемое для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов (доказательств), применения технических средств, постановки вопросов эксперту и разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию»[565].

---

[562] Приговор Цивильского районного суда Чувашской республики от 27 февраля 2020 г. по делу № 1-9/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/

[563] Смолькова И. В. Должен ли обвиняемый нести уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний? // ГлаголЪ правосудия. 2016. № 1 (11). С. 76–81.

[564] Приговор Адлерского районного суда (Краснодарского края) от 09 октября 2018 года по делу № 1-435/2018 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/

[565] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации…

Согласно нормам процессуального законодательства, переводчиком является лицо, свободно владеющее необходимым языком (навыками сурдоперевода) и привлекаемое в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства для осуществления перевода (сурдоперевода) доказательственной информации на язык судопроизводства.

Так, приговором Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга от 02.06.2021 установлено, что Х., участвовавшая в уголовном судопроизводстве по уголовному делу в качестве переводчика узбекского языка, при осуществлении письменного перевода с русского на узбекский язык вступительного и напутственного слов председательствующего и протоколов судебных заседаний по уголовному делу, желая создать видимость исполненного поручения, с целью сохранения профессиональной репутации, на территории г. Санкт-Петербурга, намеренно исказила текст переводимых материалов уголовного дела, совершив таким образом заведомо неправильный перевод в суде процессуальных документов по уголовному делу[566].

Следует учитывать, что лицо, совершившее рассматриваемое преступление вследствие добросовестного заблуждения, обусловленного, например, недостаточной компетентностью, не несет уголовной ответственности.

«Проверка компетентности переводчика возложена законодателем на лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. При этом, законодатель не уточняет, как эта компетентность может быть проверена. Представляется, что доказательствами компетентности переводчика могут быть документы, подтверждающие наличие соответствующего образования, свидетельства или сертификат о прохождении стажировки или повышения квалификации. Однако они лишь указывают на полученную квалификацию переводчика, но не могут подтвердить его компетентность, т. е. наличие у него знаний, умений и навыков перевода.

Законодатель употребляет два самостоятельных термина, определяющих знания переводчиком языка – свободное владение языком перевода и компетентность переводчика»[567].

В науке представлены различные определения данных терминов. «Так, например, В. Ю. Стельмах понимает компетентность переводчика как свободное владение минимум двумя языками: уголовного судопроизводства и тем, которым в достаточной степени владеет участник процесса. В свою очередь, свободное владение языками, по его мнению, подразумевает: свободное понимание разговорной речи на обоих языках; умение без посторонней помощи изъясняться на данных языках; умение изложить на обоих языках все фактические обстоятельства, связанные с производством по делу; умение разъяснить применяемые при производстве специальные термины в понятной и доступной форме»[568].

Представляется правильным согласиться с позицией Н. Ю. Власовой и Е. С. Шмелевой, согласно которой «под компетентностью переводчика следует понимать его способность правильно и четко переводить с одного на другой язык тексты процессуальных документов, а также устную речь участников уголовного судопроизводства; достаточные знания общей и специальной лексики, необходимой для перевода; умение объяснить в доступной и понятной форме участнику уголовного судопроизводства содержание процессуальных документов, задаваемые вопросы, речь участников процесса. Отсутствие хотя бы одного из указанных требований позволяет говорить о некомпетентности переводчика»[569].

Проблему проверки компетентности переводчика лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, указанные авторы предлагают решить путем сотрудничества лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с судебно-переводческими организациями, деятельность которых ориентирована на осуществление перевода в судопроизводстве, в том числе уголовном, на подбор и формирование реестров переводчиков, или бюро переводов.

Предложенный вариант является одним из самых простых способов решения указанной проблемы, так как снимает со следователя (дознавателя) и судьи необходимость самостоятельно устанавливать степень компетентности переводчика.

Дискуссионным в науке уголовного права является вопрос о влиянии на квалификацию рассматриваемого преступления факта предупреждения соответствующего участника судопроизводства об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, заключения или перевода.

---

[566] Приговор Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга от 02 июня 2021 г. по делу № 1-48/2021 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/

[567] Волосова Н. Ю., Шмелева Е. С. О проблеме определения компетенции переводчика в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД. 2018. № 3 (86). С. 128–134.

[568] Стельмах В. Ю. Некоторые вопросы участия переводчика при производстве предварительного следствия по уголовным делам // Российский юридический журнал. 2014. № 5 (98). С. 188–197.

[569] Волосова Н. Ю., Шмелева Е. С. Указ. соч. С. 128–134.

«Так, например, А. С. Горелик писал, что предупреждение об ответственности имеет важное информационное и профилактическое значение, но не более. Опасность ложных показаний очевидна и общеизвестна независимо от того, было ли сделано предупреждение. Ст. 307 УК также не содержит прямого указания на предупреждение как на условие уголовной ответственности. Следовательно, отсутствие надлежащего предупреждения не исключает наличие состава преступления.

В свою очередь, А. В. Бриллиантов считает, что предупреждение и соответствующая подписка являются процессуальным основанием для привлечения к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за нарушение запретов, изложенных в ней»[570].

Вторая позиция представляется более правильной с учетом того, что при нарушении процессуального порядка получения доказательств, в виде отсутствия предупреждения лица об ответственности по ст. 307 УК РФ, полученные показания и документы признаются недопустимыми и не могут быть использованы в доказывании. Следовательно, вреда правосудию не причиняется, действия указанных лиц не представляют общественной опасности, и состав рассматриваемого преступления не образуется.

«Еще одно важной проблемой является возможность квалификации по ст. 307 УК РФ действий по предоставлению ложной информации лицами с неправильно определенным процессуальным статусом. Например, при допросе в качестве свидетеля лица, в отношении которого имеются данные о совершении им преступления.

В случаях если лицо допрашивается как свидетель об обстоятельствах, которые уличают или могут уличить его самого в совершении либо соучастии в преступлении, и дает по этим обстоятельствам ложные показания, судебная практика идет по пути отсутствия признаков рассматриваемого преступления.

При неправильном присвоении процессуального статуса другим участникам судопроизводства, например, признании свидетелем лица, не обладающего сведениями, имеющими значение для разрешения дела, привлечении в качестве переводчика лица, не владеющего соответствующим языком, назначении экспертом лица, не обладающего необходимыми специальными знаниями и навыками, состав рассматриваемого преступления также отсутствует. В данном случае существенное и неустранимое нарушение правил допустимости доказательств влечет невозможность использования полученных сведений в процессе доказывания и, как следствие, отсутствие вреда объекту уголовно-правовой охраны»[571].

Подводя итог проведенному исследованию, можно указать следующее, во-первых, субъект преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ является специальным и кроме общих признаков должен обладать также процессуальным статусом свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста или переводчика.

Во-вторых, вопрос о необходимости включения подозреваемого и обвиняемого в число субъектов рассматриваемого преступления является дискуссионным. Однако исходя из того, что возможность давать ложные показания, наравне с возможностью отказаться от дачи показаний, является способом обеспечения права на защиту, представляется правильным то, что обвиняемый не несет и не должен нести ответственность как за дачу заведомо ложных показаний, так и за отказ от дачи показаний.

В-третьих, проблему проверки компетентности переводчика в уголовном судопроизводстве предлагается решать путем сотрудничества лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с судебно-переводческими организациями. Подобные организации осуществляют формирование реестров переводчиков на основе их профессиональных навыков, что позволит следователям и судьям быть уверенными в компетентности участвующих в процессе лиц.

В-четвертых, отсутствие надлежащего предупреждения участника судопроизводства об ответственности по ст. 307 УК РФ влечет невозможность использования полученных сведений в качестве доказательств. Следовательно, состав рассматриваемого преступления в таких случаях не образуется.

В-пятых, неправильное определение процессуального статуса лица также является основанием признания полученных доказательств недопустимыми и исключает возможность наступления ответственности по ст. 307 УК РФ.

Предложенные в исследовании пути решения проблем, связанных с корректным определением субъекта преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, позволят избежать неточностей при квалификации рассматриваемого преступления и снизят вероятность ошибочного привлечения к уголовной ответственности.

---

[570] Радченко А. А. Указ. соч. С. 103–109.

[571] Радченко А. А. Указ. соч. С. 103–109.

Путра Аламсях Нуррахмад,
аспирант Института права, социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «УдГУ»,
Научный руководитель: Л. Г. Татьянина, д-р юрид. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

Виды международных соглашений и их роль в экстрадиции

Международные соглашения играют ключевую роль в регулировании экстрадиции, создавая правовую основу для взаимодействия государств в сфере правоохранительной деятельности. Эти соглашения определяют условия, процедуры и ограничения экстрадиции, обеспечивая единообразие подходов и баланс между национальным суверенитетом, интересами правосудия и защитой прав человека. В условиях глобализации преступности международные соглашения становятся инструментом, позволяющим государствам эффективно противодействовать транснациональным угрозам, таким как терроризм, организованная преступность, коррупция и киберпреступления. Для понимания роли этих соглашений необходимо рассмотреть их виды, содержание и значение в контексте экстрадиции, а также проанализировать их применение в российской практике[572].

Международные соглашения, регулирующие экстрадицию, можно разделить на несколько категорий в зависимости от их формы, охвата и целей. Основные виды включают:

1. **Многосторонние соглашения.** Эти соглашения заключаются между несколькими государствами и направлены на унификацию процедур экстрадиции. Они устанавливают общие стандарты и принципы, которые применяются всеми участниками. Ключевым примером является Европейская конвенция об экстрадиции 1957 года, принятая под эгидой Совета Европы. Этот документ закрепляет такие принципы, как двойная уголовная ответственность, специальность и запрет выдачи за политические преступления (статья 3). Конвенция также предусматривает возможность отказа в выдаче граждан государства-участника (статья 4) и содержит положения о защите прав человека, что делает ее важным инструментом для европейских государств, включая Россию, которая присоединилась к Конвенции в 2000 году[573].

Другим примером многостороннего соглашения является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года (Палермская конвенция), которая фокусируется на борьбе с такими преступлениями, как торговля людьми, наркотрафик и отмывание денег. Статья 16 Конвенции регулирует экстрадицию, упрощая процедуры для этих категорий преступлений и обязывая государства сотрудничать, даже если между ними отсутствует двусторонний договор. Многосторонние соглашения также включают региональные договоры, такие как Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., действующая в рамках СНГ. Этот документ регулирует экстрадицию между государствами СНГ, включая Россию, и содержит упрощенные процедуры для выдачи лиц[574].

2. **Двусторонние соглашения.** Эти соглашения заключаются между двумя государствами и регулируют экстрадицию на основе взаимных интересов. Двусторонние договоры позволяют учитывать специфику национальных правовых систем и политических отношений. Например, Россия имеет двусторонние соглашения об экстрадиции с такими странами, как Китай, Индия, Вьетнам и ряд государств СНГ. Эти договоры часто детализируют процедуры, перечень экстрадируемых преступлений и основания для отказа в выдаче. Например, договор между Россией и Китаем 1995 года устанавливает, что экстрадиция возможна только за преступления, наказуемые лишением свободы на срок не менее одного года, и содержит положения о защите прав обвиняемых.

Двусторонние соглашения имеют преимущество в гибкости, поскольку позволяют государствам учитывать особенности своих правовых систем. Однако их ограничением является зависимость от политических отношений между странами. Например, отсутствие двустороннего договора с некоторыми западными странами затрудняет экстрадицию между Россией и этими государствами, особенно в условиях геополитических конфликтов.

3. **Соглашения в рамках международных организаций.** Некоторые международные организации, такие как Интерпол, не создают собственных договоров об экстрадиции, но их уставы и про-

[572] Гетьман-Павлова И. В. Права человека в международном праве. М. : Норма, 2020. 224 с.
[573] Лукашук И. И. Международное право. М. : Юристъ, 2017. 352 с.
[574] Жданов Ю. Н. История экстрадиции. М. : Юристъ, 2019. 192 с.

цедуры способствуют реализации экстрадиционных соглашений. Например, Устав Интерпола (1956) и его система уведомлений, включая "красные уведомления", облегчают розыск и задержание лиц, подлежащих экстрадиции. Хотя такие уведомления не имеют обязательной силы, они служат важным инструментом для координации между государствами. Россия активно использует механизмы Интерпола для запросов на экстрадицию, хотя в ряде случаев сталкивается с отказами из-за политических мотивов[575].

4. **Соглашения ad hoc.** В случаях, когда между государствами отсутствует двусторонний или многосторонний договор, экстрадиция может осуществляться на основе разовых договоренностей (ad hoc). Такие соглашения заключаются для конкретного случая и требуют детального согласования условий. В российской практике такие договоренности редки, поскольку Россия предпочитает опираться на существующие договоры или национальное законодательство. Однако в исключительных случаях, например при выдаче лиц, разыскиваемых за террористические преступления, могут применяться разовые договоренности[576].

Международные соглашения выполняют несколько ключевых функций в процессе экстрадиции:

1. **Унификация процедур.** Многосторонние соглашения, такие как Европейская конвенция об экстрадиции, создают единые стандарты для государств-участников, что упрощает координацию и снижает вероятность конфликтов из-за различий в национальных законодательствах. Например, статья 2 Конвенции устанавливает минимальный порог наказания для экстрадируемых преступлений (лишение свободы на срок не менее одного года), что обеспечивает единообразие подходов[577].

2. **Обеспечение правовой определенности.** Соглашения четко определяют условия экстрадиции, включая перечень преступлений, основания для отказа и процедурные гарантии. Это снижает риск произвола и обеспечивает предсказуемость для государств и обвиняемых. Например, принцип специальности, закрепленный в большинстве соглашений, гарантирует, что выданное лицо не будет привлечено к ответственности за преступления, не указанные в запросе.

3. **Защита прав человека.** Современные международные соглашения интегрируют принципы защиты прав человека, такие как «non-refoulement». Например, статья 3 Европейской конвенции об экстрадиции запрещает выдачу за политические преступления, а Конвенция ООН против пыток 1984 года требует от государств учитывать риск пыток или жестокого обращения при рассмотрении запросов. Эти положения особенно важны в контексте практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который в делах, таких как *Чахал против Великобритании* (1996), подчеркивал недопустимость выдачи в страны с высоким риском нарушений прав человека[578].

4. **Укрепление международного сотрудничества.** Соглашения способствуют развитию доверия между государствами, что особенно важно в условиях роста транснациональной преступности. Например, Палермская конвенция обязывает государства сотрудничать в борьбе с организованной преступностью, включая упрощение процедур экстрадиции. Это позволяет эффективно противодействовать таким угрозам, как наркотрафик и торговля людьми.

В Российской Федерации международные соглашения об экстрадиции имеют приоритет над национальным законодательством в соответствии со статьей 15 Конституции РФ, которая устанавливает верховенство международных договоров. Основными документами, регулирующими экстрадицию, являются Европейская конвенция об экстрадиции 1957 года, Минская конвенция 1993 года и двусторонние договоры с рядом стран. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ, статьи 460–468) детализирует процедуры экстрадиции, включая порядок рассмотрения запросов, роль Генеральной прокуратуры РФ и судебный контроль.

Однако применение международных соглашений в России сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, статья 61 Конституции РФ запрещает выдачу российских граждан, что противоречит принципу взаимности в некоторых соглашениях. Например, в рамках Европейской конвенции Россия может отказывать в выдаче своих граждан, что иногда приводит к напряженности с другими государствами. Во-вторых, отсутствие двусторонних договоров с некоторыми странами, особенно западными, затрудняет экстрадицию. Например, отсутствие соглашения с США усложняет выдачу лиц, разыскиваемых за экономические преступления. В-третьих, политические факторы могут влиять на решения об экстрадиции, особенно в случаях, когда запросы воспринимаются как политически мотивированные[579].

---

[575] Гетьман-Павлова И. В. Права человека в международном праве. М. : Норма, 2020. 224 с.
[576] Наумов А. В. Международное уголовное право. М. : Юристъ, 2021. 288 с.
[577] Бирюков П. Н. Международное право. М. : Международные отношения, 2020. 256 с.
[578] Наумов А. В. Указ. соч.
[579] Лукашук И. И. Международное право. М. : Юристъ, 2017. 352 с.

Реализация международных соглашений в сфере экстрадиции сталкивается с рядом проблем:

1. **Различия в правовых системах.** Различия между странами общего права (например, США, Великобритания) и континентального права (Россия, Франция) создают коллизии при определении экстрадируемых преступлений. Например, понятие «политическое преступление» может интерпретироваться по-разному, что приводит к отказам в выдаче.

2. **Политические мотивы.** Геополитические конфликты могут препятствовать выполнению соглашений. Например, Россия неоднократно отклоняла запросы на экстрадицию из стран Запада, ссылаясь на политические мотивы, что подрывает доверие к международному сотрудничеству.

3. **Защита прав человека.** Соблюдение принципа «non-refoulement» требует тщательной оценки ситуации в запрашивающем государстве. В России это создает сложности, поскольку Генеральная прокуратура и суды не всегда имеют доступ к достоверной информации о состоянии прав человека в других странах. Например, дела, рассмотренные ЕСПЧ, такие как *Гараев против Азербайджана* (2010), подчеркивают необходимость более строгого контроля за соблюдением прав человека при экстрадиции.

4. **Бюрократические препятствия.** Длительные процедуры рассмотрения запросов и необходимость судебного контроля могут замедлять экстрадицию, что противоречит принципу оперативности. В России это особенно заметно в случаях, когда запросы требуют дополнительного перевода документов или проверки.

Международные соглашения об экстрадиции, включая многосторонние, двусторонние и соглашения в рамках международных организаций, формируют правовую основу для сотрудничества государств в борьбе с транснациональной преступностью. Они обеспечивают унификацию процедур, правовую определенность и защиту прав человека, но их реализация сталкивается с вызовами, связанными с различиями в правовых системах, политическими факторами и бюрократическими препятствиями. В России применение этих соглашений осложняется конституционными ограничениями и геополитическими реалиями. Настоящее исследование стремится проанализировать эти аспекты, чтобы предложить рекомендации по совершенствованию процедур экстрадиции и международного сотрудничества в Российской Федерации.

Таким образом, международные соглашения об экстрадиции играют ключевую роль в обеспечении правосудия и борьбе с транснациональной преступностью. Они создают правовую основу для сотрудничества между государствами, обеспечивая унификацию процедур, правовую определенность и защиту прав человека. Однако реализация этих соглашений сталкивается с вызовами, связанными с различиями в правовых системах, политическими факторами и бюрократическими препятствиями. Для повышения эффективности экстрадиции необходимо продолжать работу над совершенствованием международных соглашений и их адаптацией к современным условиям.

Никитин Виктор Игоревич,
соискатель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», зам. руководителя
Раздольненского межрайонного следственного отдела Главного следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополю,
г. Краснодар

Определение обстоятельств, подлежащих доказыванию, как способ противодействия экономической преступности

Создание надежных и эффективных средств противодействия преступности всегда было и остается важной задачей развития любого государства. Указанные средства не могут оставаться статичными и постоянными. Самые разные факторы, имеющие как глобальный характер и содержание, так и ситуативно складывающиеся под воздействием временных, конъюнктурных проблем и трудностей (например, рост определенного вида преступлений) обусловливают динамичное поступательное, а подчас и революционное развитие средств противодействия преступности. Так, например, в ответ на рост экономической преступности, законодатель предусмотрел несколько вариантов составов мошенничества. Закономерным следствием такого решения законодателя в сфере уголовного права выступает необходимость определения уголовно-процессуальных средств, поддерживающих в процессуальном отношении возможности борьбы государства с соответствующими видами преступлений, в частности, совершаемых в экономической сфере.

В российской правовой науке противодействие преступности рассматривается как система средств, применение которых способно обеспечить эффективное сдерживание роста количества преступлений, оказывать положительное воздействие на их динамику и тенденции уровня преступности, как в целом, так и по отдельным ее видам[580]. Этой проблематике в сфере уголовного судопроизводства посвящали свои исследования ведущие ученые-процессуалисты. Например, З. З. Зинатуллин писал: «При всей важности сформулированного в ст. 6 УПК РФ назначения уголовного процесса по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а также по защите личности от незаконного и необоснованного осуждения, ограничения ее прав и свобод, необходимость разрешения стоящих перед уголовным процессом конкретных задач вызывает к жизни уголовно-процессуальную деятельность по раскрытию преступлений, установлению и изобличению виновных в их совершении лиц; такая задача не может не быть первоосновой уголовного процесса, и указание на это должно быть закреплено в УПК РФ»[581]. Отмечая универсальность сформулированного тезиса, подчеркнем важность раскрытия его смысла и содержания в отношении тех уголовных дел, которые касаются преступлений, совершенных в сфере предпринимательской деятельности.

На наш взгляд, важным условием успешности противодействия экономической преступности выступает развитие и синхронизация уголовно-процессуальных средств, позволяющих эффективно устанавливать обстоятельства совершения преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности. Указанное свойство (синхронизации) должно проявляться не только в аспекте взаимосвязи между уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами, но и внутри уголовного судопроизводства, образуя стройную систему элементов, включающих как базовые положения уголовного судопроизводства, так и определяющих особенности производства по отдельным категориям уголовных дел.

В процессуальном аспекте преступления, совершенные в сфере экономической деятельности, возбуждаются и расследуются с определенными особенностями, перечень которых приведен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 В указанный перечень вошли процедуры рассмотрения сообщения о преступлении (чч. 7–9 ст. 144 УПК РФ) и возбуждения уголовного дела (ч. 3 ст. 20, ч. 3 ст. 140 УПК РФ); порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами (ст. 81.1 УПК РФ); применение меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ); производство следственных действий (ч. 4.1. ст. 164, ч. 1 ст. 164.1. УПК РФ); освобождение от уголовной ответственности и прекращение уголовного преследования (ст. 76.1 УК РФ и ст. 28.1 УПК РФ)[582].

Очевидный факт отсутствия указаний на особенности в сфере доказывания становится причиной для научных и правоприменительных вопросов, тем более что и большинство исследователей направляет свои усилия на изучение процедурных особенностей уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей именно в отмеченных Пленумом Верховного Суда РФ позициях[583].

На наш взгляд, доказывание не может не испытывать влияния особенностей, предусмотренных уголовно-правовыми предписаниями (специфика состава преступления), а равным образом и особенностей уголовно-процессуальных формы. И, прежде всего, речь должна идти об специфике определения совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию (формирование предмета доказывания), которая традиционно утверждается в качестве основополагающего элемента всего доказывания[584].

---

[580] Воронин Ю. А., Майоров А. В. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 1. С. 7–16.

[581] Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. УПК РФ 2001 года и проблема надлежащего уголовно-процессуального регулирования : избранные труды : в 2 т. Т. 2. М., 2013. С. 312–314; Зинатуллин З. З. Обзор основных суждений автора по проблемам современного российского уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2018. Т. 28, № 5. С. 695. С. 693–697.

[582] О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 (ред. от 11.06.2020); О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 7 // Российская газета. 2020. 26 июня.

[583] Победкин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права : монография. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 126; Сычев П. Г. Дифференциация российского уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: тенденции и перспективы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022; Головко Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М. : Городец, 2022. 464 с.; Аширбекова М. Т., Попова Л. В. К вопросу о специализации производства по уголовным делам в отношении предпринимателей // Уголовное судопроизводство. 2020. № 4. С. 16–20 и др.

[584] См. об этом, в частности, Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание : учеб. пособие. Ижевск : Изд-во Удмуртского университета, 1993. 178 с.

В соответствии с многочисленными позициями, сформированными в науке уголовного процесса, совокупность обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, выступает универсальной уголовно-процессуальной категорией[585]. Однако как в научном, так и в практическом отношении нельзя не принимать во внимание разнообразие составов преступлений, ситуативную значимость отдельных его элементов для установления обстоятельств совершения отдельных видов и категорий преступлений.

В научных работах отмечается самая разнообразная специфика преступлений в сфере экономической деятельности, которая может выражаться, например, в совершении «завуалированных хозяйственных операции с целью незаконного извлечения материальной выгоды»[586]. Применительно к налоговым преступлениям выделяется такая особенность как преюдициальность судебных актов, вынесенных по итогам обжалования решения налогового органа, и спорное доказательственное значение этого решения[587].

При этом есть мнения о выделении предмета доказывания не только в плане обстоятельств, имеющих отношение к событию преступления и его составу, но и для установления фактов, значимых в процессуальном отношении. Так, утверждается, что предмет доказывания может быть задан ст. 73 УПК РФ, либо он может усматриваться в содержании *процедурных* (здесь и далее курсив мой. – В. Н.) норм, регулирующих процесс доказывания[588]. Эта позиция тем более представляется состоятельной, что законодатель определил несколько форм, например, досудебного и судебного производства (в первой инстанции), когда создаются условия для изменения не только перечня, но и объема предмета доказывания[589].

Есть позиция о том, что при обращении к суду с ходатайством о производстве обыска следователю надлежит более конкретно указывать, с какой целью проводится следственное действие[590]. Или что предмет доказывания зависит от вида и предмета судебного контроля[591].

О возможности выделения самостоятельного предмета доказывания по отдельным процессуальным вопросам, наряду с судебным контролем пишут и другие ученые. Например, «проверка судом соблюдения требований, предъявляемых к форме и содержанию запроса и прилагаемым к нему документам, а также наличие соответствующих форме международного сотрудничества правовых условий образуют самостоятельный предмет доказывания»[592].

Правоприменительная практика подтверждает, что обстоятельства, имеющие значение для решения процессуальных вопросов, могут находиться в сфере доказывания. Так, проведенным анализом состоявшихся процессуальных решений выявлены следующие случаи, когда требуется доказывание отдельных обстоятельств процессуального характера:

– при избрании заключения под стражу подлежат исследованию в судебном заседании конкретные обстоятельства, обосновывающие избрание данной меры пресечения, *доказательства,* подтверждающие наличие этих обстоятельств[593];

– как недостаток судебного решения апелляционная инстанция указала, что «материалы не содержат доказательств, подтверждающих доводы следователя о том, что ФИО1 имеет заграничный паспорт»[594] и т. д.

По уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности процессуальные обстоятельства и способ их установления (доказывание, иной) является существенным для решения очень многих значимых в правовом отношении вопросов. Например, установление факта наличия

---

[585] См., напр.: Основы уголовного судопроизводства : учебник для бакалавров / М. В. Бубчикова, В. А. Давыдов, В. В. Ершов [и др.] ; под ред. В. А. Давыдова, В. В. Ершова. М. : РГУП, 2017. 444 с.; Чурилов Ю. Ю. Уголовно-процессуальный кодекс: самый простой и понятный комментарий. М. : Эксмо, 2019. С. 143.

[586] Пицык Л. А Оценка сложившихся институтов и механизмов привлечения в качестве обвиняемого по делам об экономических преступлениях // Российский следователь. 2006. № 10. С. 9–13.

[587] Шарипова А. Р. Процессуальные особенности уголовного преследования по делам о налоговых преступлениях // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 124.

[588] Плотникова А. В. Проблема универсальности предмета доказывания // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 3 (12). С. 149–153.

[589] См.: Татьянина Л. Г. Некоторые вопросы уголовно-процессуального доказывания по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке судебного разбирательства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3. С. 38–40.

[590] Бородинов В. В. Разрешение судьей производства обыска в жилище: сущность и процессуальные особенности // Общество: политика, экономика, право. 2017. С. 115–118; Клевцов К. К., Квык А. В. Изъятие и осмотр информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств // Законность. 2020. № 12. С. 56–60.

[591] Устинов А. А. Система доказывания при осуществлении судебного контроля за досудебным производством // Российский судья. 2022. № 2. С. 35–40.

[592] Закарян С. А. Постановления, вынесенные по вопросам международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, как иные судебные решения в российском уголовном процессе // Правосудие/Justice. 2024. № 1. С. 130.

[593] Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 апреля 2020 г. № 77-520/2020.

[594] Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 07 декабря 2023 г. по делу № 22-6706/2023.

статуса индивидуального предпринимателя и сферы совершения преступления (в экономической либо иной) определяет возможность применения предусмотренных законом преференций для обвиняемого, а также тех особенностей, о которых упоминает Верховный Суд РФ в своем постановлении № 48. Верховный Суд РФ дал в этой части следующее разъяснение. Обстоятельства, включенные следователем в содержание ходатайств о применении заключения под стражу в отношении индивидуальных предпринимателей или члена органа управления коммерческой организации, суду надлежит проверять с точки зрения конкретности сведений, свидетельствующих о причастности указанных лиц к преступлению, а также на предмет наличия или отсутствия связи между совершенным преступлением и предпринимательской деятельностью. Утверждается, что, если такие сведения отсутствуют, то ходатайство удовлетворению не подлежит[595]. Существенным фактором, на наш взгляд, выступает отсутствие четкости в разъяснениях относительно того, каким именно способом должен суд решать поставленные перед ним задачи. Поскольку проверять их можно посредством доказывания, но также и иных процессуальных методов. Результаты такой проверки имеют существенные отличия с правовой точки зрения: использование средств доказывания позволяет говорить о достоверности (при соблюдении требований, установленных УПК РФ), иные же способы позволяют получить лишь предварительный и приблизительный результат. Подчеркнем, что отсутствие прямых и однозначных разъяснений не позволяет правоприменительной практике выработать единый подход в указанной сфере[596], каждый раз оставляя на усмотрение участников уровень и степень доказанности в том числе весьма существенных обстоятельств.

Разрешение указанного вопроса в практической плоскости осложняется имеющимися научными представлениями о возможных на него ответах. Так, достаточно категоричным и, как представляется, дискуссионным выступает следующее мнение: «Устанавливая круг фактов, которые должны быть познаны по уголовному делу, закон тем самым запрещает познавать уголовно-процессуальными средствами обстоятельства, не указанные в ст. 73 УПК РФ»[597].

Полагаем, что для выработки системы противодействия экономической преступности, придании ей необходимого синхронного качества, необходимы определенные законодательные решения. Учитывая, что в УПК РФ внесены достаточно масштабные дополнения, позволяющие применять в отношении лиц, занятых предпринимательской деятельностью специфическую процессуальную форму для отдельных действий, следует дополнить уголовно-процессуальный закон и положениями, направленными на упорядочивание доказательственной деятельности. Исходным инструментом в сфере доказывания выступает предмет доказывания, что обусловливает конкретизацию к формулировкам обстоятельств, уже входящих в содержание ст. 73 УПК РФ. Например, событие преступления, раскрываемое в п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, как время, место, способ, может быть дополнено указанием на статус причастного к преступлению субъекта – это индивидуальный предприниматель, лицо, осуществляющее организационно-управленческие функции в коммерческой организации, в частности по отдельным категориям преступлений. Установление наличия или отсутствия этого признака имеет важное юридическое значение для подтверждения наличия события указанной категории преступления в целом.

Не менее существенным нам видится расширение объема доказываемых обстоятельств за счет процессуальных по своему характеру фактов (необходимых для принятия процессуальных решений, не имеющих непосредственного отношения к событию преступления).

В этом качестве нам видятся обстоятельства:

– используемые в качестве оснований для применения в отношении лиц, занятых предпринимательской деятельностью, мер процессуального принуждения (включая меры пресечения, наложение ареста на имущество и иные);

– установление которых необходимо для применения особых правил, предусмотренных законом для отдельных категорий уголовных дел, включая те, что затрагивают индивидуальных предпринимателей.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

---

[595] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 27.05.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[596] Апелляционное постановление Московского городского суда от 25 февраля 2025 г. № 10-4008/2025. О продлении срока содержания под стражей. Жалоба отклонена; Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 19 февраля 2025 г. № 22-471/2025 Об избрании меры пресечения. Жалоба удовлетворена.

[597] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2010. С. 278.

1. Доказывание практически применяется не только в случаях, оговоренных уголовно-процессуальным законом, но также и в иных ситуациях, что закономерно требует определения совокупности подлежащих доказыванию обстоятельств для поддержания его целенаправленности, определенности и ясности.

2. Устойчивая и единообразная совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию, выступает действенным уголовно-процессуальным средством по противодействию экономической преступности.

Разживин Александр Сергеевич,
магистрант 3 курса ИПСУБ ФГБОУ ВО «УдГУ».
Научный руководитель: Э. Г. Хомяков, канд. юрид. наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

Концептуальные основы и новая терминология судебной экспертизы металлов и сплавов

Судебная экспертиза металлов и сплавов является важным инструментом установления обстоятельств в рамках уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства. Металлические изделия и конструкции всё чаще становятся объектами экспертного исследования – будь то вопросы подлинности, установление источника происхождения, выявление признаков механического или термического воздействия, а также диагностика причин разрушения. Металлы и сплавы используются в широком спектре промышленных и потребительских продуктов, начиная от автомобильных деталей[598] и заканчивая медицинским оборудованием. Однако, в силу различий в химическом составе, структуре и свойствах материалов, возникает необходимость в высокоточных методах анализа для решения различных вопросов[599].

Однако, несмотря на очевидную практическую значимость, терминологическая база данной области остаётся недостаточно унифицированной. Работы классиков отечественной судебной металлографии – Н. П. Хрусталёва, Л. Я. Митричёва, Л. Я. Драпкина и др. – заложили прочный методологический фундамент, но предложенная ими терминология, разработанная в основном во второй половине XX века, не всегда отвечает вызовам современной экспертизы. В частности, она не учитывает широкое применение современных инструментальных методов (например, рентгенофлуоресцентного анализа, сканирующей электронной микроскопии, лазерной индуцированной пробойной спектроскопии) и не обеспечивает достаточной точности при описании сложных структурных и дефектологических характеристик материалов[600].

Разрозненность терминов, используемых разными экспертными учреждениями и научными школами, приводит к неоднозначности формулировок в экспертных заключениях, затрудняет их взаимопонимание судами, следствием и другими участниками процесса, а также снижает сопоставимость результатов исследований[601]. В условиях растущей потребности в стандартизации экспертной деятельности, в том числе в контексте цифровой трансформации и внедрения автоматизированных рабочих мест экспертов (АРМ), возникает необходимость в обновлении и систематизации терминологического аппарата.

В настоящей статье предложена обновлённая терминологическая модель, охватывающая ключевые этапы судебной экспертизы металлов и сплавов: от идентификации и классификации материалов до описания их микроструктуры, свойств и дефектов. Представленные термины согласованы с современными стандартами металловедения, криминалистики и требованиями нормативно-методических документов в области судебной экспертизы. Цель работы – заложить концептуальные основы для повышения точности, прозрачности и унификации экспертных исследований в данной области.

---

[598] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[599] Белов А. В., Кузнецов В. М. Судебная металлография : учебное пособие. М. : Юнити-Дана, 2018. 256 с.

[600] Попов А. А., Соколов И. Б. Современные методы анализа металлов в судебной экспертизе // Судебная экспертиза. 2021. № 3. С. 45–53.

[601] Иванова Е. С. Проблемы терминологической неопределённости в экспертной практике // Вестник криминалистики. 2020. № 2 (30). С. 33–39.

Современные задачи судебной экспертизы металлов выходят далеко за рамки простого определения марки сплава. Эксперту всё чаще требуется установить:

- происхождение объекта (идентификация);
- условия и причины разрушения (диагностика);
- наличие следов умышленного воздействия (например: подделки, вмешательства, саботажа)[602].

Эти задачи требуют комплексного применения методов: от визуального осмотра и неразрушающего контроля (рентгенофлуоресцентный анализ, ультразвук) до разрушающих исследований (металлография, спектрометрия)[603]. Однако отсутствие терминологии приводит к тому, что один и тот же признак может быть описан по-разному: «структурное несовершенство», «дефект», «аномалия» – без чётких критериев различения.

Кроме того, растёт взаимодействие между промышленным контролем и судебной экспертизой. На заводах активно используются системы неразрушающего контроля, данные которых могут служить основой для экспертного анализа. Однако перевод «производственных» терминов в «экспертный» контекст часто осуществляется интуитивно, что снижает доказательственную ценность заключений[604].

Таким образом, актуальность обновления терминологии обусловлена:

- развитием аналитических методов;
- потребностью в межведомственной и международной совместимости;
- необходимостью цифровизации экспертной деятельности.

Традиционная терминология судебной экспертизы металлов сформировалась в трудах советских и российских специалистов. Н. П. Хрусталёв впервые систематизировал подходы к исследованию следов металлических изделий, Л. Я. Митричёв разработал основы криминалистического материаловедения, а Л. Я. Драпкин обобщил практику экспертизы промышленных материалов[605].

Несмотря на значительный вклад, их терминологическая система имеет ограничения:

- ориентирована на чёрные металлы и устаревшие марки сплавов;
- не учитывает междисциплинарный характер современных исследований;
- отсутствует чёткое разделение идентификационных и диагностических задач.

Более того, в нормативных документах (методических рекомендациях, стандартах) термины часто используются без строгих определений. Например, понятие «дефект» может относиться как к производственному браку, так и к следам криминального воздействия, что вводит в заблуждение[606].

Также отсутствуют термины для описания:

- надёжности данных;
- репрезентативности образца;
- степени достоверности экспертного вывода[607].

Эти пробелы затрудняют как экспертную практику, так и научное обобщение опыта.

В целях преодоления указанных недостатков разработана новая терминологическая модель, включающая базовые понятия, термины этапов исследования, описательные категории и оценочные шкалы.

1. Металловедческий след – совокупность структурных, химических, фазовых и дефектологических признаков металла или сплава, возникших в результате технологической обработки, эксплуатации или внешнего воздействия и имеющих идентификационное или диагностическое значение[608].

2. Экспертный класс сплава – группировка по функционально значимым признакам, достаточным для решения конкретной задачи (например, «высокопрочные алюминиевые сплавы типа Al–Zn–Mg»)[609].

3. Диагностический профиль материала – стандартизированный набор параметров (микроструктура, твёрдость, состав, включения), используемый для сравнительного анализа[610].

4. Технологический след обработки (ТСО) – признаки, указывающие на метод изготовления (ковка, сварка, штамповка)[611].

---

[602] Белов А. В., Кузнецов В. М. Указ. соч.

[603] Попов А. А., Соколов И. Б. Указ. соч. С. 45–53.

[604] Григорьев С. А., Петров В. К. Судебно-техническая экспертиза промышленных изделий. СПб. : ПГУПС, 2019. 212 с.

[605] Драпкин Л. Я. Судебная экспертиза материалов: теория и практика. М. : Юрид. лит., 1979. 224 с.

[606] Ковалёв А. С. Диагностика повреждений металлических конструкций : учебное пособие. М. : Изд-во МИСиС, 2021. 184 с.

[607] Тихонов Е. И. Классификация задач судебной экспертизы: идентификационные и диагностические аспекты // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 88–95.

[608] Орлов А. Б. Методологические основы судебной экспертизы материалов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 5. С. 67–74.

[609] ГОСТ 34346–2017. Металлы и сплавы. Термины и определения структурных составляющих.

[610] ISO/IEC 17025:2017. General requirements for the competence of testing and calibration laboratories.

5. Репрезентативный участок – зона объекта, достоверно отражающая его свойства.

6. Экспертная надёжность данных — степень достоверности результатов, подтверждённая методической валидацией.

7. Предварительная классификация – первичное отнесение к типу сплава по быстрым методам.

8. Идентификационный анализ – установление соответствия объектов.

9. Диагностический анализ – выявление причин и условий формирования признаков.

10. Фазовая неоднородность – отклонение в распределении фаз.

11. Аномальная зернистость – нарушение размера зёрен.

12. Остаточная деформация пластического характера – признаки перегрузки[612].

13. Коррозионный след криминального происхождения – умышленно вызванная коррозия.

14. Сварной след идентификации – признаки для сопоставления сварных швов.

15. Термический след – изменения от температурного воздействия.

16. Механический след разрушения – морфология излома.

17. Металлургический дефект – брак производства.

18. Эксплуатационный дефект – повреждение при использовании.

19. Криминальный дефект – умышленное повреждение.

20. Идентификационный портрет сплава – цифровая модель для сравнения[613].

21. Диагностическая гипотеза – предположение, подлежащее проверке.

22. Неразрушающий профиль – данные без разрушения объекта.

23. Разрушающий профиль – данные после разрушения.

24. Экспертная интерпретационная шкала – градации достоверности вывода: «исключено», «маловероятно», «вероятно», «установлено».

Все предложенные термины имею четкое определение, код в классификаторе и привязку к методикам, что позволяет использовать их в АРМ эксперта-металловеда для построения баз знаний, рекомендательных систем и контроля качества.

Предложенная модель повышает:

- точность – за счёт исключения неопределённых формулировок;
- сопоставимость – между экспертами и учреждениями;
- объективность – через стандартизированные профили и шкалы.

Перспективы внедрения:

- включение в методические рекомендации (ФГБУ «РФЦСЭ», ВНИИСЭ);
- использование в образовательных программах[614];
- интеграция в программное обеспечение АРМ;
- применение в международном экспертном обмене (через совместимость с ISO/IEC 17025).

Обновление терминологического аппарата судебной экспертизы металлов и сплавов – необходимое условие её модернизации. Предложенная модель обеспечивает научную строгость, практическую применимость и готовность к цифровой трансформации. Её внедрение позволит повысить качество, достоверность и доказательственную силу экспертных заключений в условиях современного правоприменения.

---

[611] Лукин А. Н., Смирнов Д. В. Металлография в экспертной практике: от лаборатории к суду // Заводская лаборатория. Диагностика материалов. 2020. Т. 86, № 7. С. 54–61.

[612] Ковалёв А. С. Указ. соч.

[613] Новиков П. В. и др. Информационные технологии в судебной экспертизе: состояние и перспективы // Информационно-правовые технологии. 2024. № 2. С. 101–110.

[614] Романов А. К. Подготовка кадров для судебной экспертизы в области материаловедения // Высшее образование в России. 2022. № 6. С. 73–80.

Сорока Владимир Сергеевич,
аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», помощник судьи Кировского районного суда города Казани Республики Татарстан, г. Казань

Трансформация института доказательств в условиях цифровизации уголовно-процессуального права: теоретико-практический аспект

Фундаментальное переосмысление уголовно-процессуального права в контексте цифровизации общества активно обсуждается в специальной литературе последних лет. Например, С. В. Зуев и А. И. Зазулин предлагают концепцию цифрового УПК, подразумевая под данным термином нормативно-правовой акт, призванный регулировать уголовно-процессуальные отношения в цифровой среде и обеспечивать отправление правосудия с использованием машиночитаемого юридического текста[615]. Авторы выделяют три направления развития цифрового УПК:

1) цифровизация расследования, которая выражается в модернизации существующих следственных действий, введении новых цифровых следственных действий (онлайн-обыск, компьютерное моделирование) и создании новой таксономии следственных действий;

2) цифровая (виртуальная) среда правоприменения, что предполагает создание электронного документооборота, электронных кабинетов для участников процесса, автоматизация процедурных правил;

3) машиночитаемость правовых норм, то есть разработка правовых норм, понятных не только для человека, но и для искусственного интеллекта, что позволит автоматизировать многие процессы.

Частью комплексного авторского подхода к трансформации уголовно-процессуального права в соответствии с требованиями цифровой эпохи является обоснование тезиса о том, что доказательства и доказывание занимают одно из ведущих мест в концепции цифрового УПК, так как воздействие цифровизации затрагивает как материальную (новые виды цифровых доказательств), так и процессуальную составляющую (новые методы их получения и оценки) данной концепции. При этом цифровизация уголовно-процессуальной деятельности должна основываться на ее конфиденциальности, в том числе с позиций обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства[616].

Внимания и дальнейшей разработки заслуживает обстоятельный анализ особенностей уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровизации, выполненный О. А. Зайцевым[617]. «Стремительные процессы цифровизации, – пишет названный автор, – увеличивают риски и угрозы для существующего порядка уголовно-процессуальной деятельности, в силу чего диктуют необходимость поиска новых концептуальных идей и научно обоснованных решений, направленных на дальнейшую трансформацию доказывания обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу»[618].

Так, автор отмечает актуальность обращения к различным технологическим интегрированным платформам, которые способствуют получению необходимых данных в инфраструктуре единого информационного пространства. Использование аналитических и интеллектуальных поисковых систем помогает обнаруживать причинно-следственные и пространственно-временные связи между сопоставляемыми сведениями, получать новые знания об обстоятельствах преступлений и о лицах, их совершивших.

Существующая уголовно-процессуальная форма вступает в противоречие с современными способами получения доказательственной информации. Автор предлагает пересмотреть правила допустимости доказательств, содержащих электронную информацию, в пользу технических гарантий верифицируемости. Электронный документ, аудиозапись, видеозапись и сведения из баз данных должны иметь равнозначный статус с протоколом, представляющим традиционную письменную форму документооборота.

---

[615] Зуев С. В., Зазулин А. И. Цифровой УПК: новая концепция развития права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 67–77.

[616] Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве // Сер. Учебная литература / М-во образования Рос. Федерации, Сыктывк. гос. ун-т. Сыктывкар, 2004; Епихин А. Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 1995; и др.

[617] Зайцев О. А. Особенности уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 8. С. 93–112.

[618] Там же. С. 105.

Автор подчёркивает потребность в более активном внедрении в уголовное судопроизводство именно электронного документооборота. Протокольная форма оформления не в полной мере может охватить объёмы и сложное структурное содержание современных источников компьютерной информации. Преимущества электронного документооборота включают транспарентность, повышение уровня доступности к правосудию, удобство и эффективность взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства без риска потери доказательственной информации.

Наши материалы и наблюдения подтверждают выводы О. А. Зайцева относительно дальнейшей правовой регламентации использования электронных доказательств при доказывании виновности или невиновности лица; расширения круга следственных действий, позволяющих более продуктивно получать доказательственную информацию в электронном формате (например, закрепить возможности проведения онлайн-обыска, допускающего правомерный взлом цифрового устройства); конкретизации компетенции и полномочий каждого из субъектов уголовно-процессуального доказывания относительно возможностей применения информационно-цифровых технологий; недостаточности и несистемности текущих законодательных изменений по вопросам нормативно-правового обеспечения доказывания в условиях цифровизации.

Кроме того, по мнению О. А. Зайцева, искусственный интеллект может и должен использоваться в доказывании для работы с большим массивом информации, анализа разнообразных следственных ситуаций, а также в таких перспективных направлениях, как использование цифрового профиля лица при раскрытии и расследовании преступлений, поиск криминалистически значимой информации в различных базах данных, применение в качестве робота-помощника в ходе производства допроса.

В связи с внедрением технологий искусственного интеллекта автором отмечаются риски, связанные с возможным вторжением в частную жизнь и ограничением прав и свобод человека, и подчёркивает необходимость определения пределов использования искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании.

Завершая предпринятый анализ, О. А. Зайцев пишет, что «происходящая трансформация исследуемого процесса должна не только учитывать неизбежность дальнейшего стремительного внедрения в материю уголовного судопроизводства все более прогрессивных технологий, <...> но и опираться на важнейшие его институты, выработанные теорией доказательств и доказательного права и показавшие свою эффективность на протяжении ряда столетий»[619]. В числе многих других авторов, мы также полностью разделяем это мнение.

Согласно конституционному истолкованию норм УПК РФ о понятии, видах и использовании доказательств, «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части первой статьи 74 определяет доказательства по уголовному делу как любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, предусмотренном данным Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, и других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В пункте 4 части второй той же статьи он выделяет вещественные доказательства – ввиду особой информационной значимости для разрешения дела – в отдельный, самостоятельный источник доказательств, относя к ним в части первой статьи 81 любые предметы: которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления либо сохранили на себе следы преступления; на которые были направлены преступные действия; деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

В силу части второй статьи 81 данного Кодекса такие предметы осматриваются, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу, о чем выносится постановление, а согласно пункту 3 части второй его статьи 82 в отдельных случаях к материалам дела приобщается достаточный для сравнительного исследования образец изъятого из незаконного оборота наркотического средства, психотропного вещества, растения, содержащего наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, или его частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. В соответствии же со статьями 87 и 244 данного Кодекса проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором и судом путём сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в деле, а также путём установления их источников, получения доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое, причём стороны обвинения и защиты наделены равными правами на представление доказательств и участие в их исследовании.

[619] Зайцев О. А. Указ. соч. С. 106.

В судебном разбирательстве доказательства исследуются судом первой и при необходимости апелляционной инстанций в условиях устности и непосредственности и каждое оценивается с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности – с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела (часть первая статьи 88 и статья 240 УПК Российской Федерации). Вещественные доказательства могут быть уникальными с точки зрения важности для конкретного уголовного дела, являться первоначальными доказательствами, на основе которых устанавливается, в том числе посредством специальных исследований, наличие или отсутствие связи лица с преступлением, могут выступать объектом судебной экспертизы, а потому служить незаменимым источником криминалистически значимой информации. Но ни они, ни производные от них доказательства – протоколы осмотра, заключения эксперта – не имеют заранее установленной силы; каждое доказательство, включая вещественные и производные от них, субъект доказывания оценивает по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (статья 17 УПК Российской Федерации).

Будучи взаимосвязаны и взаимообусловлены, первичные вещественные доказательства и доказательства, производные от них, тем не менее не предполагают и не допускают подмену одних другими. Иначе участники уголовного судопроизводства, по сути, лишались бы объективных средств проверки и оценки достоверности самих вещественных доказательств и доказательств, производных от них, а потому и возможности подтвердить или опровергнуть сведения, содержащиеся в протоколах осмотра, устранить сомнения и неясности в заключениях эксперта. И это притом, что с помощью вещественных доказательств достигается высокая степень достоверности исследований, которые проводятся с ними в ходе доказывания и, базируясь на научных методах познания окружающей действительности, в качестве обязательного требования предполагают повторяемость и проверяемость результата»[620].

Таким образом, с точки зрения классического процессуального права доказательства образуют информационный базис, на основе которого осуществляется познавательная деятельность по установлению юридически значимых фактов, а доказывание представлено как регламентированный законом процесс оперирования доказательствами, включающий их собирание, проверку и оценку. Диалектика взаимосвязи данных категорий выражается в том, что доказательства – это содержательная основа, тогда как доказывание – форма процессуальной деятельности.

Шогенов Алан Асланович,
аспирант Московского университета «Синергия»,
г. Москва

Криминалистическое исследование интеллектуальных методов несанкционированных отмыканий механизмов секретностей

Криминалистическое исследование методов несанкционированных отмыканий, как интеллектуальных, так и силовых («вандальных») относится к трасологической судебной экспертизе, в частности к механоскопической судебной трасологической экспертизе (один из разделов трасологии состоящий в изучении производственных механизмов, орудий взлома и инструментов, пломб и запорно-пломбировочных устройств, механических замков)[621].

Под несанкционированным, интеллектуальным методом отмыкания следует понимать отмыкание цилиндрового или сувальдного механизма с помощью технических средств или приспособлений, направленных на изменения положения засова замка из «замкнуто» в положение «отомкнуто». Традиционно такие специальные приспособления для тайного проникновения в жилище именуют отмычками. Однако, конечно, существующие технические приспособления не ограничиваются лишь отмычками, существует множество специальных средств, направленных на такое несанкционированное отмыкание.

[620] По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В. Г. Скотникова : постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2023 г. № 33-П // СЗ РФ. 2023. № 26, ст. 4846.

[621] Трасология и трасологическая экспертиза : учебник / Н. П. Майлис [и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2024. С. 20.

Среди интеллектуальных методов несанкционированных отмыканий можно выделить следующие методы:

1. *Применение отмычек* различных форм и видов (иногда именуются как «клюшки», см. рис. 1, исходя из их форменных особенностей: используются для отмыкания замков различного типа – цилиндровых механизмов, сувальдных блоков секрета, дисковых, рамочных или пластинчатых;

Рис. 1. Отмычки различного конструктивного строения, предназначенные для отмыкания штифтовых и рамочных типов замков.

2. Отмыкание цилиндровых и сувальдных блоков секрета с помощью *самоимпрессиионного метода отмыкания*. Под самоимпрессионным методом отмыкания следует понимать метод воспроизведения кодового механизма с помощью деформируемых элементов или элементов принимающую форму кодового механизма. На сегодняшний день такой метод несанкционированного отмыкания имеет малую степень методической разработанности, а существующие на текущий момент научные работы не охватывают в полной мере все современные возможности самоимпрессионного метода отмыкания, одним из которых является воспроизведение самоимпрессионных отмычек при помощи аддитивных технологий – печати на 3Д-принтере.

Возможности самоимпрессионного метода отмыкания заключаются в его общественной доступности – реализации специальных технических средств для конкретного вида кодовых механизмов и их отмыканий на различных маркетплейсах (см. рис. 2, 3), возможностям обучения такому методу (отмыкание с помощью метода самоимпрессии с помощью представления услуг обучения), а также воспроизведение специальных технических средств за счет аддитивных технологий. В случае необходимых умений у злоумышленника и самодельного изготовления таких средств.

Рис. 2. Самоимпрессионный набор для омыкания цилиндровых механизмов со штифтовым видом задержек, реализуемый на одном из маркетплейсов.

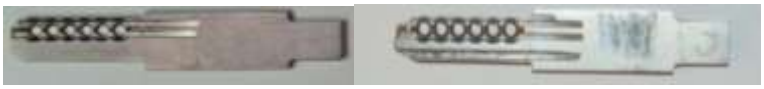

Рис. 3. Самоимпрессионные профили ключевых стержней, используемые для отмыкания конкретных видов штифтовых механизмов, реализуемые в открытом доступе.

3. Отмыкание цилиндровых механизмов с помощью бамп-метода. Такой метод воздействия рассчитан на отмыкание цилиндровых механизмов со штифтовым видом задержек при помощи ударных движений на специальную ключевую заготовку с максимальной глубиной нарезки на его стержне. Отличимостью метода от других методов является способ воздействия на заготовку бамп-ключа – ударное воздействие.

При исследовании такого метода эксперт может обнаружить следующие характерные признаки[622]:

- наличие на головных частях кодовых элементов деформационных участков;
- наличие следов на торцевой (внешней) части цилиндрового механизма – роторе, в виде углублений в нижней части замочной скважины;
- от ударного воздействия торцевой частью стержня ключевой заготовки на боковой поверхности переключателя поводка образуются следы деформации металла линейной формы[623];
- деформация плунжеров цилиндрового механизма.

Вышеупомянутые методы интеллектуальных методов отмыканий направлены на отмыкание механических замков, как цилиндрового, так и сувальдного типа, а также и других механических замков иного конструктивного строения кодового механизма.

Существуют и интеллектуальные методы отмыканий замков электронного типа. На сегодняшний день одним из самых известных таких технических приспособлений является устройство «Flipper Zero» (устройство не рассчитано на отмыкание, однако в умелых руках технического специалиста оно может осуществлять различные задачи). В некоторых европейских государствах такое техническое устройство запрещено на законодательном уровне, в связи с увеличением количества преступлений связанных с угоном транспортных средств.

В случае предоставления механизмов секретностей на трасологическую судебную экспертизу, основополагающей задачей эксперта является разбор цилиндрового механизма без повреждения внутренних кодовых частей и элементов. Согласно рекомендациям ЭКЦ МВД России разбор цилиндровых механизмов осуществляется с помощью демонтажа цилиндрового механизма.

Алгоритм демонтажа цилиндровых механизмов, исходя из рекомендаций, следующий (см. рис. 4):

1) высверливание запаянных каналов цилиндрового механизма (высверливание может происходить с помощью вертикального сверлильного станка, находящегося в расположении экспертно-криминалистических подразделений МВД России или с помощью ручной электрической дрели) (см. рис. 4 отметка 1);

2) извлечение кодовых элементов и запирающих элементов (см. рис. 4 отметка 2);

3) извлечение стопорных колец (см. рис. 4 отметка 3);

4) извлечение ротора цилиндрового механизма (см. рис. 4 отметка 4);

5) после извлечения ротора необходимо его отпилить таким образом, чтобы верхняя и нижняя части были отделены поперек (в сторону поворотного кулачка) для удобства дальнейшего исследования.

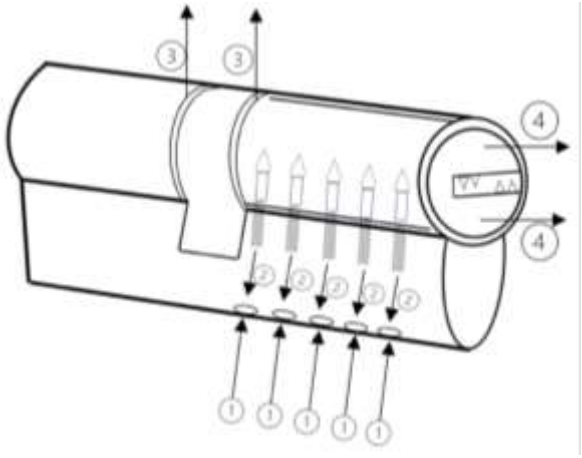

Рис. 4. Алгоритм демонтажа цилиндрового механизма со штифтовым видом задержек.

[622] Черниговский В. Н. Признаки, характеризующие способы отпирания замков различных конструкций при совершении преступлений, и их криминалистическое исследование. 2022. № 2 (59). С. 93–95 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49517463 (дата обращения: 14.10.2025).

[623] Экспертное исследование замков механических : учебное пособие / А. В. Кондаков, Д. Ю. Донцов, А. Г. Монин. Волгоград : ВА МВД России, 2019. С. 57.

Нельзя не отметить и «вандальные» методы несанкционированного отмыкания, которые как правило на тайное проникновение не рассчитаны. Они рассчитаны на преодоление механизма секретности любыми методами физического воздействия. В трасологии такой вид воздействия называют взломом. Среди такого способа воздействия существуют следующие методы:

- выбивание цилиндрового механизма;
- вырезание перфоратором части дверного полотна;
- выжигание газовым резаком замковой зоны;
- высверливание цилиндрового/сувальдного механизма;
- спиливание петель дверей.

Указанный выше перечень не является исчерпывающим, существуют и иные методы взлома, как возможность преодоления преграды для завладения чужим имуществом. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что злоумышленник способен применять несколько методов сразу, как интеллектуальный метод отмыкания взлома + несколько методов взлома (в случае если интеллектуальный метод не был эффективен).

Исходя из всего вышеизложенного необходимо заключить, что существующие на сегодняшний день возможности интеллектуальных методов несанкционированных отмыканий достаточно различны, их возможности велики, что требует большой разработке методов их изучения, направленных на формирование эффективных, апробированных и более совершенных и альтернативных методик трасологических исследований направленных как на диагностическое решение вопроса о выявлении конкретного метода несанкционированного отмыкания по его характерным диагностическим признакам, а также и возможностям идентификационного исследования конкретного специального технического приспособления или группе специальных средств для тайного проникновения, которые мог применить злоумышленник, исходя из механизма следообразования на внутренних кодовых элементах или его частях.

В случае разработки таковых методов при исследовании механизмов секретностей, подверженных несанкционированному интеллектуальному отмыканию, заключение эксперта-трасолога станет неотъемлемым элементом доказательственной базы для раскрытия, расследования и пресечения преступлений против собственности.

Еремина Аделя Ильдусовна,
обучающаяся магистратуры «Судопроизводство в Российской Федерации»
ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

К вопросу о критериях допустимости информации, полученной посредством систем видео-конференц-связи, в уголовном судопроизводстве

В настоящее время информационные технологии стали неотъемлемой частью всех направлений человеческой деятельности. Современные технические средства, благодаря своему стремительному развитию и способности обрабатывать большие объемы информации с высокой скоростью, повлияли на ранее существовавшие общественные отношения и способствовали появлению новых. Эти изменения, безусловно, затронули определенные аспекты отправления правосудия.

В рамках судопроизводства по уголовным, гражданским и другим категориям дел системы видео-конференц-связи (далее – ВКС) становятся все более востребованными. Вызвано это совокупностью обстоятельств.

Во-первых, наличием цифровых технических средств, информационно-технических коммуникаций, способствующих оптимизации действующего порядка рассмотрения и разрешения уголовных дел судами всех инстанций. Во-вторых, существованием объективных факторов, которые могут затруднить участие в судебном процессе. К таковым относятся, в частности, удаленность места жительства участников судопроизводства, их состояние здоровья и другие обстоятельства. Указанные факторы требуют организации надеждой и эффективной связи между участниками процесса и судом. В-третьих, гарантией реализации права каждого на доступ к правосудию[624]. Системы ВКС обеспечи-

[624] Григорьева А. Е., Самсонова С. С. О некоторых направлениях внедрения цифровых технологий в судебное производство по уголовным делам [Электронный ресурс] // Аграрное и земельное право. 2024. № 11 (239). URL: https://cyber-

вают возможность для участников судебного процесса, находящихся в различных регионах страны, участвовать в заседаниях в удалённом режиме, что устраняет необходимость их личного присутствия и способствует сокращению временных и финансовых издержек. Кроме того, системы ВКС способствуют соблюдению фундаментальных принципов уголовного судопроизводства, включая разумный срок по рассмотрению уголовных дел, состязательность сторон, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту.

Проблематика применения систем ВКС в судебной практике стала объектом научного интереса следующих исследователей: Ф. Н. Багаутдинова, С. В. Зуева, Ю. А. Кондюриной, С. И. Кувычкова, А. А. Лейба, Л. Н. Масленниковой, В. И. Решетняк и других.

Отдельным аспектам использования систем ВКС в уголовном судопроизводстве посвятили свои работы: А. Г. Волевоз, Л. В. Головко, А. И. Зазулин, П. У. Кузнецов, А. А. Хайдаров, Д. В. Шинкевич.

В рамках цифровизации уголовного судопроизводства системы ВКС приобретают ключевое значение, обеспечивая возможность удаленного участия сторон в процессуальных действиях, предусмотренных законом. Однако внедрение систем ВКС порождает ряд вопросов, связанных с использованием информации, полученной посредством ВКС, в качестве доказательства и определением критериев её допустимости. Допустимость доказательств является одним из основополагающих свойств доказательств в уголовном процессе, без которого невозможно обеспечить такое важнейшее требование, как законность принимаемых процессуальных решений.

Соблюдение следующих основных критериев является обязательным условием для использования информации, полученной в ходе уголовного судопроизводства с применением систем ВКС:

1. Наличие законных оснований и условий участия в судебном заседании путем использования систем ВКС.

Согласно ст. 241.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[625] к основаниям использования систем ВКС относят несколько аспектов:

во-первых, обращение подсудимого с ходатайством о его участии в судебном заседании путем применения систем ВКС;

во-вторых, обращение стороны с ходатайством или принятие решения судом по собственной инициативе об участии в судебном заседании подсудимого посредством использования систем ВКС, включая случаи, если имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно;

в-третьих, при рассмотрении уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях обращение любой из сторон с ходатайством об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем применения систем ВКС с целью обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства;

в-четвертых, судом должно быть принято решение об участии подсудимого в судебном заседании путем использования систем ВКС.

Условием, обеспечивающим правомерность дистанционного участия подсудимого, является наличие технической возможности для проведения судебного заседания с применением систем ВКС в месте его нахождения. Определение понятия «техническая возможность ВКС» и порядок урегулирования вопросов, связанные с установлением технической возможности закреплены в Регламенте организации применения видео-конференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции, утвержденным приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 года № 401. Кроме того, в качестве дополнительной гарантии реализации прав подозреваемого, участвующего в судебном заседании путем использования систем ВКС, предусмотрено обязательное участие защитника.

Таким образом, применение систем ВКС должно строго соответствовать нормативно-правовым нормам и принципам уголовного судопроизводства, чтобы полученная в режиме ВКС информация имела юридическую силу и была признана судом в качестве допустимого доказательства.

2. Надлежащее оформление протокола судебного заседания, организованного с использованием систем ВКС.

Порядок применения систем ВКС в судебном процессе предусматривает строгое соблюдение установленных процессуальных норм. В соответствии со ст. 259 УПК РФ ведение протокола обяза-

---

leninka.ru/article/n/o-nekotoryh-napravleniyah-vnedreniya-tsifrovyh-tehnologiy-v-sudebnoe-proizvodstvo-po-ugolovnym-delam (дата обращения: 21.10.2025).

[625] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2025).

тельно для каждого судебного заседания. Данное процессуальное требование направлено на обеспечение надлежащей фиксации всех обстоятельств, имеющих место в ходе судебного разбирательства.

Протокол судебного заседания, проведенного посредством систем ВКС, должен содержать сведения о факте проведения заседания с использованием систем ВКС, состав участников судебного заседания с указанием лиц, присутствующих лично и тех, кто участвует удалённо через систем ВКС, обстоятельства удостоверения личности участников, находящихся вне зала суда, проверки их полномочий, а также подтверждение их права участвовать в заседании, информация о видеозаписи и аудиозаписи заседания, а также технические условия проведения судебного заседания, включая параметры качества связи, используемые средства и другие особенности.

В случае возникновения непредвиденных технических сбоев протокол должен содержать данные о характере и продолжительности сбоев. Такой порядок обеспечивает соблюдение прав всех участников судебного процесса, объективность рассмотрения судебного процесса, несмотря на удаленный формат участия, что, в свою очередь, является важным условием для законного проведения судебного разбирательства.

3. Обеспечение надлежащего порядка проведения судебного заседания в режиме видео-конференц-связи.

В соответствии с требованиями уголовного процессуального законодательства судебные заседания в режиме ВКС могут проводиться только при наличии технической и организационной возможности в судах, оснащенных программно-техническими комплексами ВКС.

Под технической возможностью ВКС следует понимать наличие исправного оборудования ВКС, каналов связи достаточной пропускной способности для проведения судебного заседания в режиме ВКС.

Понятие «организационная возможность ВКС» охватывает наличие объективных условий для проведения судебного заседания в режиме ВКС в сроки, предусмотренные законом. К таким условиям относятся, в частности, возможность организации заседания в определенном помещении в пределах рабочего времени с учетом территориальной удаленности участников процесса и иных обстоятельств.

Технические характеристики и соблюдение установленных требований для оборудования ВКС являются определяющими факторами для обеспечения надлежащего качества получаемых данных, что, в свою очередь, обуславливает их допустимость в рамках судебного разбирательства.

Важно рассмотреть, какие технические характеристики и условия должны быть соблюдены, чтобы информация, полученная через системы ВКС, могла быть признана достоверной и допустимой. В силу положений приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 программно-технические комплексы и каналы связи, используемые в судебном заседании, проводимом с применением ВКС, должны обеспечивать надлежащее качество изображения и звука (оптимальный уровень громкости звука, минимальный угловой размер видимости дисплеев телевизоров или шкала соотношения размера диагонали телевизора и глубины зала (помещения ВКС), ведомственную факсимильную связь, 15-минутную бесперебойную работу на источниках резервного питания и т. д.)[626].

Таким образом, несоответствие оборудования установленным стандартам может служить основанием для признания полученной информации посредством систем ВКС недопустимой, что приведет к исключению доказательств из материалов дела.

Подводя итог, необходимо отметить следующее, применение систем ВКС в уголовном судопроизводстве требует неукоснительного соблюдения процессуальных норм и технических требований. Это необходимо для обеспечения юридической значимости полученных данных и их допустимости в качестве доказательств. Дальнейшее развитие законодательной базы в этой сфере является важной задачей для дальнейшей цифровой трансформации уголовного судопроизводства, направленной на повышение эффективности правосудия и соблюдение фундаментальных прав всех участников.

[626] Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 (ред. от 30.12.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

Зуга Оксана Владимировна,
обучающаяся магистратуры «Судопроизводство в Российской Федерации»
Института права, социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «УдГУ».
Научный руководитель: Э. Г. Хомяков, канд. юрид. наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

Актуальные вопросы толкования юридической нормы: взгляд эксперта-лингвиста

До сих пор экспертная и судебная практика по делам, связанным с речевыми деликтами, очень противоречива. Попытаемся понять причины, проанализировав ситуацию на примере юридического понятия *оскорбление*.

С принятием 7 декабря 2011 года Федерального закона № 420-ФЗ статья 130 УК РФ утратила силу, оскорбление стало административным проступком (ст. 5.61. КоАП). Диспозиция оскорбления, которая содержалась в ст. 130 УК РФ и являлась общей нормой об оскорблении, а следовательно, распространялась и на специальные составы УК РФ, перешла в КоАП РФ: оскорбление – унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Как показывает судебная практика, это определение используется при расследовании дел в уголовном процессе и сейчас (ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду», ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», ст. 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего»).

Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении назначается для установления фактов, связанных с содержанием (наличием/отсутствием унизительной оценкой лица) и формой (приличной/неприличной) высказываний.

Согласно Кассационному Определению Верховного Суда РФ от 08.04.2010 № 65-О10-1, неприличной следует считать откровенно циничную, резко противоречащую принятой в обществе манере общения между людьми форму унизительного обращения с человеком[627]. Иными словами, под неприличной формой правоприменитель понимает не любое нарушение нормы, а только то, которое *резко* противоречит норме; является *откровенно циничным*.

Существует несколько лингвистических подходов к определению понятия *неприличная форма*. Государственные судебные эксперты системы МВД вопрос о форме выражения оценки не решают, так как, согласно ведомственной методике, он не входит в их компетенцию: к компетенции эксперта-лингвиста относится определение стилистических и функциональных характеристик средств выражения оценки в вербальном и невербальном компоненте (употребление жаргонной, грубо-просторечной, вульгарной, табуированной лексики, имеющей в том числе пометы в словарях «презрительное», «уничижительное», бранное; использование жестов, обладающих негативными коннотациями и др.).

Лингвистические признаки неприличной формы выражения государственными судебными экспертами системы Минюста определяются нахождением слова за пределами литературного языка и его принадлежностью к некоторым семантическим классам слов. При этом такие признаки, как социальное, должностное положение лица, в адрес которого было произнесено оскорбительное высказывание, и официальность/неофициальность коммуникативной ситуации, не влияют на принятие экспертом решения о наличии/отсутствии у слова/высказывания признаков неприличной формы выражения. Согласно методике, учет данных параметров для квалификации неприличной формы возможен только при оценке высказывания с позиции этики, однако это является прерогативой судебно-следственных органов и не входит в компетенцию лингвиста-эксперта[628].

Негосударственные судебные эксперты понятие трактуют или очень узко (включают только нецензурные слова[629]), или очень широко (включают все слова со словарной пометой *бранное*). Авторы «Цены слова»[630] выделили 8 разрядов оскорбительных слов. Кроме того, некоторые эксперты

[627] Решение Верховного суда : определение № 65-О10-1 от 08.04.2010 Судебная коллегия по уголовным делам, кассация [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://clc.li/KjtoE (дата обращения: 30.10.2025).

[628] Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. С. 51.

[629] Стернин И. А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста // Юрислингвистика. 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://clc.li/xGenQ.

[630] Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М. В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

считают, что форма высказывания зависит от ситуации общения, в которой оно было произнесено: если слово *козел* употребляется в неофициальной обстановке, оно не имеет признаков неприличной формы, поскольку разговорной речи не свойственны жесткие нормы и нарушение этики общения нельзя признать грубым, циничным (ср. выше подход экспертов Минюста).

Очень общая юридическая формулировка, отсутствие единых методик и подходов к решению лингвистической экспертной задачи (применение экспертами-лингвистами кардинально различающихся подходов к понятию *неприличная форма выражения*) приводят к принятию правоприменителем противоположных решений при анализе однотипных коммуникативных ситуаций.

Вынося решение по одной и той же статье (ст. 297 УК РФ), суды приходят к разным выводам, анализируя, с точки зрения государственного судебного эксперта, сопоставимый языковой материал (например, высказывания, содержащие в составе слова *бестолочь* и *дурак*). Оба слова *входят в состав русского литературного языка, поэтому не имеют лингвистических признаков неприличной формы выражения.* Пример 1. Верховный суд[631], дав оценку словам *Полный дурак*; *недалекого ума*, произнесенным одним из участников судебного заседания в адрес другого участника процесса, отменил приговор нижестоящего суда, указав на отсутствие неприличной формы выражения: «следует признать, что указанные выводы суд сделал без учета того, что заявления, умаляющие честь, достоинство и деловую репутацию участника судебного разбирательства сделанные *не в неприличной форме, а в иной форме, не образуют состава преступления*, предусмотренного ст. 297 УК РФ. Пример 2. Правоприменитель, опираясь на данные судебной лингвистической экспертизы, согласно которой слово *бестолочь* является оскорбительным, так как включает в себя ярко выраженное экспрессивно-оценочное значение негативного типа, и в данной ситуации имеет в коммуникативном отношении направленный характер; слово *бестолочь* является резким, недопустимым в официальном публичном общении и в русской лексической стилистике относится к разряду бранных. Поскольку любые бранные слова, использованные в инвективной функции, являются неприличными, и прежде всего в сугубо официальной коммуникативной ситуации, слово *бестолочь* является неприличным. Гражданин М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ[632].

В 2021 году понятие *оскорбление*, по-прежнему описанное только в ст. 5.61. КоАП, было расширено: оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной *или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме*[633] (новая часть нормы выделена нами – О. З.). Теперь трудности понимания юридической нормы возникают и в связи с отсутствием в нормативных документах толкования внесенного дополнения.

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части совершенствования законодательства в сфере защиты чести и достоинства граждан» авторы законопроекта – член Совета Федерации А. А. Турчак и депутат Государственной Думы А. Е. Хинштейн – указали на то, что 1) унижение чести и достоинства человека, особенно посредством СМИ, не обязательно должно выражаться в неприличной форме, 2) действующая редакция статьи 5.61. КоАП РФ не предусматривает ответственности за указанные противоправные действия, совершенные лицом, замещающим государственную или муниципальную должность либо должность государственной или муниципальной службы, в связи с осуществлением своих полномочий (обязанностей), 3) оскорбление может касаться не только другого лица, но и группы лиц[634].

Давая интервью СМИ, А. Е. Хинштейн, обосновывая необходимость нововведения, приводил следующие примеры: «глава Республики Чувашии Михаил Игнатьев заставил прыгать за ключами от машины майора МЧС, который, как дрессированный пудель, пытался у него эти ключи забрать, а тот поднимал руку ещё выше и веселился. Свежая норма должна дать возможность наказывать

---

[631] Решение Верховного суда: Определение № 65-О10-1 от 08.04.2010 Судебная коллегия по уголовным делам, кассация [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://clc.li/KjtoE (дата обращения: 30.10.2025).

[632] Зуга О. В. О статусе слова «Бестолочь» в русском языке и его интерпретации в лингвистике и юриспруденции // Юрислингвистика 2016. № 5. С. 190–199.

[633] Статья 5.61. Оскорбление // Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ : [принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года] (ред. от 04 ноября 2025 года) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: https://clc.li/dZcFV (дата обращения: 15.11.2025).

[634] Хинштейн А. Е., Турчак А. А. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части совершенствования законодательства в сфере защиты чести и достоинства граждан» // Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 954048-7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/954048-7 (дата обращения: 14.11.2025).

и за такие попытки оскорбления»[635]; «Или ситуация, связанная с действиями крымских чиновниц. Так называемые «дамы в шубах» принесли подарки блокадницам, фотографировались в прихожих в норковых шубах, которые очень сильно дисгармонировали со скромным видом обитания женщин-блокадниц»[636]. Акцент делается на введении в норму ответственности за оскорбление для чиновников в связи с осуществлением ими своих должностных обязанностей. Кроме того, из приведенных примеров, казалось бы, следует, что новая формулировка закона вводится и для того, чтобы разграничить вербальное (речевое) и невербальное (неречевое) оскорбление.

Однако следующее разъяснение А. Е. Хинштейна не подтверждает этот вывод. Автор законопроекта указал, что речевое оскорбление существует не только в неприличной, но и в приличной форме; ситуацию необходимо менять: «Сегодня говорить человеку *дурак*, к сожалению, можно. Кроме того, что человек пойдет в суд с иском о защите чести и достоинства. А с точки зрения административного правонарушения, увы, его здесь не будет»[637]. И далее: «Например, обращённое к вам в негативном контексте слово *нищеброд* не является оскорблением. Или, например, известная фраза *Государство не просило вас рожать* также не будет расцениваться как предмет расследования»[638]. «Мы предлагаем эту ситуацию исправить. Русский язык богатый и оскорблять человека, увы, можно не только с помощью обсценной лексики[639].

Возникает вопрос: если наказанию подлежит речевое оскорбление, выраженное в неприличной и в приличной, в вербальной и в невербальной формах, для чего юридическая норма содержит понятие *форма выражения*? С точки зрения русского языка она является излишней. Вопрос о форме выражения становится юридически нерелевантным. Ср.: «Необходимо особо отметить, что, хотя в последней редакции ст. 5.61. КоАП РФ использовано понятие «неприличная форма» <…>, в данном случае постановка вопроса о лингвистических признаках неприличной формы выражения нецелесообразна в связи с несущественностью формы выражения высказывания в данной редакции диспозиции статьи: неприличная форма представлена как одна из противоречащих общепринятым нормам морали и нравственности форм. При этом трудно представить унижение в не противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме[640]. В. О. Кузнецов справедливо, на наш взгляд, говорит о том, что вопрос, связанный с установлением лингвистических признаков неприличной формы выражения, рекомендуется ставить только в случае, если неприличная форма является квалифицирующим признаком правонарушения (ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ; ст. 297, 319, 336 УК РФ)[641]. Иными словами, есть нормы, для которых признак формы выражения является квалифицирующим признаком, а есть такие, в которых оскорбление в любой форме оценивается как речевой деликт.

Анализу этой нормы посвящено постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 01.06.2023, в пункте 17 которого сказано: «Преступление, предусмотренное статьей 319 УК РФ, состоит в публичном *унижении чести и достоинства* представителя власти, затрагивающем его личностные и (или) профессиональные (служебные) качества, совершенном при исполнении или в связи с исполнением потерпевшим своих должностных обязанностей и выраженном *в неприличной или в иной форме, унижающей честь и достоинство* потерпевшего.

Такое оскорбление может быть совершено посредством *публичного высказывания* в адрес потерпевшего *ругательств* либо размещения унижающих потерпевшего сведений в средствах массовой информации или в сети «Интернет» без ограничения доступа к соответствующим сведениям других лиц, а равно *иных публичных действий*, унижающих честь и достоинство потерпевшего (например, срывание форменного головного убора или погон), при условии, что они не причинили физическую боль либо вред его здоровью»[642].

---

[635] Губернатор заставил офицера прыгать, как пуделя: Нюансы нового закона объяснил Хинштейн // Первый русский Царьград [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://clc.li/prPgy (дата обращения: 05.11.2025).

[636] Александр Хинштейн: Представители власти должны нести особую ответственность за оскорбление людей // Межгосударственная телерадиокомпания «Мир» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://clc.li/YouHn (дата обращения: 05.11.2025).

[637] «Сейчас дураком обзывать можно»: Хинштейн о наказании чиновников за оскорбление россиян // Радио Комсомольская правда [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://clc.li/pSFDL (дата обращения: 05.11.2025).

[638] Губернатор заставил офицера прыгать, как пуделя: Нюансы нового закона объяснил Хинштейн…

[639] «Сейчас дураком обзывать можно»: Хинштейн о наказании чиновников за оскорбление россиян…

[640] Кузнецов В. О. Судебная лингвистическая экспертиза : монография. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. С. 205–206.

[641] Кузнецов В. О. Указ. соч. С. 205–206.

[642] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» Режим доступа: https://clc.li/FZiel (дата обращения: 14.11.2025).

Как видим, в первом абзаце постановления приводится юридическая норма, а во втором, полагаем, – ее интерпретация, которая, по нашему мнению, имеет двоякое толкование: 1) такое оскорбление может быть совершено посредством *публичного высказывания* в адрес потерпевшего *ругательств* (то есть в неприличной форме?) либо размещения унижающих потерпевшего сведений в средствах массовой информации или в сети «Интернет» (то есть в приличной форме? Здесь есть отсылка к рассуждениям А. Е. Хинштейна об оскорблении в СМИ?) без ограничения доступа к соответствующим сведениям других лиц, а равно *иных публичных действий*, унижающих честь и достоинство потерпевшего (например, срывание форменного головного убора или погон), при условии, что они не причинили физическую боль либо вред его здоровью (то есть в невербальной форме); 2) такое оскорбление может быть совершено посредством *публичного высказывания* в адрес потерпевшего *ругательств* либо размещения унижающих потерпевшего сведений в средствах массовой информации или в сети «Интернет» без ограничения доступа к соответствующим сведениям других лиц (то есть в неприличной форме? Здесь информация соотносится с первой частью п. 17, в котором говорится об оскорблении в неприличной форме?), а равно *иных публичных действий*, унижающих честь и достоинство потерпевшего (например, срывание форменного головного убора или погон), при условии, что они не причинили физическую боль либо вред его здоровью (то есть в невербальной форме). При первом варианте прочтения нормы признак формы выражения не является квалифицирующим: оскорбление в любой вербальной форме (и в неприличной, и в приличной) подлежит наказанию; а при втором – является: наказанию подлежит только оскорбление, выраженное в неприличной форме.

Двусмысленность этой нормы была отмечена уже в официальном отзыве на законопроект[643]: «Вместе с тем, предлагаемое дополнение части 1 статьи 5.61 КоАП после слов „в неприличной“ словами „или иной унизительной, оскорбляющей общественную нравственность“ имеет неопределенный, оценочный характер и представляется избыточным, поскольку является конкретизацией признака „неприличная форма“». Очевидно, члены правительства, рассмотревшие представленный проект федерального закона, увидели в дополненной формулировке не расширение нормы, а лишь речевую избыточность.

На практике, как и раньше, правоприменитель назначает судебную лингвистическую экспертизу с целью установления формы (неприличной/приличной) выражения унизительной оценки лица по всем категориям дел (гражданским, административным, уголовным); при отсутствующих признаках неприличной формы выражения принимаются противоположные решения, например, о возбуждении/невозбуждении уголовных дел по ст. 297 УК РФ и др.

Таким образом, вопросы необходимости выработки единых подходов к решению экспертных задач; необходимости однозначного определения юридической нормы (так как двусмысленность ведет к отсутствию единства правоприменения); а следовательно, вопросы юридической техники и лингвистической экспертизы законопроектов остаются актуальными. О важности единого применения норм права говорит и Председатель Верховного суда РФ Игорь Краснов: «одна из актуальных проблем, требующих повышенного внимания, – по-прежнему недостаточный уровень единства правоприменения. <…> В конечном итоге единообразная судебная практика формирует правовую культуру всего общества, высокий уровень правосознания, обеспечивает конституционную законность, правопорядок, а следовательно, доверие граждан к закону и государству в целом[644].

[643] Д. Григоренко, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, Руководитель Аппарата Правительства Российской Федерации. Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части совершенствования законодательства в сфере защиты чести и достоинства граждан», вносимый в Государственную Думу депутатом Государственной Думы А. Е. Хинштейном // Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 954048-7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/954048-7 (дата обращения: 14.11.2025).

[644] Интервью Председателя Верховного Суда РФ Игоря Краснова «Российской газете» и информационному агентству ТАСС от 05 ноября 2025 года. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/34833/ (дата обращения: 12.11.2025).

Родькин Юрий Алексеевич,
студент 3 курса магистратуры ИПСУБ ФГБОУ ВО «УдГУ»
Научный руководитель: Д. В. Татьянин, канд. юрид. наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

3D-биопринтинг: этико-правовой аспект

Несмотря на стремительное развитие трёхмерной биопечати как инновационного направления регенеративной медицины и биотехнологий, профессиональное сообщество ещё не пришло к единому мнению по многим биоэтическим аспектам этой технологии. Внедрение биопечати порождает комплекс сложных междисциплинарных проблем, затрагивающих различные области научного знания – от права до философии и биоэтики.

Важное место в исследовании занимают вопросы, связанные с установлением требований к донорам клеточного материала и реципиентам в контексте развития технологий биопринтинга. Эти аспекты требуют тщательной правовой и этической проработки для обеспечения безопасности и эффективности применения новых медицинских технологий.

В настоящее время происходит активное проникновение инновационных технологий во все области человеческой деятельности. Особое место занимает технология трёхмерной печати (3D-печать), которая создаёт существенные вызовы для правовой системы, не успевающей адаптироваться к стремительному технологическому прогрессу. Среди различных направлений 3D-технологий особое значение приобретает 3D-биопринтинг – инновационная методика, находящая широкое применение в медицинской практике и в фармацевтической индустрии. Развитие которой требует тщательной правовой регламентации и этического осмысления.

Особую актуальность приобретает установление чётких требований к донорам клеточного материала и реципиентам в контексте применения биопринтных технологий. Необходимо разработать комплексные правовые механизмы, которые обеспечат безопасность и эффективность использования данных технологий, а также защитят права всех участников процесса.

Развитие 3D-биопринтинга требует не только технического совершенствования, но и создания соответствующей нормативно-правовой базы, учитывающей все аспекты применения данной технологии в медицинской практике. В настоящее время технология 3D-биопринтинга переживает период интенсивного развития. Учёным удалось достичь значительных успехов в создании прототипов различных биологических материалов и структур. Разработаны экспериментальные модели таких жизненно важных тканей и органов, как кожные покровы, хрящевая ткань и костная ткань[645]. Эти достижения открывают новые перспективы для развития регенеративной медицины и трансплантологии.

Технология 3D-биопринтинга демонстрирует впечатляющий потенциал в решении важнейших медицинских задач. Среди её ключевых преимуществ – возможность замены поражённых органов на здоровые аналоги, что открывает новые горизонты в лечении различных заболеваний.

Особенно значимым является потенциал технологии в преодолении острого дефицита донорских органов и тканей для трансплантации. Биопринтинг позволяет создавать функциональные заменители критически важных анатомических структур: костей, хрящевой ткани, кровеносных сосудов, а также жизненно важных внутренних органов, таких как сердце, почки и печень. Внедрение биопринтных технологий в медицинскую практику способно революционизировать хирургическое вмешательство. Массовое производство искусственно созданных органов позволит существенно сократить длительность операций, что критически важно для спасения жизней пациентов, остро нуждающихся в трансплантации органов или тканей. Это особенно актуально в ситуациях, когда каждая минута промедления может стоить человеку жизни[646].

В. Пашков и А. Гаркуша отмечают, что в научном сообществе последние годы ведутся активные дискуссии вокруг регулирования технологии 3D-биопринтинга. Основной фокус обсуждений сосредоточен на поиске баланса между двумя противоположными подходами: разработкой комплексного правового регулирования данной технологии и введением полного запрета на её использование[647].

---

[645] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

[646] Ксенофонтова Д. С. Правовое и биоэтическое изменение коммодификации человеческих, в том числе биопринтных, органов и тканей // Lex russica. 2020. № 9. С. 100–107.

[647] Pashkov V., Harkusha A. 3-D Bioprinting Law Regulation Perspectives // Wiadomosci Lekarskie. 2017. T. LXX. № 3 cz. I. P. 480–482.

Учёные подчёркивают, что научное сообщество стоит перед сложным выбором: с одной стороны, необходимо обеспечить безопасное и эффективное применение инновационных биотехнологий, с другой – предотвратить возможные риски и негативные последствия их неконтролируемого использования.

Подобно другим инновационным биотехнологиям, 3D-биопечать обладает как значительным потенциалом, так и определёнными рисками. Эта двойственность требует всестороннего подхода к решению правовых и этических вопросов, связанных с применением данной технологии.

Важно обеспечить грамотное регулирование сферы биопечати, которое позволит максимально использовать её преимущества для развития медицины и одновременно минимизировать возможные негативные последствия. Только комплексный подход к правовому и этическому осмыслению технологии способен создать надёжную основу для её безопасного и эффективного применения в практической медицине[648].

Многие специалисты относятся к идее правового регулирования биомедицинских технологий с определённой настороженностью, поскольку практикующее медицинское сообщество часто воспринимает подобные инициативы как потенциальное препятствие для развития технологий и попытку государственного контроля над ними. Однако мы убеждены, что главная цель правовой регламентации в этой сфере заключается не в ограничении, а в защите. Правовое регулирование направлено на своевременное предупреждение и пресечение возможных противоправных действий, которые могут возникнуть с внедрением биопринтных технологий. Кроме того, оно помогает выбрать наиболее эффективную модель регулирования возникающих правоотношений.

Стремительное развитие 3D-технологий в медицине обострило необходимость решения сложных биоэтических проблем. Особое внимание уделяется вопросам сохранения человеческой индивидуальности и уважения достоинства личности. Специалисты справедливо отмечают, что применение живых клеток и биоматериалов в процессе 3D-печати порождает множество этических, политических и нормативных вопросов на всех этапах. Это касается происхождения клеток и материалов, их биосовместимости, утилизации отходов производства, долгосрочных последствий применения и многих других аспектов.

Каждый из этих вопросов требует тщательного изучения и выработки соответствующих правовых и этических норм, которые обеспечат безопасное и эффективное развитие технологии в интересах всего общества[649].

Учитывая значительный потенциал технологии биопечати и её перспективное влияние на развитие общества, возникает острая необходимость в тщательном изучении данного направления с позиции этических, правовых и социальных аспектов. Всё чаще звучат призывы к формированию специального направления – «Этики биопечати»[650], что особенно актуально в условиях стремительного развития 3D-биотехнологий. Среди специалистов ведутся дискуссии относительно основополагающих биоэтических принципов, в частности связанных с использованием различных типов клеток – от стволовых до клеток животного происхождения в исследовательских целях[651].

Важно отметить, что решение конкретных биоэтических проблем напрямую зависит от конечной цели применения технологии биопечати. Это может быть создание органных или тканевых конструктов для трансплантации либо проведение научных исследований с использованием клеточного материала человека. Каждое из этих направлений требует особого подхода к этическому регулированию и правовой регламентации, учитывающего специфику и потенциальные последствия применения технологии.

Анализ этико-правовых проблем биопринтинга выявляет ряд существенных вопросов, требующих пристального внимания. Ключевым аспектом является определение функционального назначения биопринтных органов и тканей человека. Безусловно, применение таких технологий оправдано и соответствует основной медицинской функции – лечению, особенно когда речь идёт о спасении или поддержании жизни пациента. Однако внедрение биопринтинга неизбежно порождает новые этические дилеммы. Зарубежные исследователи справедливо отмечают потенциальную опасность изменения отношения людей к собственному здоровью. Возникает риск формирования безответственного поведения: при возможности замены повреждённых органов на биопринтные аналоги,

---

[648] Patuzzo S., Goracci G., Gasperini L., Ciliberti R. et al. 3D Bioprinting Technology: Scientific Aspects and Ethical Issues // Science and Engineering Ethics. 2018. Vol. 24. P. 335–348.

[649] Goddard E., Dodds S. Ethics and Policy for Bioprinting // Methods Mol Biol. 2020. № 2140. P. 43–64.

[650] Vijayavenkataraman S., Lu W. F., & Fuh J. Y. H. (2016). 3D bioprinting – An Ethical, Legal and Social Aspects (ELSA) framework. Bioprinting, 1-2, 11-21.

[651] Gilbert F., O'Connell C. D., Mladenovska T., Dodds S. Print Me an Organ? Ethical and Regulatory Issues Emerging from 3D Bioprinting in Medicine // Science and Engineering Ethics. 2018. № 24 (1). P. 73–91.

у людей может снизиться мотивация к здоровому образу жизни. Появляются вопросы: допустимо ли злоупотреблять вредными привычками, рассчитывая на последующую замену поражённых органов? Подобная ситуация может привести к деградации общества и пересмотру устоявшихся моральных ценностей.

Примером служит система предупреждения о вреде курения: на упаковках сигарет размещают предупреждающие надписи и устрашающие изображения, но это не останавливает от курения. Развитие биопринтинга может привести к противоположным рекламным сообщениям от медицинских организаций, что нивелирует усилия по пропаганде здорового образа жизни.

Таким образом, помимо очевидных преимуществ, технология биопринтинга несёт в себе потенциальные социальные риски, требующие тщательного правового и этического регулирования.

Технология биопринтинга может получить широкое распространение в сфере эстетической медицины, привлекая внимание пластических хирургов, косметологов и специалистов по эстетической коррекции. Существует вероятность её использования для модификации внешности человека с целью повышения привлекательности. Поддерживая позицию И. З. Аюшеевой, следует отметить, что биопринтинг потенциально может быть применён для изменения пола и коррекции формы различных частей тела. При этом действующее законодательство не содержит прямых запретов на подобные вмешательства. Однако необходимо установить определённые правовые ограничения на использование данной технологии. Главным критерием должно стать отсутствие угрозы для других лиц и нарушение их законных интересов.

Особую озабоченность вызывают потенциальные риски создания биопринтных органов, которые могут быть использованы: в качестве оружия; для получения нечестного преимущества в спорте; для создания нездоровой конкуренции в определённых профессиональных сферах.

Развитие биопринтинга в области эстетической медицины требует правового регулирования, обеспечивающего баланс между правом индивидуума на самоопределение и общественной безопасностью[652].

Внедрение технологии биопринтинга порождает серьёзные правовые вопросы, связанные с определением статуса биопринтера как медицинского изделия. Существующее законодательство, в частности статья 38 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[653], не предусматривает всех функций, которые может выполнять биопринтер, что создаёт правовую неопределённость.

Перед законодателем стоит сложная задача: либо расширить перечень функций медицинских изделий, либо разработать специальный правовой режим для биопринтеров, применяемых в эстетической медицине.

Данная ситуация поднимает глубокие философско-этические проблемы, связанные с коммерциализацией человеческого тела и его частей. Особую актуальность приобретает вопрос о правовом статусе биопринтных органов как товаров, обладающих определённой стоимостью.

Коммерциализация 3D-биопринтинга как разновидности медицинской технологической инновации и доступность технологии для всего населения рассматривается как стимул для продвижения исследований в биопечать, привлекая инвестиции в промышленных масштабах, с ожиданием прибыли. Однако предоставление подобных услуг населению может привести к еще большему расслоению между богатыми и бедными в связи с тем, что на данный момент стоимость коммерческих 3D-биопринтеров, которые продаются от одного медицинского учреждения к другому, составляет от 250 тыс. долларов до 1 млн долларов.

Развитие персонализированной медицины неразрывно связано с технологией биопринтинга, которая предполагает создание органов с учётом индивидуальных особенностей организма пациента. В качестве биологического материала используются собственные клетки пациента, что повышает качество и эффективность лечения. Индивидуальный подход неизбежно влечёт за собой увеличение стоимости медицинских услуг по сравнению с традиционной медициной. Возникает необходимость обеспечения экономической доступности процедур биопечати для пациентов с различным уровнем дохода.

Особую значимость приобретает вопрос источника клеточного материала для 3D-биопечати. Клетки являются ключевым компонентом процесса, определяющим успех создания органных и тканевых конструктов.

---

[652] Аюшеева И. З. Проблемы правового регулирования договорных отношений в сфере создания биопринтных человеческих органов [Электронный ресурс] // Lex russica. 2019. № 6. С. 92–99. URL: https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.092-099.

[653] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон № 323-ФЗ от 21.11.2011…

Одним из возможных вариантов являются ксеногенные клетки животного происхождения, использование которых сопряжено с рядом этико-правовых и социальных проблем. Необходимо учитывать религиозные убеждения пациентов, которые могут препятствовать применению клеток определённых видов животных. Применение ксеногенных клеток требует дополнительных мер безопасности из-за потенциального риска передачи инфекционных заболеваний. Требуется проведение углублённых исследований по изучению совместимости клеток животных с человеческим организмом.

Особый интерес представляет вопрос использования клеток животных, например, свиней, для пациентов-мусульман. Возникают серьёзные этические дилеммы при назначении лечения с применением биопринтных материалов животного или эмбрионального происхождения лицам, имеющим религиозные или этические противоречия. Таким образом, развитие биопринтинга требует комплексного подхода, учитывающего не только медицинские и технологические аспекты, но и социально-этические, религиозные и экономические факторы[654].

Учитывая, что для биопечати могут быть использованы различные клетки, в том числе аллогенные или эмбриональные, следует оценить этическую сторону вопроса по поводу забора человеческого материала для проведения эксперимента. Несомненно, важным моментом будет являться судьба человеческой клетки, а именно – каким образом она была получена от донора для производства биопринтного органа и (или) ткани человека. В случае оказания на донора давления или угроз применения насилия, убийства, иного принуждения, следует поставить вопрос о привлечении виновного к уголовной ответственности по ст. 120 УК РФ.

Следует принять во внимание случаи, когда донор не дал информированное согласие на изъятие клеток и (или) ткани для создания биопринтного органа и (или) ткани. Принцип информированного согласия пациента обязательно должен быть соблюден, донору должны быть разъяснены его права и обязанности, права и обязанности медицинского работника, возможные последствия и риски, продолжительность, характер медицинского вмешательства. В связи с этим необходимо правильно оформить документацию для последующих клинических исследований, соблюсти все нормы по получению информированного согласия донора на забор у него клеточного материала.

Учитывая возможности новых цифровых технологий, злоумышленники стали активно использовать 3D-печать в преступных целях. Применяя системы автоматизированного программирования, некоторые субъекты начали использовать возможности печати для производства оружия[655].

В то время как с 3D-биопечатью еще не было связано никакой реальной угрозы безопасности, возросшая доступность средств 3D-биопечати – с точки зрения более дешевого и более доступного оборудования в сочетании с сокращением опыта, необходимого для его использования, – открывает возможность использования технологии для создания биологического оружия и других биологических опасностей. Опасение вызывает здоровье окружающей среды и другие, связанные с безопасностью, этические проблемы.

Биоматериалы, полученные из нечеловеческих организмов, такие как желатин (из свиной кожи) или альгинат (из морских водорослей), могут вызывать иммунологические реакции, заносить возбудителей. Использование живых стволовых клеток в любой биопечатной терапии, даже клеток, полученных от пациента, несет в себе риски, в том числе: образование опухолей, иммунологические реакции, непредсказуемое поведение клеток и пока не известные долгосрочные последствия для здоровья.

Следует отметить, что становление технологии биопринтинга невозможно без проведения доклинических и клинических исследований (экспериментов) на лабораторных животных для определения безопасности данной технологии. Несомненно, к медицинским изделиям применяются более высокие стандарты безопасности, чем к другим потребительским товарам, существуют правила, регулирующие использование живых тканей в лабораториях. Однако их проведение должно быть направлено на минимизацию страданий животных. В связи с чем стоит поддержать мнение авторов, полагающих, что необходимо учитывать этические соображения, связанные с нормативными требованиями, касающимися использования животных, минимизации боли и страданий, обеспечения надлежащего ухода, а также необходимости обоснования использования животных в исследовательских целях[656].

---

[654] Gilbert F., O'Connell C. D., Mladenovska T., Dodds S. Print Me an Organ? Ethical and Regulatory Issues Emerging from 3D Bioprinting in Medicine // Science and Engineering Ethics. 2018. № 24 (1). P. 73–91.

[655] Медведицкова Л. В., Кочерова Л. А., Неупокоева И. А., Нестеренко А. В. Технологии 3D-печати при изготовлении огнестрельного оружия. Проблемы в расследовании преступлений // Закон и право. 2019. № 3. С. 121–124.

[656] Jeremy M. Crook. 3D Bioprinting: Principles and Protocols [Электронный ресурс] // Methods in Molecular Biology. Vol. 2140. URL: https://doi.org/10.1007/978-1-0716-0520-2_1.

Развитие технологии биопечати открывает новые перспективы в области медицинских исследований. В частности, она может существенно сократить необходимость испытаний на лабораторных животных, поскольку появится возможность проводить тестирования новых методик на искусственно созданных клеточных культурах, например, образцах кожи.

Важным аспектом внедрения биопринтинга является вопрос финансирования клинического применения биопечатных органов и тканей. Трансплантация таких органов и клеток будет рассматриваться как высокотехнологичная медицинская услуга. Возникает необходимость определения статуса подобных процедур в системе обязательного медицинского страхования разработки механизмов предоставления квот и льгот для граждан. Особого внимания требуют вопросы, связанные с установлением требований к донорам и реципиентам в сфере биопринтных технологий. Одним из ключевых аспектов является определение возрастных ограничений для участников процесса.

Поскольку органные и тканевые конструкты могут создаваться из собственных клеток пациента, полагаем нецелесообразным устанавливать возрастные ограничения для доноров-реципиентов в случае аутотрансплантации. Однако при использовании донорского материала необходимо законодательно закрепить минимальный возраст донора – 18 лет, требование его дееспособности. Важным условием является получение информированного добровольного согласия человека на изъятие клеточного материала для последующего изготовления биопринтных органов или тканей. Это принципиальный этический и правовой аспект, который должен строго соблюдаться при развитии данной технологии.

Комплексное развитие технологии биопринтинга требует решения широкого спектра этико-правовых вопросов, которые необходимо рассматривать на всех этапах внедрения данной инновации.

Содержание

Бунтов С. Д. Светлой памяти основателей Института права, социального управления и безопасности профессоров З. З. Зинатуллина и М. К. Каминского посвящается ... 3
Татьянина Л. Г. Памяти профессора З. З. Зинатуллина – человека, ученого ... 6
Балакшин В. С. К вопросу о взаимосвязи уголовного процесса и криминалистики ... 7
Гладышева О. В. Риски в уголовном судопроизводстве, формат их проявления и пути преодоления ... 10
Дьяконова О. Г. Нормативное регулирование принудительного назначения и производства судебной экспертизы в отношении живого лица ... 13
Зайцева Е. А. Уголовное судопроизводство в период специальной военной операции: реалии и риски ... 16
Каминский А. М., Кожевникова О. В. Графические символы в коммуникациях преступной субкультуры ... 19
Козубенко Ю. В. Целеполагание в уголовном судопроизводстве России и стран Содружества Независимых Государств ... 23
Малышева О. А. Защита законных интересов потерпевшего в досудебном производстве ... 26
Марковичева Е. В. Отдельные проблемные вопросы оценки судом доказательств, полученных в уголовном процессе с использованием информационных технологий ... 29
Машовец А. О. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в судебном следствии по уголовному делу ... 32
Муратов К. Д. Проблемы экспертно-криминалистического сопровождения вещественных доказательств ... 34
Муратова Н. Г. Идеи профессора З. З. Зинатуллина об обвинении, защите и правосудии ... 37
Пастухов П. С. Цифровая информация в системе средств и методов раскрытия и расследования преступлений ... 40
Подольный Н. А. Системно-деятельностный метод в следственном познании и его значение для оптимизации расследования ... 45
Рябинина Т. К. Основные направления внедрения современных технологий в уголовное судопроизводство ... 48
Семенцов В. А. Задача раскрытия преступления: уголовно-процессуальный аспект ... 50
Толстолуцкий В. Ю. Смена криминалистической парадигмы обусловлена развитием нейронных сетей ... 53
Челышева О. В. Проблемы расширения представлений об объекте и предмете криминалистики ... 55
Чистова Л. Е. Является ли соглашение о сотрудничестве по делам о наркопреступлениях «царицей доказательств»? ... 57
Шаров В. И. Методологические установки криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности ... 61
Ялышев С. А. Размышления о системно-деятельностном подходе при обучении криминалистике ... 64
Бардачевский Р. И. Риски утраты информации при расследовании уголовных дел о коррупционных преступлениях ... 67
Голикова В. В. Судебная бухгалтерская экспертиза как ключевой инструмент в расследовании преступлений, связанных с невыплатой заработной платы ... 70
Жук И. О. Задачи логической структуры деятельности по выявлению и расследованию преступлений (на примере мошенничества экономической направленности) ... 73
Зарипов Ф. Ф. Некоторые вопросы обеспечения безопасности присяжных заседателей ... 75
Крайнова О. А. Потерпевший как субсидиарный субъект уголовного преследования и доказывания по уголовным делам публичного обвинения ... 79
Лагодина Е. И. Нотариус как субъект противодействия преступности: уголовно-процессуальный аспект ... 81
Лошкобанова Я. В. Согласительные процедуры по уголовным делам в отношении предпринимателей ... 84
Лубин С. А. Перспективы развития судебно-бухгалтерской экспертизы по делам, связанным с сокрытием денежных средств, предназначенных для уплаты в бюджет ... 87
Мазуренко П. Н. Положительные и отрицательные аспекты использования современных информационных технологий в адвокатской практике ... 90

Макаревич М. В. Проблемы реализации судьей полномочий по поступившему в суд уголовному делу: приостановление производства в связи с неустановлением местонахождения обвиняемого ... 91
Москвин Е. О. Средства массовой информации как инструмент противодействия судебному следствию ... 95
Ровнейко В. В. Злоупотребление правом на подачу иска как способ совершения мошенничества: уголовно-правовой и гражданско-правовой аспекты ... 97
Романова Г. В. Заключение эксперта в уголовном процессе: проблемы содержания и оценки ... 101
Самарин В. И. Трансграничный розыск и арест имущества, полученного преступным путем: сравнительно-правовой анализ ... 103
Смушкин А. Б. Применение искусственного интеллекта в криминалистической деятельности ... 106
Стяжкина С. А. Использование искусственного интеллекта в сфере профилактики преступности ... 109
Татьянин Д. В. Цифровые доказательства в уголовном процессе России ... 111
Тенсина Е. Ф. Эффективность правового регулирования производства по гражданскому иску по УПК РФ ... 113
Туров С. Ю. Специальные знания и профессиональная компетентность специалиста в уголовном судопроизводстве: соотношение понятий и проблемы правоприменения ... 115
Хомяков Э. Г., Русских Ж. А. Блокчейн-технологии как инструмент обеспечения неизменности цифровых доказательств в уголовном процессе ... 119
Хомяков Э. Г. Современная система криминалистической техники: обзор и перспективы формирования новой отрасли – «криминалистическое исследование и использование беспилотных аппаратов» ... 125
Чебуренков А. А. Преодоление информационных рисков в процессуальной деятельности адвоката-защитника ... 132
Шамсутдинова Р. З. Проблемы и перспективы цифровой трансформации судебной системы Российской Федерации ... 135
Шигуров А. В. Проблемы правового регулирования судебного контроля за производством следственных действий в отношении отдельных категорий лиц (гл. 52 УПК РФ) ... 137
Шишкин С. С. Реализация прав в российском уголовном судопроизводстве юридическим лицом в условиях цифровизации (некоторые аспекты) ... 140
Айзятова Л. Ф. Методологическое значение для расследования выделения классификационной группы «преступные посягательства на права несовершеннолетних» ... 143
Ахатова А. М. Современное понимание «видов посредственных исполнителей», используемых для совершения преступлений в сетевом информационном пространстве ... 146
Гайнетдинов Р. Р. Криминалистические методы выявления и расследования вовлечения малолетних в преступную деятельность: от традиционных подходов к цифровым технологиям ... 150
Мельников С. А. Оценка достоверности показаний несовершеннолетних потерпевших в ходе судебного разбирательства ... 154
Скрипко В. А. Цифровая трансформация криминалистики и судебной экспертизы ... 157
Филеткин П. Д. Значение выделения классификационной группы «преступные посягательства на право на труд» для эффективного расследования ... 160
Бадамшин О. И. Допрос с участием защищаемого лица: отдельные аспекты реализации ... 164
Воробьева Д. В. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершающего неправомерный доступ к компьютерной информации ... 167
Гурьянов Д. И. Правовые коллизии в сфере суррогатного материнства: проблема разграничения с торговлей людьми ... 170
Данчинова М. А. Преступления коррупционной направленности в сфере ЖКХ, анализ судебной практики ... 172
Кропачев И. О. Уголовно-правовые проблемы определения субъекта преступления по ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод» ... 176
Путра А. Н. Виды международных соглашений и их роль в экстрадиции ... 180
Никитин В. И. Определение обстоятельств, подлежащих доказыванию, как способ противодействия экономической преступности ... 182

Разживин А. С. Концептуальные основы и новая терминология судебной экспертизы металлов и сплавов 186
Сорока В. С. Трансформация института доказательств в условиях цифровизации уголовно-процессуального права: теоретико-практический аспект..... 189
Шогенов А. А. Криминалистическое исследование интеллектуальных методов несанкционированных отмыканий механизмов секретностей..... 191
Еремина А. И. К вопросу о критериях допустимости информации, полученной посредством систем видео-конференц-связи, в уголовном судопроизводстве..... 194
Зуга О. В. Актуальные вопросы толкования юридической нормы: взгляд эксперта-лингвиста 197
Родькин Ю. А. 3D-биопринтинг: этико-правовой аспект..... 201

ОПИСАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ИЗДАНИЯ:

Интерфейс электронного издания (в формате pdf) можно условно разделить на 2 части.

Левая навигационная часть (закладки) включает в себя содержание книги с возможностью перехода к тексту соответствующей главы по левому щелчку компьютерной мыши.

Центральная часть отображает содержание текущего раздела. В тексте могут использоваться ссылки, позволяющие более подробно раскрыть содержание некоторых понятий.

МИНИМАЛЬНЫЕ СИСТЕМНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ:

Celeron 1600 Mhz; 128 Мб RAM; Windows XP/7/8 и выше; 8x DVD-ROM; разрешение экрана 1024×768 или выше; программа для просмотра pdf.

СВЕДЕНИЯ О ЛИЦАХ, ОСУЩЕСТВЛЯВШИХ ТЕХНИЧЕСКУЮ ОБРАБОТКУ И ПОДГОТОВКУ МАТЕРИАЛОВ:

Оформление электронного издания : Издательский центр «Удмуртский университет».

Макет и компьютерная верстка: И. А. Бусоргина

Авторская редакция

Подписано к использованию 10.04.2026
Объем электронного издания 3 Мб, тираж 10 экз.
Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4Б, каб. 021
Тел. : +7(3412)263-751 E-mail: editorial@udsu.ru